

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Россия
Комиссия по славянской фразеологии Международного комитета славистов
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Казахстан

ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЫ: ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ СИМВОЛЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДУХОВНОСТИ

Сборник научных трудов по итогам
5-й Международной научной конференции,
посвященной 75-летию Заслуженного деятеля науки
Российской Федерации,
доктора филологических наук, профессора
НИКОЛАЯ ФЁДОРОВИЧА АЛЕФИРЕНКО

(г. Белгород, 17-19 сентября 2021 года)

Белгород
2021

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
Я 41

Печатается по решению редакционно-издательского совета
педагогического института НИУ «БелГУ»

Рецензенты:

М.Б. Нуртазина, доктор филологических наук, профессор
(г. Нур-Султан, Казахстан);

О.Н. Прохорова, доктор филологических наук, профессор (г. Белгород, Россия)

Редакционная коллегия:

Алефиренко Н.Ф., д.ф.н., проф.,

Чумак-Жунь И.И., д.ф.н., проф.,

Ли К.К., к.ф.н.

Составители:

Харченко В.К., д. ф. н., проф., **Ли К.К.**, к.ф.н., **Морщинский В.С.**, к.ф.н.,
Титова А.С., **Медведева А.В.**, **Чересюк П.А.**

**Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной
Я 41 духовности** : сборник научных трудов по итогам 5-й Международной
научной конференции, посвященной 75-летию Заслуженного деятеля
науки Российской Федерации, доктора филологических наук,
профессора Н. Ф. Алефиренко (г. Белгород, 17—19 сентября 2021 года) /
В.К. Харченко, К.К. Ли, В.С. Морщинский, А.С. Титова, А.В. Медведева,
П.А. Чересюк. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2021. – 314 с.

ISBN 978-5-6047446-9-7

Международная научная конференция «Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности» — уже пятое крупное научное мероприятие, проводимое под эгидой научной школы Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Н. Ф. Алефиренко «Когнитивно-семиологическая лингво-культурология».

Организаторы выносят в дискуссионное поле вопросы, касающиеся соотношения понятий «образ» и «языковой образ» в когнитивной науке, лексических средств выражения языкового образа, порождения фразеологического образа и его связи с дискурсом и контекстом, статуса языковых образов в художественном тексте, а также лингводидактической интерпретации языковых образов.

Сборник адресуется лингвистам-исследователям, аспирантам и студентам.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

© НИУ «БелГУ», 2021

ISBN 978-5-6047446-9-7

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ КАК РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ	7
Ж.Б. Бектурова, М.И. Кадеева, А. Сеилханова. ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ.....	7
Ш.К. Жаркынбекова, М.В. Логинова. НАРРАТИВНЫЙ СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО ОБРАЗА	14
Н.А. Илюхина. ПРОЕКЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗА НА ЯЗЫК В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	24
С. В. Ракитина. ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ	32
И.А. Тарасова. КОГНИТИВНЫЕ ПРОЕКЦИИ ОБРАЗА.....	40
Г.В. Токарев. К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА.....	47
И. А. Ярощук, К. В. Гриневич. КРЕОЛИЗОВАННАЯ МЕТАФОРА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	49
Секция 2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ВЫРАЖЕНИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА	53
Бинцзе Сьюй. РОЛЬ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЛИТЕРАТУРА»)	53
Е.С. Данилова, Е.М. Шевченко. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НЬЮ-ЙОРКА И СТОЯЩИЕ ЗА НИМ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ..	59
О.А. Димитриева. <i>ПОФИГИЗМ</i> В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА И ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ).....	64
А.А. Киселёв. ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО СЛОВАРЯ.....	71
С.В. Ковалева. ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ)	76
Е.А. Кошелькова. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА УКРАИНСКИЙ, СЛОВАЦКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ	80

Е.Л. Телицына. ФРЕЙМ КАК СТРУКТУРА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ	87
Секция 3.1. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КАК КАТЕГОРИЯ, ПОРОЖДАЕМАЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНЫМ МЫШЛЕНИЕМ	94
О.Б. Абакумова, Н.В. Кирюхина. ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И АНТИПОСЛОВИЦАХ	94
Т.А. Басова. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	100
Т.В. Гриднева. ОТОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ	107
К.И. Декатова. РОЛЬ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА В ПРОЦЕССЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ ЗНАКОВ КОСВЕННО-ПРОИЗВОДНОЙ НОМИНАЦИИ	114
Г.С. Кривошеев. ТЕМАТИЧЕСКИЙ ФОКУС ПРОЯВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ПАРЕМИЧЕСКОМ ФОНДЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	119
М.М. Мямлин. РОЛЬ ЯВЛЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЛЮБОВЬ И БРАК»)	125
А.С. Паламарчук. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С ОПОРНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ДОМ» НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ...	131
Секция 3.2. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ...	137
А.Д. Бакина, Н.И. Проконина. БИБЛЕЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЕЕ АКТУАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ, АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ.....	137
А.П. Василенко. ОБРАЗНОЕ ОСНОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ДЕМОНИСТРИРУЮЩЕЕ СОПРЯЖЕНИЕ РОДОВ ВОЙСК (НА МАТЕРИАЛЕ ВОЕННОГО ЖАРГОНА).....	144

М.М. Голикова. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КОНЦЕПТА «ВОЙНА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ.....	153
Т.Г. Никитина, Е.И. Роголёва. КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЛОВАРЯ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА	162
Т.Н. Федуленкова, Н.И. Проконина. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ В ДЕЛОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	168
И.Э. Федюнина, Р.Е. Богачёв. ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ МОДИФИКАЦИЙ ОБРАЗНОЙ ОСНОВЫ НА СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	175
Н.В. Шарышова. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ	181
Л.Ф. Щербачук, О.И. Андрейченко. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В СФЕРЕ ИСКУССТВА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА).....	186
Секция 4. ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЫ И ИХ СТАТУС	
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	
В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская. ОБРАЗ КИТАЯ В РУССКОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ	194
Н.С. Болотнова. СЛОВО – ОБРАЗ – КОНЦЕПТ В СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКЕ.....	201
А.А. Буров, Г.П. Бурова, Я.А. Фрикке. КОГНИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗОВОЙ НОМИНАЦИИ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ Б.А. АХМАДУЛИНОЙ)	208
Н.М. Голева, Э.М. Левина, Е.М. Якимова. ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЛИГИОНИМА <i>КРЕСТ</i> В ПОЭЗИИ Т. ОЛЕЙНИКОВОЙ	217
Л.Г. Золотых, Ху Цзэнли, О.Ю. Космачева. РЕАЛЬНОСТЬ И АБСУРДНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗОВ ДАНИИЛА ХАРМСА.....	222
Г.Ю. Мальцева, Д.А. Черемохина. ОБРАЗ СИРЕНИ В БЕЛГОРОДСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	230

В.С. Морщинский. КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОСНОВНОЙ КАНАЛ ПЕРЕДАЧИ САСПЕНСА В РАССКАЗЕ Г.Ф. ЛАВКРАФТА «ЦВЕТ ИЗ ИНОГО МИРА».....	236
Н.П. Невзорова. ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ МЕТАМОРФОЗЫ ЛИЧНОСТИ, В РОМАНЕ ДЭНИЕЛА КИЗА «ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА».....	242
С.В. Петрова, В.А. Черкасов, Д. Шимоник. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ДИНЫ РУБИНОЙ.....	257
О.В. Тищенко, А. Спишьякова. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ТИПЫ ЭКВИВАЛЕНТОВ И КУЛЬТУРЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ).....	263
И. И. Чумак-Жунь, О.О. Акифьева. ЦВЕТООБРАЗ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ПОЭТА: ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЗНАКА И ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ.....	277
Секция 5. ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЫ И ИХ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	283
М.Д. Ваджибов. ЯЗЫК РИТОРИЧЕСКОГО ПОРТФОЛИО ДАГЕСТАНСКОГО СТУДЕНТА.....	283
Н.О. Евсюкова. ОБРАЩЕНИЕ К СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ДИАПАЗОНУ ОБРАЗНОГО РУССКОГО СЛОВА В СЛОВАРНОЙ РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ-ИНОСТРАНЦАМИ.....	293
Т.Ф. Новикова. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ И СИМВОЛЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ШКОЛЕ.....	299
А.Э. Шаповалова. ВОЗМОЖНОСТИ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛОВ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ И ВАРИАНТОВ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «ДОМ»).....	307

**Секция 1. ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ
КАК РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ**

**ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ**

Ж.Б. Бектурова

Казахстан, г. Павлодар, «Торайгыров Университет»
bekturova.z@mail.ru

М.И. Кадеева

Казахстан, г. Шымкент, Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет, kadmi_ru@mail.ru

А. Сеулханова

Казахстан, г. Павлодар, «Торайгыров Университет»

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантического компонента зооморфного кода казахской культуры на примере метафор, встречающихся в печатных изданиях, а также представленных в толковых словарях казахского языка. Зооморфный культурный код создается при помощи зооморфной лексики, которая часто применяется в переносе значения, по-другому – в метафоризации.

Key words: word meaning; zoometaphor; zoomorphic cultural code; metaphor; semantic component.

Значение слова является результатом коллективного языкового сознания, которое формируется с учетом жизнедеятельности носителей языка. Для правильного осмысления значений слова рассматриваются их составные части, т.е. семантические компоненты (далее – СК). Выделение СК значения достигается при компонентном анализе, который мог бы раскрыть перед нами более четкую картину, что в то же время позволит адекватному подбору эквивалентов в исходном – родном языке (Никитин 1997: 16). При этом особые сложности могут вызывать осмысление и перевод переносных значений слов, которые могут включать в себя «культурный код» и служат для обозначения другого нового предмета, явления или накладывают на значение определенные добавочные оттенки.

Код – произвольная система заранее установленных условных знаков или символов. Культурный код, в свою очередь, представляет обширную информацию об окружающем мире конкретного общества, накопленную в течение всей его деятельности. В качестве кодовых знаков мы рассматриваем слова и их значения, в первую очередь переносные, в которых обнаруживаются следы национального опыта.

Интересным для нас является зооморфный культурный код, который охватывает большое поле «смыслов», образовавшихся в результате самого эффективного для человека симбиоза – с

животными. Поэтому метафора нами рассматривается в качестве инструмента, способствующего расшифровке данного культурного кода. Объектом исследования выступают зоометафоры, связанные с домашними животными – собака, кошка, овца, козел, корова, лошадь, имевшими историческое значение в хозяйстве казахов. Предмет исследования – ментальность казахского народа как «способ видения мира вообще» (Воркачев 2013: 8), влияющая на формирование культурных ценностей и смыслов, через призму отношения к животным и акцентирования ими конкретных характеристик. Метафора в таком понимании выступает результатом мыслительных процессов, которые могут опираться на первичные образы, связанные с исследуемыми зоонимами.

Зооморфная лексика как основной компонент зооморфного культурного кода является самой часто применяемой в акте метафоризации, направленной для передачи «цепляющей» информации о человеке, чем обуславливает интерес к изучению зоометафоры и зооморфизмов. Фундаментальной основой каждой зоометафоры является образ животного, который переносится на человека или предмета.

1. Зоометафоры с компонентом *собака «ит»* входит в число «сокровищ казахской культуры» – «Жеті қазына», что может свидетельствовать о ее «постоянном присутствии» в жизни казахов и объясняет наличие многих выражений, возникших на основе сравнения с ней. Но несмотря на то, что собаке отведено место в казахской «сокровищнице», большинство значений зооморфизмов, связанных с собакой, имеют отрицательную коннотацию. В толковом словаре казахского языка *собака «ит»* имеет следующие переносные значения: а) *оңбаған, жауыз* – негодяй. *Не деген тоғышар ит екенін біле алмай-ақ қойдым* (Тиесов); б) *қатар-құрбылардың немесе жасы кіші бала-шағаға өзiмсiнiп зiлсiз айтатын сөзi* – негодник (так «по-свойски» беззлобно называют сверстника или младшего домочадца). В исследуемом материале встречаются зоометафоры: 1) *итқырқылжың* – *Осындай итқырқылжың өмірді өзіне жасап алған* (Тайжан), что переводится как ‘собачиться’; 2) *ит мінез* – *Ит-мінезден» қашан арыламыз?* (Асқар), что описывает ‘скверный характер’; 3) *ауызынан ақ ит кіріп, көк ит шығу* – *Ауыздан ақ ит кіріп, көк ит шығқпағанға не жетсін!* (Қамен), что передает значение – «браниться, сквернословить»; 4) *қызғаныштың қызыл иті* – *Қазақта «қып-қызыл қызғаныш, қызғаныштың қызыл иті» деген сияқты тіркестер бар*, что буквально переводится как «красная собака зависти» и означает ‘сильно завидовать’. Во всех этих метафорах в значении слова *ит* можно выделить сигнификативный компонент «злобный, агрессивный, настроенный к конфликтам», т.е. данным зооморфизмом дополнительно можно обозначить человека-

«склочника». Такое поведение собаки сформировалось в результате ее многолетней службы человеку, а именно при выполнении функции охраны, что предполагало такие действия, как «лаять» при приближении незнакомых, других животных и бросаться «защищать» территорию хозяина. В первых трех примерах это находит свое подтверждение. В словосочетании *қызганыштың қызыл иті* зоометафора усиливает основное значение – ‘зависть’, т.е. значение ‘сильно» (завидовать)’ находит сходство с зоонимом *ит* согласно создаваемым им «шуму, звукам» – громкому лаю, который не позволяет утихнуть отрицательному чувству. Определение *қызыл* (красный), на наш взгляд, употреблено в связи с тем, что оно создает созвучие со словом «*қызганыш*» и не дает смысловой отсылки к породе собак с красным цветом окраски.

2. Зоометафоры с компонентом *кошка* «*мысық*» в Толковых словарях казахского языка выражают следующие значения: а) *мысық дәме* – «болымсыз нәрседен үмітті», что переводится как «надеяться на малость»; б) *мысық көз* – «көзінің қиығы қиғыштау біткен (адам)», что соответствует русскому словосочетанию «кошачьи глаза»; в) *мысық мұрт* – «мұрты мысықтың мұртындай, тікірейген», что также совпадает с русским вариантом «кошачьи усы (торчащие)»; г) *мысық табандады* – «ақырын басып, бұқпантайлады», что означает ‘ходить мелким кошачьим шагом; подкарауливать; преследовать’; д) *мысық тілеу* – «тілеуі жаман, қара ниет», что можно перевести как «плохое намерение, злой умысел». Зоометафоры с компонентом «кошка», которые образуются на основе внешнего сходства, могут иметь нейтральную и негативную оценку в зависимости от контекста. В других случаях, а именно в зоометафорах, описывающих характер человека, преобладает отрицательная коннотация. Это может быть связано с тем, что это животное в хозяйстве у казахов почти не использовалось и не приносило особой пользы. Возможно, по этой же причине в словарях отсутствуют примеры использования зоонима в «наименовании» человека в переносном значении.

3. Зоометафоры с компонентом *овца* «*қой*» в Толковом словаре казахского языка выражают следующие значения: а) *қой көз (көзді)* – большие, красивые карие глаза; б) *қой мойын (мойынды)* – изящная шея как у овцы; в) *қой торы* – смиренная, спокойная ездовая лошадь; г) *қой тіс (тісті)* – мелкие ровные зубы; д) *қой аузынан шөп алмайтын* – безобидный, мирный; е) *қойдан қоңыр (қойдан қоңыр, жылқыдан торы)* – кроткий, очень робкий; ж) *қой үстіне боз торғай жұмыртқалады* – безмятежное, мирное время. Во всех вышеприведенных зоометафорах отмечается положительная коннотация и преобладают значения «мирность и спокойствие». В текстах газет мы встречаем метафору «*қой тас*» – «*Ара-арасында піл сауырындай дөңкііп қой тастар жатыр* (Байәділ), которая

стала «обыденной» и прочно вошла в словарь, передавая эквивалентное значение в русском языке ‘валун; большой округлый камень’. Сравнение в данной метафоре осуществляется по внешней форме «округлость». Вторая зоометафора *қой торы* описывает «смирненного» человека, покорившегося судьбе, обстоятельствам: *Әйтпесе, тәуелсіз елде өмір сүріп отырып-ақ өз ойын ашық айта алмай, біреудің қас-қабағын бағып қана қой торы күн кешіп жатқандар аз емес* (Асан). Зооморфным компонентом *қой* обозначено именно состояние ‘смирненности, покорности’, а слово *торы*, которое имеет в толковом словаре значение ‘окрас лошади’, является субстантивированным прилагательным, под которым в переносном значении понимается человек. Метафорическая параллель проводится по характерному поведению животного в хозяйстве.

4. Зоометафоры с компонентом *коза «ешкі»* в Толковом словаре казахского языка выражают следующие значения: а) *ешкі бас* – маленькая голова; б) *ешкі сақал* – торчащая, жидкая борода; в) *ешкі көздену* – недружелюбно смотреть. В изучаемом материале встречается зооморфизм *серке*, синонимичный зоониму *ешкі*. *Серке* имеет переносное значение ‘авторитетного, уважаемого человека’, что соответствует значению в тексте газеты: *Мұны ұлт серкесі Әлихан Бөкейхан: «Ұлтқа қызмет ету білімнен емес, мінезден» деп бір ауыз сөзбен тамаша түйіндеген*. Происхождение переносного значения связано с «поведением козла»: он идет впереди, и обычно за ним следует стадо. При таком толковании возникает вопрос: почему употребляется именно слово *серке*, а не *ешкі* или *теке* (последнее слово также называет это животное) с учетом того, что значения всех этих слова как бы равнозначны? Слово *ешкі* выступает гиперонимом по отношению к словам *теке* и *серке*, и может рассматриваться как общая сема или архисема для этих слов, так как называет ‘вид домашнего животного’, к которому относятся последние, и может указывать как на самку, так и на самца. При разграничении значений слов *серке* и *теке* в качестве дифференциальной семы выступает «возраст». Так, *серке* является пяти-шестилетним козлом, когда *теке* – более двух лет. А семантический признак «пол» выделяется и в первом, и во втором слове, в том числе это совпадает по СК «мужской пол». В данной зоометафоре отдано предпочтение именно слову *серке*, так как в нем усматривается сигнификативное значение ‘умудренность опытом, пришедший годами’ (Асан).

5. Зоометафоры с компонентом *корова «сыыр»* входит в Толковый словарь казахского языка в составе таких словосочетаний: а) *сыыр сәске* – время, когда доят коров; б) *сыырқұйымшақтану* – что-то длится, не доводится до конца. Последний пример встречаем в описании проводимого ремонта дорог в газете «Egeмен

Qazaqstan»: Бір қарағанда тиімді жоба. Әйтсе де бұл істің сиырқұйымшақтанып, басы дырдай, аяғы қылдай болып кеткендігі өкінішті-ақ (Қамен). В данном контексте значению придается отрицательная оценка. Другая зоометафора – сауын сиыр, предположительно, перешла в казахский язык из русского в значении ‘богатый источник дохода, выгод, которыми можно пользоваться долгое время’ (Толковый словарь Д.Н. Ушакова). Пример: *Өйткені техбайқау біреулер үшін жем-қорлықтың «сауын сиырына» айналып, құрдан-құр миллиондаған пайдаға кенелтіп отыр* (Әбдібек). Еще одна зоометафора связана с самцом «өгіз» и детенышем коровы «бұзау»: *Қытай елінің астанасы Бейжіңдегі ахуал куә. Бейжіңдіктердің аузы-басын тұмшалап, зорға тыныс алатын кездері жиі болып тұрады. Бәріне ауаның ластануы себеп болса керек. Демек, «өгізге туған күн бұзауға» да тууы мүмкін екенін ескергеніміз жөн сияқты* (Құрмет). Толковый словарь выдает значение ‘гигант’ к слову өгіз. В газетной статье сравнили Китай и Казахстан, обозначив их зоонимами өгіз и бұза соответственно. Дифференциальной семой выступает не только значение ‘возраст’, но и ‘сила’. Под *силой* можно выделить сигнификативный компонент «сильная экономика», т.е. одной метафорой передан весь смысл статьи и заключен он в том, что экологическое бедствие является «тяжелой повозкой», которая непосильна даже самому сильному волу, и, возможно, подрастающему теленку придется ее также тянуть, если не предпринять меры заблаговременно. В другой зоометафоре с компонентом өгіз выводится значение ‘убыток, потеря’: *Былай жүрсең өгіз өліп, былай тартсаң арбаң сынаттындай көрінгенмен, бұл шаруаны бәрібір де біржақты етпеске болмайды* (Әбілда). Смысл высказывания заключается в решении вопроса, несмотря на возможные убытки. В следующей метафоре выделяется значение ‘утихомирить’, если забрать «оружие сражения»: *Мықтылардың «мүйізін қаққан» Мұхтархан* (Сүлеймен). Встречается метафора, описывающая красоту глаз животного; это описание реализуется путем сравнения с большими, блестящими глазами *тана* (теленка): *Соңғы жылдары тананың көзіндей жарқырап жататын Қона көлін қаулай өскен қамыс басып кетті* (Байәділ).

6. Зоометафоры с компонентом *лошадь «жылқы»* в переносном значении в казахско-русском словаре иллюстрируются примерами: а) *жылқы мінезді адам* – неподатливый человек; неуживчивый человек; б) *жылқы ішінде аласы* – тот, кто выделяется среди других; особый; в) *жылқының үсті де жел, сүті де жел* – «у лошади и спина, и молоко – ветер», т.е. и на коне, и после кумыса укрепляешь свой дух. В них отмечается как положительная, так и отрицательная коннотация зоометафор с зоолексемой *жылқы*. В текстах казахскоязычных печатных СМИ часто встречаются метафоры,

включающие компонент «лошадь», к примеру, зооморфизм *тарлан* в предложении: *Елуінші-алпысыншы жылдарда туған әдебиетіміздің Мұхтар Әуезов, Сәбит Мұқанов, Ғабит Мүсірепов, Әбділда Тәжібаев, Бауыржан Момышұлы сынды тарландары жол салған сапарнама сүресін одан бергі кезеңдерде орта буын, жас буын қаламгерлері жалғастырып келеді* (Бодаубай) – применяется, на наш взгляд, в соответствии с его первым, используемым в поэтике, значением – ‘старый конь’ и переносным – ‘мэтр, признанный авторитет’. Зоометафору *темір тұлпар* (железный конь), встречающуюся в примере *Аталған қызметтерді пайдалану үшін автокөлік иесі темір тұлпарының суреті мен құжаттарын WhatsApp желісі арқылы жіберсе жеткілікті екен* (Әбдібек) – можно отнести к стертой метафоре в силу того, что она легко вошла в наше «восприятие». Его значение просто, без помощи толковых словарей понимается в соответствии с СК ‘предназначение’.

На основании проведенного анализа исследуемые зоометафоры разделены на три группы: 1) *ситуативный*, т.е. случай порождает «определенный вывод, результат», который ложится в основу зоометафоры (в основном они имеют в своем корне религиозную или символическую интерпретацию); 2) *внешневидовый*, т.е. воспринимаемый по внешнему облику, поведению; 3) *функциональный*, т.е. ключевым становятся выполняемые действия и функции в жизни человека. В казахском языке преобладают одновременно внешневидовый (22) и функциональный типы (16). Редко встречаются зоометафоры ситуативного типа (4) в казахском языке. При этом в казахских зоометафорах можно отметить, почти в равной мере, как отрицательную (41%), так и положительную (32%) коннотации; всего рассмотрено 42 языковые единицы. Ядерные СК выделяются во внешневидовых зоометафорах, в ситуативных и функциональных типах зоометафор мы отмечаем периферийные семы, при этом в последних доминирует ближняя периферия. Так, в казахской культуре ценностными ориентирами выступают понятия «Мир» и «Свобода». В метафорах, создающихся по внешнесходному признаку, отдается предпочтение в передаче положительной оценки животных, которые в понимании представителей данной культуры являются «благородными и значимыми». В целом, домашние животные, которые в казахской культуре имели особую значимость, не образуют резкой отрицательной коннотации. Это связано с таким понятием у казахов, как ‘благодарность’ по отношению ко всему, что приносит пользу для них. В связи с этим в казахском лингвосообществе принято здороваться со словами *Мал, жан аман ба?*, распространено и выражение *Мал қайғысы – жан қайғысы* (Базар). Зоометафоры с компонентом животного имеют отголоски, связанные с архетипом *род* или *возраст*. Так, *ақсақал* (старейшина,

белобородый) выступает символом мудрости в казахской культуре. Компонентный анализ зоометафор выявил казахскую детальность в выборе зоонимов для образной передачи значений, что связано с казахским владением искусством разделывания туши животного, которому способствовал обычай «табак тарту».

Исследование значений, передаваемых с помощью зоометафор, позволило раскрыть часть зооморфного культурного кода, который представляет собой комплекс ассоциаций, релятивно отражающий в сознании с помощью зооморфной лексики определенные сведения о носителях языка, об этносе. Ввиду того, что отображение действительности является перманентным процессом, будет возникать потребность у пользователей языков в «обозначении» новых явлений, которые не всегда будут иметь соответствующее слово в словаре. Поэтому такой подход, на наш взгляд, может внести свой вклад в изучение иностранного языка, которое охватывает вопросы лексикографии, переводоведения, культурологии и др.

Литература

Баранов В.А., Сушенцева М.А., Каналина Н.М. Происхождение и одомашнивание сельскохозяйственных животных и птиц: учеб. пособие. – Казань, 2019. – 54 с.

Воркачев С.Г. Избранные работы по теории лингвокультурного концепта: монография. – Волгоград: Парадигма, 2013. – 167 с.

Казахско-русский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru> (дата обращения: 01.09.2021).

Казахский толковый словарь словопедия // Режим доступа: <http://kaz.slovopedia.com/146/53400/1509037.html> (дата обращения: 01.09.2021).

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Научный центр проблем диалога. – 1997. – 757 с.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова // Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/800438> (дата обращения: 01.09.2021).

ON INTERPRETATION OF A CULTURAL CODE THROUGH THE PRISM OF METAPHORICAL MEANING

Zh. B. Bekturova, M.I. Kadeeva, A. Seilkhanova

Abstract. This research is devoted to the study of the semantic component of the zoomorphic code of Kazakh culture using the example of metaphors found in printed publications, as well as presented in explanatory dictionaries of the Kazakh language. A zoomorphic cultural code is created using zoomorphic vocabulary, which is often used in the transfer of meaning, in other words, in metaphorization.

Key words: word meaning; zoometaphor; zoomorphic cultural code; metaphor; semantic component.

НАРРАТИВНЫЙ СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО ОБРАЗА

Ш.К. Жаркынбекова, М.В. Логинова

Республика Казахстан, г. Нур-Султан, Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева

zharkyn.sh.k@gmail.com

mariatjo@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа нарративов студенческого дискурса. Студенческий нарратив рассматривается как один из жанров в системе сформировавшейся типологии нарративов и соотносится с молодежным видом дискурса. В рамках молодежного (студенческого) дискурса выделены различные типы нарративов (обычные (простые), комические и назидательные). В процессе анализа авторы приходят к выводу о гибкости структуры анализа повествовательных текстов, о разнообразии и возможности выбора ключевых, на их взгляд, категорий, определяющих механизм нарративного подхода с учетом особенностей студенческого дискурса.

В статье использованы тематическая и перформативная модели, в алгоритм которых включен определяющий процесс анализа показатель – «повествовательный мотив». По наблюдениям авторов, одним из мотивов, который является типичным и ключевым во многих нарративах о студенческой жизни, может быть мотив «выбор». Повествовательный мотив «выбор» в нарративах о студенческой жизни может быть эксплицирован различными вариантами предикативной конструкции или может быть репрезентирован событиями, развитие которых определяет тематическую природу рассматриваемого мотива.

Ключевые слова: нарратив, анализ нарратива, дискурс, тематическая модель, перформативная модель, мотив, предикат.

Введение. Все возрастающий интерес к различным исследованиям нарративных текстов отражает, прежде всего, интердисциплинарное состояние современной лингвистики, характеризующейся антропоцентрическим вектором. В свете существующих нарративно-дискурсивных исследований и в фокусе сложившейся триады «текст-дискурс-нарратив» студенческий нарратив рассматривается как многоаспектная лингвистическая категория, объектом изучения которой является конкретная языковая личность.

Теоретическую основу научного поиска составляют труды в области дискурс-анализа (Алефиренко Н.Ф. 2013, Кашкин 2010, Шейгал 2000, Чернявская 2009, и др.), теории нарратива (Андреева 2019, Силантьев 2009, 2004, Тюпа 2001, 2016, Шмид 2003 и др.), методов коммуникативных исследований (Леонтович 2011, Шаховский, Шейгал 2010).

Целью исследования является анализ студенческих повествований, рассматриваемых нами в качестве дискурсивных текстов особой возрастной и социальной группы (студентов). Студенчество как часть социума, характеризующаяся активным

формированием собственных социальных, этнических, политических и идеологических воззрений, представляет собой специфичное культурное явление, отражающееся в образе жизни, менталитете, ценностно-эмоциональном отношении к действительности и традиции. Формирование современного студенческого образа, моделируемого в языке, происходит в стремительно меняющихся условиях социокультурной реальности. Он воплощает в себе идеи, ценности и ориентиры конкретного языкового коллектива, что находит отражение в дискурсе, создаваемом взаимодействием самых разных языковых единиц и экстралингвистических условий их функционирования. Считаем, что обращение к анализу нарративов позволит расширить наши представления о языковом образе студента, глубже понять логику его речеповеденческих тактик, описать паттерны моделирования действительности представителями студенческого языкового коллектива.

Методология исследования. Междисциплинарный характер данного исследования обусловлен многофункциональностью нарративного подхода, который включает: 1) «холистический подход к исследованию текста»; 2) «многоаспектность рассмотрения текста»; 3) «учет последовательности событий»; 4) «внимание к контексту, учет прецедентности и интертекстуальных связей» (Леонтович 2011: 101).

Особенность холистического представления отражает философскую позицию исследуемого явления, суть которого заключается в соотношении части и целого. В этом соотношении целое обладает смыслом, а части целого приобретают смысл лишь как его составляющие. К примеру, студенческий нарратив состоит из структурно-смысловых компонентов, каждый из которых отдельно не несет цельной и законченной смысловой нагрузки. Нарратив как сложная и комплексная категория гуманитарного знания требует особого многопланового подхода, который учитывает не только традиционные связи нарратологии, литературы и лингвистики, но и культурную составляющую, социальный контекст, особенности мыслительного процесса, восприятия и передачи событий, а главное – индивидуальность языковой личности, воплощающей базовые ценности общества.

Бесспорно, значимость любого нарратива заключается в его содержании, но огромную роль в формировании этого содержания играют внешние факторы – «то, что находится за пределами текста: культурные фоновые знания, аллюзии, реминисценции, а также связь с прецедентными текстами» (Леонтович 2011: 102). В каком-то смысле анализ нарративов соприкасается с дискурс-анализом, который применяется при рассмотрении всех типов коммуникации.

За единицу анализа взят письменный нарратив о студенческой жизни (были рассмотрены эпизоды реальных и вымышленных историй, мини-сочинения информантов, нарративные интервью, фрагменты из художественного дискурса).

Источниками иллюстративного материала послужили студенческие газеты высших учебных заведений Казахстана («Free Students», «Білім жарысы», «Kimer Times», «The Phoenix», «Филиада»), художественные произведения казахских и казахстанских писателей, результаты опроса. В эксперименте приняли участие 300 человек разного возраста, за плечами которых был или есть опыт студенческой жизни. В данной работе представлена лишь часть иллюстративного материала, на основе которого проводился анализ нарративов.

Обсуждение и результаты наблюдения

Теоретический подход к описанию нарративного анализа

Большой интерес к нарративу привел к формированию различных концепций, многочисленных теорий исследования нарратива (Анкерсмит 2003, Bruner 1987, Barth 1966, Женетт 1998, Тодоров 1969, Шмид 2003, Тюпа 2001, Алефиренко 2014, и др.). «В отличие от логико-сциентистского подхода, устойчиво ориентированного на знание, своеобразное убеждение, что наука может решить все существующие проблемы, «нарративный» способ познания, закрепляя результаты познавательной деятельности в знаках ассоциативно-образного типа, наделяет мир вариативными смыслами – отмечает известный российский ученый Н. Ф. Алефиренко (Алефиренко 2014: 15). Нарратив рассматривается как «повествовательное произведение любого жанра и любой функциональности... которые излагают историю, в которых изображается событие» (Шмид 2003: 9-10). Особенность нарратива как одной из форм организации текста отсылает нас к дискуссионному вопросу о видо-родовых отношениях нарратива и дискурса (Брокмейер, Харре 2000: 30, Дж. Пир www) и «отсутствующей пока в науке нарративно-дискурсивной теории» (Алефиренко 2014: 14). Мы также считаем, что нарратив является подвидом дискурса. Следовательно, студенческие повествования выделяем как один из жанров в системе сложившейся типологии нарративов (M. Jahn 2000, Barthes 1997, Chatman 1990) и соотносим их с молодежным видом дискурса.

Для описания сущности анализа нарратива следует прежде всего учесть функциональную природу самого нарратива, поскольку функции повествовательных текстов могут влиять и предопределять процесс анализа. Среди большого разнообразия функций выделяют: упорядочивающую, информирующую, убеждающую, развлекающую, отвлекающую внимание, трансформирующую и

темпоральную (Трубина 2002: 103). В контексте данного исследования нами выделены идентификационная (студент как языковая личность идентифицирует себя как яркого представителя студенческого коллектива), дидактическая (студент как член определенного социального слоя старается представить и передать ценностные идеалы), информационная (в каждом повествовании студент передает важную для него информацию), мотивационная (закономерность, или случайность действий студента обусловлены определенными мотивами) и аксиологическая функции (студент, воплощающий ключевые ценности определенного коллектива, действует согласно ценностным установкам). Учитывая функциональные характеристики студенческих повествований, мы рассмотрели несколько моделей анализа нарративов.

Использование синтагматического и парадигматического (Пропп 1928, Леви-Стросс 1972) подходов анализа повествовательных текстов учитывает особенности нарратива как сложного и многофункционального явления. При сочетании таких подходов рассмотрение студенческого нарратива сквозь призму повествовательного мотива позволяет, к примеру, учесть «прагматические черты социальной и культурной контекстуализации текста» и, в тоже время, описать выбор стилистических средств» (Леонтович 2011: 95). В рамках отмеченных подходов используются такие модели анализа нарратива, как тематическая, структурная, интеракционная, перформативная (Riessman 2004). Считаем, что наиболее соответствующими моделями являются тематическая и перформативная.

Тематическая и перформативная модели анализа нарративов были предложены К.К. Рисманом (Riessman 2004). Как правило, тематический анализ ориентирован на определение тем и подтем повествования, которые выявляются на основе поиска соответствующих языковых единиц. В перформативном анализе акцент делается на коммуникативные средства с целью передачи содержания истории (Riessman 2004, Леонтович 2011: 96-97). Как и многие другие методы анализа дискурса, эти модели «не имеют четкого набора техник и процедур» (Леонтович 2011: 97). Исходя из этого мы предлагаем в алгоритм описания тематического и перформативного подходов к изучению нарративов о студенческой жизни внести основной показатель, который будет являться определяющим при анализе нарративных текстов. Исходной категорией в нарративах выбран повествовательный мотив (Силантьев 2004, Тюпа 1996, Неклюдов 2004, Гаспаров 1994).

Тематическая и перформативная модели анализа студенческих повествований

Прагматическое представление повествовательного мотива связано с «дискурсивным характером сюжетного нарратива», и в этом понимании мотив выступает как «коммуникативная основа сюжетного высказывания» (Силантьев 2004: 65). Согласно исследованию В.И. Тюпы (Тюпа 1996), основные положения данной концепции обусловлены идеей предикативности мотива и связаны с теорией актуального членения речевого высказывания (Пражский лингвистический кружок). Предикат (собственно действие) является центром семантической структуры мотива, который (как основа полноценного сюжетного высказывания) содержит не только известное («тема»), но и сообщает о новом («рема»), и «тем самым сдвигает сюжетную ситуацию через новое событие в новую ситуацию» (Силантьев 2018: 72; 2004: 66). С позиции семиотического подхода, сюжетные мотивы, по мнению В. И. Карасика, можно «дифференцировать как топики (повторяющиеся темы), траверсы (пересечения) и триггеры (спусковые крючки) (Карасик 2015: 297).

Рассмотрение мотива «выбора» обусловлено тем, что студенты – это возрастная группа, молодые люди, которые в процессе профессионального и личностного становления находятся в состоянии разрешения определенной дилеммы (как и что выбрать, как поступить?). Необходимость принятия того или иного решения, в зависимости от которого и формируется последовательность действий, создает особенную, наполненную событиями историю, центром которой является студент. Философское понимание «выбора» основывается на моральных принципах и обозначает «самоопределение личности в отношении принципов, решений и действий» (Новейший философский словарь 1999). Как видим, выбор действия всегда зависит от человека, даже если выбор, к примеру, курсов, был сделан не самим обучающимся. В античной философии «выбор» рассматривался как «особый вид произвольности действия», основными признаками которого являются сознательность, противоположность влечению, направленность на то, что зависит от человека (там же).

Рассмотрим обычный (простой) студенческий нарратив:

«Когда дали список вариантов, где можно было бы пройти практику, я выбрала КазМунайГаз (далее КМГ). В первый же день, я почувствовала атмосферу занятых людей. В итоге узнала, что набираться опыта буду в департаменте корпоративного финансирования, чему я очень обрадовалась. Тут меня встретили молодые, высококвалифицированные специалисты в возрасте от 25 до 35 лет. С первого дня они были приветливы ко мне, а я в свою очередь показывала себя в работе. Хотела так же, как и сотрудники, усердно работать и получать похвалы за выполненную работу. Поэтому, с самого начала практики,

получив задания, я основательно взялась за их выполнение. Подобная инициатива с моей стороны оказалась замеченной руководством. Несмотря на то, что моя специальность – Учет и Аудит, в данном департаменте, я приобретаю навыки финансиста. Думаю, одно другому не мешает. А самое главное, у меня появился интерес изучать финансы. Практика в КМГ помогает мне понять, чего я хочу от жизни и кем я хочу стать. Теперь я знаю, чем я хочу заниматься в дальнейшем, а пока пусть это для всех останется секретом...» (студенческая газета «The Phoenix» 2017).

Мотив выбора в повествовании эксплицирован глаголом *выбрала*. В данном повествовательном контексте семантика глагола *выбрать* заключается в конкретизации места практики из множества предложенных вариантов. Семантические признаки лексемы *выбрать* сводятся к возможности и необходимости выбора, при этом действие мыслится как моментальное *я выбрала КазМунайГаз*. В содержании данного нарратива реализуется лексема *выбрала*, которая является темой актуального членения предложения, и поэтому ремой является прямое дополнение (*КазМунайГаз*). Тема-рематическая основа предикативности мотива выбора имеет все необходимые элементы: субъект повествования в личном местоимении первого лица (*я*) и действие, зависящее от него (*выбрала*), предмет, на которое направлен выбор действия, представлен в виде прямого дополнения. Прямое дополнение несет в себе нагрузку еще не известной нам информации.

Из числа множества студентка выбирает место практики именно *КазМунайГаз*. Наименование организации имеет свою богатую историю, статус и определенное отношение (крупнейшая национальная компания, представляющая интересы государства в нефтегазовой отрасли Казахстана). Эта компания не нуждается в характеристике, поэтому последствия мотива выбора представлены в следующей последовательности действий: *в первый же день я почувствовала...; узнала, что набираться опыта буду в департаменте корпоративного финансирования; тут меня встретили...; я в свою очередь показывала себя в работе...* и т.д. Последствия выбора влияют на эмоциональное состояние субъекта. Усилительная частица *же* выступает в качестве смыслового оттенка, а также выражает чувства и отношение говорящего «*в первый ЖЕ день*». На протяжении всего рассказа положительное отношение студентки представлено различными оценочными маркерами: глаголами (*обрадовалась, помогает понять*), прилагательными полной и краткой формы со значением оценки (*высококвалифицированные, приветливы*), наречиями, обозначающими интенсивность проявления действия (*очень*

обрадовалась), наречиями, определяющими характер протекания ситуации (*усердно работать, основательно взялась*), служебными единицами и их сочетаниями (*также, как и; поэтому*). События повествования, действия которого значимы в жизни студентки, имеют пространственно-временное выражение (*тут, теперь, пока*).

Быть замеченным руководством и добиться похвалы опытных сотрудников для практикантки является стимулом для усердной работы наравне со специалистами (*«поэтому с самого начала практики, получив задания, я основательно взялась за их выполнение»*). Похвала в контексте данного события приобретает особую ценность, т.к. это положительный знак для студентки как будущего молодого *«высококвалифицированного»* специалиста.

Кульминационным и поворотным моментом в повествовании является результат выбора: *«А самое главное, у меня появился интерес изучать финансы»*. А конец повествования содержит сюжетный мотив для другой истории (*«Теперь я знаю, чем я хочу заниматься в дальнейшем, а пока пусть это для всех останется секретом...»*).

Как показал анализ данного нарратива, именно период прохождения практики для студентки становится значимым, поворотным и ценным. Формирование практических навыков и переосмысление ценностных установок происходит во время практики. Здесь студентка убеждается в знаниях как интеллектуальной ценности, закладывающих основу для создания образа *«молодого, высококвалифицированного»* специалиста. *Интерес к финансам* становится заключительным и заключающим систему ценностей студентки, поскольку задает траекторию профессионального будущего обучающейся.

Любой выбор индивидуален, обусловлен личными причинами, однако схожесть ситуаций приобретает черты обобщенности, что приводит к типичному проявлению сущности студента. Это делает студенческий образ более узнаваемым. Например, престижность следующей организации (Казакстан Темір Жолы) стало заветным местом для другого студента:

«Одними из критериев выбора именно КТЖ (Казакстан Темір Жолы) были таковы: один из крупнейших работодателей в стране, очень большой штат, большое и красивое здание, удобное месторасположение, помимо этого, КТЖ является национальной компанией, что несомненно есть плюс. Я бы не сказал, что там представлена какая-либо программа обучения или иные условия для практикантов. Мы работаем так же, как и все остальные и ничем не отличаемся, кроме как, что нас отпускают немного пораньше, чем всех остальных сотрудников...<...> («THE PHOENIX, 2017, с. 6).

Перечисляя достоинства выбранной организации, студент-практикант делится реальными впечатлениями от происходящих событий, которые ничем не отличаются от рабочих будней сотрудников, «*кроме как, что нас отпускают немного пораньше*». Однако значимое событие в жизни студента произошло – целенаправленный выбор организации для прохождения практики.

Анализ нарратива тематической группы «выбор места практики» в студенческих повествованиях позволяет не только описать значимые события в жизни студентов, но и выделить особенности закономерности выбора, восприятия этого события и его передачи. Основная причина выбора для современных студентов заключается в престижности организаций. Студенты оценивают свой потенциал с возможностями и масштабами компаний. В процессе развития события, связанного с практикой, начинает складываться представление о связи ожидаемого с реальным: для одних практикантов раскрываются способности и открываются возможности, для других – действительное положение дел становится лишь констатацией фактов.

Среди простых (обычных) повествований существует достаточно большое количество нарративов, в которых мотив «выбор» продиктован высокими идеалами, мыслями не только о себе, а о целом народе. Например, в повествовательном эпизоде художественного произведения «Старая тетрадь» мотивом выбора для главного героя послужило чувство ответственности за будущее своей нации:

«Вначале я хотел стать горным инженером. Я думал, что нет большей радости, чем отыскивать и дарить людям богатства, утаенные природой, вырывать их из глубин гор, из расщелин скал. Но повзрослев, я переменял свой решение. Надо, чтобы не я один, а сотни и тысячи казахов стали инженерами. Но их нужно учить, а кто же их учить будет? Как воплотить в жизнь прекрасную мечту великого казахского поэта-мыслителя Абая Кунанбаева о том, чтобы казахи научились русскому языку и русскому ремеслу? Пусть же исполнится эта мечта, пусть русским книгам выучатся тысячи казахских инженеров. А русскому языку обучу их я. Так определил я цель своей жизни и поступил на русское отделение филологического факультета пединститута» (Нуршаихов 1990: 15).

В рассматриваемом нарративе мотивом выбора главного героя становятся мысли, переживания за будущее своего народа. Следовательно, мотив представлен предикатами мыслительного акта: думал, переменял решение, определил. Использование одной из форм интертекста («*Как воплотить в жизнь прекрасную мечту великого казахского поэта-мыслителя Абая Кунанбаева о том, чтобы казахи научились русскому языку и русскому ремеслу?*»)

свидетельствует о чистоте помыслов героя, создает образ просветителя, миссия которого выходит за рамки личных потребностей. Поступление именно на желаемую специальность является важным событием в жизни молодого человека. В ходе нарративного анализа было установлено, что сделанный выбор носит обоснованный характер. Главный герой образно расписывает, предполагает и определяет основную линию сюжета своей студенческой жизни: учиться русскому языку, стать хорошим специалистом, чтобы с достоинством выполнить свою миссию: «*А русскому языку обучу их я*».

Как следует из проведенного анализа, мотив «выбор» может быть эксплицирован различными вариантами предикативной конструкции, в основе которых находится акциональный глагол «выбрать» и его грамматические формы или действие по значению «выбирать» («выбор»). Среди рассматриваемых предикативных структур часто встречаются формы определения предпочтительного варианта («предпочитаю») или конечный результат выборного процесса («принять решение»). Стоит выделить в качестве вспомогательных компонентов служебные единицы («либо, или, между»), усиливающие кульминационный и значимый моменты в принятии студентом решения и дальнейшего развития его жизненного сценария.

Заключение. Как показало исследование, потенциал анализа нарративных текстов достаточно широк, поэтому использование его в качестве основного подхода изучения студенческих повествований требует, во-первых, уточнения функциональных характеристик студенческого нарратива, во-вторых, включения основного показателя, определяющего процесс анализа (повествовательный мотив), в-третьих, конкретизации определенных подходов и моделей описания анализа нарративов (синтагматический, парадигматический подходы, тематическая и перформативная модели).

При анализе студенческих повествований актуальным становится повествовательный мотив «выбор», сквозь призму которого раскрываются истинные и возможные намерения студента, очерчиваются ценностные ориентиры, определяется система речеповеденческих реакций, которые составляют основу формирования языкового образа представителя студенческого коллектива.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. 6-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 288 с.

Алефиренко Н.Ф. Нарративно-дискурсивные механизмы речевой образности. Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. – Нитра. 2014. – С. 14-44.

- Алефиренко Н.Ф., Голованёва М.А. и др. Текст и дискурс: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 232 с.
- Андреева, В.А. Литературный нарратив: зона формирования смыслов: монография. – Казань: Бук, 2019. – 320 с.
- Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – №3. – С. 29-42.
- Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – Волгоград: Парадигма, 2015. – 432 с.
- Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса. – М.: Восточная книга, 2010. – 152 с.
- Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.
- Новейший философский словарь. – М.: Книжный дом. А.А. Грицанов, 1999. – 1280 с.
- Нуршаихов А. Старая тетрадь. Дым очага: сб. повестей казахских писателей. Пер. с каз. – Алма-Ата: Жазушы, 1990. – 512 с.
- Пропп В.Я. Морфология сказки. – Л., 1928. – 640 с.
- Силантьев И.В. Поэтика мотива. Отв. ред. Е.К. Ромодановская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
- Силантьев И.В. Сюжет и смысл. – М.: Издательский дом «Языки славянской культуры», 2018. – 144 с.
- Студенческая газета «Kimer Times» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kimer.kz/> (дата обращения: 01.09.2021).
- Студенческая газета «The Phoenix» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kazguu.kz/ru/the-phoenix-studencheskaya-gazeta/> (дата обращения: 01.09.2021).
- Трубина Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: материалы к спец. курсу. – Екатеринбург: Изд-во Ур. Ун-та, 2002. – 103 с.
- Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию: научно-учебное пособие для самостоятельной исследовательской работы. – М.: Intrada, 2016. – 145 с.
- Тюпа В.И. Тезисы к проекту словаря мотивов. Дискурс-2'96. – Новосибирск, 1996. – С. 52-55.
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... док. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 440 с.
- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры. 2003. – 312 с.
- Riessman C.K. Narrative Analysis. The Sage Encyclopedia of Social Science Research Methods. Eds. W.S. Levis-Beck, A. Bryman and T.F. Liao. –Thousand Oaks, Calif. Sage, 2004.

NARRATIVE METHOD FOR DESIGNING STUDENT IMAGE

Sh.K. Zharkynbekova, M.V. Loginova

Abstract. The article presents the results of the analysis of student discourse's narratives. Within youth (student) discourse, various types of narratives (ordinary (simple), comic, and instructive) are distinguished. In the process of analysis, the authors come to the conclusion about the flexibility of the structure of the narrative texts' analysis, about the diversity and possibility of choosing the key, in their opinion, categories that determine the mechanism of a narrative approach, taking into account the characteristics of student discourse.

The article uses thematic and performative models, which include the indicator – the «narrative motive» that defines the process of analysis. According to the authors' observations, one of the motives, typical and key in many narratives about student life, could be the motive of «choice». The semantic description of the motivational predicate of choice considers it as a natural, random, justified.

Keywords: narrative, narrative analysis, discourse, thematic model, performative model, motive, predicate.

ПРОЕКЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗА НА ЯЗЫК В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Н.А. Илюхина

Россия, г. Самара, Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королёва
ilnadezhda@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается категория ментального образа (концепта) в его проекции на язык и речь в качестве метафорического образа. Средства номинации образа описываются понятием ассоциативно-семантического поля. Картина функционирования языкового образа рассматривается в трех принципиально разных срезам: образ сквозь призму варьирования (варьирования его ассоциативных связей, лексического и семантического варьирования), образ с точки зрения логики его воспроизведения в виде разных типов концепта (представления, пропозиции и сценария) и с точки зрения функций образа в речи. Рассматривается метафорическое использование образа в номинативной, когнитивной (концептуальной), образной и оценочной функциях.

Ключевые слова: ментальный образ, языковой образ, метафорический образ, функционирование образа, варьирование образа, типы концептов как способов воспроизведения образа, функции метафоры как цели воспроизведения образа.

Предмет внимания – ментальный образ коня-лошади, в его проекции на язык нечетко очерчиваемый границами ассоциативно-семантического поля, включающего лексические и фразеологические единицы.

Целью является анализ функционирования этого образа в качестве метафорического в 3-х срезам для выявления закономерностей воспроизведения образа, которые высвечивают логику обработки, хранения и воспроизведения информации в речи. Речь идет о 1) варьировании ассоциативных связей образа, лексическом и семантическом его варьировании, 2) варьировании когнитивных форм его воспроизведения, соотносимых со структурными разновидностями концептов, и 3) возможностях одного метафорического образа выполнять разные функции.

1. Аспект ассоциативных связей образа – традиционный ракурс исследования при описании образной системы идиостиля, поэтического языка в целом в лингвопоэтике, см., в частности

(Кожевникова 1986). Однако этот ракурс рассмотрения функционирования образа открывает логику его использования в качестве средства номинации, концептуализации разных и среди них – ключевых для этого образа сфер в сознании и в картине мира.

Глубокая укорененность образа коня-лошади в русской культуре и отражающей ее языковой картине мира обуславливает его массовое использование для номинации, интерпретации, концептуализации широкого круга реалий – как конкретно-предметных, так и абстрактных.

Наиболее регулярными ассоциатами образа коня-лошади выступают человек и элементы его внутреннего мира, средства транспорта, социальные процессы и события (революция, инфляция и др.), а также время, жизнь, природные объекты (звезды, река, ветер и др.), животные, птицы и т.д. Эти ассоциативные связи можно дифференцировать на частотные и “разовые”; общеязыковые и поэтизмы; сохраняющие и утратившие семантическую двуплановость. Приведу примеры разнообразных ассоциатов образа коня-лошади: *А ведь были и мы **рысаками!*** (КП); *По левую сторону черным **табуном** густились казаки...* (Шолохов); *...**Эскадрон** моих мыслей шальных...* (Газманов); *Таганка, МХАТ идут в одной **упряжке**, И общая **телега** – **тяжела*** (Высоцкий); *...невиданный **табун** “Мерседесов”, “БМВ” и “Фордов” медленно редел* (КП); *Семеро репортеров **оседлали** мотоциклы и рванулись за ними* (КП); *Наука несетя вперед таким бешеным **аллюром**...* (КП); *Промчится ль ветра буйный **конь*** (Кузмин); *Желтые **поводья** месяц уронил* (Есенин); *Седою **гривой** машет море...* (Гумилев); *Снова Время **ставит ногу в стремя**...* (Егоров); *Вьюга **лошадью** пляшет **буланой*** (Пастернак). Подробнее см. в (Илюхина 2021).

Лексическое варьирование, за неимением времени, оставляю без иллюстраций – оно очевидно из приводимых выше и далее примеров.

Семантическое варьирование образа выражается в том, что в разных высказываниях актуализируется чрезвычайно широкий круг смыслов, составляющих семантическую структуру образа. Наиболее крупнопланово оно представлено вариантами образа, ср.: *скакун, жеребец, мерин, кобыла, иноходец, тяжеловоз, рабочая лошадь, кляча, тройка, коренной, пристяжная, вороной, буланый, саврасый*; разными типовыми ситуациями, компонентом которых является конь: конь и всадник; лошадь и хомут; конь и узда; конь и шоры; конь и путы; лошадь и воз и т.д. В качестве доминантных смыслов следует указать «быстрый», «сильный», «выполняющий работу», «используемый в качестве транспорта», «свободный», «несвободный», «ощущающий тяжесть», «усталый, изнеможенный», в том числе антонимические. Например:

Арабского скакуна горячих кровей из Маршинского [театра] Фаруха Рузиматова подвели годы... (КП); Есть сильная кандидатура – Шахрай, но он столь **строптив**, что слабейшему президенту **в узде** его **не удержат** (КП); Как же вы могли этим пацанам **необузданным** сдать страну без сопротивления? (КП); Но Дуняшка **закусила удила**: она тоже побледнела от негодования... (Шолохов); Долгое время я жил как бы **зашоренный**. Реальной жизни я как бы не видел, а видел ту, спортивную... (КП); **Развожжали** вы, сударь, ваших баб (Сухово-Кобылин); **Поплакала** я да и **потянула воз**, богом мне определенный (Астафьев); А работа... Я привык, я – **рабочая лошадь** (Рязанов); ...Все время сижу в четырех стенах, **понукаю** себя к работе... (Чехов); ... **не идите на поводу** у собственных иллюзий (АиФ).

Семантическое варьирование наблюдается при воспроизведении любого варианта образа. Проиллюстрирую это явление на примере образа **иноходца**, который в разных условиях воплощает смыслы: «особенности хода, воспринимаемые визуально», «затрудненность согласованного движения в паре с обычным конем», «не используемый в повседневной работе», «быстрый»: [Княгиня Друбецкая] **мелкой иноходью** подплыла к духовнику... (Л. Толстой); **Иноходец** (с ходой) в пути не товарищ (Пословица); **День иноходит**, а два со двора не сходит – «о щегольской лошади, негодной в работу» и о «пьянице, весьма исправном, когда трезв» (Даль); **Буйный ветер в пустыне второй властелин. Вот он мчится порывами, точно <...> Дорогой иноходец** восточный (Гумилев). Диапазон варьирования этого образа невозможно очертить: так, в стихотворении В.Высоцкого «Иноходец» возникают многообразные вариации абстрактного смысла «не как все»: «отличающийся нестереотипным поведением», «не принимающий чужой воли», «не прощающий обид» и др., ассоциативно характеризующие человека: **Я скачу, но я скачу иначе** – По камням, по лужам, по росе. Бег мой назван **иноходью** – значит: По-другому, то есть не как все. <...> Я согласен бегать в табуне, Но не под седлом и без узды! <...> Я впервые не был **иноходцем** – Я стремился выиграть, как все!

Семантически варьируется даже значение одного слова: так, лексема **вожжи** актуализирует смыслы «средство управления» (сдерживания или побуждения к действию), «средство объединения» (в составе пары лошадей), «имеющее специфическую форму – длинные». Ср.: **Пока прочно не наладилась рыночные отношения, нельзя отбросить вожжи** всех цен (Правда); – Ну и язык... с **вожжину** длиной! (Шолохов); **Лопнула вожжина** дружбы, раньше соединявшая их (Шолохов).

Варьирование образа, особенно показательное для его использования в качестве когнитивной метафоры, служит ее индикатором: оно определяет ее суть как средства разносторонней (!) концептуализации реалии. В приведенных выше примерах такие метафоры концептуализируют внутренний мир человека, межличностные отношения.

2. Вторым срезом картины варьирования образа в нашем рассмотрении является его воспроизведение в логике разных типов концептов – представления, пропозиции и сценария.

Наиболее простым вариантом является воспроизведение образа в виде **представления, или «картинки»** – «в высшей степени обобщенных чувственно-наглядных образов реалий окружающего мира» (Алефиренко 2003: 236). В качестве примеров приведу стертые метафоры – слова *конь* в качестве названия «спортивного снаряда для гимнастических упражнений на 4 выдвигаемых ножках», *коньки* («узкие стальные полозья, прикрепляемые к обуви для катанья на льду»), морской *конек* («рыбка, водящаяся в морях, с головой, похожей на конскую»), *кобылка* («короткое удилице в виде коромысла для ловли рыбы зимой»), *конек* («название различных прыгающих насекомых, например, кузнечика и т.п.»), *кобылка* («насекомое из семейства саранчовых»). См. также текстовые примеры, в которых образ не является стертым: *Мы дружно заржали...* (Поляков); *А ведь были и мы рысаками!* (КП); *...Мы полгода встречались, и если нам казалось, что нас никто не видит, то мы просто стояли рядом, как две лошади в стойле. Я клала ему голову на плечо, и большего счастья мне было не надо* (Шацкая).

В логике **пропозиции** образ воспроизводится в ракурсе ситуативных связей с другими компонентами (всадником, элементами упряжи, возом и т.д.). При этом он обычно воплощается глаголами *запрячь, обуздать, завожжать, оседлать, захомутать, зашорить, заездить, ездить, пришпорить, осадить*, сочетаниями *надеть узду, надеть хомут, поднять на дыбы, натянуть поводья* и др., Например: *О мощный властелин судьбы! Не так ли ты над самой бездной, На высоте, уздой железной Россию поднял на дыбы?* (Пушкин); *...Тот только заслуживает название человека, кто умеет овладеть своим самолюбием, как всадник конем...* (Тургенев); *А ты знай, молчи! Впрягли тебя, ну и вези, не брыкайся...* (Горький); *Вон, заездил жену-то до полусмерти* (Горький); *Наша повадка – тянуть воз и делать дело, брать, как говорят, на себя всю полноту государственной ответственности* (Черномырдин); *Умных у нас много, а ездить не на ком* (Черномырдин); *Инфляцию обуздаем через три года* (Явлинский); *Не давай мыслям воли, взнуздывай их* (Шолохов);

...обратиться к губернатору и просить его немедленно
...**обуздать** вредного буяна... (Достоевский).

В логике **сценария** образ воплощается при развертывании соответствующей ситуации во времени, от одного этапа к другому. Например: *Пока Сталин держал **вожжи** в железных руках, **лошадка бежала**, но после его смерти начала **замедлять ход**. К тому же и **шоры** с нее **сняли**, стало видно по сторонам – за пределами 1/6 суши* (Ковельман).

Чаще всего сценарный принцип воплощения образа наблюдается в повествовательном тексте. Именно так он представлен в стихотворении А.С. Пушкина «Телега жизни»: *Хоть тяжело подчас в ней бремя, **Телега** на ходу легка; **Ямщик** лихой, седое время, **Везет, не слезет с облучка**. С утра садимся мы в телегу; Мы рады голову сломать И, презирая лень и негу, **Кричим: пошел!** Но в полдень нет уж той отваги; **Порастрясло нас**; нам страшней **И косогоры и овраги; Кричим: полегче, дуралей! Катит** по-прежнему телега; Под вечер мы привыкли к ней И дремля едем до **ночлега**, А время гонит лошадей.*

3. Обратимся к демонстрации воспроизведения образа с точки зрения выполнения им разных **функций**. С учетом функциональных разновидностей метафор, описанных в работах (Арутюнова 1978), (Харченко 1981) и др., рассмотрим использование образа в функции номинативной, когнитивной, образной и оценочной метафоры.

Номинативная функция ярче всего представлена названными выше стертыми метафорами, именующими спортивный снаряд (*прыгнуть через **коня***), средство движения по льду (*бегают на **коньках***), удочку (*удить **кобылкой***), рыбу (*морской **конек***), насекомых (*в траве прыгают **кобылки** и **коньки***).

Когнитивная функция метафоры имеет цель образную концептуализацию абстрактной сущности, ее моделирование по аналогии с эмпирически воспринимаемой реальностью (в данном случае – по аналогии с конем, с ситуацией, связанной с конем). Наиболее отчетливо когнитивная роль образа коня как средства концептуализации проявляется по отношению к абстрактным ассоциатам – времени, жизни и т.д., например: *Снова время **ставит ногу в стремя*** (Егоров); *Жизнь – это **всадник**... Вот этот миг, – пойми, вот этот миг. Он следует за гранью конечного земного бытия. **Скакала** жизнь, в лицо хлестала грива, дул ветер в душу – но дорога в бездну оборвалась, – и чем богаче жизнь, чем **конь** сильнее...* (Набоков); *Ветер... **Вставая на стремяна, мчит** полувидимая Весна* (Матвеева); *Счастье не лошадь: его не **запряжешь*** (Пословица).

Названные ассоциаты типичны для поэтического дискурса, между тем чаще всего образ коня-лошади в качестве средства концептуализации используется по отношению к человеку – его качествам, состояниям, образу и истории жизни, межличностным отношениям. При этом личность концептуализируется с разных сторон: физиологической, психологической, межличностной и т.д.: Она была <...> жилистая, как **выезженная лошадь**. Чувствовалось, что **на ней** много **возили** и **возят** до сих пор (Токарева); **Безжалостная старуха** совершенно **заездила** меня своими упреками (Тургенев); **Мосты сгорели, углубились броды, И тесно – видим только черепа, И перекрыты выходы и входы, И путь один – туда, куда толпа. И парами коней, привыкших к цугу, Наглядно доказав, как тесен мир, Толпа идет по замкнутому кругу – И круг велик, и сбит ориентир** (Высоцкий); **Степного коня на конюшне не удержишь** (Пословица); **А у меня все-таки такой возраст, что я не в состоянии вывезти на себе подготовку этого юбилея** (Лихачев); ...в последние годы, когда театр уже не в такой мере **держит** меня **за вожжи**, я получила относительную свободу и смогла сделать поэтические программы (Фрейндлих).

Образная функция, направленная на отражение индивидуального, ситуативного восприятия какой-либо реалии через выбор метафорического образа, представлена в следующих фрагментах: ... **Луны лошадиный череп** каплет золотом **сгнившей слюны** (Есенин); ...невиданный **табун** «Мерседесов», «БМВ» и «Фордов» медленно редел (КП); **Вьюга лошадыю пляшет буланой** (Пастернак); **Желтые поводья** месяц уронил (Есенин); **И, как сырмятные подпруги, Льды затянут брюхо океану** (Высоцкий); **Справедливость не постепенно доползет до тебя и меня, На губах ее – белая пена грудью рвущего ленту коня** (Слуцкий).

Воплощение образа коня в **оценочной** функции также отличается разнообразием; он может выражать положительную и отрицательную оценку с разным эмоциональным отношением – см. выражение обеих оценок: **Нельзя делить людей на коренных и пристяжных** (ТВ), а также

- положительной оценки: [О Рудольфе Нуриеве – Н.И.] **Киносъемка навсегда запечатлеет его статью, его посадку, его походку гордого, независимого человека, каким он был еще тут, в Советском Союзе, еще не рванув в свободный мир. Он сделал это в Париже, попросив политического убежища внезапно, импульсивно, потому что оскорбили, потому что, потребовав вернуться, готовили клетку: бешеным своим конским чутьем**

понял это. **Конское** в нем трепетало и пленяло. Вывернутые губы, высокие скулы, нервные ноздри, горячий глаз в мохнатых ресницах, сильные ноги, весь, как скульптура (КП); Чапаев из ряда вон, он не чета другим – это верно, его трудно будет **обуздать**, как **дикого степного коня**, но **...и диких коней обуздывают!**.. Только надо ли? – вставал вопрос. Не оставить ли на произвол судьбы эту красивую, самобытную, такую яркую фигуру, оставить совершенно нетронутой? (Фурманов);

- отрицательной оценки: – Алексей, что это тебе **шлея под хвост попала?** – удивленно спросил Долгоаршинных. – Ну, право, чего напал? (Тендряков); На земском собрании... все подряд **сивое меринье** сидит... (Салтыков-Щедрин); Мысль о Лерке не угасала, наоборот, подступала ближе. Как на душе смута – она тут как тут... Баба! Жена. Крест. **Хомут** на шее (Астафьев); Никто нигде не утверждал, что политика – это область чистого искусства. Политика – это **авгиевы конюшни** (Тарновский); А мы ее [жизнь – Н.И.] ...хотим, как ломовую лошадь, загнать то разумом, то страхом в какое-нибудь **стойло**, подчинить ее всю то служению Высшей Идее, как раньше, то, как теперь, уменью делать деньги любой ценой (КП).

Проиллюстрирую одну из 15 функций метафоры, выделенных В.К. Харченко (Харченко 1981), – роль средства психотерапевтического воздействия: Нужно относиться к самому себе мягко и бережно. Хороший **наездник** не заставит брать препятствия усталую или невыезженную **лошадь**. Он начнет с неторопливой прогулки по лесу, поведет **коня** шагом, затем мелкой рысью. Когда **конь** разогреется, **наездник** пустит его галопом по ровной лужайке. После этого **лошадь** придет в форму и будет полностью послушна воле **всадника**.

Сегодня утром вы чувствуете себя усталым. Накануне вы поздно легли либо слишком плотно поели. Вы плохо спали... Однако вас ждет куча дел. Послушайте меня: начните с самого простого. Вам тоже требуется разбег. Будьте снисходительны к своему телу и уму.

Я следую этому правилу в своей писательской практике. Если в какой-то день я не очень хорошо себя чувствую, я не берусь за рассказ, который потребовал бы от меня напряжения всех сил (А. Моруа).

В заключение подчеркну, что анализ функционирования отдельно взятого метафорического образа убедительно подтверждает положение о том, что речемыслительная деятельность представляет собой сложный механизм. Эта мысль является для каждого лингвиста аксиомой. Тем не менее

аналитический взгляд на функционирование одного образа лишь в 3-х срезах показывает высокую информативность – со всей очевидностью демонстрирует принципы обработки, хранения и воспроизведения знаний о мире. обнажает сложный, многофункциональный и тонко настроенный механизм манипулирования единицами знаний: выбор образа, его варианта, средства его номинации, акцентировку коммуникативно важного смысла или комплекса смыслов, выбор логики воспроизведения в виде пропозиции, сценария, представления и т.д. с учетом функции, характера оценки и т.д.

Удивительно и то, что сложнейший механизм реализуется со столь тонкой настройкой.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.

Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1978. – Т.37. – № 4. – С. 333-343.

Илюхина Н.А. О творческом потенциале механизма образной концептуализации действительности (на примере варьирования ассоциативных связей концепта) // Творческий аспект в языке и тексте / Der Kreative Aspekt in Sprache und Text: коллективная монография. – Самара – Würzburg, 2021. – С. 112-123.

Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. – М.: Наука, 1986. – 253 с.

Харченко В.К. Функции метафоры: Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – 88 с.

PROJECTION OF THE MENTAL IMAGE TO THE LANGUAGE IN TERMS OF FUNCTIONING

N.A. Ilyukhina

Abstract. In the article the category of mental image (concept) in its projection onto language and speech as a metaphorical image is viewed. Means of nomination of the image are described by the notion of associative and semantic field. The picture of functioning of a linguistic image is considered in three fundamentally different sections: the image through the prism of variation (variation of its associative links, lexical and semantic variation), the image from the point of view of the logic of its reproduction in the form of different types of concept (representation, proposition and script) and from the point of view of functions of the image in speech. The metaphorical use of the image in the nominative, cognitive (conceptual), figurative and evaluative functions is considered.

Key words: mental image, linguistic image, metaphorical image, functioning of image, variability of image, types of concepts as a means of representation of image, functions of metaphor as the goal of image reproduction.

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

С. В. Ракитина

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
s.rakitina@mail.ru

Аннотация. Проблема образности в научном тексте рассматривается в статье как средство отображения речемышления учёного, его идиостиля. Материалом исследования послужили труды В.И. Вернадского, представляющего особый тип учёного, способности которого к художественно-образному мышлению приводили к созданию нового языка науки, органично сочетающего научное и художественное. В статье выделены способы выражения образности в исследуемых научных текстах: метафоры, эпитеты, сравнения, фразеологизмы, окказионализмы и др. Особое место занимает анализ использования В.И. Вернадским образов, созданных известными русскими и зарубежными поэтами, определены их назначение и функции. В заключение делаются выводы о специфике языкового образа в научном тексте, который, не входя в число основных стилеобразующих черт, выступает компонентом текстообразования в речемышлении учёного.

Ключевые слова: образность, образ, языковой образ, научный текст, средства образности в научном тексте.

В стилистических исследованиях среди признаков научных текстов традиционно отмечают *отвлечённость*, создаваемая единицами абстрактного, обобщённого значения; *подчёркнутая логичность*, связанная с последовательностью, доказательностью, аргументированностью изложения; *терминированность* – использование особой терминологии; *смысловая точность* – однозначность выражения смысла; *ясность*, требующая чёткости и простоты изложения для понимания информации адресатом; *объективность изложения* – соответствие излагаемого материала действительности, отсутствие субъективной оценочности, стилистическая однородность языковых средств; *безличный, обобщённый характер изложения* (Колесникова 2010: 133-135). При характеристике языковых особенностей научного произведения чаще в учебной литературе отмечается и такое его качество, как *безобразность*, определяемая направленностью текста на логическое, а не эмоционально-чувственное восприятие (Русский язык и культура речи... 2010: 105).

Вместе с тем в современной лингвистике указывается на возможность образного представления знаний в научных текстах.

Цель данного исследования – выявить и описать способы выражения образности в научном тексте, отражающие своеобразие речемышления учёного, характеризующие его идиостиль.

Материалом исследования послужили труды В.И. Вернадского, представляющего особый тип учёного, который воспринимал науку не как систему догматизированных положений,

а как живое, растущее целое, имеющее своё прошлое, настоящее, будущее.

В качестве основных методов исследования использованы:

– описательный метод с привлечением приёмов наблюдения, связанного с выделением способов выражения образности в научном тексте; обобщения языковых фактов; вскрытия определённых закономерностей употребления рассматриваемых единиц; интерпретации результатов исследования; классификации выделенного материала;

– метод контекстуального анализа, целью применения которого является изучение специфики слов и их значений, зависимости значения слова от контекста;

– разработанный нами метод дискурсивно-интерпретационного анализа, представляющий систему таких научно-исследовательских приёмов, как характеристика познавательных предпосылок для рождения языковых образов в научных текстах; определение роли эпистемической ситуации в отборе языковых и речевых средств для актуализации смысловой идеи научного текста.

Образ – отражённый в сознании человека продукт восприятия и понимания мира. В рамках речемыслительного процесса это уже языковой образ, который, по определению Н.Ф. Алефиренко, представляет собой «вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве поименованного предмета» (Алефиренко 2002: 18-19). В исследовании Н.А. Лукьяновой образ рассматривается как «<...> целостное представление <...> о некотором предмете, явлении, которое бессознательно или осознанно возникает в ментальном пространстве носителей данного языка и данной культуры путем его соотнесения с представлением о другом предмете, явлении, уже существующем в коллективном и / или индивидуальном сознании и речевой практике говорящих на данном языке», а языковой образ – как «вербализованный тем или иным языковым средством определённый психический образ» (Лукьянова 2003: 169).

Из приведённых определений следует, что языковой образ выступает наглядным представлением о каком-либо явлении, факте действительности, результатом ценностного восприятия человеком окружающего мира, отображением способности видеть его через ассоциации. Порождение языковых образов обусловлено лингвокреативным мышлением, создающим новые элементы языка, отличающиеся оригинальностью и уникальностью.

Именно такой тип мышления находит отражение в трудах В.И. Вернадского, учёного-энциклопедиста, мыслителя, историка науки, создателя новых областей и направлений естествознания, и человека, увлечённого различными видами искусства: русской и

зарубежной литературой, изобразительным искусством, музыкой и др. Развитая под влиянием искусства способность художественно-образного мышления приводила учёного к созданию нового языка науки, органично сочетающего научное и художественное.

Средства образности в текстах В.И. Вернадского обеспечивают наиболее яркое, точное представление различных точек зрения на исследуемый объект, передачу нового знания, способствуют экономии языка, увеличивают его гибкость и др.

Образность, как правило, соотносится с *метафоричностью*. По определению Н.Д. Арутюновой, метафора представляет собой «механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., служащий для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» (Арутюнова 1998: 296).

А.В. Голоднов метафорой считает модель совместной игры двух и более концептов (Golodnov 2008: 103-114).

С позиций Е.И. Головановой, «<...> метафора делает наглядным невидимое. Она позволяет говорящему формулировать свое открытие, а слушающему – понимать новизну и одновременно выстраивать свои стратегии интерпретации исследуемого явления. Метафору можно рассматривать и как своеобразный мнемонический прием в процессе создания новых научных открытий» (Голованова 2011: 17).

Близка к последнему высказыванию точка зрения М.А. Никитиной, которая подчёркивает «когнитивный потенциал метафоры, проявляющийся в её способности выразить новый опыт, для которого еще отсутствует соответствующее оформление в понятийных структурах; сформировать теоретические абстракции для описания объектов, которые эмпирически недоступны; репрезентировать знания путем их упорядочивания и объединения» (Никитина 2010: 158).

Из изложенного следует, что в метафоре объективируется когнитивный процесс, способ познания мира, позволяющие формировать новые понятия и новые знания о мире. В связи с этим образность можно рассматривать как неотъемлемую часть научного познания, а языковой образ – как средство хранения, передачи, развития научных знаний.

Метафорична созданная В.И. Вернадским терминология. Например, термин «напор живого вещества» создаёт образ интенсивности процесса распространения жизни в областях, где её раньше не существовало. Способность живого организма «растекаться» по поверхности планеты, захватывать незанятые участки биосферы обозначена метафорой «всюдность жизни» (Вернадский 1994: 60). С помощью метафоры «лик Земли»

создаётся образ биосферы, передающий представление об изображении её из космоса, в котором «выявляется поверхность нашей планеты, ... наружная область, отграничивающая её от космической среды»; обнаруживаемая «благодаря проникающим световым излучениям небесных светил, главным образом Солнца», собирающая «всюду из небесных пространств бесконечное число различных излучений, из которых видные нам световые являются ничтожной частью» (Там же: 319). Образ создателя науки в биосфере ассоциируется у В.И. Вернадского с метафорой «мыслящий тростник», взятой из стихотворения Ф.И. Тютчева (Вернадский 1988: 58). Пытаясь разобраться в сложной проблеме происхождения жизни, для её обозначения В.И. Вернадский вводит метафору «загадка жизни» (Вернадский 1994: 262). Метафора «живое вещество» придаёт названному понятию новое научное содержание, связанное с характеристикой его массы, состава, энергии. Метафора «биосфера» вербализует основополагающую научную концепцию, изложенную в целом ряде научных работ учёного.

Широко используется в научных текстах В.И. Вернадского такое средство создания образности, как *сравнение*, которое делает научное изложение не только более выразительным, но и понятным. Например: «представляется несомненным, что эта последняя (пол-октавы ультрафиолетовых лучей) является небольшим осколком, пропущенным стратосферой» (Вернадский 1994: 37). Или, описывая форму кристаллических многогранников, В.И. Вернадский прибегает к целому ряду сравнений, создающих яркие образы, экспрессивно характеризующие их существенные признаки: «Кристаллические многогранники, геометрически правильные формы <...>. Мы видим их в форме снежинок, мириадами падающих в хлопьях снега, в форме красивых узоров инея и льда, в соли и сахаре и других предметах домашнего обихода» (Вернадский 1903: 2). В данном фрагменте сравнение выполняет разъясняющую функцию, предваряя погружение адресата в сложное описание свойств кристалла.

Далее, в целях доказательства наличия у кристалла свойства спаянности, В.И. Вернадский описывает опыт с ртутью, масса которой при ударе «растекается на отдельные капли». В результате такого сравнения делается вывод, что «многогранники спаянности кристалла аналогичны каплям жидкости», что они являются также «каплями твёрдого тела» (Там же: 50). Такое сравнение создаёт отчасти художественный образ, за которым стоит глубокая научная аналогия. Сравнение в этом случае служит наглядным представлением сопоставляемых объектов, предполагающим наличие общих признаков.

Средством создания образности служат в научных текстах В.И. Вернадского *эпитеты*. Приведём в качестве примеров лишь некоторые из монографии «Биосфера»: «загадочные проникающие радиации <...> столь *яркие* в высоких слоях нашей атмосферы», «*таинственный* мир явлений», «жизнь является *великим постоянным и непрерывным* нарушителем химической косности поверхности нашей планеты», «*удивительная* математическая правильность», «*глухая, молчаливая, беспощадная* борьба за существование», «с *невероятной* быстротой», «*девственный* облик природы» и др. (Вернадский 1994: 43, 44, 56, 60, 62, 77, 85). В эпитетах выделен характерный признак описываемого, пропущенный через индивидуальное восприятие автора, имеющий эмоциональную окраску.

Отличительной чертой идиостиля В.И. Вернадского является использование в научном творчестве *поэтических образов*, характеризующих особенности его речемышления, рождение индивидуального образа, отражающих умения соотносить научную мысль с поэтическим образом, найти его в обширном потоке своего поэтического знания, выразить личностный смысл.

В привлечении поэзии к научным текстам В.И. Вернадский как языковая личность не только демонстрирует свою уникальность, но и находит образы, понятные широкому кругу читателей, делая доступной излагаемую информацию.

Учёный постоянно искал образные формы отображения своих раздумий о единстве Природы, Космоса, ясно ощущал противоречие между многообразием природы и ограниченными языковыми средствами его выражения. Так, не единожды на страницах научных произведений В.И. Вернадского встречается строка из стихотворения его любимого поэта Ф.И. Тютчева «мысль изреченная есть ложь». Эту цитату учёный использует, убеждая читателя в том, что «в философии, несмотря на её глубочайшее значение в жизни человечества, нет признания понятия каких бы то ни было положений. <...> Если к эмпирическому понятию учёный подойдёт только с одним логическим анализом, «ложь» слова выявится с чрезвычайной яркостью. Слово есть аппарат несовершенный, развитие и уточнение которого в ходе исторической жизни мы можем уже сейчас научно исследовать» (Вернадский 1988: 305-306). Далее, называя источник своих размышлений, пишет: «Никогда, ни одно научно изучаемое явление, ни один научный эмпирический факт и ни одно научно эмпирическое обобщение не может быть выражено до конца, без остатка в словесных образах, в логических построениях. В предмете исследования науки всегда остаётся неразложимый остаток. <...> Глубокая мысль, в яркой, красивой форме выраженная Ф.И. Тютчевым «Мысль изреченная есть ложь» (в стихотворении

«Silentium»), всегда сознательно или бессознательно чувствуется испытателем природы и всяким научным исследователем» (Там же: 308).

Данная цитата Ф.И. Тютчева используется учёным в процессе разграничения эмпирических и философских понятий. Своеобразие научных понятий учёный видит в том, что они «непрерывно подвергаются не только логическому анализу как слова, но и реальному анализу опытом и наблюдением как тела реальности. <...> При этом в опыте и наблюдении стирается проявление индивидуальности личности. «Мысль изреченная есть ложь» в великом образе в стихотворении сказал Федор Иванович Тютчев. В науке мысль, выраженная в изречении, непрерывно соприкасается с реальным научным трудом, со своим исходом, с землёй-матерью, говоря образно с тем, от чего она отнята в момент, когда она рассматривается только как изречение. Верный и глубокий образ Тютчева к научной мысли не относится. <...> Динамически опыт и наблюдение непрерывно восстанавливают её связь с реальностью. Эта особенность эмпирического понятия есть такое же логическое следствие признания реальности мира как обязательности научных выводов» (Там же: 234-235).

Поэтический образ в данном фрагменте характеризует мировоззрение В.И. Вернадского, его непоколебимость в воззрениях на эмпирическое понятие как подлинно точную мысль, результат научного труда, опирающиеся на научные факты. На основе использованного поэтического образа разграничение философских и научных понятий проводится в аспекте проявления в них личности: логический анализ, по мнению В.И. Вернадского, проникнут личностью; научное же понятие формируется не только в процессе логического анализа, но и путём наблюдения, опыта, научных обобщений учёных. Отсюда убеждённость В.И. Вернадского в том, что при становлении философских понятий субъект речи присутствует, при формировании научных понятий «стирается проявление индивидуальности, личности» (Вернадский 1988: 234).

Размышления над смыслом приведённой выше строки Ф.И. Тютчева содержатся и в дневнике учёного, где он описывает впечатление после прочтения романа Мартена дю Гара: «Вещь сильная и глубокая. А между тем то общее впечатление, которое я не могу выразить в ясных образах, но, может быть, ясно чувствую, мысль изреченная есть ложь. <...> В любви, в мыслях, в успехах, в достижениях, в глубоких переживаниях и подъёмах личности – всегда, когда подходит разум, чувствуешь мгновенность и недостаточность пережитого по сравнению с внутренней сущностью. И вот, написав эти строки, вижу, что выразить мысль не удалось.

<...> Но можно ли это выразить образами и словами?» (Вернадский 1993: 219).

Поэтический образ в научных произведениях В.И. Вернадского служит средством насыщения описываемых объектов индивидуальными признаками. Такие признаки образа биосферы актуализируются, в частности, в эпиграфах к двум очеркам из монографии «Биосфера». Эпиграфом к первому очерку «Биосфера в Космосе» является цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах»:

*<...> Невозмутимый строй во всём,
Созвучье полное в природе. <...>*

Ею учёный предваряет представление образа биосферы как живой оболочки земли, в которой происходят изменения, вызванные солнечным излучением, рисует стройную схему, где все элементы от клетки до организма взаимодействуют между собой.

Эти строки соотносятся с представленными в данной работе научными воззрениями учёного на организованность биосферы. Описывая космические излучения, пронизывающие всю биосферу, превращения «лучистой энергии в разные формы электрических и магнитных проявлений», в суждениях В.И. Вернадского в образ биосферы добавляются признаки, создаваемые как бы космической поэзией: «Нашему взору эти области и эти тела являются в форме северных сияний, зарниц, зодиакального света, свечения небесного свода, который становится заметным лишь в темные ночи, но все же составляет значительную часть освещения ночного неба, в форме светящихся облаков и других разнообразных отражений стратосферы и внешних пределов планеты в картине нашего земного мира. Нашим инструментам этот таинственный мир явлений раскрывается в электрических, магнитных, радиоактивных, химических, спектроскопических отражениях» (Вернадский 1994: 322).

В начало второго очерка «Область жизни» учёный включил следующие строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Сон на море»:

*<...> В лучах огневицы развил он свой мир,
Земля зеленела, светился эфир <...>*

С помощью поэтического образа подчёркивается мысль В.И. Вернадского о том, что «лик планеты – биосфера <...> получает энергию, вызывающую в ней изменения из космической среды, от Солнца», что в космической среде «есть приспособления, которые передают эту действенную солнечную энергию в глубь биосферы», что живые организмы, имеющиеся в биосфере, «приспособились к окружающим условиям <...>, выработали нужные для жизни вещества и <...> строение (Там же: 357, 365).

В научных трудах В.И. Вернадского можно встретить также имена Е.А. Баратынского, И.В. Гёте, Ф.М. Достоевского,

А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и других выдающихся поэтов, писателей.

Обращение В.И. Вернадского к поэтическим, художественным образам выполняет в его научном творчестве такие функции, как актуализация доминантных смыслов, направление познавательной деятельности адресата, выражение способности автора на сопряжение научного и поэтического мышления и др.

Результаты проведённого анализа показали, что творческая мысль неординарного учёного, высокообразованного человека разрывала рамки собственно научного представления понятий, теорий, концепций. Обладание уникальным когнитивным пространством позволяло В.И. Вернадскому с помощью языковых, художественных образов передавать особенности мышления, познавательного стиля; способность к рефлексии, самовыражению в процессе изложения научной позиции.

Образы вводили адресата в мир новых, оригинальных мыслей, служили средством разъяснения научных понятий, наглядного представления научных абстракций, скрытых закономерностей природных явлений. Эта связь научного и художественного в текстах учёного являла новый язык науки.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры : [Монография]; Отд-ние лит. и яз. Рос. акад. наук [и др.]. – Москва : Academia, 2002. – 391 с.

Арутюнова Н. Д. Метафора // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 296-297.

Вернадский В. И. Основы кристаллографии [Электронный ресурс] Ч.1. , вып.1.: Введение. Учение о симметрии. Явления, выражаемые законом многогранников. – М.: Унив. тип., 1903. – 354 с. Режим доступа: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/5874-vernadskiy-v-i-osnovy-kristallografii-ch-1-vyp-1-vvedenie-uchenie-o-simmetrii-yavleniya-vyrazhaemye-zakonom-mnogogrannikov-m-1903> (дата обращения: 17.07.2021)

Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.

Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. – М.: Наука, 1994. – 672 с.

Вернадский Владимир. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. / Сост. Г.А. Аксёнов. – М.: Современник, 1993. – 688 с.

Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 224 с.

Колесникова Н. И. Что важно знать о языке и стиле научных текстов? // Высшее образование в России. – 2010. – № 3. – С. 130-137.

Лукьянова Н. А. Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3-4. – С. 169–186.

Никитина М. А. О когнитивном потенциале метафоры в научном тексте. // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 3. – С.157-161.

Ожегов С. И. Словарь русского языка; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.

Русский язык и культура речи. Нормативный и коммуникативный аспекты. Практикум / Н. И. Рябкова, Т. В. Сатина, Г. И. Андреева / Под ред. Н. И. Рябковой. – СПб.: СПбГУСЭ, 2010. – 203 с.

Golodnov A. V. Framing bei der analyse von Metaphor (am Beispiel des Metaphermodell « Staat ist Organismus». // Das Wort Hrsg. Backer 1. – Bonn, 2008. – S. 103-114.

THE LANGUAGE IMAGE IN THE SCIENTIFIC TEXT

S.V. Rokitina

Abstract. The problem of imagery in the scientific text is considered as a mean of scientist speech thinking and its idiostyle. The material of this research is works by V.I. Vernadsky who was a special type of scientist. His abilities for artistic thinking led him to creation of a new science language that was combining the scientific and the artistic. There are means of imagery in researched scientific texts such as metaphors, epithets, comparisons, phraseologies, nonce words, etc. indicated in this article. Images created by famous Russian and foreign poets, using of them by V.I. Vernadsky and their functions and appointment are analyzed in the paper. Conclusions on language specific of image in scientific text, the role of the image in text formation and scientist's speech thinking are made in the end of the article.

Key words: imagery, image, language image, scientific text, means of language image in scientific text.

КОГНИТИВНЫЕ ПРОЕКЦИИ ОБРАЗА

И.А. Тарасова

Россия, г. Саратов, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет

им. Н.Г. Чернышевского

tarasovaia@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются три аспекта образа как универсальной эстетической категории: языковой образ, образ как модель художественной реальности и образ как ментальная репрезентация. Автор устанавливает когнитивные проекции образности в каждом из выделенных аспектов. Предложенная методика уточняет соотношение понятий «языковой образ», «литературный образ» и «концепт» в когнитивной поэтике.

Ключевые слова: образ, образность, концепт, ментальная репрезентация.

Предлагаемое исследование затрагивает проблему междисциплинарной трансферизации терминов, отражающей современный процесс взаимодействия и интеграции метаязыков разных наук (Зыкова 2018: 85).

Образ, являющейся универсальной эстетической категорией, несомненно, претендует на роль «концептуальной скрепы», позволяющей выстраивать конструктивный диалог между различными областями гуманитарного знания. Однако такой

диалог невозможен до тех пор, пока базовые понятия не получат соотносимые интерпретации в различных терминосистемах и не будут спроецированы на единый методологический фон.

Целью данной работы является когнитивная интерпретация кросс-дисциплинарного термина «образ». Междисциплинарный подход к категории образа в когнитивном аспекте содержится в работах Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко 2003; 2011; 2014), вдохновляющих на дальнейшие размышления.

Поставленная цель потребовала вычленения различных аспектов ключевого понятия «образ», выделения общих и специфических признаков, наполняющих это понятие в лингвостилистике (языковой образ), литературоведении (художественный образ), когнитивной науке (образ как ментальная репрезентация). Под *когнитивным основанием* образа будем понимать его онтологическую основу – когнитивные механизмы, задействованные в процессах создания и восприятия образных структур. Под *когнитивными проекциями* подразумеваются продуктивные методы использования категории образности в сфере когнитивной поэтики, т.е. гносеология образа. Метафора «концептуальной скрепы» используется для обозначения тех характеристик понятия, через которые осуществляется междисциплинарный диалог.

Психический образ. В психологии образ связан с уровнем сенсорно-перцептивных процессов, исходными формами которых являются ощущение и восприятие. Образ-перцепт онтологически возникает на этой основе. Авторы «Краткого словаря когнитивных терминов» подчеркивают, что термин «когниция» относится ко всем процессам, в ходе которых сенсорные данные, выступающие в качестве сигналов информации, трансформируются, поступая для их переработки центральной нервной системой: «В качестве когнитивных рассматриваются не только процессы "высшего порядка" – мышление и речь, – но и процессы перцептуального, сенсомоторного опыта, происходящего в актах простого соприкосновения с миром» (Кубрякова 1997: 81).

Наиболее очевидна когнитивная природа образа как ментальной репрезентации, т.е. того способа, которым воспринимающему сознанию представлен окружающий мир, формата кодирования и переработки информации (Ребеко 1998: 48). Существующая в рамках когнитивной психологии, теория метальных репрезентаций полагает, что основными единицами представления реального и/или вымышленного мира в сознании человека выступают аналоговые (картиноподобные) и пропозициональные репрезентации, имеющие семантическую, логическую структуру (Paivio 1986; Pitt 2020). При этом ментальная образность играет ключевую роль в когнитивных процессах,

обеспечивая базис не-концептуального типа мышления (Thomas 2014) и выступая основой универсального предметного кода, служащего инструментом мысли (Жинкин 1982).

Образ как ментальная репрезентация – вторичный феномен образного отражения, поскольку он возникает без непосредственного воздействия на органы чувств человека. Онтологически образ-представление связан со сферой воображения, в результате работы которого создаются новые образы путем трансформации и/или комбинации тех, которые сохранились в образной памяти (Алефиренко 2003: 53).

В процессе реконструкции ментальной основы идиостиля нами предложена трактовка индивидуального концепта как обобщающего термина для всех типов ментальных репрезентаций – как картиноподобных, так и семантических. При такой трактовке психический образ может рассматриваться как разновидность концепта, в котором доминирует сенсорный компонент. Иначе говоря, концептуальная проекция на сферу когнитивной поэтики позволила предложить типологию художественных концептов как единиц авторского индивидуального сознания, включив в неё, наряду с концептами-гештальтами, топологическими и эмоциональными концептами, концепты с предметно-чувственным ядром, т.е. концепты-образы (Тарасова 2003: 64). Думается, в авторской концептосфере такой тип концептов является преобладающим.

Хотя образы-концепты реконструируются на основе текстов, фактически они являются первичными, существующими до их материального воплощения, то есть до того момента, когда они, будучи явленными в той или иной материальной форме, получают статус художественного образа.

Художественный образ. Образ – типичный пример аналоговой репрезентации, обладающий такими свойствами, как континуальность, холистичность, интегративность. Эти качества образа обеспечили ему статус основной единицы художественного конструирования мира.

Многочисленные определения образа как элемента художественного сознания акцентируют внимание на таких его характеристиках, как целостность, творчески-преобразующий характер, конкретно-чувственная форма (словесная, звуковая, живописная, пластическая), обусловленная сенсорной природой образа. Именно последняя характеристика актуализирует связь образа-перцепта (психического образа) и образа – художественной модели действительности. Образ является своеобразным посредником между художником и читателем, зрителем, слушателем, поскольку он обладает свойством передавать уникальное видение объекта. *Когнитивным основанием*

художественной образности можно считать природу психического отображения. Но, в отличие от психического образа, погруженного в мир человеческого сознания, онтология художественного образа двойственна: с одной стороны, он принадлежит идеальному миру, возникая в сознании автора, а затем – читателя, с другой – образ воплощен в материальной форме, словесно-речевом строе произведения.

Идеально-материальная природа образа отражена в его типологиях: Л.В. Чернец различает образы-представления, принадлежащие предметному миру произведения и вспомогательные образы (стилистические приемы), принадлежащие словесному уровню (Чернец 2003), В.П. Москвин говорит об образе художественном (образе посредством слов) и образе словесном (образе в слове) (Москвин 2004).

Когнитивная проекция художественного образа приводит к концепту как средству дискретизации образа, так как на уровне исследовательской рефлексии концепт может быть противопоставлен образу как аналитическая модель представления авторских смыслов континуальной, недискретной, холистической модели, какой является художественный образ. Концепт как модель есть предварительный набросок смысла, его ментальная схема, проверяемая текстом. Конечно, эта схема достаточно условна. Только аналитически могут быть выделены в единицах авторского сознания такие слои концепта, как понятийный, оценочный, ассоциативно-символический, образный (Тарасова 2018). Онтологически они существуют как единое целое. Но гносеологически концепт как операциональная модель, конструкт, позволяет показать, какие элементы смысла потенциально присутствуют в авторском сознании, будучи неотделимыми от образного субстрата.

Языковой образ. Наиболее частотна трактовка языковых образов как совокупности образных средств языка (тропов). Автор «Словаря поэтических образов» Н.В. Павлович предлагает понимать под поэтическим образом фрагмент текста, в котором сближены семантически несходные понятия (Павлович 1991: 104).

Рассматривая языковой образ с когнитивных позиций, Л.А. Шестак определяет его как «сопряжение смыслов в результате сближения, полной или частичной аппликации или фракционирования номинаций фреймов или их слотов» (Шестак 2003: 289), «аплицированный слот, активизирующий голограмму фрейма» (Шестак 2003: 69). Когнитивной основой образности в этом случае выступает ментальный механизм восприятия одного объекта через реальное или моделируемое сходство с другим объектом. Когнитивные проекции такого понимания языкового образа многоаспектны. Прежде всего, это теория концептуальной

метафоры Д. Лакоффа – М. Джонсона, рассматривающая когнитивный процесс переноса концептуализации наблюдаемой сущности на непосредственно не наблюдаемую. Идея системности метафорических отображений легла в основу отечественного лексикографического издания – «Словаря поэтических образов» Н.В. Павлович. Поэтическая традиция образного словоупотребления получила в этом словаре по сути когнитивное осмысление (парадигмы образов как набор концептуальных инвариантов). Национальные коды образной вербализации тезауруса описаны в исследовании Л.А. Шестак (Шестак 2003). Лингвокогнитивные механизмы формирования вербальных поэтических образов реконструированы в интересном исследовании Л. Белеховой (Белехова 2002) под углом модификации архетипических структур (стереотипов) в креативном авторском сознании посредством метафорических операторов.

Несмотря на плодотворность представленных научных концепций, приходится отметить их определенную ограниченность, если мы хотим выйти на уровень междисциплинарного диалога и установить соотношения между *художественным образом* и *языковым образом, языковым образом и концептом*.

Выдающимися русскими филологами давно было отмечено, что образность художественного слова не ограничивается его метафоричностью. Поэтому трактовать языковой образ исключительно как троп было бы неправомерно. Точнее, вслед за Н.Ф. Алефиренко, понимать под ним вербализованный результат восприятия предметного мира (Алефиренко 2003: 47), в том числе – созданного творческой фантазией. Основная функция языкового образа в этом случае – репрезентант художественного образа, который создается, конечно, не только тропами, но совокупностью всех средств языка, их системной, глубоко продуманной организацией.

Образность художественной речи проявляется в способности языковых единиц вызывать в нашем сознании наглядное представление, яркие картины, на фоне которых мы воспринимаем предметно-вещественное и понятийно-логическое содержание этих единиц (так называемая предметно-образная конкретизация). При этом, как утверждает В.П. Москвин, существует устойчивая корреляция между изобразительностью лексики и её вовлеченностью в метафорические конструкции (Москвин 2004: 38). В результате ресурсами создания образности выступают как смысловая двуплановость, так и «потенциальная образность» конкретно-изобразительной лексики.

Именно при таком понимании языкового образа его можно рассматривать как вербализацию художественного концепта. При этом Н.Ф. Алефиренко справедливо подчеркивает, что означаемое

знака, объективирующего концепт, формируется не столько рациональной логикой, сколько предметно-чувственными факторами: прототипами, стереотипами и образами (Алефиренко 2014), а смыслопорождающая энергия художественного дискурса (Алефиренко 2011) подпитывается различными энергопотоками, в числе которых сенсорно-перцептивной образности и знаково-символической интерпретации первичных образов (архетипов) принадлежит ведущая роль. Концепт на уровне поэтического дискурса приобретает качество культурного концепта, т.е. образа в пространстве культуры, способного выступать в качестве строительного материала для формирования новых художественных смыслов (Миллер 2000).

Итак, мы считаем возможным говорить о трех аспектах образа (языковой образ, литературный образ, психический образ), обнаруживающих между собой теснейшую связь, которая потенциально является основой междисциплинарного диалога.

Онтологически первичным является психический образ, гносеологическая проекция которого позволила постулировать образный формат ментальной репрезентации в числе основных, а сам образ рассмотреть как одну из ментальных разновидностей концепта как единицы психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека.

Литературный образ сохраняет основные свойства психического образа, превращаясь в достоверный и чувственно воспринимаемый элемент возможного мира. Целостность образа обуславливает необходимость использования концепта как аналитической модели его описания.

В отличие от психического образа, художественный образ обладает двойной природой: и идеальной, и материальной. Необходимость приобщения к этой особой реальности читателя вызывает к жизни языковой образ – средство внешней репрезентации внутреннего мира автора. С другой стороны, ряды языковых образов, нагруженные сходными ассоциациями, объединяются в концептуальные парадигмы, образующие контекст культуры, превращающие образ в культурный концепт.

Когнитивные проекции в сферу художественной концептологии позволяют рассматривать образ, наряду с художественным концептом, в качестве базовой единицы когнитивной поэтики. Видимо, образ и концепт служат раскрытию одного и того же (онтологически) глубинного смысла, способ представления которого – гносеологически – будет различным: континуальным, синтетичным – у образа, дискретным, аналитическим – у концепта. Как эйдос и логос у А.Ф. Лосева (Лосев 1990), они предоставляют исследовательскому сознанию два типа

явленности смысла, побуждая к рефлексии и методологическому поиску.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Методологические аксиомы и гипотезы современной лингвокультурологии // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – С. 11-16.

Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.

Алефиренко Н.Ф. Событийная синергетика имплицитности текста в лингвопоэтическом освещении // Филология и культура. – 2011. – № 1 (23). – С. 114-119.

Белехова Л.І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект: дис... д-ра філол. наук: 10.02.04 / Київський національний лінгвістичний ун-т. – Київ 2002. – 476 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. – 160 с.

Зыкова И.В. К проблеме конвертируемости терминов при построении языка междисциплинарной науки // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник статей к 70-летию В. З. Демьянкова. М.: Культурная революция, 2018. – С. 80-98.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультете МГУ, 1996. – 246 с.

Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. – 269 с.

Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С.39-45.

Москвин В.П. К типологии речевых образов // Известия РАН. Серия лит. и языка. – 2004. – Т. 63. – №2. – С. 33-41.

Павлович Н.В. Парадигмы образов в русском поэтическом языке // Вопросы языкознания. – 1991. – №3. – С. 104-117.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. В 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 2007.

Ребеко Т.А. Ментальная репрезентация как формат хранения информации // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: Институт психологии РАН, 1998. – С. 25-51.

Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 280 с.

Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М.: Инфра-М, 2018. – 166 с.

Чернец Л.В. Виды образа в литературном произведении // Филологические науки. – 2003. – №4. – С. 3-13.

Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. Волгоград: Перемена, 2003. – 312 с.

Paivio A. Mental Representations: A Dual Coding Approach. New York: Oxford University Press, 1986. – 336 p.

Pitt D. Mental Representation // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/mental-representation/#Imagery> (дата обращения: 11.07.2021)

Thomas N. Mental Imagery // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/mental-imagery/> (дата обращения: 11.07.2021)

IMAGE COGNITIVE PROJECTIONS

I.A. Tarasova

Abstract: The paper examines three aspects of image as a universal aesthetic category: the linguistic image, image as a model of literary reality, and image as a mental representation. The author establishes the cognitive projection of imagery in each of the highlighted aspects. The proposed methodology clarifies the relationship between the linguistic image, literary image, and concept in cognitive poetics.

Key words: image, imagery, concept, mental representation

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА

Г.В. Токарев

Россия, г. Тула, Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
grig72@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты лингвокультурологической интерпретации образа. Указывается, что образ отражает мировоззрение лингвокультурной общности, её ценности. Интерпретация образов даёт возможность определить нормы культуры и реконструировать её модель.

Ключевые слова: образ, внутренняя форма, образное основание, семантика, значение, интерпретация, язык, культура.

Образ является базовой филологической категорией. Поскольку филология в последние десятилетия пошла по пути выделения частных областей знания, сформированных на принципах экспланаторности, функционализма, экспансии, антропоцентризма (Кубрякова, 208), стали появляться новые филологические науки. Когнитивный характер этих отраслей филологического знания обуславливает интерес к образу. Заметим, что каждая из наук фокусирует внимание на актуальных для неё аспектах образа. Среди современных направлений языкознания особое место занимает лингвокультурология, обоснование которой отражено в трудах В.Н. Телия. Образ стал ключевым инструментом осуществления процедуры лингвокультурологической интерпретации. В.Н. Телия назвала образ нишей хранения культурного знания, культурными нервом значения слова: «...система образов, закреплённых в фразеологическом составе языка, служит своего рода нишей для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её национально-культурном опыте и традициях (Телия 1996: 215).

Лингвокультурология основывается на теории образа, разработанной А.А. Потемной. В основе образа лежит внутренняя

форма языковой единицы, репрезентирующая актуальный для лингвокультурной общности признак, представляющий явление. Учёный писал: «Внутренняя форма есть центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» (Потебня 1999: 125). Учитываются теории В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа. Образ является средством отражения мировидения и миропонимания народа. Он представляет объяснение мира, систему ценностей и взаимосвязей явлений действительности. Одной из задач лингвокультурнологии является объяснение причин выбора образа, его интерпретация в категориях культуры – представлений, культурных установок, стереотипов. Совокупность актуальных для лингвокультурной общности образов формирует культурный симболярий. В ходе интерпретации образов моделируется тезаурус той или иной культуры.

Культурная маркированность образов особенно ярко проявляется при их сравнении в разных культурах или в рамках культурных парадигм одной культуры.

Семантические исследования образа показали его влияние на такие компоненты семемы, как оценочность и эмотивность. Из этого следует, что данные элементы значения также являются культурно обусловленными.

В настоящее время перспективно изучение прагматического потенциала образа. Этот вектор изучения образа был заложен в трудах А.А. Потебни. Именно иллокутивный эффект являлся для учёного главным дифференциальным признаком, отличающим образ от внутренней формы. Исследователь обращал внимание на такое важное свойство образа, как суггестивность. Полагаем, что оно также имеет культурную обусловленность. Образ, как шифр, должен правильно прочитываться лингвокультурной общностью на основе её опыта.

Как было сказано выше, выбор образа обусловлен культурными факторами. Из этого следует, что он воплощает культурную норму. Ориентация на неё, выбор образа является своеобразным ритуалом.

Итак, лингвокультурологическая интерпретация образа имеет своей целью создание модели культуры, основу которой составляют ценности и нормы, актуальные для лингвокультурной общности.

Литература

- Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
Телия В.Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 284 с.

ON LINGUOCULTUROLOGICAL INTERPRETATION OF THE IMAGE

G.V. Tokarev

Abstract. The article examines aspects of linguocultural interpretation of the image. It is indicated that the image reflects the worldview and values of the linguocultural community. Interpretation of images makes it possible to determine the norms of culture and reconstruct its model.

Key words: image, internal form, figurative basis, semantics, meaning, interpretation, language, culture.

КРЕОЛИЗОВАННАЯ МЕТАФОРА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

И. А. Ярощук, К. В. Гриневич

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

yaroshchuk@bsu.edu.ru

grinevich@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия и понимания креолизованного текста как неотъемлемой части современной коммуникации. Особое внимание уделяется понятию креолизованной метафоры, которое приобретает особую актуальность при рассмотрении её в качестве объекта лингвистической экспертизы. Предлагаются методические рекомендации анализа креолизованной метафоры, а также рассматриваются перспективы её междисциплинарного исследования.

Ключевые слова: креолизованный текст, когнитивная метафора, креолизованная метафора, речевое воздействие, лингвистическая экспертиза.

Одной из актуальных проблем прагмалингвистики на современном этапе развития научного знания остаётся обозначенная ещё Джоном Остином в 1962 году проблема воздействия текста на адресата, определённая исследователем в качестве перлокутивного эффекта, когда важным оказывается не столько само понимание реципиентом смысла высказывания, сколько адекватно реализованная цель данного высказывания в виде изменений в сознании адресата, явившихся результатом речевого воздействия (Austin 1962).

Особое значение перлокутивный эффект приобретает в отношении поликодовых, или креолизованных, текстов, которые в XXI веке в условиях современной коммуникации получили своё стремительное распространение, прежде всего, в сети Интернет в силу бурного развития информационно-телекоммуникационных технологий, составляющих неотъемлемую часть жизни общества, ориентированного на визуальные средства и способы репрезентации и восприятия информации, чему в полном объёме отвечает синтетическая природа креолизованного текста. А поликодовая организация текста проецирует максимальный воздействующий эффект, прежде всего, на молодёжную аудиторию

как самую распространённую среди пользователей интернет-ресурсов, являющихся питательной средой для возникновения и функционирования поликодовых текстов, прежде всего, в рамках политического и экстремистского дискурса. Именно в этом ключе креолизованный текст оказывается одним из популярных объектов лингвистической экспертизы.

Вслед за М.Б. Ворошиловой отметим, что креолизованный текст – это «текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает необходимость многоканального восприятия текста, а значит – и комплексное воздействие на адресата» (Ворошилова 2007: 181).

Однако на современном этапе единой, комплексной методики исследования воздействующего потенциала креолизованных текстов на сознание реципиента не выработано. Как правило, методические рекомендации исследования данного феномена ориентированы на соотносительный анализ вербальной и невербальной, визуальной информации поликодового образования, на описание взаимодействия графического инструментария и средств письменной речи.

Неоспорим факт взаимообусловленности графической и языковой составляющей организации креолизованного текста, поскольку данный конгломерат семиотических единиц создаёт новый, единый метафорический образ, семантика которого не является результатом простого суммирования значений вербального и невербального компонентов. «Монтажный» механизм когнитивной метафоры, представляющий несколько функционирующих образов, проецирующих создание нового плана, новой художественной реальности, характерен и для креолизованного текста, что определяет когнитивную метафору в качестве действенного инструмента порождения и интерпретации поликодовой информации.

В современной науке получает своё активное развитие теория визуальной метафоры, которая организуется посредством соотнесения зрительных образов как «иконических знаков, напрямую отождествляемых с теми или иными объектами репрезентации» (Сарна 2005: 56). Несомненно, одним из перспективных направлений исследования когнитивных процессов визуальной метафоры, реализующейся в рамках креолизованного текста, является дискурсивное направление, поскольку метафора, независимо от её вербальной или визуальной природы, всегда дискурсивно обусловлена. Определяя дискурс как «речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и др. факторами»

(Алефиренко 2002: 99), отметим, что верное понимание метафоры, реализующейся посредством поликодового текста, возможно только с учётом всех параметров социокультурных условий коммуникации (участники, особенности порождения, восприятия текста и т.д.). Действительно, метафорический образ креолизованного текста может быть прочитан реципиентом только при комплексном его восприятии и с учётом параметров его функционирования в определённом национально-культурном пространстве. Сказанное обуславливает правомерность употребления такого термина, как «креолизованная метафора».

Понятие креолизованной метафоры выходит за границы визуальной метафоры, оно проецирует комплексную образную модель, выстроенную как посредством сложного взаимодействия единиц различных знаковых систем, так и нескольких образов. Ключевым в этом отношении, на наш взгляд, является понимание не простого взаимодействия единиц разнородных систем (вербальной, визуальной, аудиальной), а их консолидации в целях репрезентации единой авторской концепции.

Понятие креолизованной метафоры приобретает особую актуальность при рассмотрении её в качестве объекта лингвистической экспертизы. С учётом того, что единой методики исследования креолизованной метафоры в лингвистической экспертизе ещё не выработано, а также с учётом её комплексной семиотической организации возможным оказывается применение к анализу рассматриваемого явления методических рекомендаций, относящихся к описанию метафорической модели в целом, разработанных А. П. Чудиновым (Чудинов 2001), которая может быть представлена следующим образом:

1. Когнитивно-дискурсивная характеристика метафоры, основанная на исследовании того, «как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» (Кубрякова 2004: 520). Данный анализ позволит выявить комплекс особенностей конструирования и интерпретации метафорического образа. Метафора в данном случае описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен.

2. Определение конкретной сферы-источника, проецирующей развитие различных метафорических сценариев, отражающей оценки и интенции участников коммуникации с проекцией в сферу-мишень.

3. Структурный анализ креолизованной метафоры, целью которого является выявление соотношения вербальной, визуальной, аудиальной составляющей.

4. Анализ частотности метафор, установление влияния частоты употребления метафор на степень их образности и оценочности.

5. Реконструирование метафорических моделей с последующей оценкой выделенных моделей.

6. Анализ функциональной направленности креолизованной метафоры, определение её прагматического потенциала.

Указанные методические рекомендации анализа креолизованной метафоры позволят лаконично и подробно охарактеризовать её в различных форматах дискурса. Данную методику представляется возможным дополнить и скорректировать применительно к практическим нуждам лингвистической экспертизы с точки зрения особенностей её наиболее распространённых объектов – политических, экстремистских креолизованных метафор, обладающих конфликтогенным потенциалом. На наш взгляд, данное семиотически осложнённое образное явление в целях исследования проецирует насущную необходимость методических разработок в русле междисциплинарного подхода с привлечением научного инструментария лингвистики текста, теории коммуникации, семиотики, психолингвистики и т.д. Однако ведущим вектором научного познания должна явиться когнитивная лингвистика, задающая основные направления для развития междисциплинарного анализа такого сложного явления, как креолизованная метафора.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.

Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2007. – С. 180–189.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Сарна А. Визуальная метафора в дискурсе идеологии / А. Сарна // Палытычная сфера. – 2005. – № 4. – С. 55–60.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Austin J. L. How to do things with words. Cambridge (Mass) / J. L. Austin: Harvard univ. press, 1962.

CREOLIZED METAPHOR AS AN OBJECT OF LINGUISTIC EXPERTISE

I.A. Yaroschuk, K.V. Grinevich

Abstract. The article examines the problem of perception and understanding of creolized text as an integral part of modern communication. Particular attention is paid to the creolized metaphor, which acquires special relevance when considering it as an object of linguistic expertise. Methodological recommendations for the analysis of creolized metaphors are proposed, and the prospects for their interdisciplinary research are considered.

Key words: creolized text, cognitive metaphor, creolized metaphor, speech influence, linguistic expertise.

Секция 2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ВЫРАЖЕНИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА

РОЛЬ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЛИТЕРАТУРА»)

Бинцзе Сюй

Китай, г. Ухань, Китайский геологический университет
xubingjie@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросам изучения роли лексико-фразеологических средств в формировании языкового образа.

Ключевые слова: лексико-фразеологические средства, терминологическое поле, языковой образ, фразеология, терминология.

«Классическим подходом к анализу языковых явлений в современной русистике является системный, согласно которому язык понимается как совокупность единиц, тесно объединённых структурными и семантическими связями, организующими языковые единицы в группы на основании парадигматических, синтагматических, ассоциативных и деривационных отношений с учетом их формы, содержания, или того и другого одновременно» (Сюй 2019).

Подобные объединения, которые в лингвистике понимаются как поля различной типологии, могут быть интуитивно поняты всеми носителями языка. И здесь наиболее логичным является объединение языковых единиц в тематические (или семантические) поля как совокупности слов и фразеологических единиц, которое можно осуществить на основе сходства семантики.

Если мы говорим о словах и фразеологических единицах, то нельзя не упомянуть и языковой образ. Языковой образ – это «объективация посредством языка (языковых знаков и их комбинаций) знаний, представлений, мнений об этой реалии» (Никитина 2011).

В данной статье рассматривается формирование языкового образа на примере терминологического поля «Литература». Актуальность исследования данной темы обусловлена необходимостью обогащения сведений об особенностях концептуализации и категоризации знаний в наивной и научной картинах мира, неразработанностью проблемы интеграции разных типов знания.

Лексико-фразеологические поля, формируемые в сфере терминологии, имеют отличительные особенности в сопоставлении с полями, объединяющими единицы нетерминологического плана. Для терминов более значимыми являются не семантические, а

понятийные связи. В составе подобных полей не принято выделять синонимические и антонимические парадигмы единиц, на первом плане – их объединение в тематические (понятийные) группы. При этом семантические макрообъединения общеупотребительной и терминологической лексики и фразеологии в некоторых случаях сложно разграничить в силу интеграционных процессов внутри поля. Специальная лексика детерминологизируется, общеупотребительная терминологизируется. В связи с этим особый интерес представляют семантические поля гибридной природы, отражающие синтез наивной и научной картин мира. На сегодняшний день описаны следующие поля подобного типа: поле терминов общей теории права (Денисова 1992), поле русской экономической терминологии (Коновалова 1998), поле терминологии театрального искусства (Топорская 1997), поле строительной терминологии (Черкасова 1998) и др. В упомянутых трудах обращено внимание на терминологическую, составляющую поля.

Специальная лексика и фразеология понимаются нами как номинативные единицы, обозначающие явления науки и техники и используемые в профессиональной речи. По своему составу данный пласт словарного состава неоднороден. Различия в семантике, функциях, сфере употребления становятся основанием для выделения терминов, профессионализмов, номенклатурных единиц.

Термины – это специальные единицы, обозначающие научные понятия. Термины обладают рядом признаков. Термины конвенциональны. Это свойство данных единиц позволяет употреблять их в любых языках с сохранением тождественного понятийного объёма. Свойство конвенциональности обусловлено дефинитивностью термина, то есть наличием определения. Они могут быть даны путём описания интегральных и дифференциальных понятийных признаков либо отсылочным способом, что бывает нечасто, то есть с опорой на синоним, антоним. Благодаря свойству конвенциональности термины могут иметь идентичный или тождественный план выражения.

«Понятийное содержание термина характеризуется точностью, однозначностью, отсутствием эмотивно-оценочных компонентов. Данные свойства термина обуславливают их парадигматичность, то есть возможность употребления термина вне контекста, воспроизводимость. Это означает, что термину не требуется окружение, чтобы быть правильно понятым» (Сюй 2019).

Термины системны: они отражают понятийную систему, то есть ту или иную нишу в классификации. Кроме того, термины образуются по определённым моделям из идентичного морфемного материала, что подчёркивает системность специального слова.

Ещё одним видом специальной лексики является номенклатура. Для нашего исследования актуальна научная номенклатура, представляющая собой перечни единиц, омонимичных терминам и взятых без дефиниции. Номенклатурные единицы выполняют исключительно номинативную функцию, то есть используются как названия, не имеющие понятийного содержания.

К разновидностям специальных единиц относят профессионализмы. Они являются элементами профессионального жаргона. Профессионализмы не обладают свойствами терминов. Они не конвенциональны, не имеют стабильной, зафиксированной в энциклопедическом словаре дефиниции. Их содержание может включать эмотивно-оценочные элементы. Профессионализмы не обладают свойством системности. Профессионализмы – единицы, используемые в устной разговорной речи людьми, для которых сфера литературы и литературно-критической деятельности является профессиональной. Примеры: перепереть („перевести“), рерайтинг („переписывание“), книггер („автор, пишущий за других людей“). Профессионализмы используются в устном общении профессионалов, для них характерна разговорная, сниженная окраска. Так как рассматриваемая профессиональная среда включает творческих людей, свободно владеющих словом, то появление в лексико-фразеологическом поле «Литература» новых профессионализмов – процесс живой.

Номенклатурные единицы и профессионализмы входят в периферию поля. Нас интересует, прежде всего, терминология лексико-фразеологического «Литература».

Во-первых, следует рассмотреть вопрос о месте терминосистемы «Литература» в научной картине мира.

Указанная терминосистема входит в более крупное терминологическое объединение «Искусство», наряду с такими терминосистемами, как «Живопись», «Музыка», «Архитектура», «Скульптура» и др. В Большой советской энциклопедии находим следующую дефиницию: «Литература – один из основных видов искусства, искусство слова» (БСЭ).

В свою очередь, терминосистема «Литература» представлена следующими терминологическими группами. Каждая терминологическая группа выделяется на основе интегрального понятийного признака.

В терминологическую группу № 1 «Роды и виды литературы» входят научные понятия, обозначающие основные типологические виды литературных текстов. Данная группа представлена двумя подгруппами: подгруппой 1.1. «Роды литературы» и подгруппой 1.2. «Жанры (виды) литературы». Вторая во много раз численно превосходит первую, что объясняется онтологически.

В терминологическую группу № 2 «Литературные методы (направления)» включаются научные понятия, отражающие способы отражения действительности в литературных произведениях.

Терминологическая группа № 3 «Характеристика формы художественного текста» неоднородна, она включает ряд подгрупп.

В подгруппу 3.1 «Структурная характеристика художественного текста» включаются такие термины, как пролог, эпилог, глава, том, архитектоника и др.

Подгруппа 3.2. «Стихосложение» включает единицы, отражающие научные знания о стихотворных размерах, рифмах. В подгруппе «Стихосложение» можно наблюдать более мелкие тематические объединения – группировки, например, группировка «Разделы стиховедения»: ритмика, фоника, строфика, метрика, просодия и др.; группировка «Стихотворные размеры»: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест и др.; группировка «Формы стихосложения»: тонический стих, акцентный стих, белый стих, вольный стих, раешный стих и др.; группировка «Системы стихосложения»: метрическое стихосложение, тоническое стихосложение, силлабо-тоническое стихосложение; группировка «Строфы»: двустишие, четверостишие, катрен, октава, онегинская строфа; группировка «Рифмы»: бедная, дактилическая, мужская, неточная и др.; группировка «Способы рифмовки»: кольцевая, параллельная, перекрёстная и др. Постоянное развитие поэзии создаёт условия для пополнения этих подгрупп новыми терминами.

Разветвлённый характер подгрупп, входящих в группу «Стихосложение», обусловлен интересом учёных и хорошей разработанностью в науке вопросов теории стихосложения, так и разнообразием стихотворных форм, способов создания стиха. Здесь продолжает наблюдаться тесная связь поля «Литература» с явлениями внеязыковой действительности.

Так как стихосложение имеет различия в литературе разных стран и народов, то в данном микрополе представлены термины с понятийным элементом, противопоставленным элементу „русский“, и относящиеся к соответствующей группе. Например, термин дайна обозначает традиционную литовскую народную песню и относится к группе «Литовская литература»; термин дастан обозначает эпический жанр в литературах и фольклоре Ближнего и Среднего Востока и относится к микрополям «Лезгинская литература», «Персидская литература» и др.

В структуре группы «Стихосложение» также можно выделить подгруппы, связанные с местом, временем и особенностями создания стихотворных произведений: «Античное стихосложение» (гекзаметр, пентаметр, ионик и под.), «Народная поэзия» (былинный стих, частушка, потешка и др.).

Подгруппа 3.3. «Изобразительно-выразительные средства языка». Данную подгруппу составляют научные понятия о средствах художественной выразительности и изобразительности. Термины этой подгруппы могут быть классифицированы в зависимости от уровня языка:

- фонетические: ассонанс, аллитерация, звукоподражание и др.;
- графические: акrostих, анаграмма, палиндром и др.;
- лексические: оксюморон, антитеза, диатеза и др.;
- грамматические: зевгма, анафора, эпифора, синтаксический параллелизм;
- текстовые: рефрен, аллюзия, ирония, аллегория и др.

Терминологическая группа № 4 «Характеристика содержания художественного текста»: идея, пафос, тема, образ, проблема, фабула, сюжет и др.

Следует отметить, что терминологические группы 1 и 2 образуют ядро терминосистемы, а подгруппы 3 и 4 – периферию, поскольку включённые в них понятия широко используются в смежных терминосистемах: «Философия», «Лингвистика» и др.

Таким образом, терминологическое поле «Литература» структурировано четырьмя группами, которые в свою очередь состоят из ряда подгрупп. Состав терминологических групп обусловлен экстралингвистическими факторами.

Специальная лексика лексико-фразеологического поля «Литература» разнородна и представлена терминами, профессионализмами и номенклатурными единицами, которые различаются по семантике, функциям, сфере употребления. Терминосистема «Литература» является частью понятийной системы «Искусство» вместе с другими системами. Терминосистема «Литература» структурируется терминологическими группами «Роды и виды литературы», «Литературные методы (направления)», формирующими ядро терминосистемы; «Характеристика формы художественного текста», «Характеристика содержания художественного текста», формирующими периферию системы. Выделенные группы структурированы подгруппами.

Терминологическая группа «Роды и виды литературы» постоянно дополняется новыми единицами, на это влияют экстралингвистические факторы: непрерывность развития литературного процесса. Одним из наиболее продуктивных способов терминообразования в этой группе является составная номинация. К существенным признакам, положенным в основу классификации, можно отнести: «способ изложения информации», «содержание информации», «форма изложения информации: проза / поэзия», «отношение к образности: художественный /

нехудожественный», «наличие автора», «объём», «пафос», «сфера функционирования: светская / религиозная».

Менее динамична терминологическая группа «Литературные методы (направления)», что также объясняется онтологическими факторами. К продуктивным способам терминообразования относятся нерасчленённая и расчленённая номинации. Форманты и опорные слова выполняют категоризирующую роль, приставки и слова-распространители используются для указания на уровни классификации. Формирование нового знания происходит путём интеграции или конкретизации уже известного.

Таким образом, языковой образ формируется по-разному в зависимости от особенностей компонентов, образующих его.

Литература

Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-bse.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.09.2021)

Денисова А.А. Семантика терминов общей теории права (Парадигматический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1992. – 18 с.

Коновалова Е.А. Деривационный потенциал и парадигматические отношения современной русской экономической терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1998. – 19 с.

Никитина Л. Б. Языковой образ-концепт: о природе сложного термина // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2011. № 24 (239). С. 97-99.

Суй Бинцзе. Структура и семантика лексико-фразеологического поля «Литература»: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2019. – 183 с.

Топорская А.Ю. Структурно-семантический и функционально-парадигматический анализ терминологии театрального искусства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1997. – 17 с.

Черкасова Л.Н. Лексико-семантическая характеристика строительной терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ростов-на-Дону, 1998. – 22 с.

THE ROLE OF LEXIC-PHRASEOLOGICAL MEANS IN THE FORMATION OF A LANGUAGE IMAGE (ON THE EXAMPLE OF THE TERMINOLOGICAL FIELD “LITERATURE”)

Xu Bingjie

Abstract. The article is devoted to the study of the role of lexical and phraseological tools in the formation of a linguistic image.

Key words: lexical-phraseological tools, terminological field, linguistic image, phraseology, terminology.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НЬЮ-ЙОРКА И СТОЯЩИЕ ЗА НИМ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Е. С. Данилова, Е. М. Шевченко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

elena_danilova@bsu.edu.ru

shevchenko_em@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья направлена на рассмотрение лингвистических средств, используемых в англоязычных текстах музыкальных произведений для создания образа г. Нью-Йорк. Актуальность исследования обусловлена развитием городских территорий, что является неотъемлемым процессом современной жизни. В устной и письменной речи каждая стадия городского планирования отображается именно при помощи языковых средств. Источники фактического материала позволяют выявить мнения и стереотипы населения, а также социальные проблемы, стоящие за созданным при помощи определенных языковых средств образом города. На определение таких проблем и направлено настоящее исследование. Метафоры и гиперболы в значительной степени способствуют созданию образа Нью-Йорка, а также позволяют выявить типичные характеристики крупного города, в том числе мультикультурность, амбивалентное сочетание толерантности и вседозволенности, трудовую миграцию и прочие.

Ключевые слова: языковые средства, лингвистическая экспликация, метафорические выражения, развитие городских территорий, цельный образ, стилистические приемы

Introduction. Contemporary research in many aspects of science and especially cross-disciplinary studies have lately focused on the living environment, population distribution patterns, advantages and disadvantages of living in urban and rural areas. All of these aspects are significant from the point of view of economy, anthropology, sociology, city planning, engineering and so on. Issues of city image has been considered in detail in terms of geomatics and city planning (Jiang, 2013, Lynch, 1990), linguistics and social issues (Madden, 2019). But in the first place, all data concerning the above themes is explicated with linguistic means. We use specific terminology to denote urban functional areas (for instance, 'residential parks', 'green areas') and to describe infrastructure, landscape design trends or people's preferences. Global migration provides sufficient material for researchers to focus on linguistic landscape of cities (Leeman, 2009). Besides, taking into consideration a broad international cooperation in urban development, the need to use terms precisely and to have a substantial linguistic support raises no doubt among specialists. Apart from terminology, there is another category of linguistic means to describe living environment and express people's attitudes and associations, and that is stylistic devices. Speaking about their impressions, hopes and expectations, people tend to choose similes, metaphors and hyperbolae to make their speech emotionally rich. Despite the fact that such choices are mostly

made unconsciously, they provide sufficient data for linguistic analysis and enable us to reveal people's perceptions, impressions and preferences. They actually reveal the world views shaped in our minds. This paper is focused on linguistic means, in the first place, stylistic devices, used in various contexts to explicate the image of the NYC.

Materials and methods. We have undertaken an overview of linguistic means rendering the image of the NYC in English, based on linguistic materials in various genre song lyrics. In doing so, we expected to reveal people's perceptions of the city in terms of looks, comfort, linguistic and social environment, the prospects it offers and so on. Methods of continuous sampling and contextual analysis have been used for the purposes of this research.

Results and discussion. A language is a tool to render information about the objective reality. Describing facts and phenomena, it cannot but reveal actual trends and events behind them. The image of a toponymic object built in our consciousness is based on our personal perceptions and experience, as well as on objective facts, national history, functionality etc. N.F. Alefirenko interprets an image as a basis for constructing a language sign, stressing that "an image can acquire one or another verbal meaning" (Alefirenko, 2009: 8). According to B. Jiang, the image of the city is shaped in human minds (Jiang, 2013), while "city artifacts ... bear special meanings" which can be "cultural, historical, or personal" (2013). "Landmarks vary from one person to another, but some landmarks constitute the mental map for nearly all people, e.g., [the] London Bridge and Eiffel Tower" (Jiang, 2013).

Urban development today is associated with a number of linguistic issues, including urban multilingualism (Simon, 2019), ethnolinguistic struggles (Vandenbroucke, 2019) and "the city talk" through which we describe and categorize urban space" focusing on "the euphemistic and dysphemistic terms that reflect and reproduce sociospatial hierarchies" (Madden, 2019). Linguistic means express positive or negative connotation connected with city areas: "Delve into any corpus of linguistic data that features people describing urban places – in this case, neighbourhood reviews on TripAdvisor – and it is not hard to find unconcealed racism, class hatred, xenophobia, exoticism, and other acts of symbolic violence" (Madden, 2019). The scholar stresses "there is a common sense threaded through spoken and written discourse that denigrates the housing and social spaces of the working class and poor and affirms exclusionary forms of socio-spatial change. In doing so, it makes inequality seem natural and inevitable" (Madden 2019). Thus, linguistic means contain sufficient information on the public perception of one of another urban space, reveal social conflicts and render people's attitudes.

The components of the city image in our consciousness may have a psychological or esthetic origin (for instance, positive impressions of

landmarks or good memories of specific places), while language serves as a tool to explicate these images. Gradually, epithets, comparisons and metaphors frequently used in everyday speech become recorded in the phraseological level of language as idioms. Examples of such phraseological units describing large cities include the metaphorical “concrete jungle”, as well as “the melting pot” and “the Big Apple” which are used in respect to New York specifically.

A city is “not merely a pile of bricks and mortar, peopled by a certain number of inhabitants” but rather “a thing with a soul characteristic and distinct; an individual conglomeration of life, with its own peculiar essence, flavor and feeling” (O. Henry, 1925). This vision of living environment is in line with contemporary trends of creating comfortable living spaces for urban population, as well as of making city brands. New York is a vivid example of a city which is a brand in itself, attracting more residents and respectively, more labour force, which stimulates its further development. Its image has been popularized in numerous works of art, from literature and movies to retro and rap song lyrics. Irrespective of the genre, all of these sources explicate many aspects of living in this area.

For instance, speaking about the lifestyle, New York is known to be “a city that doesn’t sleep” (Ebb, 1977). The perception of NY as “famous as a place of movie scenes” (Hunte, 2009) is a vivid example of a mental map shared by most people.

The city image frequently overlaps with the concept of “good-looking”. An example of a linguistic representation of the latter is provided below:

“Street lights, big dreams, *all looking pretty*” (Hunte, 2009).

Though the use of the generalizing pronoun “all” may be an exaggeration, it indirectly indicates a non-written rule of being well-groomed, as well as dress-code standards adopted at many companies. On the other hand, the coexistence of people of various ages, social statuses and backgrounds contributes to the development of broadmindedness and tolerant attitude to each other. An extreme manifestation of tolerance may be the “don’t care” attitude, as exemplified with Prince’s quote: “You can *wear what you want to, it doesn’t matter* in New York, You could cut off all your hair, I *don’t think they’d care ...*” (Prince, 1982).

According to C. Huggins, “local urban environments promote tolerance cross-nationally” (Huggins, Debbies-Carl, 2016). The city’s multinationalism is closely connected with multilingualism. The New York City is known to be “a melting pot” for many languages. The linguistic landscape of New York, its variety of nations and ethnic groups may be illustrated with geographic names and foreign borrowings, as in the following contexts:

“Jewish, Puerto-Rican and a little bit *Italian*” (Princess, 2017).

“B is for *bodega*, Eating on your mama couch,
Low *bazooka* With a Puerto-Rican *chula*
Says she working in the city and she getting *mula*” (Princess, 2017).

Despite the cultural variety being typical of New York, according to a M. Tutrin, it is now “a graveyard for languages”, “a rich hunting ground for those trying to document languages threatened with extinction” (Tutrin, 2012). The scholar stresses that “New York is not just a city where many languages live, it is also a place where languages go to die, the final destination for the last speakers of some of the planet’s most critically endangered speech forms” (Tutrin, 2012). Thus, metaphorical expressions “hunting ground”, “graveyard” and the personification of inanimate objects (“languages go to die”) reveal a negative aspect of global migration and the monopoly of the English language causing rare languages to be displaced.

Crime rate frequently associated with large cities is also a characteristic feature of New York, as may be illustrated with a context from Nas lyrics: “I think of crime when I’m in a New York state of mind” (Nas, 1994).

The social variety is described metaphorically as a “*kaleidoscope* of loud heartbeats under coats” (Swift, 2014), while the statement of a fact: “*Everybody here was someone else before*” (Swift, 2014) points out plenty of people arriving in NY from other places to pursue their dreams. The status of New York as a dream city has remained unchanged for many decades, attracting many ambitious young people, though being quite challenging: “*If I can make it there I’ll make it practically anywhere*” (Ebb, 1977). In both cases, pronouns “everybody”, “anywhere” serve for exaggeration, stressing the large scale of people migration from rural areas or towns to cities.

In terms of the city landscape, the epithet “*concrete jungle*” (Hunte, 2009) may be referred to many urban areas today. However, its combination with a metaphor “*concrete jungle where dreams are made of*” narrows it down to a choice of several cities preferred by young people, that is, NYC, along with Los Angeles and Paris.

Conclusion. To summarize our findings, we can conclude that metaphors and exaggerations in the contexts under study contribute significantly to shaping the NY city image, as well as to revealing typical characteristics of living in a big city, such as multiculturalism, an ambivalent combination of tolerance and permissiveness (“I don’t care” attitude), labour migration and so on. Art and language are tools of reflecting objective reality. Ideas expressed in contemporary forms of art, such as rap lyrics famous for their realistic character, are capable of indicating issues requiring immediate solution. Besides, the coexistence of languages in large cities resulting from migration offers further prospects for research in adjacent areas, such as language development, lexicology and linguistic borrowings, cultural studies and so on.

References

- Alefirenko, N.F. Kognitivno-diskursivnaya paradigma yazykovogo znaka [Cognitive and discourse paradigm of a linguistic sign]. Language. Text. Discourse.:Scientific Bull. Stavropol State Pedagogical University. Ed. G.N. Manayenko. Stavropol, 2009. Pp. 7-17 (in Russian).
- Ebb F., Canter, J. New York, New York. 1977.
- Jiang B. The Image of the City Out of the Underlying Scaling of City Artifacts or Locations. *Annals of the Association of American Geographers*. September 2013 103(6): 1552-1566. DOI: 10.1080/00045608.2013.779503. Available from: https://www.researchgate.net/publication/230802698_The_Image_of_the_City_Out_of_the_Underlying_Scaling_of_City_Artifacts_or_Locations [accessed Aug 23 2021].
- Huggins C. & Debies-Carl J. (2015) Tolerance in the City: The Multilevel Effects of Urban Environments on Permissive Attitudes, *Journal of Urban Affairs*, 37:3, 255-269, DOI: 10.1111/juaf.12141
- Hunte A., Keys A., Shuckburgh A., Bert Keyes B., Sewell-Ulepic J., Shawn Carter Sh., Robinson S. *Empire State of Mind*. 2009.
- Leeman Jennifer, and Modan Gabriella. Commodified Language in Chinatown: A Contextualized Approach to Linguistic Landscape. George Mason University, Virginia and The Ohio State University. *Journal of Sociolinguistics* 13, no. 3 (2009): 332-362.
- Lynch K., 1990, *The Image of the City*, Cambridge MA, MIT Press. – 103 p.
- Nas. *New York state of mind*. 1994.
- O. Henry. *The making of a New Yorker*. 1925. Available from: <https://americanliterature.com/author/o-henry/short-story/the-making-of-a-new-yorker> (accessed Sept 01 2021).
- Madden, D. *The City Talk*. International journal of urban and regional research [Электронный ресурс]. Available from: <https://www.ijurr.org/spotlight-on/language-and-the-city/city-talk> (accessed Sept 01 2021).
- Prince (Nelson P.R.). *All the critics love U in New York*. 1982.
- Princess Nokia. *ABCs of New York*. 2017.
- Simon, Sh. *The Translational City*. Available from: <https://www.ijurr.org/spotlight-on/language-and-the-city/the-translational-city/> 2019 (accessed Sept 01 2021).
- Swift T. *Welcome to NY*. 2014.
- Tutrin M. *New York – a graveyard for languages*. BBC news. Available from: <https://www.bbc.com/news/magazine-20716344> (accessed Sept 01 2021).
- Vandenbroucke, M. *Public Signage: Language, Ideology and Claims to Urban Space*. International journal of urban and regional research. Available from: <https://www.ijurr.org> (accessed Sept 01 2021).

SOCIAL ISSUES BEHIND THE NYC LINGUISTIC IMAGE

E.S. Danilova, E.M. Shevchenko

Abstract. The paper is focused on linguistic means used in song lyrics to explicate the New York City image and based on the English language. The research has a timely character, as urban development is among the major issues of contemporary life, while each stage of city planning is represented in oral and written sources via linguistic means. The factual material sources enable people's opinion of urban challenges to be revealed, along with the social issues behind the city image. Identifying these issues constitutes the goal of the research. Metaphors and exaggerations in the contexts under study contribute significantly to shaping the NY city image, as well as to revealing typical characteristics of living in a big city, such as

multiculturalism, an ambivalent combination of tolerance and permissiveness, labour migration and so on.

Keywords: linguistic means, linguistic explication, metaphoric expressions, urban development, integral image, stylistic devices

ПОФИГИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА И ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ)

О.А. Димитриева

Россия, г. Чебоксары, Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева

olgaal_79@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается лексема *пофигизм* и ее окружение. Отмечается амбивалентная оценка состояния, обозначаемого лексемой: с одной стороны, отрицательная, так как связывается с равнодушным, апатичным отношением к окружающему миру и происходящим событиям в нем, с другой стороны, говорящий высказывает необходимость «воспитания» в себе *здорового пофигизма* как «противоядия» от чрезмерно эмоционального отношения или трудоголизма. Носитель признака *пофигист* может характеризоваться степенью проявления этого признака (*полный пофигист*). Материалом для исследования послужили примеры из Национального корпуса русского языка и интернет-сайтов.

Ключевые слова: лексема, семантика, русская языковая картина мира, менталитет, лингвокультурология.

Вводные замечания. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «смысл определяется отношением человека к миру» (Алефиренко 2013: 8). Появление новой лексики связывается не только с возникновением новых реалий, осмысливанием старых, но и с выражением своего отношения к миру и происходящим событиям в нем. Относительно новое слово *пофигизм* – нелитературное по своей внутренней форме, становится частотным, нормативным, употребляется в научном дискурсе – см. (Тимофеева 2019; Мельникова, др. 2019) и свободно используется в публицистике: сначала в кавычках как неустоявшееся, теперь без закавычивания – как распространенное и известное. В «Словаре русского арго» дается следующее определение понятия *пофигизм*: «Состояние безразличия, апатии; отсутствие интереса к окружающему миру, равнодушие; презрение к внешним условностям» (Елистратов 2002). Данная лексема образована от наречия / слова категории состояния *пофиг* («абсолютно безразлично, равнодушно» [БТСРЯ]). По данным «Русской грамматики», существительные на *-изм* со значением «отвлеченного процессуального признака» обозначают «названия идейных и политических направлений, склонностей», могут быть мотивированы глаголом (*отозвать* – *отзовизм*)

(Русская грамматика 1980: 164); прилагательным: *позитивный* – *позитивизм* (Там же: 180); в) существительным: *бандит* – *бандитизм* (Там же: 193). По данным «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, существуют три омонимичных суффикса *-изм*: 1) *изм*¹ «общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, качество, склонность, образ мыслей, сфера жизни и деятельности, болезнь, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим словом» (Лопатин, Улуханов 2016: 348). Список мотивирующих основ довольно широк: а) существительные собственные и нарицательные с разными значениями, такими как «склонности», «сфера деятельности», «направление», «общественная система» (*парашют* – *парашютизм*, *Маркс* – *марксизм*, *герой* – *героизм*, *царь* – *царизм* и т.д.); могут быть образованы суффиксальным способом (см. примеры выше), префиксально-суффиксальным (*антиарабизм*), путем сложения основ (*востокоцентризм*); б) прилагательные (*параллельный* – *параллелизм*, *инфантильный* – *инфантилизм* и др.); в) глаголы (*приземлизм*, *отзовизм*); г) связанные интернациональные корни (*эго* – *эгоизм*) (Там же: 348–352); 2) *изм*² «элемент языка, речи» (*латинский* – *латинизм*, *архаический* – *архаизм* и др.) (Там же: 352–353); 3) *изм*³ «целое, состоящее из частей, названных мотивирующим словом» (*орган* – *организм*) (Там же: 353). Как видно из приведенных иллюстраций, образование существительных на *-изм* является продуктивным способом, среди приведенных примеров встречаются многочисленные окказионализмы, характерные для публицистической речи, но образование существительного от наречия / категории состояния является довольно редким для русского языка. Чжан Шучунь, О.В. Кукушкина рассматривают ряд слов на *-изм* как синтаксические дериваты (Чжан Шучунь, Кукушкина, 2021), что в общем может быть отнесено и к рассматриваемой нами лексеме.

Пофигизм по материалам Национального корпуса русского языка (основного и газетного корпусов) (НКРЯ). Первый пример, содержащий данную лексему, датирован 1993 г. – по основному, 2000 г. – по газетному корпусу; в количественном соотношении в первом корпусе – 46 документов / 63 вхождения; второй содержит 117 документов / 126 вхождений, что свидетельствует о более частом использовании слова в публицистике. Во-первых, рассмотрим семантику лексем, входящих в однородный ряд со словом *пофигизм*; во-вторых, семантические группы определений, характеризующих данную лексему, в-третьих, некоторые особенности глагольной семантики и другой сочетаемости слов.

1. Если обратиться к приведенной выше дефиниции слова *пофигизм*, можно предположить негативно окрашенную семантику однородного ряда в целом (равнодушие, апатия, презрение к внешним условиям и т. п.). Проанализируем однородные ряды в НКРЯ, условно разделенные на две группы с отрицательной (1) и положительной оценкой (2):

(1) *халатность, равнодушие* (4 – здесь и далее в скобках указывается число повторений), *низкая культура, природное легкомыслие, невежество, лень* (2); *подорожание, похолодание; нечистоплотность; уныние, апатия; бум коррумпированности, рейдерства; нетрезвая разухабистость; горькая безнадега, нищета; нахальство; инертность; загул; лень, снисходительность к воровству, презрение к труду, подозрительность, блудливость, хитрость и приклатненность; бесшабашность* (2), *нематериальность существования, способность просадить свою жизнь; беспринципность; бесшабашная цыганщина; помутнение рассудка, цинизм; пассивность; нигилизм; общественная апатия, попустительство по отношению к злу и скука; отчаяние, желание жизни лучшей, лень, привычка; раздолбайство, принципиальное невыполнение домашних заданий и регулярная неявка на две трети уроков; демократизм; лихой романтизм; бравада; скепсис;*

(2) *комфорт, эпикурейство; неторопливый ритм жизни, жара, фатализм, жизнь одним днем, лень, сибаритство, «иншаллизм»; чувство юмора, желание всё бросить; уверенность; холодная вежливость.*

Асимметрия коннотаций очевидна: в основной массе явление, обозначаемое словом *пофигизм*, оценивается в негативном ключе, в особенности в публицистике. В один ряд входит 1) лексика, обозначающая личностные характеристики, качества человека, его настроение, желания (*лень, скука, апатия, уныние, раздолбайство, бравада* и т.п.); 2) лексика, обозначающая общественные явления и характеризующая общество и окружение человека (*демократизм, нищета, коррумпированность, подорожание, похолодание* и др.); 3) событийная и / или предметная лексика – *невыполнение домашних заданий, неявка на уроки, старенькое оборудование.*

2. Рассмотрим семантические группы определений (чаще всего это сочетания с прилагательными, но могут встречаться и наречия, например *пофигизм по-японски*):

– со значением всеохватности: *абсолютный* (2), *всеобщий* (5), *обычный* (2), *полный* (3), *полнейший, распространенный, тотальный*: Как видно – время **тотального пофигизма** на дворе (Ю. Цыбанев. Телепродукт, опасный для здоровья // Советский спорт, 2011.07.24);

– со значением принадлежности какой-либо национальности или нации, народности в целом (*вечный русский (2), российский, (обще)национальный, народный, белорусский, наречие по-японски, восточный*): *И ответить на катастрофизм государства не цинизмом, как это случается, не интеллигентским нытьем, от которого тошнит, и не **общенациональным пофигизмом**, а ясным осознанием того, что происходит внутри и вокруг нас* (Ерофеев Виктор. Сочувствие // Труд-7, 2000.08.29);

– со значением принадлежности социально-возрастной или гендерно маркированной группы (*мужской (2), братский, молодежный, трогательно-детский, демократический, интеллигентский, электоральный, чужой, человеческий*): *Конфликт интересов может привести к тому, что доминировать на поле будут коммунисты или демократы «старой волны», а недостаточное напряжение в полемике «государственников» опять-таки может быть **чревато электоральным «пофигизмом»** или случайным перетоком голосов* (Экспертиза «Нового Региона»: Ноев ковчег // Новый регион 2, 2007.07.12);

– темпоральной семантикой (*сегодняшний, всегдашний*): *это последствия моего **сегодняшнего пофигизма** на все происходящее...* (Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004));

– с точки зрения физического / психического состояния (*здоровый (4), патологический, нездоровый, врожденный, пожизненный*): *Наконец-то врачи нашли метод исцеления от **патологического пофигизма**. Единственная проблема: график лечения очень строгий, а пациентам это пофигу* (Анекдоты в номер // Комсомольская правда, 2006.01.16);

– с точки зрения эксплицированности (*внутренний, откровенный (2), явный и скрытый, демонстративный*): *Возмущаюсь элементарными ошибками, которые некоторые допускают, не потрудившись вникнуть в суть события и явления, их **явным и скрытым пофигизмом** и многими другими «грехами»* (Ленточка Святого Георгия // РИА Новости, 2006.05.11);

– квантитативно-константная характеристика (*благородный, великий, изрядный, элементарный, легкий, бунтарский, устойчивый, укоренившийся*): *Везёт собаке, никаких обязательств, никаких «надо», хочет – бежит себе куда-то, хочет – лежит посреди дороги, не волнуясь о том, как выглядит, ухожена ли борода, свежее ли дыхание, не воняет ли из подмышек потом... собаке пофиг, где и как лежать. Да здравствует, **великий пофигизм!**» (Гузалия Ариткулова. Контур, выжженный на асфальте // «Бельские просторы», 2018);*

– локально маркированный (*курортный, повсеместный*): *Вообще снисходительное отношение к туристам, которые «все*

равно приедут, если им надо», своего рода **«курортный пофигизм»** свойственен здесь очень и очень многим. (Дарья Асламова. «...Ялта, где растет золотой виноград, Ялта, где путаны ночами не спят» // Комсомольская правда, 2001.07.14);

– качественные характеристики с положительными и отрицательными коннотациями (*дружелюбный, умиротворенный, своеобразный, бунтарский, злостный, румяный*): А те, кто так и не узнал, – ворочаются в бессмысленной тяжести бытия под протухшими соусами различных философий: от бледного кухонного нищезанятия до **румяного пофигизма** в рюмочной (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009));

– с точки зрения отношения к деятельности (*кулинарный*): За **кулинарный пофигизм**, сигареты, алкоголь, нелюбовь к свежему воздуху и прочие нездоровые привычки «работодатели» нещадно штрафуют (Александра Маянцева. Как я хотела стать суррогатной мамой // Комсомольская правда, 2004.12.05);

– с точки зрения предопределенности (*фатальный*): Остальные не лечатся либо из-за **фатального пофигизма**, либо из-за того, что их иммунные показатели еще не рухнули до тех цифр, при которых им будет положено бесплатное лекарство (Н. Чернова. Почему Россия обречена на эпидемию ВИЧ // Новая газета, 2016.11.08).

В окружение также могут входить притяжательные прилагательные и местоимения: *Танькин, Оксанкин, мой, наш (2): Да и не воспитание это было, а всегдашний Оксанкин пофигизм* напололам с Мишиной ленью и безденежьем (Юлия Шалимова. Мама забыла Кирюшу под одеялом, и он умер от голода // Комсомольская правда, 2002.04.01).

3. Интересна сочетаемость данной лексики с предикатами. Так, из основной массы примеров выделяются глаголы с семантикой воздействия, такие как *победить, избежать* или, напротив, *сохранить*; глаголы / глагольные сочетания, в значении которых содержится эмоциональная реакция и неприятие ситуации, обозначаемой словом *пофигизм*: *осуждать, нести ответственность (за), портиться из-за, тревожить, не выносить, сталкиваться*; предикаты (как глагольные, так и именные), значение которых констатирует факт существования явления: *демонстрировать, наблюдать, распространен, генетически заложен, заполнен, чревато чем-л., нарастать, появляться, не обойтись без*.

Отметим также, что единицами измерения количества являются следующие слова: *уровень, степень, доля, доза, элемент*: Современный мир нуждается **в здоровой дозе пофигизма**, но все не так просто. Для начала разберемся, что такое пофигизм. И где находится та самая грань, которая разделяет **здоровую**

форму пофигизма от болезненной формы эгоизма (сайт https://relax-fm.ru/news_page/265).

Способом проявления всеохватности явления становятся слова *атмосфера, эра: Те простые, а стало быть, единственно верные истины, которым меня учили в детстве – честь, долг, совесть, доблесть, мужество – в наше время звучат лживо и пафосно. Говорить о человеческом достоинстве нищего гражданина не приходится. Если мы вошли в эру пофигизма уже в зрелом возрасте, и нам пришлось ломать свои идеалы, подстраиваясь под эту безыдеальную жизнь, то наши дети учатся унижению старости с рождения. И преуспеют в этом гораздо больше нас* (Бабченко Аркадий писатель. Человек с патефоном // Труд-7, 2007.05.08).

В интернете можно встретить книги, содержащие рекомендации по развитию в себе здорового пофигизма, такие как М. Мэнсон «Тонкое искусство пофигизма», Н. Ром «Как выработать здоровый пофигизм, или 12 шагов к уверенности в себе», С. Найт «Магический пофигизм. Как перестать париться обо всем на свете и стать счастливым прямо сейчас», В. Орловская «Пофигизм. Введение». В научном журнале «Главная медицинская сестра» мы читаем о необходимости развития пофигизма: *В условиях многозадачности руководителю важно **сохранить спокойствие, но и не выбиться из рабочего графика. Как не тратить драгоценную энергию на второстепенные моменты, не терять ощущение гармонии на протяжении рабочего дня? Прочтите рекомендации психолога, чтобы **развить в себе здоровый пофигизм***** (Тимофеева 2019: 104). На сайте журнала «Собеседник» в рубрике «Советы психолога» даны следующие рекомендации: **Здоровый пофигизм – путь к счастью. Волнение и постоянный стресс – не лучшие спутники здоровья. Поэтому важно управлять эмоциями и сохранять спокойствие** <...> **Здоровый пофигизм – это не равнодушие, как многие думают. Это разумный выбор человека – не придавать большого значения некоторым событиям в жизни** (<https://sobesednik.ru/psychology> от 08.11.2017). Данные примеры показывают смену модальности, переосмысление негативной оценки явления, обозначенного лексемой *пофигизм*, положительной. В круг негативных составляющих попадают *многозадачность, выбиться из рабочего графика, рабочий день*; в один ряд с *здоровым пофигизмом* как его элементы становятся *ощущение гармонии, сохранить спокойствие, управлять эмоциями* и др.

Итак, проявляется амбивалентная оценка состояния, обозначаемого лексемой *пофигизм*: с одной стороны, отрицательная, так как связывается с равнодушным, апатичным

отношением к окружающему миру и происходящим событиям в нем (чаще всего такое употребление встречается в публицистике), с другой стороны, говорящий рекомендует развитие в себе *здорового пофигизма* как способа сохранения спокойствия и здоровья в целом.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Смысл, модусные концепты и значение // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 31(322). – С. 8–14.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с. – Режим доступа: <https://gramota.ru> (дата обращения: 24.08.2021).

Елистратов В.С. Словарь русского арго [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian_argo.academic.ru (дата обращения: 24.08.2021).

Лопатин В.В., Улукханов, И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2016. – 812 с.

Мельникова М., Арутюнян А., Ибрагимова А. Пофигизм – это безмятежная легкость бытия? (к вопросу о воспитании у школьников равнодушного отношения к жизни) // Русский язык в XXI веке: исследования молодых: Материалы VI междунар. научн. студ. конф., Сургут, 07–08 февраля 2019 г. – Сургут: СГПУ, 2019. – С. 332–335.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 24.08.2021).

Русская грамматика [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова и др.]. – М.: Наука, 1980. – 783 с. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/256-283.html> (дата обращения: 24.08.2021).

Тимофеева М.Д. Как руководителю развить в себе здоровый пофигизм // Главная медицинская сестра. – 2019. – № 7. – С. 104–108.

Шучунь Ч., Кукушкина, О.В. Существительные с суффиксом -изм как средство номинализации в русском языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2021. – Т. 25. – № 2. – С. 113–124. – DOI 10.18522/1995-0640-2021-2-113-124.

POFIGISM IN MODERN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE (ACCORDING TO THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS AND INTERNET SITES)

O.A. Dimitrieva

Abstract: The article considers the Russian lexeme *'pofigizm'* and its collocations. There is an ambivalent assessment of the state indicated by the lexeme: on the one hand, it is negative, since it is associated with an indifferent, apathetic attitude to the surrounding world and the events taking place in it, on the other hand, the speaker expresses the need to “educate” a *'healthy pofigizm'* in himself as an “antidote” to an overly emotional attitude or workaholicism. The carrier of the trait of a *'pofigist'* can be characterized by the degree of its manifestation (a *'complete pofigist'*). The material for the study was examples from the National Corpus of the Russian Language and Internet sites.

Key words: lexeme, semantics, Russian language picture of the world, mentality, cultural linguistics.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО СЛОВАРЯ

А.А. Киселёв

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации
kiseliov2a@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена структуре иллюстрированных словарей. Затрагиваются вопросы транскрипции или транслитерации слов некоторых восточных языков. Выделены такие аспекты словарей как однородность и универсальность. Отдельно обсуждается неиллюстрированная лексика. Рассматриваются перспективы создания иллюстрированных словарей древних языков, а также сравнительных и этимологических иллюстрированных словарей современных языков. Особое внимание уделяется структуре лексических карточек и их разновидности – этно-лексических карточек.

Ключевые слова: словарь, лексика, семантика, транскрипция, этимология

Введение. Самым наглядным способом визуального восприятия лексики является картинка, изображающая значение лексемы. Наглядно изобразить можно только лексемы, обозначающие определённый предмет: например, *мяч, шкаф, кефир, троллейбус*. Поэтому почти вся лексика иллюстрированного словаря (далее – ИС) представлена существительными. Изредка встречаются глаголы, обозначающие конкретные действия: например, *пасовать* (в футболе). Прилагательные представлены в подразделе, посвящённом цветам. В конце словаря обычно приводится полный список используемых слов, составленный на всех языках ИС. Каждый рисунок ИС может описывать одну или несколько лексем. Например, каждому фрукту соответствует свой рисунок, а понятия *мякоть, косточка* и *корка* включены в рисунок *арбуза*. Для каждого понятия, как правило, выбирается только одно слово, тем самым синонимия не затрагивается в ИС.

Большинство ИС является двуязычными. Максимально возможное число используемых в ИС языков, насколько мне известно, равно пяти. Ограниченность числа языков связана с размером рисунков на словарной странице. Чем больше слов нужно подписывать к каждой картинке, тем меньший шрифт приходится использовать, а это отрицательно сказывается на читательском восприятии. Особенно остро этот вопрос может возникнуть для ИС некоторых восточных языков, в которых слова дополнительно снабжены транскрипцией или транслитерацией.

Первые ИС появились примерно в середине XX века. Английский термин для обозначения ИС – *Visual Dictionary*, немецкий термин – *Bildwörterbuch*. Сначала представленные в них картинки были чёрно-белыми, позже они были заменены на цветные. Одним из примеров современного чёрно-белого

иллюстрированного словаря является немецко-русский словарь Н. Бориско (Бориско Н.Ф., 2004). В работе используются данные арабско-английского ИС (Visual Arabic-English bilingual dictionary 2009), японско-английского ИС (Visual Japanese-English bilingual dictionary 2011), хинди-английского ИС (Visual Hindi-English bilingual dictionary 2019), а также тибетско-китайско-английского ИС (Chinese – Tibetan – English Visual Dictionary of New Daily Vocabulary 2005). Нужно отметить, что ИС существуют для относительно небольшого числа широко распространенных языков. Далее описываются основные особенности ИС и затрагиваются перспективы их дальнейшего развития.

Транскрипция и транслитерация. В ИС восточных языков, использующих письменность, отличную от латиницы (например, арабское письмо, еврейское письмо, деванагари), возникает вопрос о транскрипции или транслитерации приведённых слов. В ИС арабского языка (Visual Arabic-English bilingual dictionary 2009) все арабские слова снабжены именно английской транскрипцией: например, арабское слово *عميل* ‘клиент’ транскрибируется как *‘amīl*, но в этом словаре – как *Aameel* (Visual Arabic-English bilingual dictionary 2009: 96). В японском ИС для чтения японских слов дана стандартная транскрипция: например, *乗車券 jōshaken* “bus ticket” (Visual Japanese-English bilingual dictionary 2011: 197). Также можно отметить, что при транскрипции ударение в ИС обычно не указывается. В ИС хинди применяется смешанная система транслитерации и транскрипции: например, *जौ jau* ‘barley’ (Visual Hindi-English bilingual dictionary 2019: 184), притом, что транскрипция этого слова – *jo*. В ИС китайского и тибетского языка (Chinese – Tibetan – English Visual Dictionary of New Daily Vocabulary 2007) все китайские и тибетские слова вообще приводятся без транскрипции или транслитерации: получается, что этот ИС больше подходит для тибетцев, изучающих китайский язык.

Деление на разделы. Важнейшим преимуществом ИС является чёткое выделение семантических полей. Детально структурированная лексика позволяет читателю получить чёткое представление об интересующей его области. Одна из главных особенностей ИС также состоит в однородности его структуры. Все ИС имеют одинаковое деление на разделы одинакового объёма и содержания. Например, существуют разделы «Здоровье», «Дом», «Еда», «Работа», «Спорт». Каждый раздел делится на несколько подразделов (семантических полей). К примеру, раздел «Дом» включает в себя подразделы «Гостиная», «Кухня», «Спальня».

Однако сами картинки, представленные в конкретном подразделе, могут различаться. Например, в арабском словаре и словаре хинди в разделе “Study” приведены разные картинки подраздела “classroom”. Характерно, что в арабском словаре на

картинке *فصل faSl* “classroom” изображён урок в китайской школе, и на доске даже видны китайские иероглифы (Visual Arabic-English bilingual dictionary 2009: 162). А в словаре хинди на аналогичной картинке представлен урок в европейской или американской школе, а на доске ничего не написано (Visual Hindi-English bilingual dictionary 2019: 162). Это свидетельствует ещё об одной важной особенности ИС – её универсальности, независимости языка от культуры. Исключением может быть некоторая специализированная лексика. Например, лексема *кимоно* дана в японском словаре (Visual Japanese-English bilingual dictionary 2011: 35), но отсутствует в других словарях: арабском (Visual Arabic-English bilingual dictionary 2009), хинди (Visual Hindi-English bilingual dictionary 2019) и китайско-тибетском (Chinese – Tibetan – English Visual Dictionary of New Daily Vocabulary 2005). Однако, к примеру, лексема *сура* (глава Корана) отсутствует даже в арабском словаре, так как эта лексема принадлежит семантическому полю «Ислам», отсутствующему в ИС.

Неиллюстрированная лексика. ИС часто содержат менее значимые тематические слова, не снабжённые рисунками. Так, на странице японского словаря, посвящённой теннису, 11 слов попали в разряд иллюстрируемых (например, 審判 *shimpan* ‘umpire’), а ещё 18 слов лишены иллюстраций (например, セット *setto* ‘set’) (Visual Japanese-English bilingual dictionary 2011: 230). Помимо этого, в ИС встречаются словосочетания и небольшие предложения, стоящие отдельно от рисунков. Например, в словаре хинди в конце подраздела, посвящённого гостинице, приведено несколько тематических фраз, одна из которых выглядит так: मैंने कमरा आरक्षित कराया हुआ है | *Maiṇne kamrā ārakṣit karāyā huā hai* “I have a reservation” (Visual Hindi-English bilingual dictionary 2019: 101).

Морфологический аспект. В стандартных словарях часто даётся морфологическая информация о слове. В словарях многих языков (например, латыни, французского, немецкого, санскрита) указывается род существительного. В словарях арабского языка у многих существительных приведена форма ломаного множественного числа, у глаголов первой породы – «характерная» гласная и *масдар* (часть речи, аналогичная герундию). В словарях эстонского языка у существительных указывается форма родительного падежа. ИС лишены всякой морфологической информации о слове. Это объясняется тем, что подобная информация потребовала бы значительной дополнительной работы для составителей и увеличила бы объём ИС. Но при этом нужно учесть, что информация о лексеме, приведённая в ИС, может оказаться недостаточной для её использования. Например, не зная

род существительного, можно ошибиться в его согласовании с прилагательным.

Лексические карточки. ИС представляет собой множество картинок, собранных воедино по семантическим соображениям. Если же «разобрать» эти семантические поля, то останутся отдельные картинки, часто называемые лексическими карточками. Такие карточки – в бумажном или электронном виде – активно используются при изучении иностранных языков. ИС, в отличие от лексических карточек, является скорее справочным пособием. Часто в лексических карточках представлена не только предметная, но и абстрактная лексика. Например, на сайте БалтоСлав [www.baltoslav.eu] можно пройти тест на знание лексики для множества языков. Вся лексика иллюстрируется картинками. На картинке *лето* изображены две девушки, входящие в воду, на картинке *целовать* – парень, целующий девушку, на картинке *смотреть* – мальчик, стоящий перед экраном, а на картинке *останавливать* – девушка, останавливающая машину.

Этно-лексические карточки. Отдельный тип лексических карточек представляют собой изображения, связывающие слова языка с культурой носителей этого языка. Например, при изучении персидского языка для понятия *кошка* можно изобразить не любую кошку, а кошку именно персидской породы, для понятия *газета* – газетный листок, написанный именно на персидском языке, а для понятия *руины* – развалины древнего города Персеполис. Такие карточки можно условно назвать этно-лексическими карточками.

Особую ценность такие этно-лексические карточки имеют для древних языков. Подобные карточки наглядно изображают языковую картину мира. В эту языковую картину мира могут попасть географические названия и этнонимы. Например, этно-лексические карточки древнеперсидского языка могли бы включить в себя такие этнонимы как *перс*, *мидиец*, *эламит*, *ассириец*, *вавилонянин* и другие.

Одним из интересных примеров работы в этом направлении является создание лексических карточек египетского языка в группе в ВК [www.vk.com/egipetskiyyazyik]. Например, на карточке *синий* изображён синий глаз египетского бога Гора, на карточке *красный* – красный бог Ра, на карточке *чёрный* – бог Анубис в виде чёрной собаки, на карточке *красота* – царица Нефертити, на карточке *любовь* – Эхнатон и Нефертити с дочерьми [www.vk.com/egipetskiyyazyik].

Сравнительные и этимологические ИС. Как известно, для многих групп или семей родственных языков существуют сравнительные словари. К их числу, например, относится историко-сравнительный словарь тюркских языков (Наджип 1979). Для многих языков существуют и этимологические словари: к примеру,

для русского языка один из лучших этимологических словарей принадлежит перу Фасмера (Фасмер 2007). Наличие картинок в сравнительном словаре улучшает восприятие лексического материала. Для этимологического же словаря картинки (и необходимые стрелочки) пригодились бы лишь в тех случаях, когда слова в процессе развития языка или при заимствовании изменили своё значение. Так, русское слово *живот* прежде означало ‘жизнь’, ‘имущество’, слово *орангутанг* восходит к сочетанию малайских слов со значением ‘человек’ и ‘лес’.

Заключение. В заключение необходимо отметить, что ИС является прекрасным средством визуального восприятия детально систематизированной лексики. В перспективе видится создание ИС не только для редких, но и для древних языков. Кроме того, особый интерес представляет составление сравнительных и этимологических иллюстрированных словарей.

Литература

Chinese – Tibetan – English Visual Dictionary of New Daily Vocabulary. Sichuan Publishing house, 2007.

Visual Arabic-English bilingual dictionary. – A Dorling Kindersley Book, 2009.

Visual Hindi-English bilingual dictionary. – Penguin Random house, 2019.

Visual Japanese-English bilingual dictionary. – A Dorling Kindersley Book, 2011.

БалтоСлав: Играть, изучать и исследовать языки Европы и мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.baltoslav.eu (дата обращения: 24.08.2021).

Бориско Н.Ф. Иллюстрированный немецко-русский словарь = Deutsch – Russisch Bildwörterbuch. – М., Айрис-Пресс, 2004.

Египетский (древнеегипетский) язык и Египет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vk.com/egipetskiyyazyik (дата обращения: 24.08.2021).

Наджип Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века / в 4 кн. – М., Главная редакция восточной литературы, 1979.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. – М.: Астрель, АСТ, 2007.

THE VISUAL DICTIONARY CONSTRUCTING PECULIARITIES

A.A. Kiselyov

Abstract. The article is dedicated to the visual dictionary structure. The problems of some eastern language words transcription or transliteration are touched. Such dictionary aspects as homogeneousness and universality are underlined. The non-illustrated vocabulary is discussed apart. The perspective of ancient languages visual dictionary creating as well as that of modern languages comparison and etymologic dictionary creating is discussed. The specific attention is paid to the lexical cards (and their type called as ethno-lexical cards) structure.

Key words: dictionary, vocabulary, semantics, transcription, etymology

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ)

С.В. Ковалева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

Savvina S@bsu.edu.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению понятия эффективности коммуникации в контексте лингвопрагматики, уточняются различия между эффективностью коммуникации и результативностью, рассматриваются условия, необходимые для достижения эффективной коммуникации. В качестве примера используется фольклорный текст, в котором представлены языковые средства, подтверждающие лингвопрагматическую составляющую жанра.

Ключевые слова: лингвопрагматика, эффективность коммуникации, фольклор.

Современная лингвистика все чаще рассматривается исследователями в русле функционального подхода, для которого характерно системное изучение обеих сторон коммуникации – говорящего и слушающего. Одним из наиболее важных понятий в данном подходе является понятие эффективности коммуникации. По мнению Е.Ю. Гончарук, эффективная коммуникация – это коммуникация, при которой отправитель сообщения использует адекватные средства кодирования и передачи своей идеи, а получатель демонстрирует понимание идеи, сохраняя коммуникативное равновесие (Гончарук 2014: 30).

Наиболее значимым фактором успешной коммуникации является результативность понимания слушающего по отношению к говорящему, выбравшему максимально «правильные» в данной ситуации средства кодирования, т.е. такие, которые соответствуют пониманию «что говорить», «кому говорить» и «как говорить». Следует отметить, что некоторые лингвисты проводят четкие границы между понятиями результативности/эффективности. Так, И.А. Стернин уточняет, что коммуникация, в которой один из участников диалога обидел другого, считается результативной, но неэффективной (по И.А. Гончарук 2014: 31). Очевидно, что в процессе передачи информации от адресанта к адресату не менее важен эмоционально-психологический фактор, поскольку он сопутствует основному – лингвистическому. Как часто говорят носители русского языка, можно произнести слово с негативной коннотацией, но позитивной интенцией, и оно воспримется, как комплимент, и наоборот.

Таким образом, для анализа эффективности коммуникации можно выделить следующие факторы: лингвистический, психологический и этический.

Предложенные критерии определения эффективности общения могут применяться по отношению к любому виду коммуникации. Если с данной точки зрения посмотреть на фольклорные тексты, можно выявить конкретный критерий анализа эффективности определенного жанра. Например, что именно будет показателем эффективности языка заговоров, колыбельных песен, сказок, легенд и т.д. Тексты устного народного творчества относятся к разновидности коммуникативного акта, поскольку являются обобщенной коллективной мыслью, облаченной в речевую форму. Потому они практически всегда нацелены на слушателя и результат.

Понятие эффективности коммуникации тесно переплетается с компонентами лингвопрагматики, для которой характерно наличие адресанта/адресата, взаимодействия/воздействия. Эмоционально-психологическому фактору, необходимому для достижения эффективности коммуникации, в лингвопрагматике соответствует понятие интенции, подразумевающей сознательный посыл сознания на кого-либо или что-либо. Данный посыл может носить как благоприятный, так и неблагоприятный характер. Применительно к фольклору характер интенции зависит от цели, на которую ориентирован конкретный жанр или его разновидность.

Тексты народных сказок, в первую очередь, создавались с воспитательной целью, что называется моралью. Вспомнив примеры текстов в отдельности, можно выделить дополнительные цели, такие как развлечение, успокоение, объяснение мироустройства, взаимодействия людей друг с другом, противостояние обману или глупости, хитрость и ловкость и др. Понимание эффективности произнесения сказочных текстов сводится к достижению вышеперечисленных целей. Как говорилось ранее, Стернин определил, что есть большая разница между результативностью и эффективностью коммуникации. Фольклорные тексты намеренно иногда произносились с эффектом запугивания, создавали не только позитивные, но и образы, несущие негативно заряженный потенциал. Русское народное сознание часто мыслит дуальными категориями: добро-зло, свет-тьма, хорошо-плохо. На наш взгляд, следует вывод, что для народного сознания понятия результативность/эффективность тождественны, т.е. даже если результат достигается при помощи использования коннотативно негативной лексики, психологически отрицательной интенцией, он эффективен, поскольку одни и те же тексты фольклора веками хранились и передавались от поколения к поколению.

Рассмотрим фрагменты из русской народной сказки собирателя А.Н. Афанасьева «Морозко» (Народные русские сказки А.Н. Афанасьева 1984: 184-187). Образы положительной и

отрицательных героинь в тексте представлены описанием их действий и диалогами. О характере падчерицы можно узнать из следующих предложений: *«Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды творила, избу мела и все убирала еще до свету <...> Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе уноровить и дочерям ее услужить. <...> Отец любил ее за то, что была послушная да работающая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала...»*. Положительный образ формируется благодаря использованию однородных сказуемых, обозначающих действия, связанные с трудом: *поила-кормила, носила, топила, творила, мела, убирала; что заставят, то и делала*. Во втором предложении образ скромного характера представлен контекстными синонимами *молчала-плакала, уноровить-услужить*. Сознание народа возводит на один уровень понятия молчания и плача, угождения и услужения. «Идеальный» характер, в представлении, народа обладает чертами, присущими образу падчерицы.

Образы сводных сестер демонстрируются следующими предложениями: *«...сестры, глядя на мать, Марфушу во всем обижали, с нею вздорили и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают»*. Для описания характеров также используются однородные сказуемые, но они обладают негативной коннотацией и, соответственно, несут отрицательную модальность: *обижали, вздорили, плакать заставляли*. Сказуемые второго предложения фрагмента не несут негативной нагрузки, но второстепенные члены указывают на то, что все, на первый взгляд, позитивные действия осуществлялись образами благодаря действиям падчерицы. Язык сказки позволяет выявить контекстные антонимы, необходимые для категоричного противопоставления положительного и отрицательного образов. Проведем параллель: *убирала до свету / поздно вставали; поила-кормила, носила / чистым полотенцем утирались; никогда не упрямилась / вздорили и плакать заставляли*. Таким образом, текст сказки подтверждает наши слова о том, что коллективное бессознательное народа мыслит радикальными противопоставлениями. Основная цель данного фольклорного текста с точки зрения лингвопрагматики – сформировать представление о добре и зле, «правильном» и «неправильном» поведении в мире, о справедливости.

В центре лингвопрагматики находится человек как отправитель закодированной информации и как ее принимающий. Любой фольклорный текст является плодом коллективной мысли, разума. А, значит, адресантом сказок является народ. Язык рассмотренной нами сказки несет два вида интенции: позитивную

по отношению к положительному образу и отрицательную по отношению к негативному образу. Перенося данное понимание лингвопрагматики в область эффективности коммуникации, следует отметить, что психологический компонент сказки «Морозко» менялся от позитива к негативу, благодаря использованию определенных языковых средств: контекстных синонимов и антонимов. Выявить, насколько текст сказки эффективен по отношению адресату, можно понять по тому, какой вывод в своем сознании сформировал слушатель.

Таким образом, вопрос соотношения эффективности коммуникации в контексте лингвопрагматики, по нашему мнению, заслуживает более глубокого изучения. Фольклорные тексты, так же, как и «живые» диалоги, являются коммуникативными актами, которые дошли до наших дней во многом благодаря устной форме существования и воспроизведения. Устное произнесение фольклорных текстов часто предполагает адресанта и адресата, следовательно, нуждается в правильной передаче информации и отклике слушающего на нее.

Литература

Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматистика текста: курс лекций. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 148 с.

Гончарук Е.Ю. Анализ коммуникации по степени ее эффективности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №26. – С. 30-33.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 1. – М.: Наука, 1984-1985. – С. 184-187.

Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. – Минск, 2009. – 183 с.

Сиротинина О.Б. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – №1. – С. 59-71.

Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. – М.: «Восток-Запад», 2006. – 200 с.

COMMUNICATION ACT EFFECTIVENESS IN TERMS OF LINGUOPRAGMATICS (ON THE EXAMPLE OF FOLKLORE TEXTS)

S.V. Kovalyova

Abstract. The work is devoted to the study of the concept of communication effectiveness in the context of linguopragmatics, the differences between communication effectiveness and effectiveness are clarified, the conditions necessary to achieve effective communication are considered. As an example, a folklore text is used, which presents linguistic means confirming the linguistic-pragmatic component of the genre.

Key words: linguopragmatics, effectiveness of communication, folklore.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА УКРАИНСКИЙ, СЛОВАЦКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ

Е.А. Кошелькова

Словакия, г. Трнава, Университет Св. Кирилла и Мефодия
evgeniya.koshelkova2@yandex.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию метафорических трансформаций романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Мы рассматриваем такие трансформации, как демегафоризация, трансметафоризация и замену составляющих донорской зоны при условии сохранения метафоры в переводе. Анализируется влияние этих процессов на формирование функциональной и коммуникативной эквивалентности текстов оригинала и перевода.

Ключевые слова: метафора, художественный перевод, переводческие трансформации.

Проблемы перевода художественного текста давно находятся в области интересов исследователей различных областей знаний. Особый интерес для лингвистики представляет процесс перевода средств художественной выразительности, в том числе тропов метафорической группы.

На сегодняшний день особое место в научных исследованиях, посвященным теории художественного перевода, отводится переводческим трансформациям, так как они позволяют достигнуть эквивалентности перевода. Однако до сих пор отсутствует общее мнение о самой сущности переводческой трансформации. Например, В.Н. Комиссаров определяет переводческую трансформацию как «преобразование, с помощью которого можно осуществлять переход от единицы оригинала к единицам перевода» (Комиссаров 1990: 172). Л.С. Бархударов определяет переводческие трансформации как «межъязыковые преобразования, перестройка элементов исходного текста, операции перевыражения смысла или перефразирование с целью достижения переводческого эквивалента» (Бархударов 1975: 175). По мнению Я.И. Рецкера, переводческие трансформации – «приёмы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным» (Рецкер 1974: 82).

Соответственно, существует несколько вариантов классификаций переводческих трансформаций. К примеру, Л.С. Бархударов выделяет 4 основных группы трансформаций: перестановки, замены, добавления и упущения (Бархударов 1975: 192). В.Н. Комиссаров выделяет лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации (Комиссаров 1990: 193).

Наше внимание привлекла работа О.О. Селивановой «Метафора в системі перекладацьких трансформацій». В своей работе автор рассматривает процесс перевода тропов метафорической группы в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на украинский язык и распределяет их на 4 группы метафорических трансформаций: 1) демегафоризацию; 2) метафоризацию; 3) трансметафоризацию; 4) замену составляющих донорской зоны при условии сохранения метафоры в переводе (Селиванова 2017: 487).

Целью же нашего исследования является рассмотрение сформулированных О.О. Селивановой переводческих трансформаций на примере переводов текста романа «Мастер и Маргарита» на украинский (Ю. Некрутенко) (Майстер і Маргарита [Текст] / Михайло Булгаков 2008), словацкий (Ján Štrasser) (Majster a Margaréta [Текст] / Michail Bulgakow 2019) и польский (Irena Lewandowska, Witold Dąbrowski) (Mistrz i Małgorzata [Текст] / Michał Bułhakow 1998) языки.

Нами было отобрано из текста оригинала романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (Булгаков 2007) 208 контекстов, включающих метафорические конструкции.

подавляющая часть выявленных трансформаций представляет собой процесс **трансметафоризации**. Интересно отметить, что некоторые конструкции претерпевают такую трансформацию лишь в одном из переводов при сохранении метафорического значения в остальных: «**отправленный взрывом неврастениш**» и «**vydráňdený úvychom neurasténie**» (замена донорской зоны ЯД); «**вдруг ядовито** заключил Рюхин» и «**враз уїдливо підсумував Рюхин**» (при изменении донорской зоны происходит ослабление яркости значения); «глаза его в роговой оправе утратили свою обычную **колючесть**» и «**a jego oczy w rogowej oprawie straciły swój zwykły ostrzy wyraz**» (при сохранении донорской зоны атрибутивная метафора переводится как адъективная по причине отсутствия соответствующего эквивалента в польском языке); «**хоть все и перегорело и угли затянулись пеплом**» и «**hoci už všetko dohorelo a uhľiky sa zmenili na popol**» (трансформация объектно-субъектных отношений); «**Варенуха прятался сейчас в кабинете у финдиректора от контрамарочников, которые отправляли ему жизнь**» и «**krýval sa v kancelárii finančného riaditeľa pred všetkými, čo od neho žobronili voľné lístky – pili tu krv**» (замена донорской зоны ЯД на ГЕМАТОФАГИ); «**став уж совсем мрачнее тучи**» и «**posępny jak gradowa chmura**» (во-первых, метафора трансформируется в классическое сравнение, во-вторых, для усиления оттенка в польском языке переводчик использует сравнение человека с градовой тучей); «**осенняя тьма выдавит стекла, вольется в**

комнату и я захлебнусь в ней, как в чернилах» и «jesienna ciemność wygniecie szyby, wleje się do pokoju i **zatori mnie jak atrament**» (трансформация объектно-субъектных отношений); «стал белее **бумаги**» и «zbledol ako **stena**» (смена донорской зоны БУМАГА на АРХИТЕКТУРА).

Далее рассмотрим несколько примеров, в которых в двух из трех переводов наблюдается трансметафоризация при эквивалентном соответствии в третьем. «С **холодеющим сердцем** Иван приблизился к профессору» / «Iwan ze **zmartwiałym sercem** zbliżył się do profesora» / «s **rozbúńeným srdcom**» (замена метафоры с донорской зоной ТЕМПЕРАТУРА на метафору деструктивного действия); «**прорезав** длиннейшую очередь» / «**przecisnąwszy** się przez długą» / «kto sa **predral** dlhočizným radom» (трансформация глагольной метафоры со значением деструктивного действия на метафоры передвижения аннулирует слот «стремительность» в донорской зоне); «**взметнулась** волна горя» / «**dźwignęła** się fala zgrozy» / «**vzdula** sa vlna ħialu» (замена донорской зоны привела к снижению интенсивности действия); «**треснувшим** тенором осведомился клетчатый тун» / «**zardzewiałym** tenorem zasięgnął informacji kraciasty tun» / «**škrípavým** tenorom sa spýtalo kárované individuum» (смена донорской зоны на зону ЗВУК в словацком переводе и МЕТАЛЛ в польском); «**вскпало** в голове у Стены» / «**bulgotalo** w mózgu Stiory» / «**vírilo** Stopoví v hlave» (в польском переводе сохраняется донорская зона ЖИДКОСТЬ, теряется слот «высокая температура», в словацком языке донорская зона меняется на зону ДВИЖЕНИЯ); «его воля как будто **расколосась**» / «jeho wola **peķła**, jak gdyby zrozumiał» / «jeho vôľa akoby sa **rozsykala**» (оригинальная метафора со значением деструктивного действия (донорская зона СТЕКЛО) трансформируется в метафору световую в польском переводе и в метафору падения в словацком); «и сознание опасности, неизвестной, но грозной опасности, начало **томить** душу финдиректора» / «I zaczęło **peķać** Rimskiego poczucie niebezpieczeństwa, niebezpieczeństwa nieznanego, ale groźnego» / «A v riaditeľovej duňi **začal hľodať** pocit nebezpečenia, neznámeho, po straňného nebezpečenia»; «Римского **окатило** ледяной волной» / «**ogarnęła** Rimskiego lodowata fala» / «**zaliala** ho ľadová vlna» (во-первых, трансформация объектно-субъектных отношений, во-вторых, метафора оригинала реализует слот «резко», который отсутствует в польском и словацком переводах, в польском появляется понимания волны как контейнера, а в словацком человек становится контейнером); «облачко **набежало** на его душу» / «ale jednocześnie nieprzyjemna **chmurka osnuła** mi duszę» / «po zároveň mi na duňu **sadol** nepríjemný mráčik» (не меняется донорская зона при переводе на словацкий, но добавляются слоты

«резкость», «объемность», отсутствие которых в оригинале подчеркивается уменьшительно-ласкательным суффиксом, в польском переводе облако принимает на себя семантический оттенок контейнера); «**раздался** из кабинета разбитый голос Коровьева» / «**dobiegł** z gabinetu skrzekliwy głos Korowiowa» / «**ozwał** sa z pracovne Koroviouov *ňkrípavý hlas*» (трансформация адъективной метафоры со значением деструктивного действия на метафору звуковую, в следствие этого теряются слоты «болезненность», «утомленность»); «черная тоска как-то сразу **подкатила** к сердцу Маргариты» / «*czarna rozpacz z miejsca oblala jej serce*» / «*nepriehľadná šero sa okamžite prevalila na Margaritino srdce*» (трансформация контейнерного значения); «**потек** запах склена» / «**parfynął** zapach grobowca» / «*vôňa krypty sa nad ňou prehнала*» (глагольная метафора со значением передвижения (донорская зона ЖИДКОСТЬ) трансформируется в глагольную метафору со значением контейнера); «пользы от этого пения, между прочим, **целый вагон**» / «*natomiast pożytków ze śpiewania płynących jest, mówiąc między nami, cała fura*» / «*výhody týchto piesní medzitým celé auto*» (замена донорской зоны ПОЕЗД на зону АВТОМОБИЛЬ); «телефон его **мертв**» / «*že telefón je hluchý*» / «*že jeho aparat ogluchł*» (замена донорской зоны СМЕРТЬ на зону СЛУХ исключает эксплицируемые в оригинале слоты «окончателность», «безысходность»).

Обнаруживаются оригинальные метафоры, которые проходят процесс трансформации во всех трех переводах: «совершенно неожиданно **бухнул** Иван Николаевич» / «*зовсім неждано бовкнув Иван Миколайович*» / «**palnął** nieoczekiwanie Iwan» / «*z ničoho nič vuprálil Ivan Nikolajevič*» (оригинальная звуковая метафора в словацком переводе переходит в зону ОРУЖИЕ, в польском теряет звуковой оттенок, в украинском этот оттенок сохраняется); «черная зависть начинала немедленно **терзать** его» / «*чорна заздрість починала зразу гризти*» / «*i z miejsca opranowywała go czarna zawiść zaczynał czynić niebu*» / «*a okamžite ho začala zoňierat' čierna závisť*» (в украинском и словацком переводе сохраняется значение деструктивного действия (донорская зона ЖИВОТНЫЕ), но в них появляется слот «зубы», а в оригинале этому слоту соответствует «когти», в польском вообще значение деструктивности заменяется на значение контейнера); «**закопились** в мозгу у Степы какие-то непонятнейшие мыслишки» / «**закублились** в мозкові Стєпа якісь дуже прикрі микитки» / «**zakupiały** w mózgu Stopy jakieś wyjątkowo nieprzyjemne myśli» / «*hned' po článku si Stopa spomenul na istý rochybný rozhovor*». Здесь же особое внимание на себя обращает случай, в котором все три перевода являются идентичными трансформациями: «**сидящий за столом Римский с самого утра**

находился в **дурном расположении духа**» / «Римський з самого ранку перебував у **недоброму настрої**» / «Rimskij mal od samého rána **zlú náladu**» / «Rimski od samego rana był w **fatalnym nastroju**».

Далее на себя обращают внимание метафоры, при переводе которых на один язык обнаруживается **трансметафоризация**, а на другой – **деметафоризация**: «бесшумно **чертили** черные птицы» / «нещирне **krúžili čierne vtáky**» / «bezgłośnie **śmigali czarne ptaki**» (при переводе на польский метафорическое значение заменяется прямым, а на словацкий – трансформируется из донорской зоны РИСОВАНИЕ в зону ПЕРЕМЕЩЕНИЕ); «не оставалось даже **зерна сомнения**» / «nie pozostawał nawet **cień wątpliwości**» / «nebolo **najmenších pochybností**» (в данном контексте донорская зона РАСТЕНИЯ заменяется на зону ОПТИКА в польском переводе и вовсе утрачивается в словацком); «грозно сказал Иван и почувствовал **холод под ложечкой**» / «грізно сказав Іван і відчув холод **під грудьми**» / «że mróz tu przeszedł **po skórze**» / «rocítil, ako tu **zovrelo ňalúdok**» (оригинальная метафора температурного телесного чувства при переводе на украинский и чешский меняет место ощущения холода (грудь, кожа), в польском переводе наблюдается трансформация объектно-субъектных отношений); «регент с великой ловкостью на ходу **ввинтился** в автобус» / «regent nader zręcznie **wprasował się do autobusu**» / «regenschori sa **ňikoune zavrtal do autobusu**» (механическая метафора оригинального текста в польском переводе трансформируется в метафору со значением помещения во что-либо, в словацком языке при переводе происходит деметафоризация);

«Стена **отколол такую штыку**» / «Stiopa **wykonał następujący nute**» / «Stopa **urobil takúto vec**» (глагольное фразеологическое значение не сохранилось ни в польском, ни в словацком переводе, однако в польском произошла субстантивная трансформация); «Коровьев **клюнул носом в стену**» / «Korowiow **wparł nos w ścianę**» / «Koroviev **strčil nos do steny**» (донорская зона ПТИЦЫ меняется на зону ДВИЖЕНИЯ ПРИБЛИЖЕНИЯ в словацком переводе, в польском метафорическое значение и вовсе утрачивается).

Далее приведем контексты, при переводе которых прошел процесс **деметафоризации** в одном или нескольких языках при сохранении эквивалентности в остальных: «**отсверлили** свистки милиции» / «**відсюрчали** свистки міліції» / «**milicyjne gwizdki odgwizdały swoje**» / «**dohvízdali píšťalky milície**» (метафорические глаголы звучания (донорская зона ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ) переводчики заменили соответствиями с прямым значением); «и в ней **томилась** двенадцать литераторов» / «w

którym dwunastu przybyłych na posiedzenie literatów oczekiwało z niecierpliwością na Michała Aleksandrowicza» / «v nej **bolo** dvanásť otrávených literátov» (глагольная метафора со значением страдания (донорская зона КУЛИНАРИЯ) трансформируется в эквивалент с прямым значением); «у вас есть какая-нибудь печаль, **отравляющая душу**, тоска» / «Nemáte náhodou nejakú ňiaľ, čo vám **kvári dušu**, nejaký smútok?» (устранено метафорическое значение донорской зоны ЯД); «жизнь ее **пуста**» / «bo jej žycie **bylo pozbawione sensu**» (при деметафоризации утратилось значение контейнера); «внимание **струившихся** мимо граждан» / «rasala na siebie uwagę obywateli przechodniów» / «občanov, ktorí okolo nej prechádzali» (утрачено метафорическое значение жидкости); «загрустив и **затуманившись**, Иван закончил» / «rozrušený a zmätený, Ivan skončil» (утрачена погодная метафора); «отчетливо **сказал** где-то **бас**» / «odkiaľsi sa zreteľne ozval hlas» (утрачена синекдоха).

Далее рассмотрим трансформации метафор, заключающиеся в замене **составляющих донорской зоны при условии сохранения метафоры** в переводе: «**гремел** на весь бульвар гастроном Амвросий» / «**гуркотів** на увесь бульвар гастроном Амвросій» / «**burácal** na celý bulvár gurmán Ambrosius» (звуковая метафора); «радость **загорелась** в маленьких глазках Штурман Жоржа» / «радість **спалахнула** в маленьких оченятках Штурман Жоржа» / «radość **zapłonęła** w maleńkich oczkach» / «očká Navigátora Žorža **zaniarili** radošťou» (световая метафора, также наблюдается трансформация объектно-субъектных отношений в словацком переводе); «в глазах его **горела** настоящая **тяжелая злоба**» / «в очах йому **жеврїла** справжня **тяжка лють**» / «Ňklbalo mu lícom a v očiach mu **horela** naozajstná **ťažká zlosť**» (эквивалентные огненные метафоры и эмотивные метафоры); «вся штука заключалась в том, что **страх** **владел** каждой клеточкой моего тела» / «дорогий мій сусїдо, уся штука полягала в тому, що **жах володїв** кожною клітинкою мого тіла» / «cała rzecz polegała na tym, że **strach owładnął** każdą komórką mego ciała» (эмотивная метафора со значением контейнера); «донеслась отчетливая **милицейская трель**» / «Rimskij mimoriadne zbystreným sluchom odrazu zachytil ostrý hvizd **milicionárovej píňtalky**» (звуковая метафора); «Откуда он его **выкопал**, черт его **знает!**» / «Čertvie, kde ho **vyhrabal!**» (метафора физического действия и фразеологический оборот эквивалентны); «ответила трубка **дребезжащим** голосом» / «odpovedalo slúchadlo **škrípavým** hlasom» / «odpowiedziła **skrzekliwym** głosem słuchawka» (звуковая метафора); «сердце мое **прыгнуло**» / «серце моє **плигнуло**» /

«*srdce mi podskočilo*» / «*serce skoczyło mi do gardła*» (метафора эмотивная: испуг).

Обратим внимание на пример, при переводе которого проявились и **метафоризация**, и **трансметафоризация**, и **замена составляющих донорской зоны при условии сохранения метафоры** в переводе: «*тарактеть по-французски*» / «*стала гергомиту французькою*» / «*že trajkotala używając już wyłącznie francuszczyzny*» / «*drmolila len po francúzsky*» (речевая метафора из донорской зоны ЗВУК переходит в зону ЖИДКОСТЬ в словацком переводе, эквивалентно переводится на украинский, и утрачивает метафоричность в польском переводе).

Проведенный анализ языкового материала дает возможность наглядно рассмотреть процессы переводческих трансформаций. Наиболее частотным процессом является трансметофаризация. Важно отметить, что именно этот процесс оказывает деструктивное воздействие на образность текста. Однако в большинстве случаев это объясняется невозможностью сохранения исходной метафорической единицы по причине того, что заложенный метафорой образ отсутствует в одном из языков перевода, а также особенностями грамматической и лексической структуры языка. Аналогичное влияние и причины появления имеет процесс деметафоризации, хотя его примеры встречаются значительно реже.

Литература

Majster a Margaréta / Michail Bulgakow ; Z ruského prel. Ján Štrasser. – Bratislava: Slovart, 2019. – 384 с.

Mistrz i Małgorzata / Michał Bułhakow; Przeł. Irena Lewandowska, Witold Dabrowski. – Warszawa : Prószyński i S-ka, 1998. – 368.

Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – М.: АСТ: Астрель:Хранитель, 2007. – 480с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 376 с.

Майстер і Маргарита / Михайло Булгаков; Переклав з російської Юрій Некрутенко та “Екзегеза”. – Київ: Вид-во Агенції MSBrand Corporation, 2008. – 528 с.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.

Селиванова О.О. Метафора в системі перекладацьких трансформацій / О.О. Селиванова // Славістичні студії. Етнолінгвістика і міжкультурна комунікація / Львівський державний університет безпеки життєдіяльності. – Львов, 2017. – С. 485-493.

METAPHORICAL TRANSFORMATIONS IN M.A. BULGAKOV'S NOVEL "MASTER AND MARGARITA" IN ITS TRANSLATIONS TO UKRAINIAN, SLOVAK AND POLISH LANGUAGES

E.A. Koshelkova

Abstract. This article is devoted to the study of metaphorical transformations of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". We consider such transformations as demetaphorization, transmetaphorization and replacement of donor preservation components while preserving the metaphor in translation. The influence of these processes on the formation of functional and communicative equivalence of the original and translated texts is analyzed.

Key words: metaphor, literary translation, translation transformations.

ФРЕЙМ КАК СТРУКТУРА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ

Е.Л. Телицына

Россия, г. Ханты-Мансийск, АУ «Научно-аналитический центр
рационального недропользования им. В.И. Шпильмана»

e-telitsyna@mail.ru

Аннотация: В статье систематизированы подходы к осмыслению фреймов зарубежными и отечественными учеными. Выполнен анализ публикаций последних десятилетий по теме исследования. Установлены наиболее характерные признаки, присущие фреймовым формам, выявлены общие и отличительные черты представленных моделей. Помимо анализа исследований, затрагивающих тему исследования в разного рода областях знаний, среди существующих структур была отмечена наиболее подходящая, по мнению автора, архитектура представления фреймов.

Ключевые слова: фреймы, слоты, структура фреймов.

Научно-технологический прогресс дал толчок развитию многочисленных отраслей научного знания. XXI век стал особенно богат на зарождение междисциплинарных наук и исследований, в частности синтезирующих лингвистические и экстралингвистические элементы, что несомненно помогает ученым проводить более углубленный и всесторонний анализ исследуемого предмета. Данные тенденции безусловно сыграли свою роль в изучении фреймов, которые также стали объектом внимания ученых разных научных школ, в частности таких лингвистических дисциплин, как лингвокультурология, когнитивная лингвистика, социолингвистика, психолингвистика и т.д. Фреймы относятся к тем явлениям, которые носят универсальный характер. Вряд ли найдется область, в которой ученые не нашли бы применения данному феномену в своих экспериментах, разработках и другого вида работах для упорядочивания полученных знаний. В своей статье мы попытались привести модели организации фреймов из разнообразных областей зарубежных и отечественных знаний.

На сегодняшний день не существует единства мнений относительно терминологического аппарата обозначения

составляющих элементов фреймов. Следовательно, основная цель настоящей статьи заключается в том, чтобы систематизировать точки зрения на понимание феномена. Для реализации поставленной цели необходимо выполнить ряд задач: провести обзор научных трудов в отечественной и зарубежной школах по изучаемому вопросу, выполнить анализ публикаций, посвященных исследованию структуры фреймов, описать существующие на сегодняшний день схемы организации фреймов в различных областях, выявить их схожие и отличительные характеристики.

Наиболее важным и, можно сказать, фундаментальным представляются исследования М. Минского, который обоснованно считается одним из основоположников теории фреймов. По мнению ученого, фрейм формально представлен в виде двухуровневой структуры узлов и связей между ними: вершинные узлы содержат данные всегда справедливые для определенной ситуации, терминальные узлы, или слоты, заполняются данными из конкретной практической ситуации (Минский 1979: 45 – 56). Количество слотов соответствует количеству элементов, выделяемых в данном фрагменте опыта, слот имеет имя, задающее сам параметр, и заполняется информацией о значении, который данный параметр принимает у данного типа объектов или данного конкретного экземпляра (Кобозева 2004: 65).

Говоря о структуре фрейма, в большинстве случаев исследователи разделяют точку зрения Минского. Так, М.Л. Макаров утверждает, что «фрейм состоит из вершины (темы), т. е. макропозиции, и слотов, терминалов, заполняемых пропозициями» (Макаров 1998: 151).

По аналогии Е.Г. Беляевская рассматривает фрейм как иерархически организованную структуру, однако в то же время она утверждает, что во фреймовой структуре при неизменности общего содержательного наполнения некоторые аспекты могут выдвигаться на первый план, а другие уходить на уровень фона или вообще на время как бы «исчезнуть из поля зрения» (Беляевская 1992: 28).

И.В. Бекетова подчеркивает принципиальную открытость и незавершенность структуры фрейма. Поддерживая точку зрения Е.Г. Беляевской указывает на то, что «всегда существует возможность того, что появятся новые признаки, а старые уйдут на второй план или вообще исчезнут. Однако это не влияет на неизменность общего содержания фрейма» (Бекетова 2002: 9).

Одной из исследовательских групп вслед за М. Минским было предложено описать фрейм в терминах «узлов», «слотов» и «терминалов». Зачастую вместо термина «узел» используют синонимичный ему термин «слот» (Е.В. Старостина). (Старостина 2012: 51) О.В. Гусельникова полагает, что «в случае описания и анализа структурно сложного и многокомпонентного материала

ученые включают в свой терминологический аппарат понятие субфрейма, то есть части фрейма» (Гусельникова 2010: 140), которую также называют «подструктурой фрейма» (Джигарханов 2004: 24).

Согласно О.В. Гусельниковой «субфреймы – уровни, представляющие собой набор тематически единых признаков, – являются цепочками иерархически расположенных слотов. Субфреймы выстраиваются в структуре в порядке частотности упоминаемых испытуемыми слотов каждого субфрейма и в соответствии с движением от «стабильных признаков к нестабильным».

Слоты объединяются в тот или иной субфрейм по тематическому принципу. Каждый слот является формой выражения определенного когнитивного признака (может быть выражен отдельным словом или словосочетанием), причем несколько слотов могут служить отражением одного признака. (Гусельникова 2010: 145).

Другие исследователи, О.Ю. Гукосьянц, М.Н. Лату, выделяют облигаторные и факультативные составляющие, акцентируя на том, что «от всех прочих моделей фреймы отличаются особенностями их построения. Элементами фреймовой структуры являются базовые и опорные концепты, субфреймы, слоты, подслоты, ярусы и терминалы». (Гукосьянц, Лату 2017: 33). Согласно Т.А. Сытниковой, «выявление элементов фреймовой структуры терминосистемы опирается на определение основных концептов данной предметной области, в совокупности составляющих ядро терминосистемы и ее концептосферу» (Сытникова 2008: 255). Другая группа ученых поддерживает идею иерархичности фреймов, полагая, что сама структура фрейма может содержать субфреймы, делимые в свою очередь на слоты, расположенные на разных ярусах такой классификации. Содержание опорных и базовых концептов раскрывается посредством единиц терминологической лексики, которые заполняют слоты модели. При этом, «фрейм любой терминосистемы можно рассматривать в качестве своеобразной иерархической лестницы субфреймов, что позволяет вывести нижестоящий фрейм из вышестоящего» (Аллафи, Тугушева, Балкаров 2014)

В этой связи обратим внимание на точку зрения Т.А. Сытниковой, которая указывает на то, что терминологические единицы терминосистемы могут одновременно относиться к разным базовым концептам (Сытникова 2008: 255). Хотя Л.М. Аллафи, Ф.А. Тугушева и А.О. Балкарова писали о возможности представления фреймов в виде иерархичной лестницы субфреймов, ученые, тем не менее, отмечают, что «любой фрейм объемён и охватывает целый комплекс знаний, в связи с чем

практически невозможно в каждом конкретном случае назвать и перечислить все составляющее его структурные элементы». (Аллафи, Тугушева, Балкаров 2014). То есть авторы хотя и не указывают непосредственно на присутствие в структуре фреймов изменяемых элементов, однако, равным образом, как М. Минский, И.В. Бекетова и Е.Г. Беляевская, не исключают заполняемость подвижных ячеек новыми признаками.

Следует отметить еще одно важное наблюдение. Согласно И.Б. Тихоновой, иерархическая структура предполагает наличие родовидовых отношений, которые, «успешно выявляются в процессе построения фреймовой структуры терминосистемы» (Тихонова 2012: 179).

Как справедливо отмечает, но уже под другим углом обзора, Н.А. Ковалев в своих исследованиях, «в сложно организованных фреймовых структурах слоты способны развиваться и эволюционировать в субфреймы и фреймы, при этом образуя свои подструктуры. Данная возможность обусловлена иерархичностью и динамичностью фрейма, а также способностью элементов взаимодействовать и вступать друг с другом в связи». (Ковалев 2019: 60).

Н.Ф. Алефиренко, исходя из понимания фрейма как концептуальной структуры со знаниями о типичных ситуациях, объектах и способах поведения, подчеркивает, что в составе фреймовой структуры выделяют слоты – компоненты / элементы / части описываемой ситуации; определенные аспекты ее конкретизации, имеющие названия и заполненные определенным концептуальным содержанием (например, в качестве слотов могут выступать начало / место / время / результат действия). Другими словами, это элементарные смысловые ячейки, заполняемые определенной информацией (Алефиренко 2005: 280).

И.А. Стернин, говоря о фреймах, синтезирует определения, сформулированные двумя другими учеными ранее: фрейм состоит из терминалов (Minsky 1974: 3), утверждений фрейма (Чарняк 1983: 308). К примеру, фрейм «посещение магазина» содержит следующие утверждения: покупатель берет корзину; покупатель берет товары; покупатель держит вещь; покупатель выбирает вещь; покупатель у кассира; покупатель платит за товары; покупатель покидает магазин. Ю. Чарняк подчеркивает, что «структура фрейма в неявном виде содержит все умозаключения из каждого утверждения фрейма» (Чарняк 1983: 312). Каждое значение включает большой набор фреймов, которые обуславливают правильное понимание и употребление знака, организуют лексикон человека и систематизируют его знания (Ballmer 1980: 299-322; Уилкс 1983: 351; Агрикола 1984: 8).

Таким образом, фрейм, как правило, состоит из вершины или макропропозиции (темы) и слотов (терминалов). Слот – ячейка для хранения информации. Фрейм – это способ хранения информации в сознании человека. Набор слотов может быть ограничен опытом человека и индивидуален для каждого человека (см. Фреймы и сценарии).

Итак, несмотря на многочисленные способы описания структуры фреймов, мы можем прийти к выводу о том, что все приведенные выше точки зрения по исследуемой проблематике во многом сходятся. Прежде всего, все они говорят о том, что фреймы иерархичны: в структурном отношении они восходят от наименее ярко выраженных элементов к более ярко выраженным. Во-вторых, фреймы представляют собой многокомпонентный способ хранения информации в сознании человека: во всех научных областях они имеют некоторые ядра, которые в свою очередь включают в себя релевантные ячейки, а последние также «распадаются» на еще более мелкие звенья. Самым ярко выраженным отличием всех вышеприведенных исследований, на наш взгляд, терминологическая несогласованность: ученые используют терминологическую вариативность для обозначения составляющих единиц фреймов такую как узлы, слоты, терминалы, субфреймы, подструктуры фреймов, подслоты, ярусы.

Результаты проведенного нами анализа позволяют прийти к выводу о том, что для применения в дальнейших исследованиях наиболее удачной, на наш взгляд, является модель, разработанная Н.А. Ковалевым, а именно: фреймы, субфреймы и слоты. Она представляется адекватной и с теоретической и практической точки зрения для содержательного анализа семантических элементов фреймов. Вместе с тем заслуживает быть отмеченной простота оформления вышеназванной модели, что в равной мере выступает немаловажным аспектом при проведении контекстуального и дискурс анализа.

Литература

Агрикола Э. Микро-, медио- и макроструктуры как содержательная основа словаря. – ВЯ, 1984, № 2.

Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура / Н.Ф. Алефиренко // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 21-27., с. 280

Аллафи Л. М.-Р., Тугушева, Ф. А., Балкаров, А. О. Фреймовая семантика. Языковое представление подфрейма «Заболевания слизистой оболочки полости рта» [Электронный ресурс] / Л. М.-Р. Аллафи, Ф. А. Тугушева, А. О. Балкаров // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки № 6. – 2014. Режим доступа: <https://nauchtrud.com/1780/2020072210205559687> (дата обращения: 24.08.2021).

Бекетова И.В. Глаголы, активизирующие фрейм «приобретение», и их семантические и синтаксические особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2002. – 23 с.

Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): дис. ...д-ра филол. наук. – М., 1992. – 401 с.

Гукосьянц О.Ю., Лату М.Н. – Некоторые способы изучения и моделирования организации научного знания // Филология: научные исследования. – 2017. – № 4. – С. 32 – 49. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24141 (дата обращения: 24.08.2021).

Гусельникова О. В. Терминологический аппарат структуры фрейма / О. В. Гусельникова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9. – С. 137-149.

Джигарханов А.Р. Фреймово-тезаурусная характеристика системы железнодорожной терминологии / А.Р. Джигарханов // Молодежное приложение к журналу «Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета». – 2004. – № 3. – С. 22-41.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.

Ковалев Н.А. Эволюция концепта COLD WAR в американском политическом дискурсе (на материалах СМИ): Дис. ... канд. филол.наук. – М., 2019. – 178 с.

Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой. – М.: Прогресс, 1998. – С. 168.

Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

Старостина Е. В. Фрейм «поведение»: ассоциативный анализ / Е. В. Старостина. – Saarbrücken : LAP LAMBERT, 2012. – 174 с. – ISBN 9783845423036.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985.

Сытникова Т. А. Фреймовый анализ терминологии предметной области (на примере англоязычной компьютерной технической терминосистемы / Т. А. Сытникова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 85. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 254-258.

Тихонова И. Б. Терминосистема нефтепереработки как языковая манифестация профессиональной картины мира [Текст] / И. Б. Тихонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №5. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2012. – С. 175-180.

Уилкс Й. Анализ предложений английского языка. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, вып. 12.

Фреймы и сценарии. Режим доступа: <http://yazykoznanie.ru/content/view/74/263/> (дата обращения: 24.08.2021).

Чарняк Ю. Умозаключения и знания. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, М, 1983, вып. 12.

Ballmer T. Frames and Context Structures. – In: Zum Thema Sprache und Logik. Hamburg, 19180.

Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. – In: The Psychology of Computer Vision. New York, 1974. – 82 p.

FRAME AS A STRUCTURE FOR REPRESENTING KNOWLEDGE

E.L. Telitsyna

Abstract. The article presents an overview of the main scientific domestic and foreign researches approaches to frames conception. Analysis of the past decades' scientific papers on the studied issue was carried out. The peculiarities of frames were identified; similarities and differences of the represented models were outlined. Along with the analysis of researches dealing with the studied in various fields of knowledge issue, the most appropriate on the author's point of view architectonics for the representation of frames was pointed out among the existing structures.

Key words: frames, slots, frame structure.

**Секция 3.1. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
КАК КАТЕГОРИЯ, ПОРОЖДАЕМАЯ
ЛИНГВОКРЕАТИВНЫМ МЫШЛЕНИЕМ**

**ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА
ЖЕНЩИНЫ В ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ
АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И АНТИПОСЛОВИЦАХ**

О.Б. Абакумова, Н.В. Кирюхина

Россия, г. Орёл, Орловский государственный университет

им. И.С. Тургенева

abakumova-ob@mail.ru

mila0870@yandex.ru

Аннотация. Изучение гендерного фактора на материале английских пословиц и антипословиц позволяет наиболее полно раскрыть национально-специфичную категорию фемининности, поскольку данный подход позволяет осветить не только архаичную систему взглядов и оценок на фемининную роль, а также современное видение образа женщины, нашедшее свое воплощение и отражение в инновационных пословичных текстах.

Ключевые слова: пословица, антипословица, фемининность, семантическая гендерная маркированность, структурная гендерная маркированность.

Проблеме гендерной асимметрии, закреплённой и выраженной языком, уделяли внимание многие отечественные и зарубежные исследователи. В.Н. Телия в своей монографии о русской фразеологии посвящает раздел вопросам репрезентации женского образа, по завершению которого, автор приходит к следующим выводам: 1) в русском социуме женщина не рассматривается как слабый пол; 2) за гендерной ролью женщины закреплён стереотип женщины-домохозяйки; 3) при наличии гастрономической метафоры женщина репрезентируется как «лакомый кусок»; 4) в русской культуре поощряется целомудрие девушки и верность жены мужу, частая смена мужчин в жизни женщины порицается; 5) женщине свойственен статус «недочеловека» в бытовом понимании (Телия 1996). Проблематика гендерной лингвистики также освещается в работе А.В. Кирилиной, в которой рассматривается содержание национально-специфических стереотипов во фразеологическом фонде русского и немецкого языков. Анализ гендерных стереотипов позволяет автору прийти к выводу: 1) об андоцентричности двух сопоставляемых лингвокультур, что проявляется в общественной ориентации на маскулинные оценки и дефиниции; 2) женщина зачастую уподобляется неживым предметам, следовательно, воспринимается как объект или предмет; 3) положительной оценки заслуживает та

сфера и те фемининные качества, которые оказываются нужными или выгодными мужчине (Кирилина 1999). Также хотелось бы отметить монографию И.В. Зыковой, в которой автор проводит системное исследование гендерного фактора, вербализируемого в английской фразеологии, что позволяет очертить круг проблем и задач, подлежащих дальнейшему рассмотрению и решению в рамках гендерной лингвистики (Зыкова 2003).

Среди зарубежных трудов нельзя не упомянуть работу А.Т. Литовкиной, посвященной способам фемининной стереотипизации в текстах английских антипословиц, влияющих на общественное восприятие женского прототипа. В работе исследуются и подвергаются анализу моральные качества, манеры и стиль женского поведения, а также другие качества женщины, входящие в категорию «фемининность» на настоящий момент развития англоговорящего сообщества (Литовкина 2019).

Целью настоящей работы является проследить динамику развития образа женщины на материале английских пословиц и антипословиц. В связи с чем определяются следующие задачи: 1) проведение лингвистического анализа традиционных пословиц с последующим выявлением социально востребованных фемининных гендерных качеств; 2) проведение лингвистического анализа антипословиц с последующим установлением актуальных социально-релятивных фемининных гендерных характеристик; 3) осуществление синтеза полученных данных.

Термин «гендер» является центральным понятием лингвистической гендерологии и понимается как «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» (Денисова 2002: 14). Гендер проходит процессы институционализации и имплементируется в коллективное сознание посредством вхождения в общество каждого отдельного индивида и, впоследствии, реализуется через гендерный дисплей (Гофман 1994), который представляет собой «вариант дисплея идентичности, социально обусловленное многообразие проявления половой принадлежности на уровне межличностного общения; основной механизм создания гендера в процессе взаимодействия лицом к лицу» (Денисова 2002: 56). При каждом коммуникативном акте происходит базовая идентификация коммуникативного партнера по признаку пола, процесс которой характеризуется как произвольный, неосознанный фон социального взаимодействия. В результате чего, гендер «развивает точные признаки мужского и женского, которые в то же время и создают обоснование различного отношения общества к мужчинам и женщинам» (Кирилина 1999: 6).

Паремии, в свою очередь, образуют собой весьма интересный лингвистический материал, который наряду с фразеологизмами

широко используется для раскрытия оппозиционных категорий гендерной лингвистики «маскулинность» и «фемининность». Поскольку в настоящей работе проводится анализ вербализации образа женщины, образующего ядро категории фемининность, то нужно дать определение данной категории. Вслед за И.В. Зыковой мы будем понимать фемининность как «оперативное понятие лингвогендерологии, складывающееся из совокупности представлений о самых разнообразных ипостасях женщины и обо всем том, что может прямо или косвенно к ней относиться; является собирательным образом всего «фемининного»/«женского» (Зыкова 2003: 213). Иначе выражаясь, категория фемининности охватывает «характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе» (Гидденс 1999: 680).

Пословицы, заключающие в себе народное наблюдение, умозаключение, а также знания и представления об окружающем мире в целом, являются настоящим кладом культурно нагруженной информации об укладе жизни и системе оценок, закрепленной в том или ином языковом сообществе. Многие отечественные и зарубежные исследователи обращали внимание на неоднозначную природу пословицы. В.Н. Телия, называющая пословицы художественными текстами, «вышедшими из народа», полагает, что пословицы и поговорки, будучи отдельным жанровым классом, принадлежат к достоянию народного языкового творчества, содержащего мудрые замечания и умозаключения людей с опорой на их систему ценностей (Телия 1996). Выдающийся паремиолог Г.Л. Пермяков обращал внимание на тройственную природу пословицы, поскольку она представляет собой «с одной стороны, явления языка, сходные с обычными фразеологизмами; с другой – логические единицы (суждения, умозаключения); с третьей – художественные миниатюры, в яркой чеканной форме отражающие факты живой действительности» (Пермяков 1979: 8). В настоящей работе предлагается понимать под пословицей трактовку термина, предложенную О.Б. Абакумовой: «гибридный знак с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, косвенный речевой акт, чаще директивного типа, фразеологизм со структурой предложения, в актуализованном режиме используемый как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего» (Абакумова 2013).

Пословицная картина мира как фрагмент языковой картины мира обладает возможностью отражать объективный мир посредством языкового сознания того или иного народа. Более того, как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «картина мира какого либо языка является его преобразующей силой, формирующей представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у

носителей данного языка» (Алефиренко 2019: 11). Исследователь замечает, что языковой образ – это лишь отражение реалии в сознании человека, но не сама реальность. Именно через образы, через представляющие их метафоры, во фразеологии и паремииологии передаются культурно значимые характеристики и оценки явлений действительности, человека и его поведения в типовых ситуациях в рамках своей культуры.

Кроме того, в данной статье используется термин антипословица, который понимается нами вслед за В. Мидером и А.Т. Литовкиной как умозаключение, сформированное на базе традиционной пословицы и модифицирующее ее значение (Мидер, Литовкина 2002). Специфика жанра антипословиц как инновационных пословичных трансформаций характеризуется стремлением того или иного лингвокультурного сообщества пересмотреть бытующую на тот или иной момент стадии развития полоролевых отношений систему ценностей и оценок, находящихся в рамках пословичной картины мира. Полагается, что антипословицы транслируют более актуальное наполнение культурных кодов, национально-гендерных стереотипов, полоролевых экспектаций, а также содержание категорий маскулинности и фемининности того или иного лингвокультурного сообщества.

Для проведения лингвистического анализа было отобрано свыше 400 пословиц и антипословиц, имеющих семантическую и/или структурную гендерную маркированность.

Образ женщины, вербализуемый посредством гендерно маркированных пословиц английского языка, обладает как положительной, так и отрицательной оценкой. Гендерная роль женщины зачастую рассматривается в следующих отрицательных терминах: 1) чрезмерной болтливости и эмоциональности: «*Three women make a market*», «*A woman`s tongue wags like a lamb`s tail*»; 2) глупости, нелогичности поступков: «*Women in state affairs are like monkeys in glass shops*»; 3) опасности, фатальности, рока судьбы: «*No war without a woman*», «*Women are the devil`s net*», 4) лживой и притворной натуры: «*Women are saints in church, angels in the street, and devils at home*»; 5) жадности, корыстного умысла своих поступков, меркантильности: «*Wife and children are bills of charges*»; 6) хитрости, уклончивости: «*A woman needs but look on her apron-string to find an excuse*»; 7) нежелательности для мужчины, обременительности: «*Better hand loose than in an ill tethering*». Примечателен тот факт, что сравнение женщины с мужчиной обладает ярко выраженной контрадикторностью и ценностной асимметрией, когда женщине атрибутируется более низкий социальный статус: «*A man of straw is worth a woman of gold*». В английских пословицах также закреплен гендерный стереотип

жена – глава семьи, которая выступает хозяйкой не только домашнего очага, но командует всеми членами семьи. Среди положительных качеств, соотносимых с референтом-женщиной, в английском социуме подчёркиваются: 1) мудрая: «*An ounce of mother wit is worth a pound of learning*»; 2) хозяйственная: «*Men make houses, women make homes*»; 3) добрая, нужная мужчине, необходимая: «*A good wife is a goodly prize, saith Solomon the wise*», 4) кроткая, скромная: «*Silence is a woman's best garment*».

Большинство антипословиц английского языка обладает негативной коннотацией образа женщины, что проявляется тем же набором оценок, эксплицитно и имплицитно выраженным посредством пословичных инноваций. Современный образ женщины по-прежнему сохраняет за собой следующие характеристики: глупая, болтливая, опасная, обуза и помеха для мужчины, лживая, обманчивая, любящая командовать мужем, меркантильная и продажная, любящая деньги мужчины/мужа. Однако мы можем выделить новые качества и характеристики, которые нашли свое выражение в антипословицах в связи с новыми реалиями жизни английского общества. Многие антипословицы представляют женщин как сексуальный объект: «*A woman who thinks the way to a man's heart is through his stomach is aiming a little too high*» (Ср.: «*The way to a man's heart is through his stomach*»). Вовлеченность современной женщины в традиционно маскулинные сферы, такие как профессия, работа, политика, вождение машины отразилась в языке, что демонстрируется наличием следующих антипословиц: «*A woman's place is in the House....and in the Senate*» (Ср.: «*A women's place is in the home*»), «*Hell hath no fury like a woman driver*» (Ср.: «*Hell hath no fury like a woman scorned*). Активное участие женщины в традиционно маскулинных областях не могло не отразиться на гендерной роли женщины-матери, если раньше повседневный быт для женщины составляли заботы о детях, муже и доме, то сегодня этот список значительно расширился в связи с чем фиксируется утрата исключительно положительной оценки образа матери: «*Lots of babies must be rocking themselves nowadays*» (Ср.: «*The hand that rocks the cradle rules the world*»). Среди положительных и нейтральных фемининных характеристик в антипословицах выделяется: 1) самостоятельность решений и независимость женщины, учитывающей свои желания и амбиции: «*A woman's place is every place*», (Ср.: «*A woman's place is in the home*»); 2) соперничество с мужчиной на профессиональном поприще: «*Behind every successful man there's a woman-competing for his job*», (Ср.: «*Behind every great man there is a woman*»); 3) разборчивая, осторожная: «*It's not easy for a beautiful girl to believe that love is blind*» (Ср.: «*Love is blind*»), 4) стремящаяся выйти

замуж или встретить мужчину: «*Husband-seeking women: Too many looks spoil the troth*» (Ср.: «*Too many cooks spoil the broth*»).

Проведенный лингвистический анализ показал, что в отличие от традиционных пословиц, противопоставляющих сферы жизнедеятельности человека по его половой принадлежности, антипословицы позволяют зафиксировать снижение уровня контрадикторности сфер маскулинного и фемининного, что подтверждается расширением круга участия женщины в различных областях общественной жизни человека, ранее традиционно соотносимых с маскулинностью, а именно, профессиональная состоятельность, вождение машины, участие в политике. Кроме того, отмечается наличие антипословиц, относящих традиционно маскулинные качества к референту-женщине, среди которых конкурентноспособность, независимость желаний, самостоятельность действий и решений, рассудительность, осторожность. Тем не менее, пословичный и антипословичный фонд английского языка по-прежнему характеризуется склонностью к андроцентризму, что проявляется в большей активности фемининных лексем в провербиальных текстах. Данный факт свидетельствует о большей заинтересованности общества (точнее мужчин) в оценке и характеристике женщины, её жизнедеятельности, поступков, ценностно-моральных установок и личностных качеств с позиции их ценности и необходимости для мужчины. Дальнейшей перспективой исследования может стать проведение аналогичной лингвистической процедуры с целью обнаружения динамики развития маскулинного образа.

Литература

Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – Орёл. 2013. – 46 с.

Алефиренко Н.Ф. Идиоматический «камертон» когнитивно-прагматического регистра в языковой картине мира // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сборник научных трудов по итогам 4-й Международной конференции по когнитивной фразеологии. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. – С. 9-15.

Гидденс Э. Социология / Науч. ред. В.А. Ядов; Общ. ред. Л.С. Гурьевой и Л.Н. Иосилевича; [Пер. В. Малышенко и др.]. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.

Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии: монография. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 232 с.

Кирилина А.В. Гендер. Лингвистические аспекты. Монография. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.

Пермяков Г.Л. Грамматика пословичной мудрости // Пословицы и поговорки народов Востока. – М., Наука, 1979. – 128 с.

Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой // Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Электронный ресурс]. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – 289 с.

Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. – London: Penguin Books Ltd. 2000. – 384 p.

Goffman E. Interaktion und Geschlecht. – Frankfurt am Main, 1994.

Litovkina A.T. Women Through Anti-Proverbs. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. – 211 p.

Mieder W., Litovkina A.T. Twisted Wisdom. Modern Anti-proverbs. – Burlington: The University of Vermont, 2002. – 254 p.

PAROEMIOLICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF WOMAN IN GENDER-MARKED ENGLISH PROVERBS AND ANTIPROVERBS

O.B. Abakumova, N.V. Kiryukhina

Abstract. The research of gender factor on the basis of English proverbs and anti-proverbs gives a more detailed understanding of nationally specific category of femininity since this approach reveals both archaic system of views and qualifications of female role and modern representation of the image of woman as seen in innovative proverbial texts.

Key words: proverb, anti-proverb, femininity, semantic gender markers, structural gender markers.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Т.А. Басова

Россия, г. Владимир, Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
tanyatako@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния культуры на лексическую вариативность фразеологических единиц. Лексические варианты обуславливаются синонимией варьирующихся компонентов, метонимией или принадлежностью к одному ассоциативному полю. Принадлежность может возникать из объективной реальности или иметь корни в культуре того или иного народа, и на примере соматических фразеологизмов русского, английского и японского языков доказывается, что фразеологическая вариативность таким образом имеет отношение не только к структурной фразеологии, но и к антропологическому аспекту, а также требует лингвокультурологического комментария.

Ключевые слова: фразеология, вариативность, лингвокультурология, лексические варианты, идиомы, японский язык, русский язык, английский язык.

Фразеологическая вариативность достаточно широко рассмотрена в исследованиях русских и зарубежных лингвистов, в том числе и японских, но в разных школах взгляды на это явление разнятся вплоть до отрицания фразеологической вариативности

вообще. Ещё в 70-х годах прошлого века А.И. Федоров в труде по русской фразеологии писал о недостижимости полной идентичности вариантов, придерживаясь мнения, что любые так называемые варианты – это фразеологические синонимы с разной образной основой (Федоров 1973: 20). Однако, большинство лингвистов все же признает вариативность, оставляя открытыми дискуссии о возможности дифференциации вариантов с разной стилистической окраской, экспрессивностью и даже особенностями плана содержания, так как граница между фразеологическими вариантами и синонимами не всегда строгая. Согласно А.В. Кунину, фразеологические варианты всегда содержат в основе общий инвариант – неизменный семантический, лексический, синтаксический «каркас» устойчивости фразеологизма, который «обеспечивает объем вариантности в пределах тождества фразеологической единицы (Федуленкова 2012: 46). А.В. Кунин выделяет следующие составляющие этого «каркаса»: «Фразеологические варианты – это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» (Кунин 1964: 442). В.М. Мокиенко приходит к выводу, что именно общие образ и синтаксическая конструкция позволяют рассматривать определенные фразеологизмы как варианты (Мокиенко 1990: 26). Амосова указывает на второстепенность структурных изменений, которые не сказываются на мотивировке или реализации фразеологической единицы (Амосова 1963: 100). В трудах В.П. Жукова, В.М. Мокиенко указываются следующие характеристики вариантов: единство семантики и образной основы, одна лексико-грамматическая отнесенность, аналогичная синтаксическая конструкция, одинаковая сочетаемость и эмоционально-экспрессивные свойства, отнесенность варьируемых компонентов к одному синонимическому ряду, взаимозаменяемость.

Анализируя ряд подходов, можно сказать, что в первую очередь именно совпадающая семантика, тождественность значений вариантов отличает их от фразеологических синонимов, у которых присутствуют семантические различия, не совпадает стилистика, области употребления, сочетаемость в контексте. Т.Н. Федуленкова видит следующие составляющие фразеологической тождественности вариантов: структурная тождественность (общность синтаксической структуры), семантическая тождественность (общность значения и образа), функциональная тождественность (сочетаемость с другими

единицами), семасиологическая тождественность (общность референта и знаковой функции, одинаковый объем понятия) (Федуленкова 2012: 46). Она же распределяет варианты в следующие четыре категории: лексические, грамматические (морфологические и синтаксические), количественные и комплексные (смешанные) (Там же: 50-57).

Контрастируя с вышеописанными взглядами, японский подход к фразеологической вариативности, помимо выделения тех же лексических, морфологических, синтаксических, количественных вариантов, с самого начала отличался фактом включения в понятие вариантов а) отфразеологических составных слов (лексических единиц!), распространенных в японском языке, б) антонимичных вариантов, которые А.В. Кунин считал просто фразеологическими антонимами с подобной структурой, в) вариантов с переходным/непереходным глаголом, которые по сути являются типом комплексных вариантов (Й. Морита (1985, 1984), Й. Миядзи (1982), П. Исида (2004, 2014, 2015)), то есть критерии вариативности в целом более пространны, нежели в концепции А.В. Кунина и др., и предполагают большую свободу интерпретаций, допуская вариации семантической составляющей или даже переход фразеологизмов в лексемы (Basova 2021: 69-72).

Одним из распространенных и динамичных видов вариативности в английском, русском и японском языках признается лексическая вариативность, под которой понимаем замену одного или нескольких лексических компонентов, что при этом не нарушает цельности инварианта фразеологической единицы.

Лексические варианты фразеологизмов, как известно, могут быть обусловлены синонимией слов, метонимией и, как отмечает Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко 2018: 68), принадлежностью слов к одному ассоциативному полю. Такая принадлежность может создаваться в основном двумя путями: ввиду объективной реальности и культурной специфики (или их сочетанием).

Например, весьма прозрачны причины чередования глаголов «смотреть» и «наблюдать» в японском фразеологизме 顔色をうかがう/顔色を見る («смотреть/наблюдать за цветом лица кого-либо») со значением 'подстраиваться, пресмыкаться', вызванные синонимией слов, или причины чередования компонентов *grease* и *oil* в фразеологизме *to grease/oil one's palm*. Метонимический перенос видим, например, в английском фразеологизме *to grease one's palm/fist/hand*, японском 鼻が高い/頭が高い («нос высок», «голова высока») со значением 'вести себя высокомерно' или даже в русском *воротить нос/морду/рыло*: связь целого (*hand*, морда, 頭) и части (*palm*, *fist*, рыло, нос, 鼻). Вариативность японских ФЕ 寝息をうかがう /

鼻息をうかがう («следить за дыханием во время сна», «следить за дыханием из носа») с тем же значением ‘подстраиваться’ тоже логична, так как оба вида дыхания – это неявный, малозаметный признак, требующий чуткого наблюдения. Данный признак и объединяет их в одно ассоциативное поле. Мы легко можем понять основу для варьирования, так как ее причины лежат в объективной реальности.

Однако, ряд фразеологических вариантов завязан на культурных кодах, отраженных в языке. Рассмотрим культурно-специфическое варьирование японских ФЕ:

肝が据わる/腹が据わる/胆が据わる («печень поставлена», «живот поставлен», «желчный пузырь поставлен») ‘набраться смелости, решимости’.

Причина варьирования таких необычных компонентов сложнее: чередование связано с телесным культурным кодом и не поддается объяснению без обращения к японской культуре.

Живот сам по себе, конечно, не является уникальным компонентом, но это один из наиболее символически нагруженных соматических знаков в телесном коде японской культуры, что и создает определенные ассоциации; в компоненте «живот» прослеживаются культурно-специфические интегральные семы, обусловленные восточными традициями и духовными учениями, представлениями о работе энергетических центров и их связи с ментальным и эмоциональным полями человека (Басова 2020: 85-96). Говоря кратко, в японской культуре живот (*hara*) – этоместилище истинных мыслей и эмоций человека, его истинное нутро, область внутреннего баланса и решимости, а также центр эмоции гнева, что и позволяет *животу* чередоваться с *печенью* и *желчным пузырем*, которые, в свою очередь, «ответственны» за храбрость. Общее ассоциативное поле всех трех компонентов можно назвать «качество решимости». Подобного не наблюдается ни в русском, ни в английском языке, где компоненты живот/*belly/stomach* обладают гораздо большей узостью символических значений, что прослеживается в том числе через анализ фразеологии данных языков. Что интересно, печень в английской фразеологии также связана с храбростью, а точнее, с ее отсутствием (*to have a yellow/lily/white liver*), устаревшее наименование желчного пузыря и по совместительству желчи – *gall* (совр. *Gall bladder, bile*), а *gall* также имеет значение ‘*brazen boldness coupled with impudent assurance and insolence*’, согласно толковому словарю Merriam-Webster (2021). В Средние века *gall* ассоциировалось с озлобленностью/огорчением, т.к. желчь горькая, но постепенно выражение *to have the gall* обрело коннотации наглости/смелости/дерзости. Тем не менее, нет смысла опираться на эти совпадения для понимания фразеологии другого языка; для

составления лингвокультурного комментария требуется обращение к аутентичной японской культуре. В свою очередь, английское *gall* чередуется с *nerve: to have the gall/nerve to do smt.*, и это еще один пример культурно-специфической вариативности, требующий отдельного исследования.

Необычное и насыщенное чередование, обусловленное глубокими лингвокультурологическими причинами, находим в японском фразеологизме:

心を砕く/肺肝を砕く/身を砕く/肝胆を砕く/心肝を砕く/肝を砕く/心肝を砕く «ломать сердце/ломать легкие-печень/ломать тело/ломать печень-желчный пузырь/ломать сердце-легкие» ‘ломать голову, иметь загруженную голову’.

Взаимозаменяемость этих органов в данном фразеологизме также обеспечена наделением их в японской культурной традиции и древней медицине не только физическими качествами, но и мифологическими, а также духовными; ряд органов символически отвечает за те или иные чувства и эмоции, через них функционирует тонкий план человека или некоторые из его сторон. В японской фразеологии не наблюдается жесткого противопоставление духовного и телесного, скорее наоборот. Тело и многие его органы выражают духовное, эмоциональное, ментальное состояние человека. Как мы видим, в идиомах ментальный дискомфорт уподобляется телесному дискомфорту, и «страдает» от тяжелых мыслей не только зона, связанная с мышлением (голова или мозг, например), а многие другие органы (сердце, легкие, печень, желчный пузырь и в целом тело), так как они все в равной степени связаны с «ки» человека – с его духом или энергией, ток которой нарушается в негативном состоянии.

Интересно, что ряд органов и частей тела, выступающих компонентами японских идиом (*кишки, печень, сердце, живот, грудь*), Т. М. Гуревич предлагает даже не называть соматическими компонентами вообще (Гуревич 2006: 223), так как фразеологизмы с ними описывают в большинстве случаев переживания и мысли человека, лексикализуют понятие ДУША, а сами органы в этих ФЭ также нередко чередуются со словом 気 КИ ‘дух, энергия’, более того, для многих органов есть специальные анатомические названия, в фразеологизмах не использующиеся. Но мы все же не соглашаемся с таким подходом, так как в ряде идиом данные компоненты непереосмыслены и имеют прямое отношение именно к области тела, не теряя соматического характера.

Ср. с русским и английским языками, где духовное, ментальное и эмоциональное наиболее часто передается идиомами с соматическими компонентами сердце, грудь, голова, и в таких идиомах мы встречаем чередование со словом душа: напр. *Тяжко на душе/тяжко в сердце, от всего сердца/от всей души, pour (one’s)*

heart/soul out, put your heart and soul into something, search one's heart/soul. В японском же практически любой внутренний орган будет связан с тем или иным состоянием или движением души человека. Все его тело – это материальное воплощение души, реагирующее на процессы в ней, поэтому фразеологический фонд японского включает такие редкие для фразеологии в целом компоненты, как *легкие* или *желчный пузырь*, или *поражает десятками фразеологизмов с компонентами печень, живот или кишки*. При сопоставлении, например, с русским, выясняется, что в последнем идиомы с компонентами *печень* и *кишки* можно буквально пересчитать по пальцам (*сидеть в печенках, до печенок, брать за печень, кишка тонка*).

Данная статья не позволяет охватить всю глубину культурологических причин варьирования лексических компонентов в избранных языках, так как тема предполагает более детальное исследование, но предоставленные данные и выявленные в примерах ассоциативные поля позволяют извлечь ряд выводов:

1. Именно культурологические причины обеспечивают вариативность в ряде фразеологизмов, и варьирующиеся лексемы требуют лингвокультурологического комментария.

2. Исследование причин лексической вариативности позволяет проникнуть в глубинные слои семантики и символизма компонентов и групп вариантов, выстраивающихся на общих ассоциативных полях.

Еще А. Вежбицкая в труде «Понимание культур через посредство ключевых слов» доказала, что одни и те же, казалось бы, слова в разных языках передают совсем разный образ мышления и мировоззрения того или иного общества, имеют несовпадающие оттенки смысла и являются ключами к пониманию культуры (Вежбицкая 2001). Фразеология помогает раскрыть их внутреннее содержание, а фразеологическая вариативность – их принадлежность к тем или иным ассоциативным полям и концептосферам. Фразеологическая вариативность таким образом имеет отношение не только к структурной фразеологии, но и к антропологическому аспекту.

Перспективы исследования мы видим в сопоставительном анализе «вариативных связок» тех или иных лексических компонентов или вариативных валентностей эквивалентных фразеологизмов, а также более подробном анализе влияния культуры на возникновение связей в ассоциативных группах, которые лежат в основе лексической вариативности фразеологических единиц.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Н. Семененко, Н.Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 344 с.

Басова Т.А. Общие и специфические признаки японских фразеологизмов с компонентом 腹 ('hara') в сопоставлении с русскими и английскими фразеологизмами // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал* / Отв. ред. В.Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Т. 16. – Вып. 3 (49). – С. 85-96.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира: дис... д-ра. Культурологии. – М., 2006. – 330 с.

Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. Наук. – М., 1964. – 229 с.

Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. – М.: «Высшая школа», 1990. – 160 с.

Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII-начале XIX вв. – Новосибирск: Наука, 1973. – 172 с.

Федуленкова Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков: курс лекций. – М.: Издательский Дом Академии Естествознания, 2012. – 220 с.

Basova T.A., Variability of Japanese and English phraseological units with a somatic component // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – Донецкий национальный университет: 2021. – Т. 17. – № 1 (51). – С. 68-77.

石田 プリシア Ishida P. 用句の変異形について: 形式的固定性をめぐって (Идиоматическая устойчивость и идиоматические варианты) // *Tsukuba Journal of Applied Linguistics*. – Цукуба, 1998. – № 5. – С. 43-56.

LINGUOCULTURAL APPROACH TO LEXICAL VARIABILITY IN JAPANESE AND ENGLISH SOMATIC IDIOMS

T.A. Basova

Abstract. The article investigates the influence of culture on lexical variability within phraseological units. Lexical variability exists due to the synonymous nature of varying lexical constituents, metonymy, or belonging to one associative field, which may be rooted in either the objective reality or national culture. On the example of English, Russian and Japanese somatic idioms, it is proven that phraseological variability is not only an area of structural phraseology but it also raises linguistic questions of anthropological nature and requires linguocultural commentary.

Key words: phraseology, variability, linguoculturology, lexical variants, idioms, Japanese, English, Russian.

ОТОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

Т.В. Груднева

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
grid6@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются подходы к определению лингвистической образности и образа, многоступенчатости фразеологического образа. Основная специфика воплощения образа во фразеологии связывается с его преломлением в семантике единиц различных структурно-семантических типов. Рассматривается влияние фразеологического образа на формирование компонентов семантики фразеологизмов.

Ключевые слова: образ, образность, семантика фразеологических единиц, эмотивность, оценочность, фразеологическая интерпретация образа.

Оригинальные мысли Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко 1998; 2008; 2009; 2016) заставляют учеников нашего замечательного юбиляра увидеть в языковом образе и его фразеологическом воплощении нечто особенное, попытаться понять его многогранность.

Суть языкового образа и его отображение во фразеологии давно обсуждается лингвистами, фразеологами (работы Н.Ф. Алефиренко, О.С. Ахмановой, В.В. Виноградова, В.М. Мокиенко, М.И. Сидоренко, В.Н. Телия, Т.М. Филоненко и других); и основными вопросами, вокруг которых ведётся дискуссия, являются следующие: 1) статус языкового образа и его фразеологического отображения; 2) многоступенчатость фразеологического образа; 3) отношение образа к семантике фразеологизмов различных типов; 4) многообразное тематическое воплощение различных аспектов фразеологического образа; 5) представление личности автора через фразеологический образ.

Словарная интерпретация понятия «образ» восходит к бессмертному лексикографическому изданию В.И. Даля: *образъ* – видъ, внешность, фигура, очертанье (въ чертахъ или въ плоскостяхъ); подобіе предмета, изображение его (Даль 1955: 614). Как видим, понятие «образ» издавна раскрывает особенности человека. Современные значения слова *образ* в основном касаются внутреннего мира человека, особенностей его мировосприятия; прежде всего, это «результат отражательной (познавательной) деятельности субъекта, отражение в сознании предметов, явлений объективной действительности (Словарь русского языка 1982: 559-560). Образ также представляет 'обобщённое художественное отражение действительности, облечённое в форму конкретного индивидуального явления' (Там же: 559-560), как в следующем высказывании И.Г. Белинского: «Поэт – соперник творящей

природе, подобно ей, он стремится бесплотных духов жизни, реющих в беспредельных пространствах, уловить в прекрасные и полные органически-идеальной жизни *образы*, воплотить небесное в земное, и земное просветлить небесным... Поэт не терпит отвлечённых представлений: творя, он мыслит *образами*, а всякий *образ* только тогда и прекрасен, когда определён и вполне доступен созерцанию» (Белинский 1949: 329). Лингвистическая интерпретация термина *образ*, по мнению исследователей, также неоднозначна (Пеянович 2011).

При анализе семантики фразеологизма *образ* возводится учёными в ранг: 1) культурного феномена (Виноградов 1947; 1981); 2) концепта (Пеянович 2011); 3) синонима внутренней формы фразеологизма (Телия 1996); 4) многоаспектного когнитивного явления, лингвокультурологической единицы (Алефиренко 2009; Мокиенко 1986) и др. Анализ фразеологической семантики в связи с отображением в ней образности привёл к созданию термина «фразеологический образ», проблема характеристики которого решается в рамках соотношения «язык и культура». В связи с этим актуальным является суждение В.В. Виноградова о том, что «внутренняя форма слова, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, может уясниться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов» (Виноградов 1947: 18). Учёный обращает внимание на проявление образа в семантике языковой единицы и в процессе интерпретации единицы в речи. Типология фразеологических структур связывается со спецификой образа, лежащего в основе семантики: «... значение целого связано с пониманием внутреннего *образного* стержня фразы, потенциального смысла слов, образующего эти фразеологические единства» (Там же: 24). Характеризуя структурно-семантические типы фразеологизмов, В.В. Виноградов пишет о возможности выделения общего фразеологического образа: «В таком фразеологическом единстве слова подчинены единству общего *образа*, единству реального значения» (Там же: 24), также указывает на сохранение или стёртость образа лексических единиц, входящих в состав фразеологизма (Там же: 25). В.В. Виноградовым раскрываются особенности создания образности фразеологических единств, её контекстуальная обусловленность.

Стремление лингвистов охарактеризовать фразеологический образ привело к его структурированию, демонстрации многоступенчатости, мозаичности. Так, сравниваются два типа образности – целостная и частичная – выводимая из образного основания компонентов, позволяющая «за каждым словом увидеть «первородный» образ предмета или явления», в то же время

рассмотреть «в соединении слов связный рассказ, выкристаллизовавшийся образ» (Мокиенко 1986: 3). Образность, то есть мотивация значения, для фразеологизмов с прозрачной внутренней формой может раскрываться с помощью буквального значения компонентов, входящих в их структуру. Для фразеологизмов со скрытой мотивационной особенностью образность рассматривается с опорой на семантические элементы структуры, понимание которой основывается на народной традиции.

Обосновывая зависимость фразеологического значения от характера образности, исследователи полагают, что для вторичных наименований, ассоциация с образным содержанием которого не утрачена, характерен более сложный и менее компактный тип значения (Телия 1996: 130). Простота, осложнённость, сложность фразеологического значения обусловлены сохранением или утратой ассоциаций с образным содержанием лексических компонентов. Понятие фразеологического образа может иметь также когнитивное двухступенчатое рассмотрение, когда оценивается как оригинальная картинка, возникающая в сознании человека в результате совмещения двух денотатов – буквального значения словесного комплекса и актуального значения фразеологизма (Филоненко 2003: 832).

Фразеологический образ представляется как многокомпонентное явление: «этимологический образ – то представление, которое возникает в результате соотнесения ФЕ с её свободносинтаксическим генотипом, и «живой образ» – то представление, которое возникает в результате современного восприятия и понимания фразеологического оборота, если даже его буквальное значение не позволяет воспроизвести этимологический образ. Вторичный, или «живой», образ – это целостный образ, служащий источником ассоциативно-экспрессивной энергии ФЕ» (Там же: 308-309). Известно, что фразеологизм – это экспрессивная единица, экспрессивность понимается как «усиление восприятия за счёт эмоциональной реакции, вызванной образностью» (Телия 1996: 112). Необходимо отметить, что «...эмоциональное воздействие в языке всегда связано с образным видением мира, которое в тексте может передаваться не внутрисловно, но развёрнутой картиной» (Там же: 114). При помощи образной основы компонентов фразеологизмов и целостного образа может быть определён внутренний мир виртуального автора фразеологизмов, его настроение, эмоциональный настрой, умение оценить ситуацию, языковая компетенция и многое другое. Наблюдения С.И. Георгиевой показывают, что синонимичные смыслы в русской и болгарской фразеологии передаются при помощи разных образов. По мнению исследователя, модель 'одинаковые объекты' передаётся

русским фразеологизмом *два сапога пара* и болгарским *от един дол дренки са* (т.е. 'фрукты с одного дерева/кизил') (Георгиева 2009: 96). Подобные выводы могут быть сделаны на основе наблюдения русской фразеологии, где одинаковые образы могут создавать как амбивалентную оценочную модель, так и прямо противоположные. Самая обширная группа, реализующая семантическую фразеологическую модель, – оценочная, амбивалентная или фиксированная – положительная или отрицательная. Выделяются такие образы, которые не обеспечивают фиксации оценки фразеологизмов. Амбивалентная – как положительная, так и отрицательная оценка, зависящая от эмпатии говорящего/слушающего, может содержаться в идиомах: *грести деньги лопатой* (это может быть хорошо или плохо), *держат в ежовых рукавицах*, *плыть против течения*, *подливать масла в огонь* и т.п. Условиями положительной или отрицательной окраски фразеологизма может быть отношение говорящего к адресату, например: *стреляный воробей* получает положительную оценку в случае позиции говорящего «ему можно доверить дело» или отрицательную – «ему нельзя полностью доверять» (Телия 1996: 185). Фиксированная положительная оценка отображается при помощи фразеологизмов с различной образной основой, например: *без памяти* – 'очень сильно, страстно, самозабвенно (влюбиться, любить кого-л.)' (Яранцев 2001: 108); *души не чаять* – 'безгранично любить кого-л., всячески заботиться о ком-то и оберегать кого-л.' (Яранцев 2001: 110); *не надыхаться* – 'очень любовно, нежно и бережно относиться к кому-л.' (Там же: 110); *сходить с ума* – 'очень сильно увлекаться, влюбляться' (Там же: 112) и др. Как видно из приведённых примеров, положительное отношение к объекту обожания передаётся лексическими единицами с различными образными основаниями, образно-ассоциативными комплексами, раскрывающими различное восприятие мира создателями фразеологизмов.

Фиксированную отрицательную оценку отображают фразеологизмы: *портить кровь* – 'раздражать кого-либо чем-л., причинять неприятности, огорчения и т.п.' (Там же: 156); *трепать нервы* – 'расстраивать, раздражать, изводить, заставлять нервничать кого-л.' (Там же: 157); *сводить с ума* – 'приводить в состояние крайнего раздражения, волнения, потери способности рассуждать здраво' (Там же: 158); *стоять поперёк горла* – 'очень надоедать, досаждать, мешать кому-л.' (Там же: 159); *рвать на себе волосы* – 'очень сильно досадовать; сожалеть о непоправимом, упущенном, утерянном' (Там же: 159), *вот где сидит* – 'выражение досады, раздражения, неудовольствия и т.п.' (Там же: 162) и др. Образы лексем и образно-ассоциативные комплексы, лежащие в основе фразеологических значений, отображают отрицательное

отношение-раздражение к действиям человека, стимулируют создание фразеологизмов с различной стилистической дифференциацией. Сама стилистическая маркированность взаимосвязана с тем, о чём говорится, а также с тем, какое образное основание заключено в словозначение, ибо от последнего зависит, как представлена действительность, – «нейтрально», «грубо» или даже «неприлично» (Телия 1996: 123).

Семантическая структура фразеологизмов представляет собой взаимодействие эмотивных, оценочных, интенсивных, денотативных сем. А фразеологический образ стимулирует, мотивирует отображение конкретных коннотативных сем. По мнению исследователей, «вызываемое образностью (или его аналогом) чувство-переживание, составляет тот тип информации, который мы называем эмотивностью» (Телия 1996: 123). В декларативно-процедурной форме толкования эмотивность «следует» за образностью (Там же: 123). Образные эмотивные фразеологические модели разнообразны. За отображёнными семантикой фразеологизмов эмоциями можно увидеть особенности манер: выдержанные или несдержанные склонности людей к эмоциональным реакциям на происходящее. Например: *и глазом не моргнуть* – ‘держаться с полным самообладанием, выдержкой; не обнаружить никаких зримых признаков волнения’ (Яранцев 2001: 324) или *стиснув зубы* – ‘сдерживая, подавляя свои чувства, делать что-л. По возможности спокойно, деловито’ (Там же: 325).

И уже другие образы лежат в основе семантики фразеологизмов со значением ‘несдержанный человек’: *Выходить из себя* – ‘приходить в состояние крайнего возбуждения, раздражения (от чьего-л. поведения или поступка)’ (Там же: 163) или *полезть в бутылку* – ‘раздразниться, сердиться, упорствуя, настаивая на своём’ (Там же: 164).

Ранее говорилось, что словесные образы Н.Ф. Алефиренко относят к лингвокультурологическим единицам; их социально значимая активность «обуславливается репрезентативно-прагматической сущностью, ориентированной на выполнение различного рода директивных, воздействующих и экспрессивно-оценочных функций в зависимости от речевых интенций коммуникантов» (Алефиренко 2002: 33).

Стремление к систематизации образных единиц привело учёных к конструированию образного поля (Н.А. Илюхина 1999), созданию образного ряда (Н.Ф. Алефиренко 2002). Названные конструкции представлены отношениями образных средств.

Поле предполагает некоторое структурирование – от центра к периферии, определённое основание, одним из которых является эмотивное содержание. В связи с этим можно предположить, что в центре образного поля располагаются фразеологизмы, имеющие в

своём составе лексемы с сильной образной нагрузкой. Такими образами в русском языке являются «лицо», «сердце», «душа» и другие. Для древнейших форм сознания характерно «универсальное представление о том, что характер человека, его поведение оставляют отпечаток на лице» (Большой фразеологический словарь русского языка 2009: 414). То же можно сказать и о переживаемых человеком чувствах (Там же), что и стало основанием для создания фразеологизма *на лбу написано* – ‘сразу видно, ясно, заметно что-либо всем по внешнему виду человека’ (Молотков 1967: 266). Фразеологизмы, имеющие в своей структуре лексический компонент сердце, отображающий сильный эмоциональный образ, также выражают определённые эмоции, среди них: *сердце кровью обливается* – ‘кому-либо тяжело от душевной боли’ (Там же: 420), *сердце падает, обрывается* – ‘кто-либо испытывает страх, тревогу, приходит в отчаяние’ (Там же: 421). Образ сердца соотносится с «телесно-антропным кодом культуры, который указывает на всю совокупность представлений о сердце не только как о центре физической жизни человека, но и как о средоточии его истинных чувств и желаний» (Большой фразеологический словарь русского языка 2009: 631). В центре поля находятся также фразеологизмы с образным компонентом «душа» (*душа болит* – ‘кто-либо испытывает тревогу, беспокойство, душевное страдание’ (Там же: 149); *до глубины души* – ‘очень сильно волновать, потрясать, поражать’ (Там же: 108) и др.), что связано с тем, что образ души раскрывает суть человека, представление о ней как об эмоциональном центре.

Отображение языкового образа во фразеологии восходит к культурным традициям. Фразеологический образ рассматривается как многоступенчатое и сложное явление. Простота или сложность общего фразеологического образа обосновывается сохранением или отсутствием ассоциации с образом лексических компонентов, входящих в состав фразеологизма. Разноаспектная образность фразеологизмов находится в тесном взаимодействии с компонентами семантики фразеологизма.

Литература

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

Алефиренко Н.Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова // Научные Ведомости Белгородского государственного национального исследовательского университета. Серия Гуманитарные науки. – Белгород: НИУ «БелГУ», Издательский дом «Белгород», – 2009. – № 14 (69), – С. 5-9.

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие – М.: ФЛИНТА, 2016. – 288 с.

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.

- Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Введение в общее языкознание. – Волгоград: «Перемена», 1998. – 440 с.
- Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО Изд-во «Эллипс», 2008. – 271 с.
- Алефиренко Н.Ф. Этнокультурная специфика образного слова Белгородской слобожанщины // Язык и культура как составляющие образовательного пространства. Сборник статей III Международной научно-практической конференции, 2020. – С. 72-76.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. – 606 с.
- Белинский В.Г. Русская литература в 1841 году // Избранные сочинения. – М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. – С. 309 – 346.
- Большой фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2009. – 782 с.
- Виноградов В.В. Введение в грамматическое учение о слове. Основные типы фразеологических единиц в русском языке // Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947. – С. 21-28.
- Виноградов В.В. Введение в грамматическое учение о слове. Смысловая структура слова // Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947. – С. 8-21.
- Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высш. школа, 1981. – 320 с.
- Георгиева С.И. Образное восприятие мира во фразеологии // Русский язык в современном мире, 2009. – № 1. – С. 93-97.
- Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – Т. 2. – 779 с.
- Илюхина Н.А. Образ как объект и модель семасиологического анализа: автореферат дисс.... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Уфа, 1999. – 38 с.
- Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
- Пеянович А.Б. Вербализация концепта «образ» в сербской фразеологии // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – С. 198-204.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т.2. – К-О. 1982. – 732 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества // Проблемы истории, филологии, культуры. Выпуск XIII. – М., Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – С. 532-538.
- Шенделева Е.А. Категория образности: проблемы лексикологической интерпретации и перспективы исследования // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Спецвыпуск). 2000. – В. 3 (19). – С. 73-79.
- Юрина Е.А., Авраменко О.В. Когнитивные основания интерпретации метафорического образа в разных лингвокультурах // Science Journal of VolSU.

Linguistics. 2021. – Vol. 20. – No. 1. – [Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. – Т. 20. – № 1] Volume: 20. Number: 1. Articles: 14. Pages: 180. – С. 64-74.

Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. – М.: Рус. яз., 2001. – 845 с.

DISPLAYING THE LANGUAGE IMAGE IN PHRASEOLOGICAL SEMANTICS

T.V. Gridneva

Abstract. In the article we analyze the approaches to determinate language imagery and image, the multistaging of the phraseological image. The main specific of the phraseological image we see in the different types of idioms. We analyze the influence of the phraseological image on formation of different components of phraseological structure.

Key words: image, imagery, phraseological semantics, emotiveness, estimation, phraseological interpretation of image.

РОЛЬ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА В ПРОЦЕССЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ ЗНАКОВ КОСВЕННО-ПРОИЗВОДНОЙ НОМИНАЦИИ

К.И. Декатова

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
dekatovaki@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли языкового образа в сложном процессе смыслообразования знаков косвенно-производной номинации. В статье описаны особенности процесса формирования комплекс-структуры – образной основы денотативного макрокомпонента фразеологического значения, рассмотрено влияние образной базы на формирование семантической структуры и функционирование фразеологизированных оксюморонов.

Ключевые слова: языковой образ; смыслообразование; знаки косвенно-производной номинации; фразеологизированный оксюморон.

Вопрос о взаимосвязи слова и образа, сформулированный еще в античных риториках, до сих пор не утрачивает актуальность, оказываясь в центре внимания представителей разных научных сфер – психологов, философов, культурологов, социологов, литературоведов и лингвистов (А.Л. Андреев, Н.Д. Арутюнова, Ф.Е. Василюк, Л.С. Выготский, Л.М. Веккер, П.Я. Гальперин, Б.М. Гаспаров, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, В.П. Мещеряков, Л.Б. Никитина, П.В. Палиевский, В.В. Полякова, М.Я. Розенфельд, Ю.Г. Семикмна, А.В. Славин, Д.Н. Шмелев и др.).

В современном языкознании исследование природы образности языковых знаков позволило ученым прийти к выводу,

что образ является важнейшей частью содержания языковой единицы. Разногласия в кругу исследователей вызвал вопрос о месте образа в смысловой структуре языкового знака. Одни лингвисты рассматривали образную составляющую как часть семантической структуры, называя ее «предметно-чувственным», «наглядно-чувственным» компонентом значения (Н.А. Илюхина, М.Я. Розенфельд, Е.А. Юрина и др.). Становление и укрепление позиций таких языковедческих направлений, как психолингвистика и когнитивная лингвистика, стало основанием для возникновения исследований, в которых образный компонент языкового знака был выведен за рамки значения и рассматривался как часть когнитивной структуры (концепта), являющейся довербальной смысловой базой языкового значения (Н.Ф. Алефиренко, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.). Данная когнитивная структура, непосредственно связанная с языковым знаком, активируемая в сознании языковой единицей, в лингвистических исследованиях получила название языковой образ, поскольку «представляет собой перцептивную реакцию не на предметы или понятия как таковые, но на их языковое воплощение – на те выражения, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта» (Гаспаров, 1996: 255). Исследование природы языкового образа позволило разграничить понятия «языковой образ» и «значение языкового знака», «концепт», подтвердить важность роли языкового образа в лингвосомиозисе.

Несмотря на многочисленные, разноаспектные исследования языкового образа, проблема взаимосвязи образной основы и семантической структуры языковой единицы не является полностью решенной. Механизмы семантизации образной составляющей концепта в значении языкового знака, особенности вербализации образа знаками прямой и непрямой номинации нуждаются в дополнительном исследовании. Целью нашей статьи является описание результатов анализа роли образа в смыслообразовании знаков косвенно-производной номинации. Материалом исследования послужили фразеологизмы, деривационной базой которых является оксюморон. Уточним, что смыслообразованием в работе называется процесс формирования смысловой структуры языкового знака (Декатова 2018: 8), которая включает семему языковой единицы и ее довербальную базу – вербализируемую когнитивную структуру. Так, смысловая структура фразеологизма **черная кость**, содержит вступающие в сложные взаимосвязи значение – *‘о человеке незнатного происхождения’* и когнитивную основу значения – вербализируемую концептуальную структуру, частью которой и оказывается образ. Этот сложный довербально-вербальный смысловой конструктор и является смысловой структурой фразеологизма.

Известно, что вербализированная часть смысловой структуры составляют макрокомпоненты значения (сигнификативный, денотативный, коннотативный). Довербальная часть смысловой структуры – когнитивный конструкт, сформированный на основе образа (результата отражения реалий действительности) и содержащий смысловые образования разной степени обобщения (представления, понятия). Элементы этой части смысловой структуры являются поставщиками сем, из которых структурируются макрокомпоненты значения языковой единицы. Таким образом, можно сказать, что в самом широком смысле образ является поставщиком элементов семантической структуры языкового знака и особенности языкового значения обусловлены особенностями его образной основы.

Отличительной чертой знаков косвенно-производной номинации является полиденотативность, причины возникновения которой является результатом сложных процессов структурирования когнитивной базы непрямонаминативных знаков. Когнитивная часть смысловой структуры знаков косвенно-производной номинации образуется на основе двух обобщенных до уровня представлений образов. Эта довербальная структура представляет собой комплекс, состоящий из базового представления (основанного на образе объекта косвенно-производной номинации) и представления об объекте, признаке, свойстве, явлении, которые уже обладают именем в языковой системе. Представления, участвующие в формировании когнитивной базы знаков косвенно-производной номинации, не интегрируются в один образ, а существуют как комплекс-структура с функционально взаимосвязанными представлениями (Декатова 2018: 30-32). Например, семантическая структура фразеологизированного оксюморона **ходячие мощи** – ‘очень худой, изможденный человек’ – содержит два денотата, являющихся семантической объективацией двух образов – *худого, изможденного человека* и *останков человека*. В процессе формирования фразеологической смысловой структуры не образуется представление о мощах, обладающих признаками живого существа. Основой полиденотативной структуры является комплекс-структура: взаимосвязанное несколькими смысловыми элементами базовое представление *о худом человеке* и использованное для опознания таких признаков, как изможденность, слабость, худоба человека, представление *о мощах*. Комплекс-структура является той когнитивной структурой, которая позволяет без полной интеграции нескольких представлений объединить ранее не сочетаемые смысловые элементы для номинации не имеющих языковой объективации признаков, свойств, явлений. Полная интеграция представлений в один образ в процессе смыслообразования

фразеологизированного оксюморона невозможна вследствие того, что многие смысловые элементы вступают в отношения противоречия, которое частично нивелируется только на самом высоком уровне обобщения – в понятии и его семантизированном варианте – сигнификате.

Непротиворечивый сигнификат позволяет оксюморону выполнять коммуникативную функцию, однако наличие противоречивых смыслов в семантической структуре за рамками сигнификата (в денотативном и коннотативном макрокомпонентах) обеспечивает возможность оксюморону эффективно выполнять функции изобразительного средства языка. Роль образа в формировании оксюморона как уникального, противоречивого, но при этом весьма эффективного средства наиболее точно номинировать объекты, является ключевой. Оксюморон остается экспрессивным средством до тех пор, пока в смысловой структуре сохраняются образы, содержащие «логически несовместимые признаки». Не случайно исследователи структурно-семантических особенностей оксюморона выделяют группу языковых единиц, утративших образность и перешедших из разряда изобразительных единиц в разряд номинаций терминологического характера (например, *сухое вино, жидкий газ, сухой лед* и т.п.) (Козинец 2015: 57). Образная основа играет важнейшую роль в смыслообразовании фразеологизированного оксюморона и в тех случаях, когда представления комплекс-структуры не содержат взаимоисключающие смысловые элементы. Противоречивые семы могут формироваться на основе разной оценки объединенных в смысловой структуре знака косвенно-производной номинации образов. Это особенно ярко проявляется в процессе смыслообразования оценочных оксюморонов. Уточним, что оценочным оксюморонам называется не любой оксюморон, содержащий в семантической структуре оценочные смыслы и выполняющий оценочную функцию, а только тот, который включает в свой состав слова с взаимоисключающими оценочными семами, например, *талантливый мошенник, честный вор* (Декатова 2014). Анализ фразеологизированных оценочных оксюморонов помогает понять, почему эти языковые единицы относят к фразеологизированным стилистическим фигурам с логически несовместимыми компонентами. Рационализация противоречия невозможна без анализа образной составляющей смысловой структуры фразеологических единиц этого типа. Например, знаки косвенно-производной номинации **талантливый** *мошенник* (*жулик*), **первоклассный** *мошенник* (*жулик*) не содержит эксплицитированных взаимоисключающих сем: **талантливый**, **первоклассный** – ‘способный что-либо делать хорошо’, **мошенник** – ‘тот, кто занимается мошенничеством’

(Словарь современного русского литературного языка 1957), **жулик** – ‘вор, мошенник’ (Там же). Обнаружить несочетающиеся смысловые элементы позволяет анализ имплицированного оценочного потенциала слов-компонентов оксюморона, хранилищем которого является образ. Знаки косвенно-производной номинации **талантливый, первоклассный** связаны с такими образами, которые являются отражением людей, являющихся в картине мира носителя русского языка объектами с положительной эмоционально-эстетической оценкой (например, люди, занимающиеся творческой деятельностью). Существительные **мошенник, жулик** обладают набором потенциальных аксиологических смыслов с отрицательным знаком: аксиологический стереотип содержит отрицательную в этическом, эмоциональном, эстетическом, нормативном аспектах оценку человека, обманывающего, ворующего, совершающего мошеннические действия. В смысловой структуре оксюморонов **талантливый мошенник (жулик), первоклассный мошенник (жулик)** активируются и вступают в противоречие эстетико-эмоциональные оценочные характеристики человека: ‘хорошо делающий что-то’ и ‘свершающий плохие, низкие, аморальные действия’. Формирование оценочного противоречия и его сохранение в смысловой структуре данных знаков косвенно-производной номинации невозможно без сохранения образной составляющей смысловой структуры знака.

Таким образом, в ходе смыслообразования знаков косвенно-производной номинации в формировании когнитивной основы их значения важную роль играют образы, объединение которых приводит к образованию комплекс-структуры – одной из причины возникновения такого отличительного признака фразеологической семантики, как двуденотативность. Смысловые элементы образа являются поставщиками сем всех макрокомпонентов семантической структуры фразеологических единиц. Сохранение образов слов-компонентов как важнейших элементов смысловой структуры фразеологизированных оксюморонов, их активация в ходе употребления данных единиц в речи является необходимым условием для успешной реализации ими функций изобразительных средств языка.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика яз. существования. – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 351 с.

Декатова К.И. Когнитивно-семиологическое моделирование смысловой структуры языковых знаков. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2018. – 173 с.

Декатова К.И. Формирование знаков косвенно-производной номинации на базе оценочного оксюморона // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. – № 7 (92). – С. 88-91.

Козинец С.Б. Оксюморон как языковое явление // Русский язык в школе 2015 – № 4. – С. 56-60.

Семикина Ю.Г. Художественная танатология в творчестве Л.Н. Толстого 1850-1880-х гг.: Образы и мотивы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Волгоград, 2002. – 180 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.

Павлович Н. В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 238-247.

Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ. – Воронеж: «Истоки», 2008. – 243 с.

THE ROLE OF A LANGUAGE IMAGE IN STRUCTURING SENSE OF INDIRECT-DERIVATIVE NOMINATION SIGNS

K.I. Dekatova

Abstract. The paper is devoted to the research of the role of a language image in the complex process of sense structuring of signs of an indirect-derivative nomination. The process of forming the complex-structure as the image basis of the denotative macrocomponent of phraseological meaning is described, the influence of the image base on the formation of the semantic structure and the functioning of phraseologized oxymorons is considered.

Key words: language image; sense structuring; signs of an indirect-derivative nomination; phraseologized oxymoron.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ФОКУС ПРОЯВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ПАРЕМИЧЕСКОМ ФОНДЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г.С. Кривошеев

Россия, г. Старый Оскол, МБОУ «СОШ №5 с УИОП»
1910ggg@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается принцип тематической классификации паремий русского языка, репрезентирующих макрогруппу «Вера» в «Сборнике пословиц и поговорок русского народа».

Ключевые слова: паремический фонд русского языка, народная религиозность, тематическая классификация.

В последние годы весомый интерес для лингвокультурологических исследований приобрёл феномен народной религиозности. К примеру, М. Элиаде, румынский культуролог и философ, в чьих трудах была разработана концепция мифа, утверждал, что человек нерелигиозной формации представляет довольно редкий феномен. Учитывая общую тенденцию к глобализации, невзирая на быстроменяющиеся

реалии, базовые видимые свойства личности остаются принципиально неизменными.

Личность включает в себя скрытый и постоянный мифологический потенциал, а также содержит в себе реликтовые коды деятельности, коммуникации и поведения. (Цуканова 2006: 3).

Категория народной религиозности является одной из основных областей гуманитарного научного знания и находится на периферии множества дисциплин. Феномен народной религиозности изучается социологами, историками, этнографами, философами и лингвистами. Данный термин встречается в работах А. Гуревича, М. Вербера, Е. Бартминского, В. Уколова и Ю. Арнаутова. Изучение религиозного аспекта в концепции народного мировоззрения в ходе исследования ценностных доминант этноязыкового сознания является одним из приоритетных. Это связано с тем, что сложившаяся исторически религиозность определённого народа оказывает воздействие на культурное становление и развитие национального характера во всех его проявлениях.

При более детальном рассмотрении данного понятия в аспекте лингвокультурологических задач заслуживает особого внимания слово «народный» в употребляемом контексте. Обращаясь к толковому словарю Т.Ф. Ефремовой, следует отметить, что в данном случае «народный» понимается двойственно. С одной стороны, «народный» означает соответствие духу народа, его культуре и мировоззрению, а также национальным особенностям, однако с другой стороны – это лишь нечто созданное народом (Цуканова 2012: 65).

Аналогичной градации подвергают понятие народной религиозности и такие учёные, как А.Я. Гуревич и Ю. Арнаутов, рассматривающие проблемы философии культуры. Данные учёные опирались при создании положения о народной религиозности на принцип «созданное народом». Напротив, В. Уколов и И. Яблоков опирались на положение «соответствующее народу» (Кривошеев 2021).

Одним из первых употребил понятие «народная религиозность» М. Вербер в социологии, не предоставив, однако, должного определения. Интересной является трактовка разработки содержания данного понятия М. Вербером, предлагаемая И. Цукановой, которая отмечает, что учёный в своём фундаментальном труде ставит во главу угла противопоставление двух ключевых аспектов: религии и магии (Кривошеев 2021).

Под религией или культом М. Вербер определяет такие формы отношений, в которых базисом становится поклонение, молитва или жертвоприношение. В таком случае происходит связь народной религиозности и мифологического мышления (а именно мышления

развитого символизма, основанного на аналогии) (Цуканова 2012: 65). Источником мифологического мышления служит рационализированная магия.

Следует также обратить внимание на понимание народной религиозности А.Я. Гуревичем, советским историком-медиевистом и культурологом. Как и М. Вербер, он не предлагает однозначной трактовки данного понятия, но, опираясь на контекст его исследований, можно сделать следующий вывод: в его понимании народная религиозность соответствует народной культуре. Также М. Вербер уверенно отмечает наличие связи народной религиозности с сакральностью как с отдельной категорией, несмотря на противоречивое положение сакральности в народной культуре и в народной религиозности.

Также А.Я. Гуревич отмечает одну из основных особенностей понимания народной религиозности – игнорирование фундаментальных постулатов религии. Христианское учение в контексте магической, мифологической и хтонической картины мира воспринималось народом с позиции аграрного общества. Пространственно-временной континуум, по мнению ученого, опирается на мифологическую установку сознания. Следует отметить, что под мифом в данном случае понимается не просто фольклорный комплекс литературных останков, а смыслообразующая и формообразующая основа мирозерцания человека, принадлежащего к той эпохе (Цуканова 2012: 65).

С позиции И.В. Цукановой, современного исследователя-философа, народная религиозность – это особая форма фольклорно-ритуального сознания, которая восходит к архаике с соответствующими особенностями мифо-магического мышления.

Коррелирует народная религиозность также с понятиями культуры, религии, мифа, народной религиозности и народной религии: «народная религиозность включает в себя всё вышеперечисленное, при этом не отождествляется ни с одним из перечисленных компонентов» (Кривошеев 2021).

Связь религиозного и мифологического обусловлена тем, что процесс становления народной религиозности непосредственно находится в прочной связи с трансформацией мифа в архаическую религию из-за бессознательной реакции на развитие реальности. Мистика и догмат образуют противоречие, которое и становится основной для появления народной религиозности. В таком случае народная религиозность как мифо-магическая установка сознания инстинктивно протестует против «расколдовывания мира».

По мнению современных исследователей, «христианство с опорой на Библию формирует у носителей языка в рамках единой культуры определённый тип сознания в целом и морали в частности» (Савенкова 2002: 92). Помимо влияния народной

религиозности на менталитет, культуру и межличностные отношения народа, она также является основной доминантой развития ценностной составляющей языковой картины мира народа.

Паремии как тексты культуры являются своеобразными свидетелями пресловутого «мнения народа», на которое мы зачастую опираемся в поиске ценностного основания этнокультуры. Это же мнение лежит в основе выявления смысловых приоритетов в оценке типических жизненных ситуаций.

Пословицы, поговорки, приметы и загадки «особенно важны в процессе сохранения культуры, так как паремический свод формировался длительный период времени, отражая, таким образом, сложную мировоззренческую систему с опорой на философски выраженный завет». Особенно образно и чётко паремии отражают такие области человеческого бытия, которые напрямую связаны с осознанием собственной сущности, социальных законов и осмыслением нравственных и моральных устоев, общественных ценностных категорий (Семененко 2010: 716).

Пословица реализует объёмное представление о жизни, которая в свою очередь нуждается в многосторонней оценке. Также в паремиях находит своё отражение материальная и духовная культура народа, особенности видения картины мира, его менталитет и религиозные ценности. Опираясь на вышесказанное, представляется возможным предположить проявление народной религиозности как части народного сознания, сконцентрированного в частности в паремическом фонде русского языка.

С целью выявления народной религиозности нам представляется целесообразным обратиться к «Пословицам и поговоркам русского народа» В.И. Даля. В данной работе паремии систематизированы по смыслу и внутреннему значению: материал был разделен на сто семьдесят девять групп в соответствии с их тематикой.

В контексте нашего исследования особое внимание уделяется проблеме классификации и систематизации паремий. Данная проблема «находится в непосредственной связи с определением ценностно-смысловой ориентации паремической семантики и сопряжения этнокультурного и культурного дискурса в части выражения наиболее значимых для этноязыкового сообщества стереотипов оценки типовых ситуаций, актуальных для этноязыкового сообщества» (Кривошеев 2021).

Исходя из классификации Г.Л. Пермякова, в паремиографии представляется возможным выделить следующие способы классификации паремий: алфавитный, генетический, лексический, монографический.

Лексический способ классификации опирается на распределение паремических единиц в соответствии с их опорными словами. Данная классификация находит своё отражение в словарях Е. Мргачовой, Я. Заоралека, А. И. Молоткова и других. Данного типа классификации также придерживаются составители «Большого словаря русских пословиц» – В.М. Мокиенко, Е.К. Николаева, Т.Г. Никитина.

Монографическая классификация – это классификация, распределяющая паремии с опорой на место и время сбора. Тематическая классификация находит своё отражение в опоре на прагматическую ориентацию паремической единицы, которая содержится в обобщённом значении паремий. Всё это позволяет соотнести мораль паремии с определёнными ситуациями в жизни.

По этому принципу В.И. Даль систематизировал и свой «Сборник пословиц и поговорок русского народа». В предисловии к сборнику он отмечает: «Я расстриг десятки тысяч, собранных в течение десятков лет, пословиц, поговорок и тому подобных речений и, вынимая их из короба, как они попадались, обозначал на каждой одним словом значение, смысл, предмет, к коему каждая относится» (Даль 2018: 9). Говоря об этом предмете, В.И. Даль отражает основной фреймовый узел обобщённой ситуации, относительно которого паремия отражает определённую смысловую установку.

Этот предмет, о котором говорит В.И. Даль, и отражает основной фреймовый узел обобщённой ситуации, по отношению к которому паремия передаёт определённую ценностно-смысловую установку.

Отношение к тематической классификации паремических сборников в научном сообществе было неоднозначным. Так, Г.Л. Пермяков в своих работах отмечал определённые недостатки анализируемого вида классификации. По его мнению, «большинство пословичных изречений употребляются в переносном смысле и потому не могут быть втиснуты в рамки одной узкой темы» (Пермяков 1998: 11). Данное утверждение соотносится с поликонцептуальностью семантической структуры пословицы, что предоставляет текстеме возможность к реализации сокрытых в ней прагматических рекомендаций, направленных на разнообразные фреймовые структуры.

Отдельно отображается синергетичность паремического фонда русского языка через тематическую классификацию языкового материала. Так, М.М. Патиева отмечает, что «тематический принцип организации, уходящий корнями в идею классификации языковой семантики в соответствии со сферами отображаемой действительности, согласуется с оценкой специфики номинативных единиц языка и его лексического состава» (Патиева 2016: 19).

Синергетичность в данном случае опирается на переход паремических единиц из одной группы в другую.

В макрогруппе «Вера» представляется возможным определить частные аспекты данной проблемы. В одну и ту же тематическую группу «Вера-Грех» входят паремические единицы, транслирующие следующие ценности:

I «Осознание собственной греховности»: Поговорка *Люди тёмные: не знаем, в чём грех, в чём спасенье* (Даль 2018: 85) ('невежество в религиозных вопросах, которое приводит к тому, что человек живёт, не осознавая собственной греховности'); *Нет такого человека, чтоб век без греха прожил* (Даль 2018: 85) ('каждый человек грешит в своей жизни', то есть 'не стоит считать, что твоя жизнь всегда была праведной');

II. «Умение сопротивляться привлекательной стороне греха»: *Грех сладок, человек падок* (там же) ('человек подвластен соблазнительному влиянию греха', то есть 'не следует идти на поводу у греха'); *Грехи любезны, доводят до бездны* (там же) ('грешник будет наказан', то есть 'человек не должен через грехи обрекать себя на муки') и др. (Кривошеев 2021).

Таким образом, паремические единицы способствуют сохранению культурных и языковых ценностей народа, что обусловлено и способностью паремических единиц выражать определённые стороны ценностно-смысловой окраски (Мокиенко 2010: 7). При всех сложностях в построении материала по тематической классификации, именно она позволяет исследователю не закрываться в рамках определённой автором тематической группы, а предоставить анализу различные смысловые аспекты, оказывающие влияние на парадигматику сборника.

Литература

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль – М.: Академический проект, 2018 – Т.2. – 613 с.

Кривошеев Г. С. Лингвосинергийные и лингвокогнитивные параметры русских пословиц религиозной тематики [Электронный ресурс] : Бакалавр / Г. С. Кривошеев, науч. рук. Н.Н. Семененко. – Старый Оскол, 2021.

Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В.М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6-20.

Патиева М.М. Семантическая классификация паремий ингушского и французского языков / М.М. Патиева, Н.М. Барахоева // LINGUA-UNIVERSUM. – 2016. – № 1. – С. 19-22.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. / Г.Л. Пермяков; АН СССР, Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система [Электронный ресурс]: дисс. ... д-ра филол. наук / Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону, 2002. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19182678> (дата обращения: 01.09.2021).

Семененко Н.Н. Отражение ценности «Свобода» в паремической картине мира / Н.Н. Семененко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4. – С. 716-719.

Семененко Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика / Н. Н. Семененко. – Старый Оскол: РОСА, 2011. – 353 с.

Цуканова И.В. Философско-культурологический анализ феномена народной религиозности: автореферат дис. ... канд. филос. наук / И.В. Цуканова. – Белгород, Изд-во БелГУ, 2006. – 19 с.

Цуканова И.В. Определение специфики феномена «народная религиозность» / И.В. Цуканова // Наука Искусство Культура – 2012. – № 1. – С. 64-71.

THEMATIC FOCUS OF THE MANIFESTATION OF THE FOLK RELIGIOUS PHENOMENON IN THE RUSSIAN PAROEMICON

G.S. Krivosheyev

Abstract. This article examines the principle of the thematic classification of the Russian paroemias, representing the macrogroup “Faith” in the “Collection of Proverbs and Sayings of the Russian People”.

Key words: paroemic fund of the Russian language, folk religiosity, thematic classification.

РОЛЬ ЯВЛЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЛЮБОВЬ И БРАК»)

М.М. Мямлин

Китай, г. Харбин, Харбинский политехнический университет
myamlin-m@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам выявления эквивалентных и безэквивалентных фразеологизмов со значением «любовь и брак» в русском и китайском языках, определены причины возникновения данных явлений и их роль в формировании фразеологического образа.

Ключевые слова: межъязыковые фразеологические эквиваленты, полные эквиваленты, частичные эквиваленты, культурно-национальная самобытность фразеологизмов, русские и китайские межъязыковые фразеологические единицы, сопоставительная лингвистика.

В последние десятилетия в лингвистике наблюдается повышенный интерес к вопросам исследования семантической, прагматической и национально-культурной специфики языка в целом и его составляющих в антропоцентрическом аспекте. Особый интерес представляет фразеологический материал, составляющий важную часть номинативного уровня любого языка и отличающийся особой уникальностью.

Активно развивающиеся в последнее время русско-китайские языковые контакты сделали востребованными межъязыковые сопоставительные фразеологические исследования.

В настоящий момент недостаточно исследована фразеологическая вербализация такой важной области человеческих отношений, как любовь и брак, в русском и китайском языках. Соответственно, представляется необходимым рассмотреть, подробно охарактеризовать и сопоставить фразеологические единицы (ФЕ) со значением 'любовь и брак' в сопоставляемых языках.

Поскольку речь идёт о фразеологическом образе, то напомним, что это – целостное, непосредственное представление, раскрывающее в наглядном виде отношение к изображаемой действительности (Жеребило 2010: 451). Фразеологический образ – это своего рода проводник культуры, посредством которого осуществляется взаимопроникновение двух семиотических систем – языка и культуры.

Следует отметить, что фразеологический образ может по-разному формироваться компонентами в эквивалентных и безэквивалентных фразеологизмах.

Несмотря на то, что фразеологизмы разных языков достаточно специфичны, в разных языках могут встретиться идентичные или близкие по своей семантике и образности фразеологизмы. Для наименования данного явления Ю.А. Долгополов предложил использовать термин межъязыковые фразеологические эквиваленты.

Основными причинами появления в разных языках фразеологических эквивалентов являются следующие: 1) «общность жизненного опыта и отражающих его процессов мышления, однотипность отдельных форм образного видения мира у самых разных народов; 2) тесные культурно-исторические связи между отдельными народами, между целыми ареалами» (Долгополов 1973: 10).

Межъязыковые фразеологические эквиваленты – это «фразеологизмы, совпадающие по своей семантике, образу, стилистической окраске» (Долгополов 1973: 207). Однако степень близости межъязыковых фразеологических эквивалентов может быть разной: это зависит от сходства и различия компонентного состава, грамматических характеристик, образной основы ФЕ. Ю.П. Солодуб выделил следующие типы фразеологических эквивалентов: полные фразеологические эквиваленты, частичные фразеологические эквиваленты и безэквивалентные единицы.

Полные эквиваленты – это «фразеологизмы разных языков, полностью совпадающие на лексическом и грамматическом уровнях» (Солодуб 1985: 9), имеющие одинаковую или близкую

образную основу. К этому типу относятся следующие фразеологизмы: 1) ФЕ, которые имеют одно общее происхождение; 2) ФЕ, в которых отразились универсальные общечеловеческие действия, оценки, события и т.д. К фразеологизмам, имеющим общий источник, можно отнести, например, русский фразеологизм человек в футляре – о человеке, который замкнулся в кругу узких обывательских, мещанских интересов, отгородился от реальной жизни, боится нововведений и перемен, и китайский фразеологизм 套子里的人 *tao zi li de ren* (букв. ‘человек в футляре’). Эти полные эквиваленты берут своё начало из рассказа Антона Павловича Чехова «Человек в футляре», оба носят иронический оттенок.

Среди ФЕ русского и китайского языков со значением «любовь и брак» полными фразеологическими эквивалентами, произошедшими из одного источника, являются русская ФЕ стрела Амура и китайская ФЕ 爱神之箭 *àishén zhī jiàn* (букв. любовь – бог – притяжательная частица – стрела) – ‘стрела Амура’. Они заимствованы из древнегреческой и древнеримской мифологии.

Эти ФЕ совпадают по своему значению, компонентному составу, образной основе и структурно-грамматической организации.

Во ФЕ, в которых отразились универсальные общечеловеческие действия, оценки, события и т.д., соответствия строятся на основе общности логико-мыслительных понятий и наглядно-образных представлений о конкретной ситуации реальной действительности, которая легла в основу образа фразеологизма.

Именно этот тип полных фразеологических эквивалентов составляет большинство из числа фразеологизмов со значением «любовь и брак» в русском и китайском языках. Например, рус. – любовь с первого взгляда и кит. 一见钟情 *yījiàn zhōngqíng* (букв. один – взгляд – влюбиться (час – любовь) – ‘полюбить (любовь) с первого взгляда’; рус. – строить глазки, кит. 眉来眼去 *méiláiyǎnqù* обмениваться взглядами; строить глазки; рус. – вскружить голову, кит. 冲昏头脑 *chōnghūn tóunǎo* (букв. дремать – беспамятство/вечер – голова – мозг) – вскружить голову; рус. – вторая половинка; кит. 另一半 *lìngyībàn* (букв. другой – один – половина) – ‘вторая половинка (о любимом, дорогом человеке)’ и т.д. Таким образом, в данном случае передать фразеологический образ предельно просто, так как формирующие его компоненты являются практически тождественными.

Но возможны и незначительные различия в значении, компонентном составе, образной основе и структурно-грамматической организации фразеологизмов. В таком случае речь идет о частичных фразеологических эквивалентах. Например, рус. – браки совершаются на небесах и кит. 天作之合 *tiān zuò zhī hé* – союз,

совершённый небом (о браке); рус. – жить душа в душу и кит. 比翼双飞 bǐ yì shuāng fēi (букв. сравнивать – крыло – пара – лететь – ‘лететь крыло к крылу’) – образно – ‘жить душа в душу, быть неразлучными’; рус. – муж и жена – одна сатана, и кит. 夫唱妇随 fū chàng fù suí (букв. муж запекает – жена подпевает) – о согласии и мире в семье, о единстве взглядов и т.д. Во втором случае компоненты фразеологизма различаются незначительно, поэтому адекватно передать фразеологический образ также не составляет труда.

Кроме того, может наблюдаться полное несовпадение фразеологизмов разных языков как на лексическом, так и на грамматическом уровнях (Солодуб 1985: 210). Такие фразеологизмы называются безэквивалентными.

В таком случае значения фразеологизмов обычно формируются на основе типичного образа, распространённого среди представителей данного народа и связанного с его традициями, обычаями, легендами, символами и эталонами, с его обиходной жизнью. Например, русские ФЕ вокруг ракитова кустика венчаны, брать убегом свидетельствуют о нарушении русских свадебных обычаев. При венчании православный священник, читая молитву, водит молодых вокруг аналоя – высокого столика-подставки для креста, икон и Евангелия. ФЕ вокруг ракитова кустика венчаны означает, что венчания не было и брак не считается законным. Другая ФЕ – брать убегом означает, что не было согласия родителей на брак, что тоже считалось грубым нарушением русских обычаев. Подобные реалии отсутствуют в китайской культуре, поэтому данные ФЕ являются безэквивалентными.

В свою очередь, в китайском языке тоже есть безэквивалентные ФЕ 鸾凤和鸣 luánfèng hé míng (букв. 和 – как гармония; 鸣 – рот и птица: пение птицы – ‘согласное пение луани и феникса’ (Луань – волшебная птица из китайской мифологии) – в знач. ‘счастливый брак, жить душа в душу’. Другая ФЕ 戴绿帽子 (букв. носить – зелёный – шапка – сын) – означает ‘рогоносец, обманутый муж’ (изначально в Древнем Китае закон требовал от проституток, их мужей и мужчин, состоящих с ними в родстве, носить зелёные головные уборы).

Таким образом, безэквивалентные фразеологизмы – это такие ФЕ, которые не имеют близкого сходства в компонентном составе и грамматической структуре в разных языках. Появление безэквивалентных фразеологизмов объясняется рядом причин.

1) В составе ФЕ имеются самобытные образы русского и китайского народов, например, русская ФЕ поднести гарбуза (тыкву) – обл. ‘отказать при сватовстве’ – основана на русском обычае при отказе выносить сватам тыкву; китайская ФЕ 醋海翻波

[cù hǎi fān bō] (букв. уксус/ревность – море – опрокидываться – волна – ‘волны в море ревности’) – ‘очень сильная ревность’. Фразеологизм использует необычный образ – ревность уподобляется волнам бушующего моря, что не характерно для русской культуры, поэтому имеет национальную окраску.

2) Во фразеологизмах нашли отражение образы, связанные с историей, обычаями, традициями, обрядами, преданиями, притчами, литературными произведениями, особенностями быта народа, народными играми и забавами и т.д. Например, рус. – давать/дать от ворот поворот (кому) – решительно отказывать кому-л. в чем-л. (первоначально об отказе в сватовстве – по русскому обычаю); повернуть оглобли (назад). прост. ‘отказываться от принятого решения, данного согласия (в том числе и отказать в сватовстве, в отношениях и т.п.)’; кит. 吃醋 [chīcù] (есть/кушать – уксус): быть ревнивым, ревновать. Из легенды о ревливой жене, которая запрещала мужу-чиновнику принять подарок от императора – наложницу и выпила уксус вместо яда; кит. 杜十娘 [dù shí niáng] – куртизанка Ду – ‘человек, жестоко разочаровавшийся в любви’. Персонаж трагедии «杜十娘怒沉百宝箱» [dù shí niáng nù chén bǎi bǎo xiāng].

3) В составе ФЕ содержатся семантические архаизмы или просторечные слова, которые не позволяют воссоздать образную основу фразеологизма. Например, русские фразеологизмы жить бобылем; дать отлуп кому. прост. или жарг., часто шутол. – ‘решительно отвергать чьи-л. притязания, просьбы и т.д.’; послать на фиг кого. грубо-прост. – ‘решительно отказывать кому-л. в чем-л.’; послать к едрене фене; кит. 同...举行婚礼 tóng jǔxíng hūnlǐ – ‘идти под венец с кем’ (здесь имеется культурная особенность: иероглиф «хун» (婚) из слова «брак» состоит из части «женщина» и иероглифа, который в древности обозначал вечер. Раньше было принято справлять свадьбу вечером).

Таким образом, сравнение фразеологизмов со значением «любовь и брак» в русском и китайском языках позволило выявить следующие виды фразеологических эквивалентов: полные, частичные и безэквивалентные единицы.

Также анализ исследуемых фразеологизмов показал, что в русском и китайском языках имеются ФЕ одинаковой денотативной и образной направленности, что объясняется однотипностью логико-мыслительных операций людей разных национальностей, представителей разных лингвокультур. Кроме того, иногда сходство ФЕ в разных языках может быть объяснимо их происхождением из одного источника. В любом случае, можно утверждать, что у различных языков имеется возможность адекватной передачи образа безэквивалентных фразеологических единиц.

Также можно сделать вывод, что в эквивалентных единицах образ идентичен, в частичных – достаточно легко угадывается, а в безэквивалентных может быть легко угадываем или не сразу понятен (в зависимости от знаний значения компонентов, а также от знания традиций, обычаев и других культурных феноменов, которые легли в основу ФЕ).

Литература

БСКИ – Большой словарь китайских идиом. 于明善. 成语大词典. 北京: 华语教学出版社. 2015. 1271页.

БСФСРЯ – Бирих А.К. и др. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 448 с.

Долгополов Ю.А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): дисс. канд. филол. наук. 10.02.20. – Казань, 1973. – 263 с.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

КРФС – Толмац К.В. Китайско-русский фразеологический словарь / К.В. Толмац. – М.: Восточная книга, 2009. – 506 с.

Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – М., 1985.

ROLE OF THE EQUIVALENCE AND NON-EQUIVALENCE IN THE FORMATION OF A PHRASEOLOGICAL IMAGE (THE CASE OF RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGISMS MEANING “LOVE AND MARRIAGE”)

M.M. Myamlin

Abstract. The article is devoted to the problems of identifying equivalent and non-equivalent phraseological units with the meaning “love and marriage” in the Russian and Chinese languages. The causes of these phenomena and their role in the formation of the phraseological image are determined.

Key words: interlingual phraseological equivalents, full equivalents, partial equivalents, equivalence of phraseology, cultural-national identity of idioms, Russian and Chinese interlingual phraseological units, comparative linguistics.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С ОПОРНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ДОМ» НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

А. С. Паламарчук

Россия, г. Владимир, Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
amalyshova@gmail.com

Аннотация: Рассмотрение компонента «casa» в испанской фразеологии и его переосмысление в различных контекстах показывает, как изменяется восприятие образа.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологический образ.

Испанская фразеология открывает удивительный мир, который видят испанцы, временами сюрреалистичный (*ser ojo derecho* – быть любимчиком, *букв.* быть правым глазом), временами очень набожный (библейзмы – неотъемлемая часть практически любого европейского языка), довольно прагматичный (*pagar los platos rotos* – быть козлом отпущения, *букв.* платить за разбитые тарелки) и очень творческий (*coser y cantar* – очень легко, *букв.* петать и шить).

Как ни странно, фразеология, которая могла бы стать одним из самых популярных научных направлений современного языкознания, являясь уникальным межпредметным явлением, не удостоивается комплексного подхода в изучении современными зарубежными лингвистическими школами.

Тем не менее, компетентностный подход к изучению иностранного языка, зафиксированный в Федеральном государственном образовательном стандарте для высшего образования (приводим пример по программе 440301 Образование и педагогические науки) устанавливает следующее требование к владению иностранным языком: «Способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия». Несмотря на то, что ФГОС не выделяет фразеологизмы отдельно (как не определяет детально содержание ни одной из компетенций), можно сделать вывод о том, что без знания и использования ФЕ, межличностная коммуникация бывает неэффективной, а межкультурная вообще невозможна.

Цель данной работы – определение образа концепта «Дом» («Casa»), лежащего в основе наиболее употребительных фразеологических единиц, а также определение изменения объёма коннотации в зависимости от контекста.

Отбор языкового материала был произведен как с использованием словарей DRAE, Espasa-Calpe, Clave, так и помощью анализа языковых явлений методом фразеологической идентификации А.В. Кунина.

Материалом к данному исследованию послужили устойчивые ФЕ, а также их окказиональные употребления (*empezar la casa por el tejado* → *empezar por el tejado* – начинать с конца). При окказиональном использовании ФЕ не теряет своей идентичности, а лишь изменяет свою стилистическую окраску и оттенки значения, подстраиваясь таким образом к требованиям ситуации дискурса (Кунин 1969: 71, Федуленкова 2019: 292). Кроме того, окказиональные употребления ФЕ могут иметь дополнительное значение, связанное с текущей ситуацией в политике и обществе, создавая уже лингвокультурные коннотации.

Образ дома достаточно универсален для различных языковых картин мира, он мыслится как место безопасности, место, где человеку хорошо, дом – это пространство достаточно интимное, в то же время гостеприимное (как правило), уютное в самом общем смысле, не имеющем отношения к реалиям говорящего. Так, мы говорим «на работе я чувствую себя как дома» вне зависимости от того, как на самом деле мы чувствуем себя дома, какова степень изношенности предметов и психологическая обстановка в конкретном доме, мы имеем ввиду общее ощущение комфорта и расслабленности. В любом языке мы найдем фразеологические единицы (ФЕ), опорным компонентом которых является слово «дом». В испанском языке концепт «Дом» переосмысливается в ФЕ с негативным смыслом. Например, глагольная ФЕ *caerle a uno la casa encima* – (о делах) идти из рук вон плохо (*букв.* на человека падает дом сверху). Удивительная образность, основанная на парадоксе, сюрреализм, нашедший отражение в языке задолго до тенденции в искусстве. Можно сделать вывод о том насколько алогична и парадоксальна ситуация, когда дом становится источником проблем и опасности.

Pero no se ha dado el caso – no voy a detenerme en este detalle, si me lo permite – y, para qué engañarnos, tampoco tengo suficiente personalidad como para responder eso a nadie. A mí, me llama Hitler contándome que se le cae la casa encima y me pilla un taxi a Pozuelo con una botella de anís y una caja de manolitos a hacerle compañía. – Но случай так и не представился, – с вашего позволения, не будем останавливаться на этом, – да и к чему обманываться, у меня не хватит духу сказать кому-то такое. Даже если Гитлер позвонит, жалуюсь, что дела у него совсем плохи, я прыгну в такси до Посуэло с бутылочкой анисового ликера и коробкой пирожных, чтобы составить ему компанию. (Здесь и далее перевод автора)

Говоря об окказиональном употреблении ФЕ, рассмотрим адъективную конструкцию с глаголом движения + ФЕ «como Pedro por su casa». Эта ФЕ обычно сочетается с глаголами *entrar* – *входить*, *pasar* – *проходить*, *ir* – *идти*, *andar* – *ходить*, *pasear* – *гулять*, *caminar* – *ходить*, *шагать* и другими глаголами движения схожей семантики (то есть *volar* – *летать* – не будет сочетаться с рассматриваемой ФЕ) и значит «легко делать что-то новое» или «свободно чувствовать себя в незнакомой ситуации», следовательно, в зависимости от сочетаемости и контекста перевод будет различаться. Типичное соответствие этому выражению, которое дается в словарях – «как рыба в воде», крайне редко подходит по контексту для перевода. Например:

(а) *¿Cómo conseguimos que las bacterias no anden por la cocina como Pedro por su casa? Fácil: manteniendo el entorno limpio.* – Как нам удастся избежать того, чтобы бактерии очень легко распространялись по кухне? Очень просто: надо поддерживать чистоту.

(б) *Internet está plagado de amenazas que adoptan muchas formas y que, si no estamos atentos, pueden terminar instaladas en nuestro ordenador, abriendo una puerta por la que accederán los hackers para moverse "como Pedro por su casa", sin control y robando todos nuestros datos, en el mejor de los casos.* – Интернет кишит угрозами в самых разных видах, и если ослабить внимание, они смогут самостоятельно установиться на наш компьютер, открывая доступ хакерам, которые смогут свободно шнырять там без какого-либо контроля, в лучшем случае просто воруют все данные.

Возвращаясь к дополнительной лингвокультурной коннотации, приведем пример, где компонент-имя собственное ФЕ (Педро) одновременно употребляется как в качестве компонента ФЕ, так и в прямом смысле, называя по имени политического деятеля (Педро Санчеса):

*Para mí que todo este ruido del referéndum de Escocia, el Toro de la Vega y la súbita irrupción en los platós de Pedro como ídem por su casa es una burda maniobra para tenernos entretenidas mientras **George Clooney** se casa con la abogada de **Assange** y garantizar así el orden público.* – На мой взгляд, вся эта шумиха вокруг референдума в Шотландии, турнира по корриде Торо де ла Вега и внезапного звонка Педро <Санчеса> в телестудию, во время которого он был очень уверен, – всё это всего лишь грубый маневр, чтобы отвлечь нас и предотвратить беспорядки из-за свадьбы Джорджа Клуни и адвокатши Ассанжа.

В данных случаях употребления ФЕ образ дома предстает в том же традиционном значении места, где абстрактный Педро (хоть и имеется исторический прототип, этимологически связанный с этим

выражением) чувствует себя абсолютно свободно, как рыба в воде, в различных ситуациях. Из вышеприведенных примеров следует, что несмотря на антропоцентричность анализируемой ФЕ, ее мотивированность со временем снижается, потому что это выражение применяется как к людям, так и к неодушевленным объектам (в примере выше – бактериям).

В различных ФЕ образ дома может также дополняться метонимически, включая в себя не только значение «строение, место», но и дом как совокупность вещей в нём или людей/семьи, живущих там. К таким ФЕ относится, например, *tirar la casa por la ventana* – тратить деньги впустую, транжирить, пускать деньги на ветер, (букв. *выбрасывать дом в окно*). Образность этого выражения двояка: окно является частью строения «дом», то есть нельзя выкинуть дом через часть дома, и «дом» – то, что выкидывают, то есть все-же подразумевается вещь, но так как значение этой ФЕ – транжирить, вещь должна быть не одна, и явно ценная (этимологически выражение описывает ситуацию, когда после выигрыша в лотерею (самая значительная лотерея, популярная до сих пор, появилась в Испании в середине XVIII века) крупной суммы люди выбрасывали мебель из окна, а мебель была дорогой). Отсюда следует вывод, что в этом контексте дом – это ещё и всё то ценное, что человек имеет дома. Сейчас это выражение так же, как и предыдущее, теряет свою мотивированность, что следует из анализа примеров:

(a) *El equipo galo se debate entre dos opciones: apostar por los jóvenes talentos de la fábrica o tirar la casa por la ventana con el regreso de Fernando Alonso al equipo con el que se proclamó campeón en 2005 y 2006.* – Французская команда выбирает из двух вариантов: сделать ставку на молодые таланты фабрики или разориться на возвращение Фернандо Алонсо, который в 2005 и 2006 принес команде чемпионский титул.

(б) *Icono mediático, influyente, una celebrity con todas sus letras. Y rica, muy rica. Oprah ha decidido tirar la casa por la ventana para dar la bienvenida a los 60 años que cumplirá el próximo 29 de enero.* – Медиа-икона, влиятельная персона, настоящая звезда во всем. А ещё она очень, очень богата. Опра решила спустить целое состояние на праздник в честь своего юбилея: 29 января ей исполняется 60 лет.

Яркий образ анализируемого выражения зачастую дополняется коннотацией не только чрезмерности, но и безрассудства: потратить деньги за пределами своих возможностей или на самой их грани. Но примеры выше показывают, что это значение является комплиментарным.

В выражении *amigo de casa* – друг семьи (букв. друг дома) прослеживается метонимия вследствие которой образ дома

включает в себя также и его обитателей. Это явно подтверждается следующим примером:

<...> *este caballero, puesto que es amigo ya de casa, ha deseado conocerte, Eugenia. (M. de Unamuno "Niebla")* – <...> этот господин – друг семьи, и он желает познакомиться с тобой, Эухения.

Рассмотрим ФЕ *empezar la casa por el tejado* – начинать не с того, начинать с конца (букв. начинать дом с крыши). Зачастую компонент «casa» опускается, тем не менее, образ дома присутствует в этом выражении, ведь крыша – часть дома, но строить крышу, не построив дом, невозможно. Мы снова сталкиваемся с парадоксом как средством создания образа ФЕ в испанском языке. В данном случае слово «casa» употребляется в самом прямом значении – здание, тем не менее, общее значение ФЕ, несмотря на мотивированность, уже не связано с образом дома, что следует из контекста:

Ramón Jáuregui, eurodiputado socialista, dijo en un buen artículo que publicó en La Vanguardia algo que yo estaba pensando: no se puede empezar por el tejado, que es lo que han hecho los políticos independentistas. No puedes empezar preguntándole a la gente si se quiere independizar sin calcular los costes y las consecuencias de la independencia. – Рамон Хауреги, евродепутат от Социалистической партии, в своей прекрасной статье, опубликованной в *La Vanguardia*, сказал то, о чем я думал: нельзя *начинать с конца*, как пытаются сделать политики-сторонники независимости. Нельзя спрашивать людей об их желании отделиться, не сделав предварительный расчет того, во сколько это обойдется, и не оценив последствия отделения.

Но в некоторых случаях образ дома так хорошо прослеживается в ФЕ, что автор использует выражение для построения более сложной метафоры, ядром которой является именно образ дома как строения. Очевидно, в таком случае и перевод будет направлен на сохранение большей метафоричности текста:

Construyamos los cimientos de nuestro nuevo modelo de sociedad empezando no por el tejado, sino por sus pilares: hablemos de política, y reformémosla, como punto de partida. – Давайте закладывать основы нашей новой модели общества, давайте будем строить этот дом не с крыши, а начнем с его столпов: отправной точкой станет разговор о политике и её реформа.

Приведенные примеры показывают, как изменяется образ компонента *casa* в зависимости от значения ФЕ в целом. Вообще, по справедливому замечанию Синельникова Ю.Г. и Андросовой С.А., «образ, лежащий в основе арготической фразеологической единицы, говорящие могут осознавать по-разному» (Синельников, Андросова 2009: 56), что справедливо и в отношении не только

арготических ФЕ, как было показано на примерах, большинство из которых было взято из современной испанской прессы.

В результате анализа некоторых ФЕ и изучения контекста их употребления в современной испанской прессе, выясняем, что для ФЕ, значение которых стало немотивированным сохраняется образность, продиктованная значением (значениями) опорного компонента *casa* даже в случае его окказионального опущения.

Литература

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.

Передерий Е.Б. Стереотипные представления о красоте (на материале устойчивых сравнений // Древняя и Новая Романия. 2018. – Т. 21. – С. 161-173.

Синельников Ю.Г., Андросова С.А. Образная основа характерологических фемининных фразеологизмов французского арго (на материале фразеологической группы «внешний облик человека»). – Белгород: Белгородский государственный университет, 2009. – С. 49-56.

Федуленкова Т.Н. Преобразование фразеологии в дискурсе // Фразеология в языковой картине мира: Когнитивно-прагматические регистры: сб. науч. тр. по и тогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26-27 марта 2019 года) / Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова и др. – Белгород: ООО «Эприцентр», 2019. – С. 292-295.

Хорошилов А.А. Кан, А.В., Хорошилов, А.А. Фразеологический машинный перевод текстов. – М., Берлин: Директ-Медиа, 2019. – 467 с.

Naciscione A. Visual representation of phraseological image // Yearbook of phraseology. – Burlington: The University of Vermont, 2010. – Pp. 19-44.

Espasa-Calpe – Diccionario de la lengua española. Espasa Calpe [Электронный ресурс]. 2005 – Режим доступа: <https://www.wordreference.com/definicion/casa> (дата обращения: 20.08.2021).

DRAE – Real Academia Española. Diccionario de la Lengua Española. – 23^a ed. Madrid: Real Academia Española, 2014. – 2432 p.

PHRASEOLOGICAL IMAGE IN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE MAIN COMPONENT “HOUSE” ON THE EXAMPLE OF THE SPANISH LANGUAGE

A.S. Palamarchuk

Abstract: The paper studies some examples of Spanish phraseology with main component “*casa*” which show how the imagery of PU-terms changes in different contexts.

Key words: phraseological unit, phraseological image.

Секция 3.2. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

БИБЛЕЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЕЕ АКТУАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ, АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

А.Д. Бакина, Н.И. Прокопина

Россия, г. Орел, ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет им. И.С. Тургенева»

prokoninanatalie@mail.ru

heart-anna@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается проблема функционирования фразеологизмов библейского происхождения в текстах СМИ. Исследованию подлежали контексты употребления библеизмов, отобранные методом сплошной выборки из современных медийных текстов. Методами анализа послужили контекстологический метод, метод фразеологической идентификации и метод фразеологического описания. Результаты исследования позволяют заключить, что библейская фразеология активно развивается как самостоятельное научное направление; содержание библейских фразеологизмов в текстах СМИ высокое; интерпретация библейских текстов, сюжетов и специфика употребления фразеологизмов библейской этимологии в германских языках в основном идентична.

Ключевые слова: библейская фразеология, библейский фразеологизм, медиатекст, СМИ.

Библия, будучи памятником мировой культуры, до сих пор является предметом тщательного изучения, а также лингвистической и экстралингвистической интерпретации. Священное Писание есть культурно-языковое наследие человечества, что позволяет рассматривать этот древнейший источник в качестве мощного ресурса для пополнения лексики и фразеологии многих национальных языков. Язык Библии прочно вошел в современный обиход, что обусловило его активное использование в текстах СМИ (Луннова 2008: 41). Как справедливо отмечает проф. Т.Н. Федуленкова, «благодаря своей этической ценности и эмоциональной насыщенности и экспрессивности библейская фразеология стала неотъемлемой частью разных функциональных стилей современных европейских языков (Fedulenkova, Martushova, Vönnemark 2008: 5), приобрела неоспоримую дискурсивную валидность (Fedulenkova 2001: 15).

К библейской фразеологии, под которой принято понимать единицы языка, корни которых восходят к сюжетам из Книги книг, в последнее время проявлен неподдельный интерес со стороны лингвистов, поскольку на сегодняшний день медиадискурс изобилует разнообразными библеизмами: прецедентными библейскими именами, библейскими аллюзиями, точно

воспроизводимыми или трансформированными библейскими выражениями, а также библейскими фразеологизмами (БФ). В отношении последних, следует отметить, что их употребление в медийных текстах превалирует.

В отечественном языкознании до сих пор не выработано единой четкой дефиниции БФ, большинство ученых сходятся во мнении, что, определяя данное понятие, отталкиваться следует от общего понимания фразеологизма как устойчивого выражения, но с оговоркой на этимологический критерий. На сегодняшний день существует большое число определений понятия «библейский фразеологизм». Мы опираемся на определение проф. Т.Н. Федуленковой, которая под фразеологизмом библейского происхождения понимает «устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложение с полностью или частично переосмысленным значением, возникшее на основе библейского прототипа и восходящее к тексту Библии или библейскому сюжету (Федуленкова 2016: 23).

Ввиду того, что тексты средств массовой информации вольно или невольно фиксируют те языковые тенденции общества, в эпоху которого они создаются, то именно они призваны оказать помощь и принести пользу для дальнейших лингвистических исследований. Кроме того, фразеологизмы библейского происхождения, применяемые в СМИ, быстро популяризируются в современном обществе, мотивируют читателя проявлять любопытство по отношению к этимологии определенных фразеологических единиц, а также лишней раз обратиться к истории человечества, к Священному писанию, в котором представлено нравоучительное повествование и заложены основные законы бытия. Так, обращаясь к Библии или встречая БФ в текстах медиапространства, реципиент непреднамеренно абсорбирует новые знания или, если таковые уже получены, активизирует их в своей памяти, а в дальнейшем, в общении с другими людьми, чаще их использует. На наш взгляд, такое возрастающее внимание к библейской фразеологии является достаточно символичным в нынешнем мире и заслуживает детального научного исследования. Отдельно следует обозначить актуальность исследования БФ для выявления их семантико-стилистических и функциональных особенностей.

Прежде чем достичь исходной цели настоящего исследования, а именно: выявить и описать условия и специфику реализации фразеологизмов библейского происхождения современного русского, английского и немецкого языков в текстах СМИ, необходимо решить ряд сопутствующих задач, заключающихся в определении сущности и функциональной значимости библейской фразеологии; выявлении прагматических особенностей медиатекста и, наконец, в иллюстрировании

теоретических положений примерами употребления фразеологизмов библейского происхождения в прессе.

На сегодняшний день библейская фразеология достаточно частотна в медиатекстах, что подтверждается рядом конструктивных причин. БФ работают на привлечение внимания; интересны для использования в своем творчестве самими авторами, так как предлагают вступить своей аудитории в некую интеллектуальную игру посредством определения авторского замысла; они необходимы для создания определенного стилистического приема, а также для воплощения цели воздействия на реципиента желательным образом. Есть и еще одна причина – неустанное развитие и динамизм библейской фразеологии. Так, например, по мнению Г.Н. Александровой, библеизмы, в частности БФ, «не являются застывшими константами, их понятийная структура развивается, обрстая всё большим количеством интенциональных и экстенциональных признаков, обретая метафорическое и аллегорико-символическое переосмысление в современных языках. Можно наблюдать, как уже транспонированное значение переосмысливается ещё раз, придавая тексту ту неповторимую образность, которая при помощи визуализированной картинки помогает нам быстро воспринять большой объём концептуальной информации и одновременно позволяет ощутить красоту языка и речи» (Александрова 2020: 216).

Рассмотрим несколько примеров использования фразеологизмов библейского происхождения в текстах медиа.

Автор газетной статьи *«Ноев ковчег: зачем МГУ создает биологическую «палату мер и весов»* прибегает к употреблению библеизма, одновременно преследуя несколько значимых для публицистики целей (Трефилов 2017). Во-первых, БФ в названии статьи привлекает внимание читателей, так как до прочтения новостного текста смысл его употребления остается неясным. Во-вторых, применение БФ без заключения его в кавычки, то есть без ссылки на наименование проекта, позволяет нам утверждать, что автор пожелал воссоздать двойственное понимание анализируемого устойчивого выражения, видимо, пытаясь очертить важность и ценность научного проекта для человечества и нашей эпохи как судна, некогда построенного Ноем по повелению Бога во имя спасения семьи и всех животных. Значимость проекта под названием «Ноев ковчег» заключается в том, что он, согласно статье, поможет найти ключи к разгадке причин многих болезней и секретам эволюции, благодаря чему ученые смогут поддерживать жизнь людей на более долгие годы. Самое название было выбрано учеными не случайно, поскольку «Ноев ковчег» – это единственное в мире и впечатляющее своим размахом хранилище биоматериалов.

Другой пример. В статье, речь в которой идет о случаях заражения пациентов сразу несколькими штаммами коронавирусной инфекции, подзаголовок **«Вавилонское смещение»** не имеет ничего общего с фабулой, описанной в Ветхом завете, о появлении разных языков, а также с привычным всем пониманием фразеологизма как хаоса и неразберихи (Каспришин 2021). В данном случае автор использует игру слов: подзаголовок, конечно, можно «притянуть» по смыслу к «хаосу». И причиной становится то, что в мире появляются новые сведения о коронавирусе, возникают новые случаи заражения. Однако в абзацах, расположенных под заглавием «Вавилонское смещение», дается лишь информация о возможности «смещения» различных штаммов вируса.

«Be not forgetful to entertain strangers: for thereby some have entertained angels unawares» – неизменное библейское наставление, представленное в тексте англоязычной статьи, в том, что нужно проявлять заботу о каждом человеке, не задумываясь о его положении в обществе, его заслугах и достоинствах (Tryggestad 2021). В статье ведется повествование о христианском фонде, основанном семейной парой в городе их проживания в Доминиканской республике и вскормившем и вырастившем бесчисленное количество детей из нуждающихся семей.

Нестандартное употребление БФ *Cain and Abel/Kain и Авель* можно проследить в следующем англоязычном заголовке – **«Cain and Abel, Michael and Fredo, Cuomo and de Blasio»** (Smith 2016). Прием синтаксического параллелизма подводит читателя к тому, чтобы провести аналогию между библейскими героями, литературными персонажами Марио Пьюзо и нашими современниками, «политическими братьями», взгляды которых когда-то сильно совпадали, но теперь в их отношениях произошел полный раскол, сопровождаемый нескрываемой ненавистью друг к другу. БФ в данном контексте, безусловно, уместен. Нездоровая конкуренция, вражда и зависть – грехи, о которых уже не раз упомянуто и в истории человечества, и в мире художественной литературы. С помощью использования библеизма в совокупности с изобразительно-выразительным средством языка автор делает намек на то, что напряженные политические трения политиков в ближайшем будущем ни к чему хорошему не приведут.

В нижеследующих примерах мы видим использование БФ *краеугольный камень/corner stone* и его вариант *stumbling block*, который означает *препятствие, серьезная помеха ч.-л.* Исходное значение фразеологизма сохраняется в представленных контекстах.

The Chancellor has had to face very difficult economic circumstances both abroad, which affects us, and at home,” he said.” He has done so with great courage. He has now produced the right package

to put this country back on course.” Mr Lamont’s formula of low interest rates, business incentives coupled with tight public spending and a pay squeeze forms the **corner stone** of the Government’s new economic policy (Today, взято из BNC).

Salford face strong competition from an un-named Yorkshire club in their bid to sign Leeds former All Black star John Gallagher. The **stumbling block** to any deal is a cash settlement for the remainder of Gallagher’s contract, worth a reported 400,000 when he signed for Leeds in the summer of 1990. Leigh are set to advertise for a player-coach to succeed Jim Crellin, who quit last Sunday (The Daily Mirror, взято из BNC).

Фразеологизм библейского происхождения, содержащий библейское имя: *wisdom of Solomon*, встречаем в статье, посвященной обсуждению состязаний по крикету. Автор использует библеизм, достигая максимальной экспрессивности, поскольку надеется на справедливое решение одного из участников спора: *WHEN 20 representatives of the South African Cricket Union and the National Sports Congress sit down together in a Johannesburg hotel tonight it is to be hoped that among them is someone with the wisdom of Solomon. Both parties are taking the talks seriously and a commitment to resolving their diametrically opposed views of next year’s rebel cricket tour by an English team is evident* (Guardian, elect. edn. of 1989.11.08. Sport material, взято из BNC).

Немецкоязычные медиатексты не являются исключением из этой темы, и в них тоже можно встретить БФ. Например, БФ *Balken im Auge* встречается в тексте статьи политической направленности в следующем контексте: «*Realisten sind zwar durchaus in der Lage, den Splitter im fremden Auge zu erkennen, aber sie übersehen dabei sehr wahrscheinlich nicht den Balken im eigenen*» (Walt 2021). Так, автор статьи иносказательно констатирует факт, что реалисты прекрасно замечают угрозу со стороны других стран, однако собственную агрессию не видят в упор.

Статья под названием «*Wer das Brot hat, hat die Macht*» начинается со слов всем известной молитвы «Отче наш» – «*Unser tägliches Brot gib uns heute*» и повествует об историческом и политическом значении хлеба в жизни наших предков (Pehl A., Kaiser M. 2020). Обращение автора к библейской фразеологии абсолютно оправдано заложенным в статье смыслом.

В своей статье в немецкой газете “*Zeit*” автор прибегнул к усеченной версии фразеологизма *Alles hat seine Zeit*/Всему свое время. *Die hat das kleine Buch vergessen, so wie auch "Soll und Haben", den "Kampf als inneres Erlebnis" und leider auch "Luise" von Johann Heinrich Voß. Alles hat seine Zeit, oder es hatte sie einmal. So wollen wir uns freuen auf das Ende des Jahrtausends, wenn der deutsche Schlager, der ADAC und alle Filme und Platten – gegen und*

irgendwie mit Adolf Hitler – in jenen großen Zuber sinken, auf dem bereits geschrieben steht... (Die Zeit, 19.03.1998, Nr. 13, взято из Textkorpora).

В данном примере наблюдаем использование фразеологизма *ein Rufer in der Wüste*/мцетный напрасный призыв к к.-л. Данный вариант является более частотным по сравнению с вариантом *die Stimme des Predigers in der Wüste*: *In trickreich gestückelten Rückblenden erzählt er von den Knabenjahren mit dem Messias in einem Kaff in New England, zitiert dessen frühreife Reden stets in Großbuchstaben und berichtet Schicksalhaftes; etwa wie Owen beim Krippenspiel, als Jesus-Kind, seinen ersten "Ständer" bekam. Doch Owen reift heran zum **Rufer in der Wüste**, unerbittlich geißelt er Amerikas Politiker und Pharisäer; die Welt stürzt für ihn ein, als ruchbar wird, daß Präsident Kennedy, "Katholik" und "verheirateter Mann", mit Marilyn Monroe ins Bett ging. Abrechnung mit Amerika?* (Der Spiegel, 13.08.1990, взято из Textkorpora).

Schon mit einem einzigen Flug nach New York, so rechnet Greenpeace in seiner aktuellen Studie "Die Klimaschädlichkeit des Luftverkehrs", verbrauche ein Passagier anteilig 750 Liter Treibstoff und damit mehr als ein durchschnittlicher Autofahrer im Jahr. Dennoch weiß auch Greenpeace-Verkehrsexperte Worm, daß er mit seiner Forderung, "weniger zu fliegen", **ein einsamer Rufer in der Wüste ist**. Im Vergleich mit anderen Verkehrsträgern ist der Luftverkehr noch immer hoch subventioniert (Die Zeit, 18.10.1996, Nr. 43, взято из Textkorpora).

Еще один частотный пример в контекстах СМИ – это библеизм *seit Adam und Eva* с вариантом *Seit Adams Zeiten*: *Auch bei uns denkt man jetzt darüber nach, wie man unseren Kindern und Enkelkindern den Mund mit simuliertem Pflanzenfleisch wäßrig machen kann. Die **seit Adam und Eva**, genau genommen seit etwa 8000 Jahren, praktizierte Fleischproduktion über den Tiermagen ist eine einzige Verschwendung wertvoller pflanzlicher Rohstoffe, die man in Zukunft mit Phantasie, Kochkunst und Chemie anders nutzen kann. Die bisherige Art der Fleischerzeugung mutet für das Jahr 2000 einfach vorsintflutlich an* (Das Magazin, 1989, Nr. 2, взято из Textkorpora).

В заключение следует отметить, что БФ на сегодня составляют весьма мощный пласт во всей фразеологической системе любого языка. Несколько неожиданным, но, вместе с тем, весьма знаковым является факт обращения нынешнего поколения к религиозным текстам, которые, без малейшего сомнения, подвергаются новым толкованиям в соответствии с современными культурными реалиями. Текст Библии всеобъемлющ, способен пронизывать целые эпохи и культуры, и каждая культура интерпретирует Слово Божие согласно своим культурно-языковым нормам и устоям. И чтобы суметь корректно взвесить и оценить различия и сходства

таких интерпретаций в разных культурах народов, очень важно, как показывает практика, обращать внимание на развитие языка СМИ, который фиксирует ключевые тенденции, происходящие в языке на определенном этапе развития общества. В этом мы видим дальнейшую перспективу изучения проблемы функционирования БФ в медийных текстах.

Литература

Александрова Г.Н. Полиинтерпретативный потенциал и многоплановость интерпретаций библеизмов (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2020. Т. 13. Вып. 8. – С. 214-219.

Каспришин А. Врачи рассказали о болезни зараженных разными штаммами коронавируса // РИА Новости, 16.03.2021. Режим доступа: https://ria.ru/20210316/kovid-1601372831.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 20.07.2021).

Луннова М.Г. Библеизмы в современном русском языке // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – Пенза, 2008. – №13. – С. 40-45.

Трефилов В. Ноев ковчег: зачем МГУ создает биологическую «палату мер и весов» // РИА Новости, 07.03.2017. Режим доступа: <https://ria.ru/20170307/1489481245.html> (дата обращения: 20.07.2021).

Федуленкова Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учебное пособие. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. 146 с.

British National Corpus. Режим доступа: <https://www.english-corpora.org> (дата обращения: 26.08.2021).

Fedulenkova T.N., Martushova E.V., Bönnemark M. EnglishGerman-Swedish Dictionary of Biblical Phraseology / T.N. Fedulenkova, E.V. Martushova, M. Bönnemark. – Arkhangelsk, 2008. – 167 p.

Fedulenkova T.N. Discourse value of biblical proverbial idioms in English / T.N. Fedulenkova // Textual Secrets: The Message of the Medium: Book of Abstracts of 21st PALA Conference / British Council. – Budapest, 2001. – P. 15.

Pehl A., Kaiser M. Wer das Brot hat, hat die Macht // BR 24, 04.10.2020. Режим доступа: <https://www.br.de/nachrichten/kultur/wer-das-brot-hat-hat-die-macht,SC9XXEg> (дата обращения: 23.07.2021).

Smith K. Cain and Abel, Michael and Fredo, Cuomo and de Blasio // The Wall Street Journal, 08.01.2016. Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/cain-and-abel-michael-and-fredo-cuomo-and-de-blasio-1452297140> (дата обращения: 22.07.2021).

Textkorpora. Режим доступа: <https://www.dwds.de/d/korpora> (дата обращения: 01.09.2021).

Tryggestad E. Angels get the burned rice // The Christian Chronicle, 22.06.2021. Режим доступа: <https://christianchronicle.org/angels-get-the-burned-rice/> (дата обращения: 22.07.2021).

Walt St. M. Letzte Ausfahrt vor der Eskalations-Spirale: Warum Staaten einander besser verstehen sollten // Merkur.de, 23.07.2021. Режим доступа: <https://www.merkur.de/politik/usa-aussenpolitik-geopolitik-empathie-krieg-diplomatie-foreign-policy-zr-90863048.html> (дата обращения: 23.07.2021).

BIBLICAL PHRASEOLOGY AND ITS ACTUALIZATION IN MODERN RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN MEDIA TEXTS

A.D. Bakina, N.I. Prokonina

Abstract. The article discusses the problem of the functioning of phraseological units of biblical origin in media texts. The contexts of the use of biblicisms, selected by the method of random selection from modern media texts, were subject to research. The employed research methods include the contextual method, the method of phraseological identification and the method of phraseological description. The results of the research allow us to conclude that biblical phraseology is actively developing as an independent scientific field; the quantity of biblical phraseological units in media texts is high; the interpretation of biblical texts, plots and the specificity of the use of phraseological units of biblical etymology in Germanic languages is basically identical.

Key words: biblical phraseology, biblical phraseological unit, media text, mass media.

ОБРАЗНОЕ ОСНОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ДЕМОНСТРИРУЮЩЕЕ СОПРЯЖЕНИЕ РОДОВ ВОЙСК (НА МАТЕРИАЛЕ ВОЕННОГО ЖАРГОНА)

А.П. Василенко

Россия, г. Брянск, Брянский государственный университет
a.p.vasilenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются способы организация образного основания фразеологизмов на материале военного жаргона, используемого в вооруженных силах США. Отнесение социолексем к разряду фразеологических сочетаний языка автор объясняет с опорой на конституционные признаки фразеологизма: устойчивость, образность, идиоматичность, воспроизводимость (в данном случае – военная среда). Ставится вопрос о возможности классификации фразеологизмов указанной группы в социокультурном ключе. Установлено, что фразеологизмы военной тематики явным образом транслирует тему межличностного противоборства между представителями армейской профессии. Доказано, что образ фразеологизмов, созданный на основе военного жаргона, содержит символическую, мифологическую, социальную референцию к фактам армейского бытия и формирует карикатурное представление о тех или иных представителях рода войск.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, социолингвистика, модель построения образа фразеологизма, символ, военный жаргон, культураносный смысл, противоборство, гендер, иерархия.

Устойчивые обороты языка, как свидетели фрагментов жизни этноса, жизни политической, бытовой, культурной, экономической, транслируют специфику того, что составляет повседневность, то есть сложившиеся с ходом времени существующие либо существовавшие модели жизнеуклада народа. Совокупность таких проявлений дает основание говорить о тех статических критериях, запечатленных в образах фразеологизмов, которые являются средством сплоченности отдельной общности людей. К ним относятся их

социальные и межличностные адаптативные механизмы с целью создания / сохранения уже сложившихся (если фразеологизм используется на протяжении долгого времени, например: *бить баклуши, спустя рукава*) или формируемых устоев (фразеологизм, который стал использоваться сравнительно недавно, например: *перезагрузка отношений, банановая республика*).

Среди таких формируемых со временем устоев можно назвать военную тематику, которая раскрывает специфику профессии, повседневных армейских устоев, демонстрирует показатель обороноспособности страны, место нации на социально-политической арене планетарного уровня и пр. Говоря о военной тематике в области фразеологии, мы имеем в виду, прежде всего, использование образных структур, которые получили распространение именно в данной – военной – социальной группе носителей языка.

Следует принять во внимание и тот факт, что военная фразеология носит ограниченный характер использования и, следовательно, отсутствия незамедлительной узнаваемости и широкого применения в повседневной речи как основных конституционных признаков устойчивых оборотов ввиду нераспространённости самой сферы, – что свойственно всем жаргонам. Социальный критерий, лежащий в основе дифференциации данного пласта номинативных единиц, становится основополагающим, поскольку не всегда можно встретить фразеологизмы военного обихода в лексикографических изданиях общей тематики, отражающих наиболее употребительную и узнаваемую (в количественных показателях) систему устойчивых выражений.

В этой связи мы будем придерживаться общеизвестных признаков фразеологизмов, представленных в работе (Шанский 1996: 6, 22) и, учитывая признанную в военной сфере распространённость метафорической структуры с закреплёнными за ними значениями, будем относить упоминаемые в работе обороты к разряду фразеологических.

Военная сфера достаточно разнообразна с точки зрения ее изучения в лингвистической области. Можно назвать работы, посвященные особенностям терминологии в отдельной отрасли военно-оборонного комплекса страны (Бойко 2008), характеру использования документального отражения военных распорядительных документов (Дуброва 2015), деривационному потенциалу военной терминологии (Захарчук 2007), устно-речевой коммуникации представителей военной профессии (Махов 2015), лингвокультурологическому потенциалу военной терминологии (Степанова 2012), диахроническому аспекту военного номинативного инструментария (Уланов 2014) и др.

Анализируя использование образных конструкций в военном дискурсе, отметим, что большинство оборотов отражают социальный статус объекта речи, а также поведенческие мотивы, которые всегда становятся темой для обсуждения другими членами коллектива и, как правило, не только военного.

Нетрудно заметить, что социальный статус – это, прежде всего, роль, которая отводится члену коллектива. Так, иерархическая структура военного социума отличается детерминированностью, перманентностью устоев, реализацией доминантных и субдоминантных ролей, накладывает отпечаток на представителей самого общества. Социальная роль, установленная для определенного члена коллектива, предполагает определенный набор поведенческих стереотипов, что подчеркивает статус индивида (Горелов 2001: 199).

Как и любая культура, военная культура отличается генерализацией существующего общеупотребительного языка, проявляющейся в манифестации специфики социально-группового диалекта, построенного на когерентности мышления представителя военной профессии с тем, что является эталоном измерения по шкале интенсивности проявления какого-либо признака. Причем эталоны измерения, по которым шкалируется мировоззрение военнослужащих, могут несколько отличаться от привычных для обычного носителя языка образов (Бойко 2008: 52).

В ходе определения статуса ФЕ военной тематики иногда возникает пересечение с термином «военный жаргон». Стоит полагать, что *жаргон* – это термин из социолингвистики, он становится в один ряд с такими определениями, как *арго*, *социолект*. Будем придерживаться общего определения, приведенного в Словаре социолингвистических терминов (2006: 205-206), согласно которому *социальный диалект* рассматривается как система лексического и фразеологического инвентаря, широко применяемого в национальном языке, но дифференцирующаяся ввиду особенности гендерного окружения, возрастной группы, сословных признаков, профессиональной ориентированности.

Примем к сведению и термин *сленг*, который также может применяться в случае социальной дифференциации лексического состава языка. Под этим термином следует принимать лексико-фразеологическую сферу, формируемую за границами литературного языка, ориентированную преимущественно на реализацию оценочных характеристик, экспрессивной коннотации (Арнольд 2002).

Подытожив, скажем, что фразеологизм – это, по сути дела, микротекст, ситуация речи, знаковое событие из жизни народа, конкретной группы людей, что, несомненно, следует рассматривать как источник появления оборота. Источником возникновения ФЕ

может оказаться любая жизненная ситуация, которая характеризуется образностью, смысловой отнесенностью, значительной частотой употребления в повседневной речи носителя языка. Поэтому здесь целесообразно говорить о мотивационном источнике фразеологизма, об этимологическом параметре образа, который выступает дифференцирующим критерием в речевом использовании существующих номинативных единиц.

Следовательно, социальная разновидность лексики может активно включаться в создание плана выражения фразеологизма, но выступать только лишь конституентом, формальной строительной базой, но не мотивирующим основанием устойчивого выражения, в то время как собственно мотивация образа обусловлена социальными устоями, закономерностями, значимыми обстоятельствами из жизни индивида.

Итак, рассматривая фразеологизм военной тематики, мы придерживаемся точки зрения, изложенной в работе (Судзиловский 1973: 13], и понимаем данную группу устойчивых оборотов как образную конструкцию с включенными жаргонизмами из военной сферы и распространённую (прежде всего, понятную) в военной сфере общения. В состав фразеологизма входят элементы военного сленга, реалии военного дела, организация и руководство военного аппарата. Рассматриваемые нами фразеологизмы, в образный состав которых входят элементы из армейской жизни, обладают выраженной экспрессией с резко отрицательной (презрительно-циничной, грубо-пренебрежительной, саркастичной) коннотацией.

Ранее уже было упомянуто, что военная сфера – это строго упорядоченная, иерархически организованная и отлаженная система взаимодействия участников. Каждому участнику отводится своя роль (статус) в этом микросоциуме. Межличностное взаимодействие участников может отображаться в метафорическом основании фразеологизма, который, по своей сути, запечатлевает яркие события происходящего в жизни любой общности и становится образным квалификативно-номинативным достоянием этого общества. В этой связи мы выделяем следующую группу фразеологизмов – обороты речи, которые показывают сопряжение разных видов войск.

Итак, взаимоотношения разных видов войск, внутриуставные отношения и женщина в армии – вот основная типология социального противоборства во фразеологических образах военной тематики. Данная типология построена на основе главного социального критерия – борьбы за выживаемость. Каждый представитель военного сообщества, входя в общий состав и занимая в то же время свою нишу на иерархической лестнице, постоянно осознает свое формально принимаемое место на этой иерархической лестнице (Горелов 2001: 140). Возникает

перманентная борьба за поддержание значимости своего статуса (от низшего чина – к высшему), что и порождает внутриличностную борьбу (конфликт), скорее, психологического характера, во избежание когнитивного диссонанса или, что также бывает нередко, межличностную борьбу (конфликт) – отстаивание собственных убеждений в кругу других индивидов.

Безусловно, что в каждом сообществе наблюдается иерархическое поведение его представителей, но военная сфера, как представляется, наиболее показательная в плане фиксации образными структурами такого типа поведения и состояния. На примерах из американского английского языка рассмотрим выделенную группу фразеологизмов с точки зрения внутриличностной и межличностной борьбы.

Так, в американской армии существуют образный жаргонизм *trench monkey* (букв.: траншейная обезьяна) (Военный жаргон 2021). Данная ФЕ используется для наименования представителей сухопутных войск – пехоты. Как представляется, данный оборот может быть отнесен к разряду фразеологических на том основании, что структура является устойчивой в военной среде американских войск и носит переосмысленный характер. Идиоматический статус структуры объясняется непрозрачностью семантики самого субстантивного сочетания.

Приведем комментарий образной составляющей структуры *trench monkey*. Образ, положенный в основу фразеологизма, понятен: есть обезьяна, которая совершает свойственные ей хаотичные движения на территории выкопанной кем-то ямы (траншеи). Обратим внимание на анималистический компонент *обезьяна*. Согласно (Керлот 1994: 344), *обезьяна* и её действия (движения) олицетворяют бессознательную, подражательную активность и, вместе с тем, *обезьяне* некоторые культуры приписывают функцию обеспечить благополучие людей.

Скорее всего, это буффонадный образ, искусство подражания кому-либо, но отсутствие собственного начала (Тресиддер 1999: 243-244). Возможно, по этой причине в американском военном социолекте образ *обезьяны*, запечатленный во фразеологизме *trench monkey*, позволяет подчеркнуть пейоративную коннотацию всего образа и всей той группы людей (пехотинцы), которую он номинирует.

Представляет интерес другая часть оборота – субстантивный компонент *trench*. Стоит полагать, что локализация образа с указанием топонимического *trench* позволяет очертить сферу концентрации данного рода войск – земля – и основной вид передвижения – пешком (т.е. по земле). Пехотинцы, мобилизуясь в окопах (как место укрытия и ведения боя) и траншеях (путь для безопасного прохождения пехоты во время наземного боя), ведут

наступательные и оборонительные действия подобно *trench monkey* – хаотично, в рамках ограниченного пространства.

Общая когнитивная схема образа *trench monkey*: поведение + пространство.

Другой фразеологизм, обозначающий этот же вид войск в американском военном сленге, – *stump-jumper* (букв.: прыгун через пень) (Dalzell 2013: 2180). Пехота может быть и такой в американском менталитете! Есть одно уточнение. В словаре имя существительное *stump* – жаргонная лексема для обозначения слова *нога* (Там же: 2180). В таком случае оборот *stump-jumper* имеет иное прочтение: ‘прыгун на ноге’ – т.е. акцент на способе перемещения в пространстве: скачкообразное движение с опорой на нижнюю конечность. Кстати, нейтральное прочтение *stump-jumper* (букв.: прыгун через пень) тоже даёт семантику ‘движения’. В любом случае возникает образ движения объекта по заданной траектории, вырисовывается амплитудно-частотная характеристика объекта.

Общая когнитивная схема построения образа *stump-jumper*: поведение + траектория.

Фразеологизм *stick jockey* (букв.: палочный наездник) (Dalzell 2013, 2148) – так говорят о пилотах воздушных войск США. Образ ФЕ косвенно связан со значением структуры. Тем не менее субстантивный компонент *jockey* с общим денотативным значением ‘профессиональный всадник’ может наводить на мысль о некотором субъекте, который распоряжается другим субъектом либо управляет объектом. Стоит полагать, что именно субстантивный компонент *jockey* является ключевым в данном сочетании, а зависимый *stick* выступает аддитивным элементом, раскрывающим способ воздействия, инструмент руководства. С точки зрения образной мотивации, речь идет о метонимическом переносе – *палка* (и далее ассоциативный ряд: *рычаг, штурвал, руль*).

Палка в мифологии выполняет интегративную функцию между архетипами *верх-низ* (Керлот 1994: 380), но не выступает противоречием между двумя данностями, а лишь указывает на них, является связующим звеном, опорной структурой. Общая когнитивная схема построения образа *stick jockey*: поведение + инструмент.

Фразеологизм *chair force* (букв.: сила стула) (Military Terms 2021) – ироническое название пилотов военно-воздушных сил США. Жаргонизм используется для наименования локализации действующего лица. По сути дела, образ фокусируется на метонимическое место, с которого осуществляется действие, – кресло пилота (*chair*). Согласно словарю (Dalzell 2013: 416), вокабула *chair*, как инструментальный социолекта, реализует значение ‘смертная казнь’. С опорой на данную ассоциативную связь у носителя языка происходит усиление ‘степени воздействия субъекта

на объект' в образе субстантивного компонента *chair*. Если компонент *force* (сила) является транспарентным с точки зрения семантики и прагматики знака, то компонент *chair*, ассоциируясь с местом восседания (как например, *трон*), имеет патриотическую направленность, атрибут верховной власти, величия (Вовк 2006: 495, 497). Общая когнитивная схема построения образа *chair force*: поведение + место.

Сопоставляя когнитивные схемы построения приведенных (а также других – прим. автора) фразеологических образов для наименования сухопутных (*trench monkey, stump-jumper*) и воздушных (*stick jockey, chair force*) войск и выявляя очевидную разницу в моделях организации образного основания оборотов, следует сказать, что такое различие обусловлено исторически. Однако для начала скажем, что для «сухопутной» фразеологии характерны поведенческие мотивы, характер действий (ср. модели: поведение + пространство; поведение + траектория). Вероятнее всего, это связано с большей мобильностью участников на поверхности земли (пространственный показатель и его влияние на действие участника также принимается в расчет при создании образа устойчивого оборота). С другой стороны, военные жаргоны, составляющие образную основу «военно-воздушной» фразеологии, нацелены, прежде всего, очертить господствующий показатель участника, управленческий механизм в действии данного представителя войск (об этом когнитивные модели: руководство + инструмент; руководство + место). На этой почве возникает противоборство, заключающееся в том, что носитель языка подсознательно формирует статус отдельно взятого рода войск на основе архетипического и, в большей мере, иерархического противопоставления *верх – низ* (типа: военно-воздушные войска (*верх* – в небе служат) и сухопутные войска (*низ* – на земле служат), где *верх* как главный, важный; *низ* – неосновной, несущественный. И далее, развивая идею архетипа *верх – низ*, скажем: *сильный* (*верх*) – *слабый* (*низ*), *значимый* (*верх*) – *второстепенный* (*низ*). Или: *блѣклый* (форменная одежда камуфляжного типа, скрытая, не особо приметная по роду деятельности, например, в танковых войсках) – *яркий* (форменная одежда приметная, бросакая, например, в воздушно-десантных войсках): *блѣклый* (*низ*) – *яркий* (*верх*).

Разумеется, выделенные противопоставления (*верх – низ* и связанные с ним *сильный – слабый, значимый – второстепенный, яркий – блѣклый*) крайне условны, но они возникают в результате выстраивания ассоциативного ряда и не умаляют достоинства каждого рода войск – каждый род войск важен и необходим. Однако субъективная оценочность присуща любому индивиду и, несомненно, реализуется в любой сфере деятельности человека, в том числе и среди представителей рассматриваемых родов

американских войск – пехотинцев и летчиков. Возникающее умозрительное социальное противоборство отражается в номинативном инструментарии языка. И сам первый тип противоборства может быть рассмотрен как противоборство престижа разновидности самой профессии (управление – подчинение), ее воображаемой внешней стилистики (в том числе, и дресс-код: сравним парадную форму танковых войск и авиации) в глазах общественности.

С точки зрения истории, действительно подтверждается факт противоборства американской пехоты и пилотов в XX столетии. Нежелание совместного принятия стратегических решений привело к тому, что в 40-х годах прошлого века американские войска потерпели ряд наступательно-оборонительных неудач (Fischer 2021). Думается, что это могло стать мотивирующим основанием для создания ФЕ на основе военного социолекта, демонстрирующих условно конфликтное сопряжение разных видов войск в современном жаргонном языке.

Обороты формируются в двустороннем порядке: основываясь на диспозиции конкретного рода войск, каждый представитель военной профессии видит свое поле деятельности и поле деятельности представителя другой профессии. Прежде всего, поле деятельности ассоциируется со стихиями (*вода* и связанная с ней символика *чистоты* (Тресиддер 1999: 43], *земля – темноты* (Там же: 110), *воздух – свободы* (Там же, с. 45)) в общей оборонительной системе страны – отсюда и происходит столкновение интересов по вопросу большей значимости и участия. Когнитивная модель построения образа ФЕ, относящихся к данному типу, является следующей: поведение + локализация (образ действия лица, напрямую связанный с тем, что организует само действие: место, инструмент, траектория, пространство и пр.).

Таким образом, можно заключить следующее. Фразеологизмы военной тематики (на примере американского английского языка) представляют собой группу устойчивых выражений, организованную, в подавляющем большинстве случаев, на основе военных жаргонизмов, представленную полностью или частично в компонентой структуре устойчивой номинации.

Тема социального противоборства в образном основании фразеологизма военной тематики воплощена в плане выражения устойчивых оборотов, как правило, в виде карикатурных образов пейоративной коннотации.

Устойчивые структуры, показывающие сопряжение разных видов войск, содержат в образе метафорическую референцию к типу военного дела, в котором проявляются действия нападающего, оборонительного и тренировочного характера в воздухе, на воде и земле. Вызываемые представления с местом активации

профессиональных навыков (*вода* – чистота, *земля* – темнота, *воздух* – свобода) порождают, в свою очередь, тему социального двустороннего противоборства (каждый род войск оценивает себя и соизмеряет себя с другим видом войск), связанную с эстетикой внешнего вида в зависимости от рода занятия и, как результат, связанное с этим социальное поведение. Ведущая когнитивная модель построения образа фразеологизма данной группы: поведение + локализация

Литература

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

Бойко Б.Л. Основы теории социально-групповых диалектов: монография. М.: Военный университет, 2008. 184 с.

Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. – М.: Вече, 2006. – 528с.

Военный жаргон. Словарь молодого бойца. Режим доступа: <http://www.rpgplay.su/index.php?showtopic=5404> (дата обращения: 11.06.2021).

Горелов И.Н. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2001. – 304с.

Дуброва Ю.Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов (на материале военных документов): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 201 с.

Захарчук О.А. Универсальные характеристики и национально-культурная специфика военного жаргона: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007. – 21 с.

Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: Refl-book, 1994. – 608с.

Махов А.С. К вопросу о лексико-семантических особенностях сленга военнослужащих корпуса морской пехоты Вооружённых Сил США // Научный альманах. – 2015. – №11. – С. 337-341.

Словарь социолингвистических терминов. РАН. Институт языкознания. – М., 2006. – 312 с.

Степанов Е.А. Языковая картина мира военной сферы (лингвокультурологический и терминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 18 с.

Судзиловский Г.А. Англо-русский словарь военного сленга. – М.: Воениздат, 1973. – 182 с.

Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: Фаир-пресс, 1999. – 448 с.

Уланов А.В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: дисс.. докт. фил. наук. – Омск, 2014. – 494 с.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.

Dalzell T. The New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. 2nd ed. (first published 2006). – New York: Routledge, 2013. – 2506 p.

Fischer S.A. Army and Air force subcultures: effects on joint operations. Режим доступа: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA449436> (дата обращения: 17.05.21).

Military Terms of the Modern Era. Режим доступа: <http://www.combat.ws/S4/MILTERMS/MT-C.HTM> (дата обращения: 27.05.21).

**IMAGE BASIS OF PHRASEOLOGISMS,
DEMONSTRATING COUPLING OF KINDS OF TROOPS
(ON THE MATERIAL OF MILITARY JARGON)**

A.P. Vasilenko

Abstract. The article discusses the ways of organizing the figurative basis of phraseological units based on the material of military jargon used in the US armed forces. The author explains the attribution of socioloxemes to the category of phraseological combinations of language based on the constitutional features of phraseology – stability, imagery, idiomaticity, reproducibility. The author speaks about the possibility of classifying the phraseological units of this group in a socio-cultural way. It is established that the phraseological units of military subjects clearly convey the theme of interpersonal confrontation between representatives of the army profession. It is proved that the image of phraseological units created on the basis of military jargon contains a symbolic, mythological, social reference to the facts of army life and forms a caricature representation of certain representatives of the armed forces.

Keywords: phraseology, semantics, sociolinguistics, model of constructing the image of phraseology, symbol, military jargon, cultural meaning, confrontation, gender, hierarchy.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КОНЦЕПТА «ВОЙНА»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ**

М.М. Голикова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
mmgolikova@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению фразеологических образов, репрезентирующих концепт «Война» в произведениях русских писателей-эмигрантов 1 и 2 «волн». Специфика исследуемых фразеологических единиц обусловлена существенными экстралингвистическими факторами. Написанные в разное время, рассматриваемые произведения касаются самых значимых для истории России и мира войн, непосредственными свидетелями и участниками которых явились сами писатели. Это обуславливает яркость и колоритность фразеологических образов, связанных с концептом «война». Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности языка эмигрантской прозы.

Ключевые слова: фразеология, фраземика, фразеологическая единица, фразеологический образ, эмигрантская проза, русская эмиграция, война.

На протяжении многих лет фразеология служит благодатной почвой для лингвистических исследований различной направленности. Полиаспектное изучение фразеологических единиц (далее – ФЕ), пристальное внимание к их многоуровневой структуре позволило определить их важность в качестве конструкта языковой картины мира, репрезентанта лингвокультурных реалий и т. п. Такая полифункциональность ФЕ во многом обуславливается

особенностями лежащих в их основе фразеологических образов (далее – ФО). Понимание сущности ФО представляется важной проблемой современной фразеологии, т.к. в работах ученых этот термин трактуется по-разному. Характеристики ФО можно встретить в трудах Ю.П. Солодуба, Т.М. Филоненко, Н.В. Баско, В.И. Зимина, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского и др. Предпринимая попытки охарактеризовать ФО и выявить его специфику, ученые сталкиваются с необходимостью провести демаркационную линию, отделяющую ФО от других элементов ФЕ, в особенности от внутренней формы (далее – ВФ). Эту задачу ученые решают по-разному, в том числе ставя знак равенства между двумя понятиями. Более того, нередко понимание ФО упрощается и сводится к превращению его в поверхностную картинку – буквальное освещение содержания ФЕ. Все это обуславливает необходимость теоретического осмысления ФО и систематизации накопленных знаний по проблеме образности устойчивых выражений типа *стоять в глазах, валамова ослица, нести крест* и т. п.

В рамках настоящей работы мы, опираясь на изыскания Т.М. Филоненко (Филоненко, 2004: 74), понимаем под ФО «наглядное представление», определенную «картинку», воссоздающую определенную ситуацию или атрибут, связанный с этой ситуацией. Важно понимать, что речь здесь идет не о точных «копиях» событий, происходящих в реальной действительности, а об их трансформированных языковым сознанием версиях, образованных под влиянием историко-культурного фона, традиций, обычаев и других значимых в лингвокультурном отношении факторов. Подобные метаморфозы существенно влияют и на фразеологическое значение. На формирование ФО может оказывать определенное влияние не только лексический состав ФЕ, но и грамматические особенности отдельных ее компонентов. При этом в большинстве случаев грамматическое значение лишь уточняет ФО, но не оказывает влияние на его специфику, что порождает существование большого количества фразеологических вариантов. Ср.: *потерять страх – потерявший страх*. ФЕ с главным словом – глаголом демонстрирует действие, обуславливающее причины поведения субъекта (необдуманные поступки, не учитывающие возможные риски), тогда как ФЕ с главным словом – причастием обозначает, что субъект обладает признаком, основанным на вышеописанном действии. При этом сам ФО остается неизменным: это утрата чувства, служащего регулятором поведения человека.

ФО, не будучи тождественным концепту, все же оказывается в тесной связи с ним. Связь эта обуславливается богатой смысловой наполненностью ФО, что дает ему возможность становится одним из важных конструкторов того или иного концепта. При анализе

концепта, значимого для той или иной лингвокультуры, представляется весьма продуктивным изучение ФО, находящихся в основе ФЕ, соотносимых с этим концептом. На выработку механизмов подобного исследования и направлена настоящая работа.

Для проведения изысканий нами был выбран концепт «Война», обладающий большим значением для русской лингвокультуры. На протяжении многовековой истории Россия регулярно оказывалась втянутой в вооруженные конфликты с другими государствами, что не могло не наложить отпечатка на сознание носителей языка. Особенно сложным в этом отношении стал XX век, на который пришлось две крупнейшие мировые войны. Неслучайно русская литература столь богата произведениями, где так или иначе показана война. Особое место здесь занимают произведения, написанные писателями-эмигрантами.

Феномен русской эмиграции XX века по-своему трагичен. Три «волны», связанные с массовым отъездом за границу, были спровоцированы различными причинами, каждая из которых была по-своему трагичной. Настоящее исследование проводится на материале произведений, созданных эмигрантами первой и второй волн. Эти люди были участниками и свидетелями крупнейших войн минувшего столетия, что напрямую отразилось в их творчестве. В силу того, что на протяжении длительного времени литература русского зарубежья оставалась недоступной читателю на исторической родине авторов, можно отметить недостаточное количество как исследований языка произведений, так и их лингвокультурных особенностей.

Исследованные нами произведения писателей-эмигрантов первой «волны» касаются Гражданской войны и ее последствий («Солнце мертвых» И.С. Шмелева), творческого переосмысления милитаристской тематики («Красный смех» Л. Андреева, написанный под впечатлением от трагических событий Русско-японской войны) и организации военной службы в дореволюционной России («Поединок», «Юнкера» А.И. Куприна).

- *...Безумные люди, пораженные внезапностью, бьются насмерть против призрачного врага, **сходят с ума** от ужаса, седеют мгновенно и умирают* (Андреев, 1990: 62): потеря рассудка во время боя – яркая иллюстрация противоестественной, жуткой природы войны. Обращаясь к ФО, связанным с сумасшествием, автор демонстрирует весь ужас убийств на поле боя;

- *Я трудящийся человек... за **свое кровное** душу из тебя **вытащу!*** (Шмелев, 1998: 607). Основанный на соматизме ФО позволяет глубже проникнуться трагедией Гражданской войны: измученные голодом и страхом, люди относятся к своему имуществу как к высшей ценности. И. Шмелев, вспоминая эти трагические

события, показывает, насколько обострилась конфронтация между противоборствующими сторонами (неслучайно один из субъектов конфликта назван именно *трудящимся* человеком).

- *Но Павленко закричал: «Это что такое, фараон? Смирно! Руки по швам!»* (Куприн, 1964: 34): ФО основан на наблюдении за выправкой военных. Выпрямленная спина и прижатые по бокам руки – поза, соответствующая представлению об «идеальном» офицере, что так свойственно литературе эмиграции.

- *И это будет не за то, что мы били в кровь людей, лишенных возможности защищаться, и не за то, что нам, во имя чести мундира, проходило безнаказанным оскорбление женщин...* (Куприн, 1977: 333). В основе ФО – метонимический перенос (вместо *военного* упоминается его *мундир*). ФО репрезентирует устоявшееся представление об офицере как человеке исключительной порядочности, чтущем свою честь. Однако контекст указывает на противопоставленность образа действительности, что становится дополнительным инструментом воздействия на читателя.

Творчество писателей второй «волны» характеризуется глубокой привязкой авторов к реалиям советской жизни, сопровождавшим их до эмиграции. Примером могут послужить выражения, основанные на советских лозунгах (будут подробнее рассмотрены далее). Особое место здесь занимает война, вокруг которой нередко и концентрируется повествование («Клим и Панночка», «Между двух звезд» Л. Ржевского, «Враг народа», «Параллакс» В. Юрасова), а также ее последствия, в том числе сама эмиграция. Пример – использование ФЕ *displaced person* (англ. 'перемещенные лица'), служащей обозначением всех, кто в силу серьезных обстоятельств был вынужден покинуть Родину. Этот термин особенно активно применялся к представителям «второй волны» эмиграции, что не могло не найти отражения в их творчестве. *Сюда с уничтоженных кладбищ переселили несколько знаменитых трупов (Displaced Persons советской культуры!): Чехова, например* (Ржевский: 1953: 354). Приведенный пример позволяет увидеть, что ФЕ могла употребляться и в несвойственном ей значении. Основанием для употребления стал ФО, при этом автор проводит параллель между переселением людей, вызванным внешними факторами (в том числе государственной политикой) и перезахоронением знаменитых деятелей культуры, выполненным по инициативе властей.

Концепт «Война» неоднократно привлекал внимание лингвистов (работы В.Б. Крячко, Л.Н. Венедиктовой и др.). Исследователи продемонстрировали разносторонний анализ концепта в различных лингвокультурах. Л.Н. Венедиктова

выделила ряд понятий, входящих в структуру фрейма, соотносимого с концептом «Война» (Венедиктова, 2004: 87). Сюда вошли: конфликт, борьба, противостояние; военные действия; война и ее виды; боевая техника, вооружение; участники войны; межличностные отношения людей, участвующих в войне; исход войны и ее последствия. В.Б. Крячко расширяет этот набор признаков (Крячко, 2007: 28), отмечая при этом, что этот признаковый набор остается открытым и может дополняться. На наш взгляд, многое здесь зависит и от условных границ концепта. Так, концепт «Война» не должен замыкаться исключительно на событиях, разворачивающихся на поле боя. Сюда же входят области, связанные с жизнью в тылу или плену, подробностями быта военных, соотносимые с их профессиональной деятельностью, и т. д.

Анализ рассматриваемых произведений показал, что специфика смысловых направлений, развертывающих содержание концепта «Война» напрямую зависит от того, о какой конкретно войне идет речь. Так, в произведениях, связанных с Гражданской войной концепт приобретает набор признаков, связанных с братоубийством, неограниченной жестокостью между людьми, еще недавно бывшими союзниками, с социальными конфликтами. *Конечно, вы господского звания... а мы люди рабочие, как сказать... **черной крови**...* (Шмелев, 1998: 607). Частотными становятся образы, демонстрирующие жестокость одной из сторон конфликта, в том числе связанные с отсутствием религиозности. *У него детки малые на руках мозоли... **Креста** на вас **нету!**..* (Шмелев, 1998: 543).

Иначе выглядят ФО в произведениях, связанных с Великой Отечественной войной (далее – ВОВ). Так, например, важное место здесь занимают образы, связанные с теми или иными историческими реалиями. Чаще всего такие единицы базируются на фразах, взятых из выступлений политических деятелей, что обуславливает их патетичность и своеобразную «плакатность». Примечательно, возвышенность ФО зачастую контрастирует с тем смыслом, который выражения несут в произведениях эмигрантов.

- *Вот вам и «будем бить врага на его собственной территории». Помните, говорилось?..* (Ржевский, 1953: 49) – из речи маршала К.Е. Ворошилова, произнесенной на митинге в Киеве 16.09.1936. Выражение употребляется при характеристике немецкого наступления на Москву, которому предшествовала оккупация отдельных районов страны.

- *Устраиваемся на новом месте. «Жить стало лучше, жить стало веселей»...* (Ржевский, 1953: 330). Распространенный вариант фразы, произнесенной И.В. Сталиным на выступлении на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц – стахановцев

17.11.1935 г. В тексте фраза звучит из уст героя, ставшего солдатом антисоветской Российской освободительной армии (РОА).

В произведениях, сюжет которых охватывает события второй половины XIX – начала XX века, упор делается на закулисной жизни военных, в том числе в мирное время. Герои – люди, которые уже участвовали в военных действиях и/или готовы в любой момент отправиться на фронт. Наиболее ярко эти картины представлены в произведениях А.И. Куприна «Юнкера», «Поединок». Образы, при помощи которых писатель воссоздают быт военных, отличаются разноплановостью. Интересно, что в повести «Поединок», написанной в 1905 г., до эмиграции писателя, представлена более гнетущая картина жизни русских офицеров, чем в романе «Юнкера», созданном в 1932 г. за пределами Родины. Это обуславливает и специфику ФО. В «Поединке» образы отличаются большей эмоциональной окрашенностью, передают мрачное настроение героев, их гнетущее состояние. *Душа болит у меня...* (Куприн, 1977: 234); *И ему вдруг нетерпеливо, страстно, до слез захотелось сейчас же одеться и уйти из комнаты* (Куприн, 1977: 178)) или же гнев: *Его воловьи глаза расширились, лицо налилось кровью, в углах задрожавших губ выступила густая слюна* (Куприн, 1977: 285); *Капитан Слива, извольте сейчас же поставить этого сукина сына под ружье с полной выкладкой* (Куприн, 1977: 134)). В то же время в «Юнкерах» на передний план выходят более высокие, книжные ФО, преимущественно связанные с честью (*иметь честь, считать за честь, сделать честь*), служащие олицетворением стереотипного «классического» русского дореволюционного офицерства. Существенное место в обоих произведениях занимают образы, репрезентирующие те или иные ритуалы. К таковым можно отнести фатические формулы (*здравия желаю, так точно* и т.п.), а также действия, предусмотренные уставом (*отдать/принять честь*).

Обращает на себя внимание частотность использования ФЕ с соматизмами. Образы, лежащие в основе таких единиц, формируются не только и не столько за счет реальных наблюдений за физиологическими процессами, происходящими в организме человека, сколько благодаря символизации, которой подвергается каждый элемент тела. Для репрезентации концепта «Война» наиболее частотными стали ФО, связанные с такими соматизмами, как:

г л а з (*на глазах, пялить глаза, глаз не отвести*): способность видеть является чрезвычайно важной на поле боя; глаза служат важнейшим индикатором состояния человека, отношения к собеседнику;

• с е р д ц е (*сердце ноет, разбить сердце, от всего сердца*): в русской лингвокультуре сердце традиционно

воспринимается как источник эмоциональных переживаний. Все, что связано с *сердцем*, считается искренним и неподдельным;

- **голова** (*голова кружится, потерять голову, прийти в голову, терять голову*): «голова» в рассмотренных текстах используется преимущественно для демонстрации умственной деятельности или сильного эмоционального потрясения, доходящего до помешательства;

- **кровь** (*пролить кровь, истекать кровью, кровь бросилась в голову*): ключевой компонент «соматических» ФО, что обуславливается самой спецификой войны. Служит для наглядной демонстрации жестокости, убийства. В то же время именно *кровь* нередко ложится в основу ФО эмоционально окрашенных ФЕ, что может базироваться на наблюдениях за физическим состоянием человека (эмоциональное потрясение, возбуждение → приток крови в мозг → повышение артериального давления → покраснение лица).

Невозможно недооценивать роль ФО, помогающих репрезентировать моральное и физическое состояние человека. ФЕ подобной тематики чрезвычайно важны для понимания сущности концепта «Война», т.к. помогают лучше понять, насколько сильным оказывается влияние войны на ее участников/жертв. Анализ ФЕ в выбранных произведениях позволил выявить основные чувства, эмоции и состояния, коррелирующие с концептом:

- **страх** (*наложить в штаны, потерять страх, страх за свою шкуру*): естественная реакция человека на смертельную угрозу. ФО здесь строятся как на внутренних, так и на внешних проявлениях страха и связанных с ними физиологических процессах. Интересно проследить семантическую трансформацию ФЕ *потерять страх* в рассказе Л. Андреева «Красный смех». *Они сидят рядом с нами, потерявшие страх, они провожают нас всюду и всегда мы под ними, как под черным кружевным зонтиком, как под движущимся деревом с черными листьями* (Андреев, 1990: 66). Потеря страха выступает здесь как признак сумасшествия, т.к. он осмысливается как нечто естественное для военного времени;

- **жесткость** (*любой ценой, из-под палки, пушечное мясо, во что бы то ни стало*). ФО в таких ФЕ отличаются императивностью. У участников войны не остается права на раздумья, они должны подчиняться приказам, рисковать жизнью вне зависимости от чувств желаний;

- **знев, нервозность** (*кровь в голову, сверкать глазами, как на иголках*). агрессия, неминуемо сопровождающая военные действия, так или иначе влияет на психику человека. Все это, а также целый комплекс других факторов, становится причиной раздражения. ФО здесь преимущественно основаны на соматизмах

и демонстрируют физиологические процессы, протекающие в организме в гнев;

- **сумасшествие** (*сойти с ума, замутнел ум, не в силах, потеря сознания, прийти в себя, как водой окатили*). Утрата рассудка – закономерный итог тяжелых потрясений, с которыми сталкивается человек на войне. Именно поэтому образы, связанные с ментальными расстройствами, встречаются столь часто, особенно в рассказе Л. Андреева, где в центре внимания читателя оказываются не реальные, а абстрактные события, призванные продемонстрировать весь ужас войны и ее катастрофическое влияние даже на тех, кому удалось вернуться с фронта живыми;

- **безразличие, фатализм** (*все равно, оставить в покое*). Закономерный результат обостренных переживаний и постоянного страха. Люди перегорают и перестают ценить даже собственную жизнь.

Безусловно, нами перечислены далеко не все состояния человека, передающиеся посредством образных ФЕ. Концепт «Война» содержит множество других областей и признаков, реализации которых способствуют ФО. Таковы, например, речевые портреты участников войны. Очевидно, что общение на поле боя характеризуется лаконичностью и эмоциональностью. Неслучайно столь частотным становится употребление обценной лексики. В исследованных нами ФЕ отмечается периодическое использование ФО с использованием эфемизмов (*фиг с ним*), концентрирующих выраженное негативное отношение говорящего к предмету речи. Гораздо чаще в речи героев встречаются ФО с использованием теонимов и в особенности демонимов (*черт побери, черт догадал, к чертовой матери/бабушке, к черту/дьяволу*). Отсылка к отрицательным религиозным персонажам служит демонстрацией негативного отношения говорящего к объекту речи и/или инструментов выражения отрицательных эмоций (междометная функция).

Особое место в многообразии образов, связанных с концептом «Война» занимает образ *смерти* – неминуемого спутника любых боевых действий. Большинство ФО в исследованных произведениях связаны с пониманием смерти как критерия, мерила (*до смерти, на верную смерть*), восприятие смерти как нечто всеобъемлющее и безграничное. Встречаются ФЕ возвышенного характера (*лицо смерти*). Непосредственно ситуации, способные привести бойца к смерти, в ФО практически не отражены.

Таким образом, следует отметить, что концепт «Война» в менталитете эмигрантов характеризуется чрезвычайной разноплановостью. Он включает в себя разнообразные тематические области и признаки, в том числе те, что не были рассмотрены в настоящей работе (например, *память*). Рамки

концепта включают в себя осознание не только собственно военных действий, но и их последствий (например, разрушения – *камня на камне не осталось, бедный, как мышь*). Важно отметить, что образы, лежащие в основе соответствующих ФЕ, далеко не всегда описываются при помощи лексемы *война*. Так, прямое указание на *войну* нам встретилось лишь в афоризмах *на войне все средства хороши* и *À la guerre comme à la guerre* (досл. ‘а на войне как на войне’), служащих своеобразным концентратом более частных образов, аккумулирующих представление о войне как о страшном бедствии, ломающем человеческие судьбы и психику. Огромное значение имеет и тот факт, что концепт «Война» предстает перед нами в понимании эмигрантов – людей, чье языковое сознание имеет свои уникальные особенности. Их отношение к «бывшей» Родине и войне как одной из причин эмиграции обуславливает подбор специфичных ФО, зачастую характеризующихся высокой эмотивностью и многоплановостью.

Литература

Андреев Л.Н. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1990.

Венедиктова Л.Н. Концепт «Война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков). Дисс. на соиск. ... доктора филол. наук. – Тюмень, 2004.

Крячко В.Б. Понятийные характеристики концепта «Война» в английской и русской лингвокультурах // Известия ВГПУ. – 2007. – №2. – С. 26-30.

Куприн А.И. Избранное. – М.: Правда, 1977.

Куприн А.И. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 8. – М.: Правда, 1964.

Ржевский Л.Д. Звездопад. – Анн-Арбор: Эрмитаж, 1984.

Ржевский Л.Д. Между двух звезд. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953.

Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языках моделях пространства, времени и количества. Дисс. на соиск. ... доктора филол. наук. – Магнитогорск, 2004.

Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Солнце мертвых: Повести. Рассказы. Эпопея. – М.: Русская книга, 1998.

Юрасов В. Параллакс. – Нью-Йорк: Новое Русское Слово, 1972.

PHRASEOLOGICAL IMAGES OF THE CONCEPT “WAR” IN THE WORKS OF RUSSIAN EMIGRANT WRITERS

M.M. Golikova

Abstract. The work is devoted to the study of phraseological images representing the concept of «war» in the works of Russian emigrant writers of the 1st and 2nd «waves». The specificity of the studied phraseological units is due to significant extralinguistic factors. Written at different times, the works under consideration relate to the most significant wars for the history of Russia and the world, the direct witnesses and participants of which were the writers themselves. This determines the brightness and colorfulness of phraseological images associated with the concept of «war». The relevance of the study lies in the lack of knowledge of the language of emigrant prose.

Key words: phraseology, phrasemics, phraseological unit, phraseological image, emigrant prose, Russian emigration, war.

КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЛОВАРЯ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА¹

Т.Г. Никитина, Е.И. Роголёва

Россия, г. Псков, Псковский государственный университет
cambala2007@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена концепция расширения культурно-познавательного пространства фразеологического словаря при реализации гнездового принципа расположения материала. На материале фразеологического гнезда ЛЫКО показано развитие идей школы когнитивно-синергетической лексикографии профессора Н.Ф. Алефиренко. Представлены образцы словарных статей, разработанных на материале народных говоров, расширяющие представление об ассоциативном потенциале образного стержня, реализующемся в народной фразеологии. На материале современных трансформаций фразеологизмов показано взаимодействие языка, культуры и сознания в новых социокультурных условиях.

Ключевые слова: фразеология, сингвосинергетика, фразеологический образ, фразеография, словарная статья, фразеологические трансформации.

Расширение культурно-познавательного пространства фразеологического словаря – одна из актуальных проблем современной фразеографии, решаемая авторами академических и учебных (Баранов, Добровольский 2015; Роголёва, Никитина 2021), одноязычных и двуязычных (Жуков, Жукова 2009; Володина, Мокиенко 2018), историко-этимологических и неологических словарей (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005; Мокиенко 2003).

Когнитивно-синергетический подход, реализуемый в лексикографии научной школой Николая Федоровича Алефиренко (Алефиренко, Золотых 2008; Алефиренко, Нуртазина 2018), позволяет решать эту задачу за счет совмещения в словарной статье различных информационных потоков, и выводит отражение взаимодействия идиоматики, сознания и культуры на междисциплинарный уровень фразеографирования (Алефиренко, Нуртазина 2018: 15).

Цель данной статьи – представление возможностей реализации положений когнитивно-синергетического подхода во фразеографии на обширном материале народных говоров, языка современных СМИ и живой молодежной речи. В соответствии с конкретными задачами работы обобщим опыт Санкт-Петербургских

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете)

фразеографов, работающих в данном направлении, и предложим авторскую концепцию словарной репрезентации трансформаций фразеологизмов.

Преимущества синергетического фразеографирования показаны Н.Ф. Алефиренко и М.Б. Нуртазиной на примере гнезда фразеологизмов со стержневым компонентом *лыко*, включающем обороты *лыка не вяжет, не всякое лыко в строку, не лыком шит (подпоясан)* (Алефиренко, Нуртазина 2018: 15-16).

Гнездовой принцип организации материала используется и в лексикографических проектах, выполняемых под руководством профессора В.М. Мокиенко в СПбГУ. Так «Большой словарь русских поговорок» включает более 40000 фразеологических гнезд с культурологически значимыми образными стержнями, объединяющими материал диалектных словарей, паремиологических сборников, лексикографических разработок русского жаргона, научных статей и монографий, а также экспедиционных записей, сделанных в разных регионах России. Авторы не ставят задачи лингвокультурологического комментирования материала, однако толкования, историко-этимологические справки и межъязыковые параллели позволяют сделать выводы о выборе мотивов номинации русским языковым сознанием, о фразеологическом потенциале образных стержней и значимости обозначаемых ими реалий для представителей русской лингвокультуры.

Например, фразеологическое гнездо, представленное под заголовком *ЛЫКО*, включает здесь 25 оборотов (БСРП: 374), а материалы, собранные после издания словаря для новых лексикографических проектов позволили расширить это гнездо до 50 словарных статей. Эти материалы могут расширить «взаимно соотносительные (системно связанные) сведения о денотативном, коннотативном и потенциальном содержании» фразеологизмов с данным стержневым словом, анализируемых Н.Ф. Алефиренко и М.Б. Нуртазиной (2018) на материале «Фразеологического словаря: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» (Алефиренко, Золотых 2008).

Так, комментируя в словарной статье фразеологизм *ЛЫКА (ЛЫКОМ) НЕ ВЯЖЕТ*, обозначающий человека в состоянии сильного алкогольного опьянения, авторы словаря раскрывают значимость *лыка* как материала для плетения обуви, коробок, туесков и т.п., подчеркивая владение этим ремеслом, характерное для каждого русского крестьянина, из чего выводится логика развития фразеологического значения: человек, который *лыка не вяжет*, «либо не в своем уме, либо пьян до предела» (Алефиренко, Золотых 2008: 216). «Большой словарь русских поговорок» квалифицирует данный фразеологизм как общенародный

просторечный, распространенный повсеместно, и фиксирует его специфическое значение в орловских говорах: 'о неумелом, неловком человеке' (БСРП: 374). Развитие фразеологизма также базируется на аксиологеме «плести лапти должен уметь каждый». Образ не способного «вязать лыко» пьяного человека, возможно, сыграл свою роль при возникновении в рязанских говорах оборота *пьяный в лыки (влыки)* (БСРП: 374). Хотя здесь не исключена ассоциация с оборотом *пьяный в стельку* при реализации мотивировочного признака «внешний вид», который отражает и фрагмент синергетического комментария Н.Ф.Алефиренко и Л.Г.Золотых. *Лыко – луб молодой липы, ивы и некоторых других деревьев, разделяемых на слои и узкие полосы.* Данный комментарий образного стержня сопровождает фразеологизм *не всякое лыко в строку* (Алефиренко, Золотых 2008: 216). Образный компонент фразеологизма, связанный с процессом плетения лаптей, реализуется и в просторечном глагольном фразеологизме *всякое лыко ставить в строку* – 'ставить в вину кому-л. любую ошибку' (БСРП: 374), а в новгородских говорах взаимодействует с оборотом *ни во что не ставить: Ни в лыку не ставить кого.* *Новг. Презр.* Не уважать кого-л., относиться к кому-л. с презрением (НОС 5: 55).

Что касается использования лыка при изготовлении крестьянской обуви, то оно отразилось и в образном «производственном» составном наименовании: **Пять лык в рожу.** *Горьк.* Вид лаптей, носок которых плетется из 5 лык. (БСРП: 374). Метонимический перенос с материала на изделие из него (обувь) наблюдаем в прототипах фразеологизмов архангельских и карельских говоров: *лыка домой не приволочь (не сволокчи)* – 'ослабев от голода, еле добраться до дома'; *лыка не волочить (не заволакивать)* – 'обессилеть'; *еле лыко притянуть* – 'с трудом пройти, прийти куда-л. (как правило – о пьяном человеке)', ср. также в псковских и тверских говорах: *давать/ дать лыку* – 'убегать, уходить' (СРНГ 17: 220).

«Лычная обувь, то есть лапти, были верным признаком бедности. Вот почему *не лыком шит* прежде означало: он не из простых, в переносном смысле: не такой уж он простак, себе на уме» – таким комментарием Н.Ф.Алефиренко и М.Б.Нуртазина сопровождают фразеологизм *не лыком шит*.

Помимо этого оборота «Большой словарь русских поговорок» фиксирует и обратное, негативно окрашенное: **Лыком шит.** 1. *Прост. Неодобр.* О неопытном, необразованном человеке. 2. *Морд. Ирон.* О худом, тощем человеке. 3. *Нижегор. Неодобр.* (1905-1921). О нескладном, некрасивом человеке. (СРНГ 17: 221; БСРП: 374). При этом очевидна и попытка найти смягчающие оценку такого человека обстоятельства. Например, в самарских и смоленских

материалах: *Лыком шит, да мылом мыт; Ничего, что лыком шшит, да пучнёю (пуцнёю) подперязан.* < Пучня – пучок, связка (веток, лык и т.п.); *подперязан* – подпоясан (СРНГ 17: 221; СРНГ 28: 133; СРНГ 33: 171). «Особое мнение» – у носителей псковских говоров, сложившееся, видимо, под давлением семантики отрицания и утверждения.

Лыком шшит. Пск. Об опытном человеке (БСРП: 374).

Не лыком шит (подпоясан). Пск. Неодобр. О непорядочном человеке (БСРП: 374).

Тем не менее преобладающие отрицательные коннотации, сопровождающие образ «шитого лыком» человека, сохраняются и при контаминации: **Одним лыком шиты.** Пск. О похожих, одинаковых людях (обычно – с отрицательной оценкой), ср.: *одним миром мазаны* (СРНГ 17: 220; БСРП: 374).

Ассоциацию *лыко – лапти – бедность*, на которую указывают Н.Ф. Алефиренко и М.Б. Нуртазина, комментируя фразеологизм *не лыком шит* (Алефиренко, Нуртазина 2018), актуализируют и фразеологизмы с иной образной структурой, зафиксированные в ярославских и донских говорах.

Дожить до лыка. Яросл. Оказаться в безвыходном положении; дойти до ручки (СРНГ 17: 220).

Лыка не с чего сплесть. Дон. Ирон. О крайней бедности (БСРП: 374).

Современное развитие фразеологических образов данного гнезда базируется не на утратившем актуальность ассоциативном потенциале слова *лыко*, а на самых разных переосмыслениях компонентов фразеологизмов. Так, новое значение и синтаксическая валентность оборота *лыка не вяжет* (в чем-л.) – ‘не разбирается в чем-л.’, формируется в соответствии с аналогичным сленговым значением глагола *вязать*, ср. в «Большом словаре русского жаргона»: *Ну, не вяжу я в информатике* (Мокиенко, Никитина 2000: 118) и в материалах Интернет-сайтов (2020-2021): *Я тогда возмущился, но не сказал ему, что «вы вообще лыка не вяжете в определениях»* (stuki-druki.com); *Но не надо позориться в экономике и геополитике, где он откровенно лыка не вяжет* (jrgazeta.ru); *Большинство моих коллег на этом сайте буквально лыко не вяжут в продажах* (<https://www.b17.ru>). Другое направление развития образа в новой структуре оборота (*вязать лыко* чего) определяется традиционной семантикой глагольного корня: *вязать, связывать* – ‘объединять соединять чего-л. в единое целое, в единый процесс’: *Как вязать лыко продаж* (Заголовок текста-консультации: <https://www.b17.ru>). Звуковое сходство компонента *лыко* с фамилией *Лыков(а)*, словами *лук, лак* и даже *Локо* (сленговое название футбольного клуба «Локомотив») становится поводом для создания шуточных трансформаций

фразеологизмов, социокультурный фон и механизм трансформации которых требует комплексного комментария, например: для трансформы *Не всякое Локо в строку* (Запись 2021 г.) < Трансф. *не всякое лыко в строку* по созвучию: *лыко* – *Локо*. Шутл.-ирон. О ситуации завершения футбольного сезона 2020-2021 г., когда футбольный клуб «Локомотив» (сленговое название *Локо*) не смог занять второй строчки в турнирной таблице, на что надеялись болельщики.

Из трех разработанных в словаре Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых оборотов фразеологического гнезда ЛЫКО наибольшим трансформационным потенциалом обладает фразеологизм *не лыком шит*. Покажем на материале этого оборота модель расширения словарной репрезентации фразеологического гнезда за счет фразеологических преобразований, которые могут быть объединены по общности способа трансформации.

НЕ ЛЫКОМ ШИТ (ПОДПОЯСАН). *Прост.* О способном, умелом, находчивом человеке. <...>

< Трансф. по звуковому сходству: *лыко* – *Лыков(а)*: * **Не Лыковым шиты.** Шутл. *Заголовок рекламного текста о консультационных услугах В. Лыкова по созданию анимационных роликов* (<https://chernozem.info>, 09.06.2015). * **Не Лыковой шит.** *В составе заголовка «Глава Хакасии не Лыковой шит»:* Глава Хакасии Виктор Зимин раскритиковал губернатора Кемеровской области Амана Тулеева за его чрезмерный интерес к судьбе известной таежной отшельницы Агафьи Лыковой (<https://wek.ru>, 16.11.2017) * **Лыков шит.** Ирон. *Заголовок статьи о нарушениях в работе строительной компании, которой руководит предприниматель Д. Лыков* (<https://ngs54.ru>, 15.08.2014).

< Трансф. по звуковому сходству: *лыко* – *лук*; *шит* – *сыт*: * **Не луком шиты.** *Заголовок текста о несчастном случае во время учебной стрельбы из лука в парке «Лосиный Остров» (Моск. комсомолец, 10.05.2012).* * **Луком сыт.** Шутл. *В анекдоте: Луком сыт... Нет... Лыком шит... Нет... Пис оф шит... Ох! Чем больше языков ты знаешь, тем меньше можешь объяснить* (<https://www.anekdot.ru/id/440353/>, 24.05.2021)

< Трансф. по звуковому сходству: *шит* – *англ. shit* (дерьмо): * **Не лыком shit.** *Заголовок текста об использовании ненормативной лексики в речи вице-президента США (Моск. комсомолец, 06.08.2005).*

Таким образом, широкое привлечение диалектного материала к формированию фразеологических гнезд при их лексикографическом описании позволит полнее отразить «способность языка с помощью набора лексических фразеологических компонентов модифицировать семантическую структуру фразеологической базы», о которой пишут

Н.Ф. Алефиренко и М.Б. Нуртазина, установить для каждого образного стержня круг ассоциаций, реализовавшихся в традиционном народном фразеологическом образовании. Обращение к современным фразеологическим трансформациям даст возможность включения и «объединения в синтагматике и парадигматике словарной статьи информационных потоков» (Алефиренко, Нуртазина 2018: 15-16), отражающих новые социокультурные реалии и особенности лингвокреативного сознания современных носителей русского языка. Так взаимодействие идиоматики языка, сознания и культуры будет показано в историческом и синхронном плане, что позволит сделать выводы о динамике фразеологического отображения «явлений внешнего и внутреннего мира человека». Концепция такого масштабного лексикографического проекта находится в стадии разработки и будет реализована на материале восточнославянских языков членами фразеологического семинара профессора В.М. Мокиенко (СПбГУ).

Литература

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 472 с.

Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б. Когнитивно-синергетическая фразеология: методология, опыт, перспективы // Лексикография и коммуникация – 2018. Сборник материалов IV Международной научной конференции. Ответственный редактор А.П. Седых. – Белгород, 2018. – С. 14-20.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В.М. Мокиенко. – М.: Астрель, 2005. – 926 с.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Академический словарь русской фразеологии. – М.: ЛЕКСПУС, 2015. – 1164 с.

БСРП: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 784 с.

Володина Т.В., Мокиенко В.М. Русско-белорусский словарь сравнений. – Минск: Беларуская наука, 2018. – 811 с.

Жуков А.В., Жукова М.Е. Словарь современной русской фразеологии. – М.: АСТ, Астрель, 2016. – 416 с.

Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2003. – 168 s.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. – 720 с.

НОС: Новгородский областной словарь / Сост. В.П. Строгова, А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова и др. Отв. ред. В.П. Строгова. – Вып. 1-13. – Новгород: НовГУ, 1991-2000.

Роголёва Е.И., Никитина Т.Г. Ума палата. Веселый фразеологический словарь. – М.: Издательский Дом Мещерякова, 2021. – 160 с.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – Вып. 1-51. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965-2019.

**CULTURAL AND COGNITIVE SPACE OF THE DICTIONARY:
REPRESENTATION OF THE PHRASEOLOGICAL IMAGE**

T.G. Nikitina, E.I. Rogalyova

Abstract. The article presents the concept of expanding the cultural and cognitive space of the phraseological dictionary in the implementation of the nest principle of the arrangement of the material. The development of the ideas of the school of cognitive-synergetic lexicography of Professor N.F. Alefirenko is shown on the material of phraseological nest ЛЫКО (thin tree bark used in folk crafts). The article presents samples of dictionary entries developed on the basis of folk dialects, which expand the idea of the associative potential of the figurative core, which is realized in folk phraseology. The interaction of language, culture and consciousness in the new socio-cultural conditions is shown on the material of modern transformations of phraseological units.

Key words: phraseology, linguosynergetics, phraseological image, phraseography, dictionary entry, phraseological transformations.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
В ДЕЛОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Т.Н. Федуленкова, Н.И. Прокопина

Россия, г. Владимир, Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,

Россия, г. Орел, Орловский государственный университет
им. И.С. Тургенева

fedulenkova@list.ru, Prokoninanatalie@mail.ru

Аннотация. Анализ терминологической фразеологии показывает, что для ФЕ-терминов характерна образность, яркость которой зависит от вида переосмысления результирующего термина-фразеологизма.

Ключевые слова: фразеологическая единица, терминология фразеологического свойства, фразеологический образ.

Эпоха «лингвистического постмодернизма» (Алефиренко 2008), шагая в ногу с развитием международных экономических связей, сопрягается с интенсивным развитием деловой фразеологии как в профессиональном, так и в повседневном общении.

Проблемы взаимодействия и взаимопроникновения терминологии и деловой фразеологии привлекали внимание лингвистов еще в последней четверти XX в. (Müller 1990; Терехов 1994; Gläser 1995). В работах последних двух десятилетий рассматривались такие проблемы, как соотношение терминов-фразеологизмов и терминов-словосочетаний, вопросы передачи идиоматичности терминов-фразеологизмов при переводе с одного языка на другой, лексикографические аспекты деловой терминологии фразеологического свойства, некоторые системные связи терминов-фразеологизмов (Fedulenkova 2002; Naciscione 2003; Murthy 2007). Первая монография, посвященная многоаспектному взаимодействию фразеологии и терминологии,

была опубликована немногим более десяти лет назад (Федуленкова, Иванов, Куприна 2009).

Цель данной работы – выявление и описание образности терминологической фразеологии. Объектом исследования послужили 350 терминов-фразеологизмов современного английского языка.

В процессе отбора и предварительной подготовки языкового материала для исследования из словаря М. Мерфи (Murthy 2007) обращаемся к методу фразеологической идентификации, который был предложен А.В. Куниным и успешно апробируется его учениками и последователями в течение нескольких десятилетий (Кунин 1996; Декатова 2019; Fedulenkova 2019). В ходе исследования и описания его результатов используется ряд частнопарадигмальных методов и методик лингвистики и, в первую очередь, методы фразеологического анализа и описания и методики анализа дефиниций (Комарова 2018).

Представление основного материала исследования

Среди терминов-фразеологизмов современного английского языка наиболее распространены двухкомпонентные устойчивые фразы, которые характерны для самых различных сфер деловой коммуникации, таких, например, как (а) финансы, (б) экономика, (в) коммерция, (г) маркетинг, (д) трудовые ресурсы и др.:

(а) **fan club** BrE FINANCE (букв. клуб любителей, болельщиков) – investors who buy shares in a company involved in a takeover in order to increase its share price (p. 200) – брит. англ. ФИНАНСЫ – инвесторы, которые покупают акции компании, принимающей участие в слиянии с другими компаниями, чтобы увеличить цену ее акций (*Здесь и далее пер. мой – Т.Ф.*);

(б) **red goods** ECONOMICS (букв. красные товары) – goods, such as food, that consumers use quickly after buying them and that produce a low profit (p. 236) – ЭКОНОМИКА – товары, такие как продукты питания, которые потребители используют сразу после их покупки и которые приносят низкую прибыль;

(в) **sunset industry** COMMERCE (букв. закатная индустрия) – an industry involved in an old technology, often in an old industrial area, and often one which is getting smaller: *The EU has often been engaged in protecting sunset industries such as the steel industry* (p. 267) – КОММЕРЦИЯ – промышленность, занимающаяся старыми технологиями, расположенная в старой промышленной зоне, которая постепенно угасает в пользу новых перспективных отраслей: *ЕС часто защищает такие отрасли «заката», как сталелитейная промышленность*;

(г) **page traffic** MARKETING (букв. постраничный трафик, просмотр страницы) – a measure of the number of people who read a particular page on a website or in a magazine, newspaper etc.: *In*

European countries, page traffic figures show higher noting of items on right-hand than left-hand pages (p. 376-377) — МАРКЕТИНГ — количество человек, читающих определенную страницу на сайте или в журнале, газете и т.д.: В странах Европы данные о просмотре страниц показывают, что на правые страницы обращают больше внимания, чем на левые;

(д) **golden handcuffs** HUMAN RESOURCES (букв. золотые наручники) – things that make important employees stay with a company rather than going to work for a competitor: *Company pensions were the golden handcuffs which chained staff to a company (p. 235) — ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ — то, что заставляет важных сотрудников оставаться в компании, а не идти работать на конкурента: Пособия были «золотыми наручниками», которые приковывали сотрудников к компании.*

Несмотря на принадлежность к строгому номенклатурному ряду терминов специфических доменов, эти термины-фразеологизмы шокируют неискушенного читателя своей неожиданностью, своей яркой, неповторимой образностью. Ср.: **problem child** – это вовсе не трудный ребенок, а термин в области коммерции, обозначающий продукт или бизнес, у которого есть финансовые проблемы, часто такие сложные, что их производители или владельцы не знают, как с ними справиться. **Salami slicing** – не колбасная нарезка, а незаконный акт кражи денежных средств у организации с использованием компьютера для снятия очень небольших сумм с ее финансовых счетов в течение определенного периода времени. **White knight** – не белый рыцарь, а термин из сферы финансов, обозначающий того, кто покупает акции компании, чтобы не дать другой компании полностью поглотить ее.

Для выяснения значения таких, непонятных, на первый взгляд, устойчивых словосочетаний, озадачивающих читателя, обращаемся к контекстуальному методу, который является в данном случае надежным семантическим идентификатором.

Так, образ яйца из гнезда – nest egg – используется для обозначения сбережения (на чёрный день), денежного фонда, заначки, любой денежной суммы, которую откладывают, чтобы использовать позже, особенно после прекращения работы.

According to Money Management, over five years the most successful managed currency funds in sterling terms with 1,000 invested are Hill Samuel US\$ Managed Currency, 1,631; <...>. Money Management contains full details of the performance of a wide range of managed and single currency funds. Prices of the funds appear regularly in the Financial Times, etc. # Nest egg: Should it contain currency? # DEPOSITED ABROAD. Choosing a suitable foreign currency bank account may mean shopping around, not necessarily for the highest interest rates but for the best service available <...> (BNC.

Accountancy). — По данным Money Management, за пять лет наиболее успешными управляемыми валютными фондами в фунтах стерлингов с инвестицией в 1000 долларов являются Hill Samuel US \$ Managed Currency, 1631; <...>. Управление капиталом содержит полную информацию об эффективности широкого спектра управляемых и одновалютных фондов. Цены на фонды регулярно появляются в Financial Times и т. д. # *Денежный фонд: Должен ли он содержать валюту?* # ДЕПОЗИТ ЗА РУБЕЖОМ. Выбор подходящего банковского счета в иностранной валюте может означать поиски вокруг, не обязательно для самых высоких процентных ставок, но для наилучшего доступного обслуживания <...> (BNC: Accountancy).

Образ бочки с салом – pork barrel – положен в основу наименования плана правительства по увеличению денежных сумм, расходуемых в определенной области, для получения политического преимущества, так называемого «казённого пирога»; используется в разговорном американском английском с неодобрительным оттенком, например: *Overall, the southern States are major beneficiaries of Federal spending, especially so relative to their contributions to the Federal exchequer, in considerable part because of the success of their Senators and Representatives in the **pork barrel**. In order to achieve this, they must attain seniority, with the implication that the South does well out of the Federal budget because its members of Congress are more likely, on average, to be reelected and therefore climb the seniority ladder <...>. (BNC: A question of place: exploring the practice of human geography).* — В целом, южные штаты являются основными бенефициарами федеральных расходов, особенно в отношении их взносов в федеральное казначейство, в значительной степени благодаря успеху их сенаторов и представителей в формировании «казенного пирога». Чтобы достичь этого, они должны достичь выслуги лет, что подразумевает, что Юг хорошо использует федеральный бюджет, потому что его члены Конгресса в среднем с большей вероятностью будут переизбраны и, следовательно, поднимутся по служебной лестнице <...>.

Образ дойной коровы – cash cow – положен в основу образования термина в области финансов, обозначающего очень прибыльный бизнес или часть бизнеса, или в области маркетинга – продукт, пользующийся спросом, например:

<...> *you realize that if we could have done this we would have done. It's impossible and a waste of time. I remember saying there was no choice. <...> In the event the strategy we laid out was wrong. Polyester was too far gone, starting from where we were, and with the limited resources we could put in. But, with a research department reduced by over a half and with the strategic use of **a cash cow**, the*

nylon business produced innovation after innovation. Today the business holds its head high and is a world leader in its specialized fields. (BNC: Making it happen: reflections on leadership) — <...> вы понимаете, что, если бы мы могли это сделать, мы бы сделали. Это невозможно и пустая трата времени. Я помню, как говорил, что выбора нет. <...>. В данном случае, изложенная нами стратегия оказалась неправильной. Полиэстер зашел слишком далеко, начиная с того места, где мы были, и с ограниченными ресурсами, которые мы могли вложить. Но с сокращением исследовательского отдела более чем наполовину и стратегическим использованием «дойной коровы» нейлоновый бизнес производил инновации за инновациями. Сегодня бизнес стоит на высоком уровне и является мировым лидером в своих специализированных областях.

Наиболее яркие образы характерны для терминологических фразеологизмов с полным переосмыслением компонентного состава:

(а) **dust bowl** (букв. пыльный котел) – an area of land where farming is not possible because it is too dry, used especially to talk about parts of the mid-western United States during the 1930s: *Many Americans abandoned the dust bowl in search of jobs* (p. 167) — засушливый район, территория с сильной эрозией почвы на юго-западе США, особенно в 1930-е годы: *Многие американцы бросили «пыльный котел» в поисках работы;*

(б) **fall guy** *AmE informal* (букв. падший малый) – someone who is punished for someone else's mistakes: *Like many fall guys, he was a loyal manager who was hardly the only person to blame for his employer's troubles* (p. 200) — амер. англ. разг. – козел отпущения, тот, кто расплачивается за чужие ошибки: *Как и многие козлы отпущения, он был преданным менеджером, который едва ли был единственным виноватым в проблемах своего работодателя;*

(в) **blue chip** [usually plural] (букв. голубая фишка) – a share in a well-managed, successful company with a long record of paying profits to shareholders during good and bad economic times: *Wall Street closed Thursday with blue chips falling and technology stocks managing a slight gain* (p. 89) — доля в хорошо управляемой, успешной компании с продолжительным опытом работы с акционерами в разных экономических условиях: *Фондовая площадка Уолл-стрит закрылась в четверг из-за падения голубых фишек и незначительного роста технологических акций.*

Проиллюстрируем использование данных ФЕ-терминов в контекстах.

(а) *Dry weather is always bad news for gardeners and the last couple of summers seem to have put our annual rainfall on par with Arizona! Even on the richest land drought is damaging, but in a garden with sharp-draining soil – especially on a hot, south-facing site – it can*

*create a positive **dust bowl**, a place where plants just don't seem to survive <...>. (BNC: The Gardener). — Сухая погода – всегда плохие новости для садоводов, и последние пару лет, кажется, поставили наш годовой уровень осадков на один уровень с Аризоной! Даже на самых богатых землях засуха наносит ущерб, но в саду с сильно дренированной почвой – особенно на жарком участке, выходящем на юг – она может создать положительный *пылесборник*, место, где растения, похоже, просто не выживают <...>.*

(б) *<...> wing militants who held shop stewardships at the Merseyside plant, he had received expert academic advice from two university lecturers who were sympathetic to the Communist international cause. <...>. Like all such schemes prepared by left-wing militants, this plan was aimed at putting the company in a 'Catch 22' situation. Namely, whatever action the company took, it would be blamed for the ensuing conflict. To this end, one of the younger Communist shop stewards in the plot had agreed to be the **fall guy**. It was not a particularly difficult decision for him to come to, since he was going to emigrate to Australia anyway. (BNC: Man at the sharp end.) — <...> побуждая боевиков, занимавших руководящие посты на заводе в Мерсисайде, он получил экспертные академические советы от двух университетских преподавателей, которые сочувствовали делу коммунистического интернационала. <...>. Как и все подобные схемы, подготовленные левыми боевиками, этот план был нацелен на то, чтобы поставить компанию в ситуацию «ловушки 22». А именно, какие бы действия ни предприняла компания, она будет виновата в последующем конфликте. С этой целью один из молодых коммунистов, участвовавших в заговоре, согласился *принять удар на себя*. Это было для него не очень сложное решение, так как он все равно собирался эмигрировать в Австралию.*

(в) *The Chairman, for example, was one of no fewer than five Irish Americans to have held the top job in UM. Tom O'Reilly was an ascetic former Treasurer of the Corporation who had been never known to smile even when the company's **blue chip** shares soared to dizzy peaks on Wall Street. <...> He had agreed to make a financial contribution of \$50,000 from the family trust to help finance a social club to be named after him. (BNC: Man at the sharp end) — Председатель, например, был одним из не менее пяти американцев ирландского происхождения, занимавших высшую должность в УМ. Том О'Рейли был аскетичным бывшим казначеем корпорации, который никогда не улыбался, даже когда акции «голубых фишек» компании взлетали до головокружительных пиков на Уолл-стрит. Он согласился внести финансовый взнос в размере 50 000 долларов из семейного фонда, чтобы помочь финансировать социальный клуб, который будет назван в его честь.*

При частичном переосмыслении компонентов в процессе формирования ФЕ-терминов образ не формируется заново, а происходит некоторая модификация прежнего образа за счет компонента-адъюнкта (о термине см.: Аракин 1979: 149), в данном случае за счет адъективных компонентов *green, narrow, nomadic*.

Ср.: **green audit** ECONOMICS (букв. зеленый аудит) – an official examination of the effects of a company's activities on the environment (p. 30) – ЭКОНОМИКА официальная экспертиза воздействия деятельности компании на окружающую среду;

narrow money ECONOMICS (букв. узкие деньги) – cash and the forms of money that can most easily be turned into cash: *Narrow money refers to money balances which are easily available to finance day-to-day spending* (p. 340) – ЭКОНОМИКА наличные деньги и другие формы денег, которые легче всего превратить в наличные: *Узкие деньги относятся к денежным остаткам, которые легко доступны для повседневных расходов*;

nomadic worker (букв. бродячий рабочий) – someone who works while they are away from the office, travelling on business etc., using modern means of communication: *Nomadic workers are no longer tied to a desk, but can review or change their documents and data on the move* (p. 586) – человек, который работает, находясь вдали от офиса, совершает деловые поездки и т. д., используя современные средства коммуникации: *Кочевые сотрудники больше не привязаны к рабочему месту, они могут просматривать или изменять документы и данные на ходу*.

Результаты и выводы. В результате анализа терминологической фразеологии, выборка которой осуществлялась на основе словаря делового английского языка, выясняем, что (а) для ФЕ-терминов характерна образность, (б) интенсивность которой зависит от вида переосмысления компонентного состава результирующего термина-фразеологизма.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1979. – 259 с.

Декатова К.И. Рецензия на монографию «Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный дискурсивный, сопоставительный аспекты» под ред. Т.Н. Федуленковой / К.И. Декатова, А.С. Вдовина // Вестник ЮУрГУ. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 67-69.

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2018. – 820 с.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.

Терехов Д.Ю. Англо-русский словарь по бухгалтерскому учету, аудиту и финансам. – М.: Аскери, 1994. – 512 с.

Фразеология и терминология: грани пересечения: монография / Т.Н. Федуленкова, А.В. Иванов, Т.В. Куприна и др. – Архангельск: Поморский ун-т, 2009. – 170 с.

Fedulenkova T. Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness // Linguistics Insights: Studies in Language and Communication. Vol. 2: Domain-specific English / Guiseppe Cortese & Philip Riley (eds.). Bern, Berlin, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2002. Pp. 247-269.

Fedulenkova T. Experience of Phraseological Studies in Academic Group for Multilingual Purposes // Proceedings of the International Conference on European Multilingualism: Shaping Sustainable Educational and Social Environment (EMSSESE 2019) / ed. by C. Kirby and L. Shchipitsina. [Electronic Resource]. Parts of series ASSEHR, vol. 360. Paris, Amsterdam: Atlantis Press, 2019. Accessed: 27.08.2021. DOI: <https://doi.org/10.2991/emssese-19.2019.8>.

Gläser R. Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes // Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English / Rosemarie Gläser (Ed.). – Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH, 1995. Pp. 33-57.

Murthy M. (Ed.) Longman Business English Dictionary. – Harlow: Pearson Education Ltd, 2007. 596 p.

Müller R. Phraseologismen in ausgewählten Fachtextsorten des Kommunikationsbereiches Humanmedizin im Englischen. – Leipzig, 1990. 257s.

Naciscione A. Translation of Terminology: Why Kill the Metaphor? // Proceedings of the Third Riga Symposium on Pragmatic Aspects of Translation. – Riga: University of Latvia, 2003. Pp. 102-115.

PHRASEOLOGICAL IMAGE IN BUSINESS TERMINOLOGY

T.N. Fedulenkova, N.I. Prokonina

Abstract. The paper deals with the analysis of terminological phraseology showing that imagery is characteristic of PU-terms, and its brightness depends on the type of meaning transfer in the resulting phraseological terms.

Key words: phraseological unit, terminology of phraseological character, phraseological image.

ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ МОДИФИКАЦИЙ ОБРАЗНОЙ ОСНОВЫ НА СЕМАНТИКО- ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

И.Э. Федюнина, Р.Е. Богачёв

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

fedyunina@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются изменения семантико-прагматических характеристик фразеологических единиц под влиянием различных видов дискурсивных трансформаций. Показаны тенденции и механизмы воздействия таких трансформаций на образную основу, ситуативное значение и коннотацию исследуемых фразеологизмов. Особое внимание уделяется анализу коммуникативных ситуаций, в которых

употребляются фразеологизмы, и выявлению роли контекста в формировании их когнитивно-прагматического эффекта.

Ключевые слова: фразеологизм, образная основа, семантические признаки, контекст, коннотация, дискурсивные модификации

В последнее время всё большую значимость для фразеологии приобретает когнитивно-прагматический подход. Исследователи справедливо утверждают, что изучение ФЕ с позиций этого подхода с должным вниманием их образности, оценочности, культурным коннотациям и воздействию на мнение и чувства реципиента «совершенно необходимо, если мы хотим понять и изучить фразеологию языка во всём её богатстве и сложности» (Cowie 2002: 8). При таком подходе особо важную роль приобретает изучение дискурсивного функционирования ФЕ, поскольку именно в коммуникативной ситуации ФЕ «способна реализовать интерпретационное поле концепта... где конденсируются смыслы и эмоциональный опыт» (Eismann 2001: 111). Исследователи также подчёркивают важность ситуационного значения любой языковой единицы, включая ФЕ. Некоторые авторы, работающие в области контекстной семантики, даже склонны считать ситуационное значение первичным по отношению к языковому, «функционирующему как форма выражения ситуационного значения» (Колшанский 2007: 61).

В данной работе мы сосредоточим внимание на фразеологизмах, подвергающихся дискурсивным трансформациям. Как подчёркивает фразеолог О.С. Макарова, возможность дискурсивных модификаций ФЕ в первую очередь обусловлена их образностью и гибкостью внутренней формы: «Эта их особенность позволяет автору... приспособить обобщённый метафорический смысл ФЕ к конкретным условиям контекста» (Макарова 2009: 186). Фразеологи отмечают, что модификация образной основы ФЕ может влиять как на рациональную оценку поведения участников дискурсивного события, так и на эмотивное восприятие ситуации, причём в такой степени, что эмотивный компонент часто «...оказывается ведущим способом формирования семантической структуры метафорического значения» (Алефиренко 2009: 223). Однако наши исследования обнаружили ещё одну важную тенденцию: дискурсивные трансформации нередко приводят к изменениям не только коннотативного аспекта и образной основы ФЕ и, но и самого её значения.

Цель нашей работы – представить основные виды модификаций, которым подвергаются ФЕ в конкретном дискурсе и выявить результат таких модификаций, проанализировав изменения семантики и прагматики исследуемых единиц. Хотя в фокусе внимания были в основном идиомы как носители самой яркой и экспрессивной образности, мы вовлекали и ФЕ других

классов, включая паремии. Рассмотрим несколько наиболее показательных примеров.

- *«Дело пахнет керосином»*, – подумала Варвара отчетливо, и даже *услышала запах этого самого керосина*. Что теперь она станет делать, когда он заманил её в своё логово? Ладно, не заманил в логово, а привёз в квартиру, вынув из лужи, где она лежала с перетянутым скотчем лицом и связанными руками и ногами (Устинова 2003: 226). В приведённом примере использован каламбур, то есть соположение метафорического и буквального значений. Как правило, целью использования каламбура является создание юмористического эффекта, но данная ситуация интересна двойственной функцией каламбура. С одной стороны, он усиливает семантические признаки страха и напряжения, актуализируемые образной основой, а с другой – имплицитно указывает на наличие у реципиента слишком живого воображения и восприятия. Последнее подтверждается также контекстуальной информацией, ясно показывающей, что реципиент и сам осознаёт свою склонность к драматизации, а реальной опасности, вполне возможно, нет. Таким образом, образная основа ФЕ в данном случае одновременно актуализирует негативные семантические признаки и ослабляет их, создавая в сочетании с контекстом эффект самоиронии.

- Отчаянно надеясь, что это какая-то ошибка, я с надеждой стал смотреть дальше. И *волосы, поначалу чуть шевельнувшиеся, уже не просто дыбом встали, а начали подпирать свод пещеры, грозя его обрушением*. Всё так и есть. Никакой ошибки. Мои параметры чудовищно уменьшились (Каменистый 2021: 129). Здесь использован наиболее распространённый тип модификации – расширение образной основы, и применён он к двум ФЕ – *волосы зашевелились* и *волосы дыбом встали*. Цель этого приёма – усилить семы страха и шока, актуализируемые образными основами. Главный интерес в плане прагматического эффекта представляет следующая особенность применения модификации. Расширение производится таким образом, чтобы ярко показать нарастание шока и ужаса. В структуру ФЕ *волосы шевельнулись* введён только один элемент – диминутивный модификатор «чуть» (такой образ актуализирует лишь лёгкий испуг – субъект ещё не увидел всей ситуации и отказывается верить в худший вариант). Далее использована ФЕ *дыбом встали*, внутренняя форма которой репрезентирует сильный страх и шок, а затем следует расширение образа путём его гиперболизации (крайняя степень страха и шока, сопровождающая полное осознание происшедшего и его возможных последствий). Но вместе с тем именно гиперболизация, делающая образ почти абсурдным, придаёт ситуации оттенок юмора и даже самоиронии.

- Ну и вишенка на торте. Несладкая. «Минимальные требования к владельцу:…» У меня столько и близко нет. Кислая вишенка. Скорее даже не вишенка, а лимон. Зелёный. Я уверен на девяносто девять процентов, что у меня появился всем помощникам помощник. Но, увы, пока что пользоваться им невозможно. Даже полюбоваться на приобретение нельзя (Каменистый 2021: 143-144). В данном примере мы также наблюдаем расширение образной основы, но оно осуществляется иным способом и даёт иной прагматический эффект. ФЕ *вишенка на торте* обычно несёт позитивную коннотацию за счёт внутренней формы, «обращающейся» к вкусовому и зрительному восприятию реципиента. Но в данном контексте позитивная коннотация практически сводится к нулю за счёт вклинивания негативных модификаторов «несладкая» и «кислая» и следующего за ним образного противопоставления «вишенка – зелёный лимон». В результате актуализируется не удовольствие от заслуженной награды, а фрустрация и гнев от того, что эта награда на самом деле недоступна.

- Душу точили тревога и уныние. Годы научили его одному: *время действительно лечит всё, но оставляет грубые, не проходящие шрамы* (Роллинс 2010: 89). Паремия *Время лечит* в норме имеет позитивную семантико-прагматическую установку, имплицитно указывая на необходимость долготерпения и определённой доли смирения в перенесении страданий, горя и т.п., но и давая практически «гарантию» исцеления и восстановления в итоге. Однако в данной ситуации расширение образной основы, содержащее семы травмы и необратимых последствий (*грубые не проходящие шрамы*), по сути, изменяет не только эмотивное воздействие, но и значение ФЕ. Семантико-прагматическая установка теперь выглядит следующим образом: «Ты выживешь, но не надейся остаться прежним и избавиться от последствий пережитого». Приобретённые негативные признаки интенсифицируются посредством прямого указания на тяжёлое душевное состояние реципиента.

- Рано утром его вызывали на совещание с участием председателя центра контроля заболеваний, двух глав комитета и директора. Всё это время они *устраивали разборки на пороховой бочке*. Такова была правительственная метода. Вместо того чтобы решать проблему сообща, начальство разных мастей продолжало переводить стрелки и прятаться по щелям (Роллинс 2010: 221). В данном случае имеет место замена компонента ФЕ – *устраивать разборки* вместо стандартного *сидеть*. Такая замена оказывает как минимум три воздействия. Во-первых, изменяется семантический компонент идиомы. Стандартная ФЕ *сидеть на пороховой бочке* означает пребывание человека в непредсказуемой, потенциально

опасной и разрушительной ситуации, причём от него зачастую мало что зависит и он, таким образом, является в какой-то степени её жертвой. Однако произведённая трансформация придаёт ФЕ иное ситуативное значение – «вести себя в непредсказуемой и опасной ситуации агрессивно и безответственно, обостряя её ещё больше». Во-вторых, меняется внутренняя форма – получаем образ субъекта, совершающего практически суицидальные действия, которые, скорее всего, уничтожат или искалечат не только его, но и многих других. В-третьих, при такой образной основе значительно интенсифицируется отрицательная оценочная коннотация. Важно также отметить, что в приведённой ситуации значительную роль играет контекст. Использование для характеристики участников ситуации двух дополнительных идиом с крайне негативной оценкой – *переводить стрелки* и *прятаться по щелям* – актуализирует семы трусости и безответственности, а указание на тему совещания усиливает негативное восприятие, так как речь идёт о здоровье и жизнях множества людей.

В целом наше исследование позволило сделать следующие выводы. Наиболее распространёнными видами дискурсивных модификаций ФЕ являются замена структурного компонента, каламбур, расширение образной основы. При этом последний вид представляется наиболее продуктивным в плане разнообразия механизмов воздействия на семантико-прагматические свойства ФЕ. При этом, что касается результата трансформаций, выявились две основных тенденции: 1) изменение коннотативных компонентов и привнесение дополнительных смыслов при сохранении семантического компонента (т.е. ситуационное значение ФЕ может получать дополнительные семы, но в целом не расходится со «стандартным» языковым); 2) изменение не только коннотаций, но и самой семантики ФЕ, т.е. она получает новое ситуационное значение. В обоих случаях ведущую роль играет образная основа и произведённые в ней изменения. Влияние дискурсивных модификаций на коннотативный компонент ФЕ во многом зависит от цели трансформации и того, каким путём производится изменение образа (вклинивание модификатора с позитивной / негативной оценкой, гиперболизация, противопоставление и т.д.), но в целом можно выделить следующие наиболее частотные результаты: интенсификация изначальной эмоциональной и / или рациональной оценки (позитивной или негативной); затушёвывание изначальной оценочной коннотации; актуализация чувств и отношений, прямо противоположных тем, что заложены в изначальной, немодифицированной форме ФЕ. Следует подчеркнуть, что в последнем случае ведущая роль чаще всего принадлежит контексту. Нужно также упомянуть коммуникативные ситуации, в которых наряду с трансформированной ФЕ

употребляются другие ФЕ (одна или более), не подвергающиеся модификации, но являющиеся важным элементом контекста и влияющие тем или иным образом на формирование эффекта изменённой ФЕ. Таким образом, проведённое нами исследование подтвердило тот факт, что дискурсивные модификации образной основы могут затрагивать не только коннотацию ФЕ, но и непосредственно её семантику, влияя, таким образом, на когнитивно-прагматический потенциал ФЕ во всех его аспектах. Дальнейшее изучение дискурсивных трансформаций ФЕ и лингвокреативных возможностей фразеологического образа в русле когнитивной прагматики представляется перспективным и важным не только для фразеологии. На наш взгляд, выявление и применение механизмов эмотивного воздействия трансформированного образа может быть успешно использовано в психологических и лингвопсихологических исследованиях, а также в рамках нейролингвистического программирования.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
- Каменистый А. Экстремальная археология: Фантастический роман. – М.: Издательство «АЛЬФА_КНИГА», 2021. – 313 с.
- Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 152 с.
- Макарова О.С. Структурно-семантические модификации фразеологизмов в рекламном тексте // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: Четвёртые Жуковские чтения: материалы Международного научного симпозиума. (Великий Новгород, 4-6 мая 2009 г.). – Великий Новгород, 2009. – С. 186-188.
- Роллинс Д. Амазония. – М.: Эксмо, 2010. – 544 с.
- Устинова Т.В. Подруга особого назначения: Роман. – М.: Эксмо, 2003. – 352 с.
- Cowie S.P. Phraseology: Theory, Analysis and Applications. – Oxford.: Clarendon Press, 2002. – 262 p.
- Eismann W. Jenseits der Weltbild-Phraseologie. Vergessene psychoanalytische Perspektive // Aspekte europäische Phraseologie. – Hohengehren, 2001. – S. 107-122.

THE INFLUENCE OF DISCOURSIVE MODIFICATIONS OF THE IMAGE BASIS ON THE PHASEOLOGICAL SEMANTIC AND PRAGMATIC CHARACTERISTICS

I.E. Fedyunina, R.E. Bogachyov

Abstract. The paper deals with semantic and pragmatic properties of the idioms affected by certain types of discourse transformations. The authors seek to reveal the ways in which the above said transformations influence the inner form, connotation and situational meaning of the idioms under study. The research also focuses on analyzing communicative situations the idioms are used in and revealing the impact the context has on their cognitive-pragmatic impact.

Key words: idioms, inner form, semantic properties, context, connotation, discourse modifications

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

Н.В. Шарышова

Россия, г. Тула, Тульский государственный университет
sharyshova.n@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль трансформированных фразеологических единиц в англоязычных поэтических текстах современных авторов – Сабрины Бенаим и Ширы Эльрихман. Фразеологические единицы в поэтических текстах претерпевают ряд индивидуально-авторских трансформаций с целью «обновления» образа и придания ему большей экспрессивности. Отмечается, что трансформации становятся возможными благодаря образности внутренней формы фразеологических единиц. В результате исследования установлено, что окказиональные фразеологизмы используются авторами для интенсификации и конкретизации смысла, усиления эмоционального воздействия на читателя. Обнаруживается текстообразующая функция расширенных фразеологических метафор. Делается вывод о том, что модификация путем вклинивания нового компонента помогает авторам добиться компактного выражения мысли, что важно при создании поэтических текстов. Результаты могут быть использованы при разработке курсов по фразеологии, лексикологии, литературоведению и когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: фразеологическая единица, окказиональный фразеологизм, концептуальная метафора, образ, поэтический дискурс

В последние десятилетия наблюдается значительно возросший интерес к изучению когнитивно-прагматического и стилистического потенциала фразеологических единиц как элементов художественного текста. При обращении к поэтическому материалу отмечается открытость фразеологической системы для различных типов преобразований (Мелерович, Мокиенко 2020: 155). И.Ю. Третьякова подчеркивает, что именно в поэтических текстах обнаруживаются наиболее необычные окказиональные фразеологизмы (Третьякова 2011).

Особенности функционирования фразеологических единиц в художественных текстах активно исследуются в работах отечественных и зарубежных лингвистов (Батурова 2015; Мелерович, Мокиенко 2014; Еремина, Лаврова 2020; Naciscione 2010; Третьякова 2011; Третьякова 2020; Амелина, Шевелева 2019 и др.). Однако необходимо отметить, что язык современной англоязычной поэзии остается недостаточно изученным. Следовательно, данное исследование обладает актуальностью в связи с необходимостью комплексного изучения закономерностей функционирования фразеологических единиц в художественных текстах различных эпох.

Цель данной работы – выявить специфику контекстуального функционирования фразеологизмов в современной поэзии, а также

определить преобладающие механизмы трансформации. Задача – установить и описать случаи трансформации фразеологических единиц и выявить функции окказиональных единиц в анализируемом контексте. Материалом исследования послужили сборники стихов “Depression & Other Magic Tricks” Сабрины Бенаим и “Odes to Lithium” Ширы Эрлихман. Объем проанализированного материала – 97 стихотворений.

А. В. Кунин отмечает, что «...фразеологизмы, будучи устойчивыми и раздельнооформленными образованиями, допускают в речи разнообразные структурно-семантические изменения, в том числе и сложнейшие преобразования, невозможные в словах. Все это делает исключительно важным изучение «поведения» фразеологизмов в контексте» (Кунин 2005: 232). Исследователи выделяют два способа контекстуального употребления фразеологических единиц: употребление контекстуально нетрансформированных ФЕ (в их словарной форме) и использование контекстуально трансформированных фразеологизмов (Арсентьева, Арсентьева 2017: 5). Под окказиональными преобразованиями фразеологических единиц понимаются «стилистические изменения в лексическом составе, синтаксической структуре фразеологических единиц, при которых их узуально устойчивая форма противопоставляется окказионально измененной» (Булаева, Давыдова 2018: 483).

Образность внутренней формы фразеологизма является механизмом, который позволяет автору высказывания производить необходимые трансформации (Mirgalimova, Arsenteva, Nikulina 2020: 2639). И.В. Зыкова определяет лингвистическую (фразеологическую) креативность как способность макро-метафорических концептуальных моделей адаптировать фразеологические единицы в коммуникативном процессе для достижения прагматических целей (Zykova 2020: 126).

В проанализированном материале субституция одного из компонентов встречается 4 раза. В первом случае – “i am a clock i cannot tell” (“to tell the time”) – в результате преобразования появляется концептуальная метафора BODY IS A MECHANISM. В выражении “to “relax” over matter” (“mind over matter”) обыгрывается невозможность контролировать болезнь, когда идет речь о болезни самого разума (депрессии). Усиление экспрессивной нагрузки наблюдается в выражении “false sirening” (“false alarm”) за счет активизации семы «loud high-pitched wailing sound» (Merriam-Webster Dictionary, Collins Dictionary). В последнем же случае возникает игра слов на основании схожего звучания старого и нового компонента “exist plan” (“exit plan”).

Наименее частыми приемами оказались расширение и сокращение компонентного состава (эллипсис), а также

перестановка компонентов (“feed a fever, starve a cold” вместо “feed a cold, starve a fever”). Важно отметить, что при эллипсисе сохраняется именно ядерный компонент: “grass is greener than the blue you are surrounded by” (“the grass is always greener on the other side”). При добавлении элементов к началу фразеологической единицы – (“secret sticky sweet nothings”) дополнительные прилагательные уточняют и конкретизируют смысл фразеологизма.

Вклинивание компонента также позволяет автору конкретизировать значение, как в случае описания внешности и поведения человека в стихотворении Ш. Эрлихман “Portrait of a Release”: “my brother / ignoring his feelings, moving like a bolt of *brunette* lightning / through his days”. В строке “to look myself in the *third* eye” (S. Benaim, “first date”) происходит трансформация выражения «to look in the eye», поскольку в контексте произведения имеется в виду расширение сознания при употреблении наркотиков. В обоих примерах подобная модификация позволяет представить необходимый смысл в сжатой форме, что является важным инструментом при создании поэтических текстов, по своей природе тяготеющих к компактности и компрессии.

В ходе данного исследования было выявлено, что авторы в ряде случаев прибегают к использованию расширенной фразеологической метафоры. Данное явление впервые было освещено в монографии А. Начисчионе (Naciscione 2010). Расширенная фразеологическая метафора формируется за счет создания цепи подобразов (sub-images) на основании ассоциативных связей, которые группируются вокруг главного фразеологического образа (Naciscione 2010: 80).

Пример расширенной фразеологической метафоры обнаруживается в строках “my depression is a shape shifter; / one day it is as small as a firefly in the palm of a bear, / the next, it’s a bear. / those days i *play dead* until the bear leaves me alone” (S. Benaim, “explaining depression to my mother *a conversation*”). Выражение “to play dead” предполагает наличие угрозы, во избежание которой необходимо притвориться мертвым. В данном случае угрозу представляет депрессия, метафорически представленная медведем (случай реализации концептуальной метафоры DEPRESSION IS A LIVING OBJECT).

Стихотворение “minnows” С. Бенаим полностью строится на развертывании цепи ассоциативных подобразов вокруг фразеологизма “to have butterflies in one’s stomach”. Необходимо отметить, что в данном случае также имеет место лексическая трансформация фразеологизма – замена структурного компонента “butterflies” на “minnows”. Таким образом, усиливается отрицательная коннотация исходной фразеологической единицы (“to feel very nervous about something that you are going to do”

(Cambridge Dictionary)), что неоднократно подчеркивается в последующем тексте: “i have minnows in my stomach. they are *hungry, starving*”, “i have minnows in my stomach that *are going to die soon*”, “their *face down float* was the closest they ever came to being butterflies”.

Аналогичный случай развертывания фразеологического образа обнаруживается в стихотворении “magic trick 003” С. Бенаим: “*she breaks / her own heart* in a parking lot at Disneyland as her father watches on”, “the *heart pieces assemble* into a tiny hummingbird that flies back into the girl’s chest”. В основе фразеологического образа заложена концептуальная метафора HEART IS AN OBJECT, которая получает развитие в образе кусочков, собирающихся обратно в виде колибри. Однако в конце стихотворения снова усиливается негативная коннотация полученного образа: “but it metabolizes her love so quickly, / *it is always moments away from starving to death*”.

Таким образом, подтверждается мысль о том, что в создании расширенной фразеологической метафоры одновременно задействуется переносное значение фразеологизма и прямое значение его прототипа (Арсентьева, Арсентьева 2017: 9). Примеры применения данного механизма трансформации свидетельствуют о том, что окказиональные фразеологизмы способны выполнять текстообразующую функцию, обретая роль центрального образа в поэтическом тексте. В целом выявленные индивидуально-авторские трансформации фразеологических единиц служат инструментом обновления образов, заложенных в исходных формах фразеологических единиц, и нацелены на интенсификацию эмоционального воздействия на читателя.

Перспективным представляется дальнейшее исследование фразеологической креативности на материале более объемного корпуса поэтических текстов и выявление специфики функционирования фразеологизмов в современном поэтическом дискурсе.

Литература

Амелина Л.В., Шевелева И.А. Классификация индивидуально-авторских преобразований: комбинаторный критерий (на материале английских драматических произведений XVIII и XX веков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – №12. – С. 205-208.

Арсентьева Е.Ф., Арсентьева Ю.С. Расширенная метафора как один из типов окказионального использования фразеологизмов-эвфемизмов: экспериментальное исследование // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 50. – С. 5-16.

Батурова Н.И. Окказиональный фразеологизм и его место в английском художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4-1 (46). – С. 29-32.

Булаева Н.Е., Давыдова М.М. Окказиональные преобразования фразеологических единиц // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – № 6. – С. 482-489.

Еремина Е.С., Лаврова Н.А. Фразеологическая единица как интертекстема в современной американской поэзии // Преподаватель XXI век. – 2020. – №2. – С. 340-348.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд. стереотип. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Оказиональные преобразования фразеологических единиц // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2014. – №8. – С. 234-252.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. О своеобразии функционирования фразеологизмов в поэзии... // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): материалы Международной научно-практической конференции (Кострома, 24–25 сентября 2020 г.). – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – С. 155-166.

Третьякова И.Ю. Оказиональная фразеология: монография. – Кострома: КГУ, 2011. – 190 с.

Третьякова И.Ю. Оказиональные фразеологизмы и контекст // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 1. – № 2. – С. 161-163.

Третьякова И.Ю. Сложные трансформации фразеологизмов в поэтических текстах // Современные проблемы преподавания русского языка и литературы в школе и вузе: Материалы межрегиональной научно-методической конференции (Кострома, 28 октября 2019 г.). – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – С. 25-32.

Benaim S. *Depression & Other Magic Tricks*. – Button Poetry, 2017. – 96 p.

Cambridge Online Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 01.09.2021).

Collins Online Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 01.09.2021).

Erlichman S. *Odes to Lithium* / S. Erlichman. – Alice James Books, 2019. 100 p.

Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 01.09.2021).

Mirgalimova L.M., Arsenteva E.F., Nikulina E.A. Deviation of phraseological unit semantic stability as a means of phraseological transformation // *International Journal of Criminology and Sociology*. – 2020. P. 2638-2644.

Naciscione A. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse* / A. Naciscione. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2010. 292 p.

Zykova I. *Cognitive Factors Regulating Reproducibility of Phraseological Units in Discourse* // *Intercontinental Dialogue on Phraseology. Reproducibility and Variation of Figurative Expressions: Theoretical Aspects and Applications*. – Volume 5. – Bialystok: The University of Bialystok, 2020. – P. 121-143.

FUNCTIONS OF OCCASIONAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN ENGLISH POETRY

N.V. Sharyshova

Abstract. This article examines the role of modified phraseological units in modern English poetry of Sabrina Benaim and Shira Erlichman. Phraseological units in poetic texts undergo a number of individual authorial transformations in order to "renew" the image and make it more expressive. It is noted that transformations become possible due to the images underlying the inner form of phraseological units. As a result of the study, it was found that occasional phraseological units are used by the authors to intensify and specify the meaning, as well as to evoke a stronger emotional response in readers. The text-forming function of extended phraseological

metaphors is revealed. It is concluded that modification by means of additional components helps authors express their thoughts in a compressed form, which is important when creating poetic texts. The findings can be used as a material for teaching phraseology, lexicology, literary studies and cognitive linguistics.

Key words: phraseological unit, occasional phraseological unit, conceptual metaphor, image, poetic discourse

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В СФЕРЕ ИСКУССТВА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Л.Ф. Щербачук, О.И. Андрейченко

Россия, г. Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
lidiya_shch1@mail.ru
oksana1_24.ua@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности фразеологической экспликации гастрономической метафоры в сфере искусства. На материале современного публицистического дискурса рассмотрена и описана фреймовая структура метафорической модели «Искусство – это кухня».

Ключевые слова: фразеологизм, гастрономическая метафора, метафорическая модель, фрейм, искусство, публицистика, дискурс.

Постановка проблемы. Гастрономическая культура как разновидность человеческой культуры очень глубоко интегрирована в современную общественную жизнь, благодаря прежде всего выполнению, с одной стороны, физиологических, а с другой – социокультурных функций. Ее влияние на процессы социального взаимодействия можно отметить как на глобальном, так и на локальном уровнях. Несомненно, практики питания, вкусовые предпочтения, проблемы потребления и приготовления пищи оказывают непосредственное влияние на формирование мировоззрения представителей всего общества.

Гастрономическая метафора в искусствоведческом дискурсе анализируется как средство познания мира искусства и как концептуальная репрезентация реалий и тенденций современной жизни языковыми средствами, доминантой которых является тема искусства. Безусловно, элементом и строительным материалом языка и, в частности, языка искусства выступает концептуальная метафора, выполняющая когнитивную функцию во взаимодействии с мышлением и миром. Искусствоведческий дискурс понимается исследователями как «виртуальный, постоянно разворачивающийся во времени и в пространстве корпус высказываний на тему искусства, реализуемых в рамках

искусствоведческих наук в различных типах текста, коммуникативных сферах и в ходе рассмотрения отдельных вопросов в русле основной темы» (Олянич 2015: 160).

Актуальность работы состоит в исследовании деятельности языкового сознания и языковой концептуализации гастрономической метафоры, что входит в круг важнейших теоретических проблем, выдвигаемых современным языкознанием. Исследование гастрономической метафоры в аспекте искусствоведческого дискурса способствует разрешению актуальной в современной лингвистике проблемы объективации русскоязычной картины мира и описания национальных особенностей мышления. В предлагаемой статье анализируется участие гастрономической метафоры в процессах фразеологической концептуализации представлений об искусстве.

Поставленная цель предполагает решение основных задач: рассмотреть и описать семантику гастрономических метафор в сфере искусства на примере публицистического дискурса, репрезентированного в Национальном корпусе русского языка, их фреймовое моделирование при помощи трансформированных фразеологических единиц. Предметом предложенного исследования явились русские гастрономические (пищевые, глотонические, кухонные) метафоры в сфере искусства, при этом искусство рассматривается как «художественная творческая деятельность человека» (Алабугина 2014: 69).

Результаты исследования. Следует отметить, что метафора обширна в области своего значения, поэтому существуют различные подходы исследователей к изучению данного явления и на сегодня установленного, единого толкования не существует. Всё зависит от того, в каком направлении и какие особенности учитываются при исследовании (более детально см. Андрейченко, Щербачук 2019: 146-147). В лингвистическом плане метафору следует считать языковым явлением, которое, однако, невозможно без участия мышления человека. Современная когнитивистика видит в метафоре важную ментальную операцию как способ познания, концептуализации, оценки и объяснения мира (Будаев 2007: 16)

По мнению лингвистов-когнитологов, концептуальная метафора является особым способом мышления о мире, в основе которого лежит взаимодействие двух структур знаний: когнитивной структуры источника (source domains) и когнитивной структуры мишени (target domain) (Лакофф 2008: 9), в другой терминологии – донорской и реципиентной зоны (donor domain and recipient domain) (Kittay 1981).

Итак, гастрономическая (пищевая, кулинарная, глотоническая) метафора – это вербализированная когнитивная модель, сферой-донором для продуцирования которой является

понятийная отрасль «пища / питание», а сферой-реципиентом – любая другая предметная отрасль, подлежащая образной оценке; сознательно / бессознательно формируется и осмысливается в контексте философских, социологических, политологических, антропологических и других гуманитарных знаний; выступает формой ретрансляции культурного опыта, инструментом артикуляции содержания современности.

Когнитивный подход к исследованию метафоры, по нашему мнению, является ключом к пониманию форм репрезентации знаний. Создавая образ и апеллируя к воображению, метафора порождает понимание, воспринимающееся разумом. В рамках когнитивного подхода метафоризация понимается нами как специфическая операция над знаниями, передача информации от одного концептуального поля – источника в другое концептуальное поле – цели. Преимущества когнитивного понимания традиционных метафорических переносов состоят в новом подходе к самому механизму создания метафоры: очень важны разнообразные и сложные формы взаимопроникновения различных сфер человеческого бытия (концептуальной, научной, речевой, художественной и т.п.).

Исследование подтверждает, что ведущая роль в концептуализации искусства, вербализации его составляющих принадлежит пищевому, гастрономическому коду культуры. Мир кухни оказывается сферой-источником для метафоризации мира искусства, его различных видов, понятий, предметов, восприятия и т.д. Процесс метафоризации происходит за счет использования буквального значения изречения и сопутствующих ему ассоциаций носителя языка. Схема связи, которая формируется между понятийными сферами, называется метафорической моделью.

В рамках предложенного предмета исследования искусство рассматривается как «художественная творческая деятельность человека» (Алабугина 2014: 69). Ведущая роль в языковой концептуализации искусства, вербализации ее составляющих, как подтверждает исследование, принадлежит гастрономическому коду культуры. Мир кухни оказался сферой-источником для фразеологической метафоризации мира искусства. В толковом словаре С.А. Кузнецова зафиксированы такие значения понятия «кухня»: «1. Помещение с печью (плитой) для приготовления пищи. || Набор мебели для такого помещения. 2. Приготовление пищи,стряпня. 3. Кушанья, подбор кушаний» (Кузнецов 2000: 483). По мнению О.В. Ломакиной, исследование различных языковых единиц тесно связано с изучением текста и его фрагментов, объединенных этими языковыми единицами, т.е. контекстов» (Ломакина 2018: 36). В дискурсивных практиках носитель языка соизмеряет различные бытовые процессы, качества предметов и

определенных процессов со свойствами известной ему пищи, ее добыванием, обработкой, приготовлением, употреблением и закрепляет это знание во внутренней форме языковых единиц для конкретных номинаций.

Проанализируем отдельные фреймы метафорической модели **«Искусство – это кухня»**.

Фрейм «Кино – это пища». Знаковое событие XX в. – возникновение кинематографа. Сюжет, сценарий фильма, облик съемочного процесса образно ассоциируются с качественными характеристиками ягод, блюд, утвари, приготовлением пищи и т.п. Например:

– *«На выходе у создателей фильма получился **винегрет из изображений и звуков**, рассчитанный на носителей клипового мышления»* (НКРЯ); *«Трагедия Макбета преобразована в густой **сценический винегрет** – эпизоды перетасовываются, повторяются, сжимаются и растягиваются»* (НКРЯ). В Толковом словаре русского языка **винегрет** – это «холодное кушанье из мелко нарезанных овощей, мяса или рыбы, яиц с соусом, маслом. Винегрет в голове у кого-н. (перен.: перемешались разнородные сведения, мысли; разг.)» (Ожегов 2008: 83). Гастрономическая же метафора с лексемой **винегрет** определяет беспорядочное соединение фактов, событий и т.д. Ср. устойчивое выражение **«винегрет в голове»** со значением «путаница мыслей, отсутствие логики, неумение разобраться в разнородной информации».

– *«При том отдельные фрагменты-клипы сшиты наскоряк, да так небрежно, что белые нитки торчат наружу. И дело даже не в том, что сама фабула фильма, весь его сюжет – это **клюква клюквенная, развесистая** настолько, что оторопь берет от несоответствия излагаемого реальности и приметам времени, тех самых 40-х годов прошлого века»* (НКРЯ). Ср. фразеологизм **«развесистая клюква** – неправдоподобная информация; ложь, выдумка» (Федоров 1997, Т. 1: 304). В искусствоведческом дискурсе экспрессия устойчивого выражения усиливается не только именем прилагательным **развесистая**, но и тавтологической лексемой **клюквенная**, тем самым подчеркивая не только неправдоподобность изображаемого, но также и абсолютную некачественность постановки.

– *«У них какая-то своя прекрасная жизнь, в которую взрослым актерам нужно встраиваться. Другого варианта нет. Весь ноябрь я приноравливался к классу, влезал в каждого человечка, пытался понять, какой манок нужен для каждого молодого актера. Ведь еще **те фрукты** собрались. С детьми всегда сложно. Они устают, они не понимают, что это кино, что это профессия. А у них любовь, какие-то свои проблемы»* (НКРЯ).

Фруктом в русском ментально-лингвистическом пространстве могут называть неизвестного человека, интеллектуальные и морально-нравственные качества которого незнакомы. Глютоним акцентирует внимание на таких характеристиках: что это за человек, какими чертами характера и особенностями поведения обладает, к какой категории людей относится. Ср. фразеологизм «**что за фрукт.** – Прост. Пренебр. Что собой представляет?» (Федоров 1997, Т. 2: 340).

– «Все 10 часов съемки в разных сценах актеру приходилось есть селедку. «Миша, ешь больше и быстро, как будто никогда не ел! Но эстетично! – **кипятился** режиссер Эльер Ишмухамедов и тут же кричал реквизиторам: – Уберите помидоры, не было тогда помидоров!» «Не могу больше селедку с картошкой! Дайте огурца хоть!» – умолял актер» (НКРЯ). В данном контексте используется обозначающий процесс приготовления пищи глагол **кипятить**, который метафорически проецируется на бурное проявление негативных эмоций, резкое выражение недовольства в поведении и речи человека. Ср. фразеологизм «**кипеть ключом** – бурно протекать, проявляться» (Молотков 1978: 36).

Фрейм «Музыка – это пища». В публицистическом дискурсе зафиксирована гастрономическая метафора, связанная с осмыслением понятия сферы музыки «музыкальный альбом» как набор музыкальных импровизаций, композиций: «*Душиноватые поп-баллады Animals и Explorers оценят любители Radiohead. Big Freeze могли бы вписать в свои достижения U2, если бы меньше занимались спасением мира и заодно припахали поиграть на гитаре Брайана Мэя. Добавка в **винегрет** – две песни басиста Криса Волстенхолма, посвященные собственным проблемам с алкоголем. Save Me – почти дрим-поп, а Liquid State – прямой и плоский рок, который не спасает даже замах на что-то большее в припеве*» (НКРЯ); «*После стилевого **винегрета** в наших предыдущих альбомах настоящим экспериментом для меня станет запись ортодоксального рэпа*» (НКРЯ). Альбом в основном является законченным художественным произведением. В приведенных примерах музыкальный альбом ассоциируется с **винегретом** (тоже готовое блюдо) как совокупности, смешения чего-то разнородного, разнообразного.

«*В первом отделении никаких острых тем не поднималось и публика спокойно **вкушала** ожидаемую порцию японской музыкальной экзотики. В начале – три народные японские песни в исполнении хора, затем – четыре эффектных композиции для барабанов (труппа «Вадацуми»), сопровождаемые выразительными криками, движениями и жонглированием палочками*» (НКРЯ). Согласно этимологическим словарям, русские слова **еда, вкус, вкусный, кушать** восходит к древнейшему

корню *ed- «кусать». Так что древняя форма глагола **вкушать (въкушати)** репрезентирует не только материальную, но и духовную сторону жизни человека. Ср. выражение **вкусить / вкушать духовную пищу** – удовлетворить / удовлетворять потребность в нравственном, интеллектуальном, культурном развитии. Как видим, в метафорической реализации образного представления некой сферы-мишени «Искусство» активно используются глаголы, обозначающие процесс поглощения пищи со сферы-источника «Кухня».

Фрейм «Литература – это пища». Несомненно, помимо обычной пищи (пищи телесной) человек нуждается в пище духовной, где литература занимает особое место. Книги обогащают внутренний мир человека, расширяют его кругозор и подпитывают разум. В объективации вышеупомянутого фрейма сферы-мишени «Искусство» (а именно: содержание произведения) используются глутонимы, обозначающие приготовленные блюда, название утвари, вид обработки пищи со сферы-источника «Кухня».

*«Пираты интернетных морей берут на бордаж любую книгу, в том числе детскую. Особенно свирепствуют российские корсары. В результате редкое издательство рискнет выпустить книгу, особенно молодого автора. Но и сами авторы хороши – воспринимая сказку для детей или взрослых (тут она называется мудреным словом «фэнтези») как некий **винегрет**, они бросают **в котел** что попало, думая больше о прибыли, нежели о характерах или морали»* (НКРЯ). Ср. фразеологизм **«голова [котелок] варит»**, где **котелок** является вариантным компонентом фразеологизма (Молотков 1978: 111).

*«В общем, Мураками зачерпнул из той поездки немало. Кстати, после успеха «1Q84» чеховский «Остров Сахалин» на японском был спешно переиздан и буквально взорвал книжные магазины. – То, как в третьей части завершилась любовная линия, вам показалось убедительным? – Да, вполне себе **жареный** катарсис. И в каком-то из смыслов – даже хеппи-эндом можно назвать»* (НКРЯ). Ср. лексему **жареный** – приготовленный жареньем. *Пахнет жареным* – сущ.; также перен.: о чем-н. выгодном, заманчивом, пикантном; разг. неодобр. (Ожегов 2008: 190) и выражение **«жареные факты»** – сведения скандального, сенсационного характера, публикуемые в средствах массовой информации.

Фрейм «Театр – это пища». Безусловно, актеры являются основой любого театра. Их деятельность ассоциируется с определенными понятиями гастрономического кода культуры: *«Мне хочется, чтобы «Ленком» продолжал оставаться живым организмом, неким **ядерным котлом**, где **«закипают» – вызревают – таланты»*** (НКРЯ); Ср. фразеологизм **«кипеть**

ключом – бурно протекать, проявляться» (Молотков 1978: 36). В контексте глутонимы объективируют и место события (театр – **ядерный котел**), и сложный процесс, происходящий в определенном месте развертывания событий (глагол **закипают** репрезентирует начало активной деятельности, а глагол **вызревают** – мастерство артиста, совершенствование его артистической деятельности).

«А гастролей у нас практически не было, **варились** в Питере, и ничто нас не обязывало играть дальше вместе» (НКРЯ); «Не снимайте, пожалуйста, я же попросил! – прервал спектакль артист. – Каждому зрителю интересно, **на какой кухне варится** профессиональный актер. Как из обычного мальчика или девочки вырастает настоящий артист! – объясняет суть спектакля Константин Райкин» (НКРЯ). Глутоним **вариться** эксплицирует процесс пребывания, работы в каких-либо условиях. Ср. фразеологизм «**вариться в собственном соку** – не выходить за пределы своей ограниченной какими-либо узкими интересами жизни» (Молотков 1978: 56).

«Эта постановка – **вегетарианская**, – считает оперный критик Алексей Парин. – В столице сейчас идут куда более «**жареные**» спектакли» (НКРЯ). В реализации метафорического представления сферы-мишени «Искусство» используются глутонимы, обозначающие качественную характеристику пищи со сферы-источника «Кухня».

Осмысленная метафора в контексте пищевой картины мира, П. А. Катышев отметил, что метафоры – это «приправы, раскрывающие вкус тех «продуктов», которые они дополняют. Гастрономические метафоры и их облагораживающий вкус эффект достойны того, чтобы быть узнаваемыми в национальных лингвокультурах» (Катышев 2015: 198).

Таким образом, метафорические образы кухни в искусствоведческом дискурсе свидетельствуют об особенностях национального мировосприятия. Гастрономическая метафора отражает наиболее актуальные тенденции в жизни общества определенного исторического периода, что представляется достаточно перспективным для дальнейшего развития исследований в области фреймовой семантики, особенностей фразеологической метафоризации в различных сферах человеческого бытия.

Литература

Алабутина Ю. В., Шагалова Е. Н., Глинкина Л. А. Новый толковый словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. – М.: АСТ, 2014. – 639 с.

Андрейченко О. И., Стамова Т. В., Щербачук Л. Ф. Гастрономическая метафора в сфере экономики // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума (8-12 июня 2019 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Том 1. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 146-153.

Будаев Э. В. Становление когнитивной метафоры // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 1. – С. 16–32.

Катышев П. А. Облагораживающий вкус метафор. Рецензия на книгу: Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокчетав: Келешек, 2013. 238 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 4. – С. 190-198.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.

Ломакина, О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль : монография. – Москва: РУДН, 2018. – 344 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html> (Дата обращения: 20.10.2021).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – М.: ИТИ Технологии, 2008. – 944 с.

Олянич А. В. Искусствоведческий дискурс // Дискурс-Пи. – Екатеринбург, 2015. – № 2 (19). – С. 160-162.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1978. – 543 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / составитель А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т.1. 391 с. – Т.2. – 396 с.

Kittay E., Lehrer A. Semantic field and the structure of metaphor // Studies in language. № 5. 1981. P. 31-63.

PHRASEOLOGICAL OBJECTIVATION OF GASTRONOMIC METAPHOR IN THE SPHERE OF ART (ON THE MATERIAL OF MODERN PUBLICISTIC DISCOURSE)

L.F. Scherbachuk, O.I. Andreichenko

Abstract. The article analyzes the features of phraseological explication of gastronomic metaphor in the field of art. Based on the material of modern journalistic discourse, the frame structure of the metaphorical model “Art is a kitchen” is considered and described.

Key words: phraseology, gastronomic metaphor, metaphorical model, frame, art, journalism, discourse.

Секция 4. ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЫ И ИХ СТАТУС В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

ОБРАЗ КИТАЯ В РУССКОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская

Россия, г. Тула, Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
istinijobraz@mail.ru; archangelju@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы материалы, иллюстрирующие образ Китая в русской вербальной культуре: в языке (фразеология), фольклоре (детский фольклор), литературе (литературная сказка, русская поэзия XIX–XX веков). Несколько десятков русских фразеологизмов, имеющих отсылки к Китаю, авторы группируют следующим образом: 1) единицы, обозначающие максимальную степень проявления чего-либо; 2) единицы, синонимичные понятиям «плохое», «некачественное» / «хорошо сделанное», «качественное»; 3) единицы, в которых формируется образ Китая как республики, совершившей феноменальный экономический прорыв. В фольклоре и литературе Поднебесная представлена как чудесная, загадочная, странная, сложная для понимания страна. Вместе с тем, как и все чужое, она таит в себе и некоторую опасность. Несмотря на противоречивость образа Поднебесной в русской вербальной культуре, Россия всегда готова к диалогу с Китаем.

Ключевые слова: Китай, образ, русская вербальная культура, фразеология, детский фольклор, литературная сказка, лирика.

Конец XX – начало XXI веков характеризует возрастающий интерес исследователей к категории образа, что обусловлено антропоцентричностью современной науки: на первое место в исследованиях выдвигается человек и характерные для него способы восприятия и переработки информации. Появилась такая новая научная дисциплина, как имагология, изучающая образ «другого», «чужого», инородного для воспринимающего субъекта. Наше исследование предпринято как раз в аспекте работы над проблемой формирования и функционирования образа Китая («чужого» для людей, живущих в России) в русской вербальной культуре.

До настоящего времени в указанном направлении исследовательская работа велась разноаспектно. Образ Китая как страны в сознании европейцев (Гаудалупи 2004), в российском общественном сознании (Лукин 2004), в русской культуре (Кондаков, Красноярова 2017), в русской художественной литературе и публицистике XIX–XX века (Пчелинцева 2005; Лю Ядин 2008; Ши Сяолун 2016; Забияко, Сенина 2019), в русской фразеологии (Абрамова, Архангельская 2019) – вот какие вопросы волнуют современных исследователей.

В настоящей работе предпринята попытка создания целостной характеристики образа Китая в русской вербальной культуре. Это и

является целью данного исследования. Для ее реализации необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать образ Китая в русской языковой картине мира, привлекая фольклорный материал и выявляя новые устойчивые единицы, в том числе те, которые еще не подвергались фразеографированию; 2) обобщить представления о Китае, отраженные в русской художественной прозе и поэзии, литературе для детей.

Китай давно и прочно вошел в русскую языковую картину мира не только благодаря необходимости обозначать заимствованные артефакты (*китайский зонтик, китайский фонарик, китайская тушь* и др.). В русском языке существует не один десяток устойчивых выражений, в которых закреплены определенные образы, отсылающие к Поднебесной. Так, говоря о чем-то непонятном, мы используем идиому *китайская грамота*, непреодолимую преграду называем *китайской стеной*, излишние проявления вежливости именуем *китайскими церемониями*. Самодовольный, напыщенный человек в русской вербальной картине мира – это *китайский болванчик*, угроза, которая никогда не будет приведена в исполнение, – *последнее китайское предупреждение*, а проявленное в максимальной степени терпение – *китайское терпение*. Возникновение всех приведенных нами устойчивых выражений культурно и исторически обусловлено (подробнее об этом см. в: Абрамова, Архангельская 2019).

Примечательно, что отсылки к Китаю присутствуют во многих сленговых и разговорных выражениях: *китайским шпионом* называют подозрительного человека, а также излишне бдительного родителя (в речи подростков) (Елистратов 2010: 174); внешний вид человека, накануне предававшегося обильным возлияниям, характеризуют как *утро в китайской деревне* или *утро китайского пчеловода*; в жаргоне проводников существует выражение *задвинуть (загнуть, скинуть) китайку кому-либо*, т.е. выдать пассажиру нестираное белье (ср. *получить белье из китайской прачечной* – получить в поезде нестираное белье) (Елистратов 2010: 174, 308); нелегальный производитель некачественной китайской техники в сленге именуется *дядюшкой / дядей Ляо*; очень крепкие сигареты, экспортировавшиеся во времена перестройки из Китая, шутники называли *носками Шаолия*.

Нередко компоненты *Китай, китайский, китаец* входят в состав сравнительных конструкций, приобретая эталонное значение: *как до Китая; как до Китая (Пекина) раком* (очень далеко или долго), *как до китайской Пасхи* (никогда), *как сто китайцев* (очень сильно).

Нами было отмечено, что русские устойчивые единицы, имеющие отсылки к Китаю, можно разделить на две группы:

1) выражения, включающие сему «очень», обозначающие максимальную степень проявления чего-либо; 2) выражения, синонимичные понятиям «плохое», «некачественное» / «хорошо сделанное», «качественное». Первая группа формировалась в течение долгого времени (начиная с XVII века), отражая представление русских людей о загадочной и непостижимой китайской культуре. Вторую группу составили относительно новые выражения, зафиксированные словарями в конце XX – начале XXI века. Их появление обусловили изменившиеся социокультурные и экономические условия, в частности наводнение российского рынка дешевыми и часто некачественными китайскими товарами в постперестроечное время (см. об этом подробнее в: Абрамова, Архангельская 2019). С другой стороны, когда говорящий хочет подчеркнуть, что некая продукция китайского производства сделана хорошо, качественно (подразумевается: в отличие от многих других китайских товаров), в современном русском языке употребляется фразеологическая единица *фабричный Китай*. Например: «Имитация, оригинал или “*фабричный Китай*”?» (Смешек 2016); «*Фабричный Китай* на Алиэкспресс – качество и невысокие цены» (Сазонова 2020). Выражение используется часто в рекламных целях на сайтах интернет-магазинов (Аликэспресс, OTRF.RU и др.), где даже есть специальные рубрики под соответствующим названием.

Если продолжить анализировать современные дискурсы, можно выявить и третью группу. В сознании русского человека уже достаточно давно формируется образ нового Китая – быстро развивающейся страны, характеризующейся удивительными техническими и экономическими достижениями, прорывами во многих областях. Этот образ поддерживается несколькими новыми русскими устойчивыми единицами: *китайский феномен*, *китайское экономическое чудо*. Выражения *китайский феномен* и *китайское экономическое чудо* близки друг другу по значению. Их используют, когда хотят подчеркнуть впечатлившее весь мир бурное развитие КНР во многих областях жизни, за последнее десятилетие сделавшее страну одной из передовых на планете: беспрецедентные темпы экономического роста, наращивание производственных мощностей, формирование национального среднего класса. Например: «Новые медиа: позиционирование и специфика *китайского феномена*» (Цзя Фань 2019); «*Китайский феномен*» (Дубровская 2008); «*Китайское “экономическое чудо”*: может ли оно быть “скопировано” Россией» (Харалужный 2020); «Почему *китайскому экономическому чуду* нужна перезагрузка» (Кириллов 2018). В большинстве случаев эти устойчивые единицы используются в заголовках различных публицистических жанров в СМИ.

В 2020 году Китай стал символом охватившей мир пандемии коронавируса. Язык как подвижная и чутко реагирующая на

экстралингвистические факторы система отразил и этот момент. В недавно изданном «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» зафиксированы такие устойчивые выражения, как *китайский вирус, китайский коронавир, китайский коронавирус, китайская чума, уханьский вирус, уханьская чума* (Словарь 2021: 37, 80). Появились шуточные выражения, нередко являющиеся переделками известных крылатых фраз: *Когда Китай чихает, весь мир заболевает; бойтесь китайцев, дары приносящих; Все дороги ведут в Ухань; китайская фигня, уйди от меня (обойди стороной меня)* и др. (см. об этом подробнее в: Абрамова, Архангельская 2021).

Отсылки к Китаю присутствуют в русском детском фольклоре. В играх используется считалка: *Опа, опа, / Америка, Европа, / Индия, Китай, / А ну-ка вылетай*. В словаре В.В. Химики зафиксирована дразнилка: *Ехали китайцы, потеряли яйца* (Химик 2004: 257). Широко известна скороговорка: *Жили-были три китайца: Як, Як-Ци-Драк, Як-Ци-Драк-Ци-Дрони. Жили-были три китайки: Цыпа, Цыпа-Дрипа, Цыпа-Дрипа-Лимпомпони. Вот они переженились: Як на Цыпе, Як-Ци-Драк на Цыпе-Дрипе, Як-Ци-Драк-Ци-Дрони на Цыпе-Дрипе-Лимпомпони*. В данной скороговорке обыгрываются сложные для восприятия русского человека способы создания собственных имен в китайской культуре.

Появляется Китай и в русской детской литературе. Небольшой обзор произведений для детей и подростков, в которых создан образ Поднебесной, сделан в статье М.А. Литовской и Ч. Яо (Литовская, Яо 2014). Это рассказы Л.Н. Толстого («Китайская царица Силянчи»), М.А. Булгакова («Китайская история»), Б.С. Житкова («Урок географии»), повесть В.В. Иванова («Бронепоезд 14-69»), сборники О.М. Гурьян («Рассказы Мей Лин») и С.Г. Георгиева («Запах миндаля»). Можем дополнить этот список произведениями С.Г. Козлова. В его сказках «Великий китайский поэт» (Козлов 2005: 19) и «В гостях у собаки» (Козлов 2005: 21) тоже создан образ Китая. Поднебесная настолько необычна, волшебна, иллюзорна, что возникает у главных героев – Ежика и Медвежонка – только в воображении или появляется во сне. Персонажи Козлова рисуют Китай, визуализируя стереотипные представления об этой стране и свои собственные фантазии (река Янцзы, джонка, луна, пальма, обезьяна, китаец). Ежик и Медвежонок цитируют стихотворение «великого китайского поэта» о дожде, который, как цапля, ходит по тростниковой крыше. Во сне герои посещают китайскую Собаку, видят китайскую Мышку и своих двойников – китайских Ежика и Медвежонка. Все иностранные звери говорят с акцентом, кланяются, улыбаются, показывают гостям дом и сад, предлагают выпить чаю за низеньким столиком. В сказках С.Г. Козлова представлен диалог между двумя странами. Чужое в нем не отвергается, а делается частью своего.

Мы предполагаем, что благодаря детской литературе образ Китая формируется у представителя русской нации еще в юном возрасте и в некоторой степени этим обусловлен отбор представлений о Поднебесной у взрослого человека.

Многогранный образ Китая создан в русской лирике. Его сопровождают цветовые эпитеты «желтый» и «золотой»: «*И вот мне приснилось, что сердце мое не болит, / Оно – колокольчик фарфоровый в **желтом** Китае*» (Н. Гумилев. Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец, 1911, НКРЯ); «*В стакане стынет золотистый чай, / Чаинка видит **золотой** Китай*» (И.В. Чиннов. В стакане стынет золотистый чай, 1950, НКРЯ). Культурными символами Китая в русской лирике, как и в русской языковой картине мира, являются рис: «***Рис**, питай / Китай*» (С.М. Третьяков. Стены, 1924, НКРЯ), чай («*Отсюда за морем – / Китай <...> Родина **чая***» (В.В. Маяковский, Прочти и катуй в Париж и в Китай, 1927, НКРЯ), фарфор: «*Китай **фарфора** не дарит*» (А.С. Хомяков. Послание к другу, 1822, НКРЯ), шелк: «*Китай **шелка** ему подносит*» (Н. Заболоцкий. Движущиеся повозки монголов, 1958, НКРЯ). Образ Китая в русской лирике – это образ, поддержанный культурным символом Стены – нерушимой преграды, определяющей незыблемость страны в целом: «*У Китая много тяжелых стен / Цапаят небо зубами за кожу*» (С.М. Третьяков. Стены, 1924, НКРЯ). Эта незыблемость оборачивается косностью, неспособностью к жизненно важным изменениям: «*Вот он, Китай, этот буйвол тяжелый, / В теплой тряпине уснувший до срока*» (М. Волин. Стихи о Китае, 1987, НКРЯ). Как и в русской фразеологии, Китай в лирике может символизировать крайне удаленный локус: «*И встреча с вами дальше, чем Китай*» (Г.В. Иванов. Глядит печаль огромными глазами, 1920, НКРЯ). Подчеркивается в русской лирике экзотичность Китая, непохожесть его культуры на культуру европейскую: «*Она, должно быть, из Китая, / Здесь на нее похожих нет*» (А. Тарковский. Бабочка в госпитальном саду, 1945, НКРЯ). Эта экзотичность часто представляется чем-то волшебным, сказочным, невероятно притягательным, соотносимым с раем, что поддерживается рифмой: «*Китай – рай: Чаинка видит золотой Китай. <...> Блаженный край, ее недолгий рай*» (И.В. Чиннов. В стакане стынет золотистый чай, 1950, НКРЯ), «*И в сумерках сияющий Китай / Мне кажется волшебною игрушкой*» (Г.В. Иванов. Китай, 1912, НКРЯ), «*Прощебечь, моя птичка, мой Толя, / Как чудесен твой детский Китай!*» (Н.А. Клюев. Вспоминаю тебя и не помню, 1929, НКРЯ), «*Я знаю спокойно и просто, / В день, когда я умру, непременно вернусь в Китай*» (В. Перелешин. Издалека, 1953, НКРЯ).

Итак, в русской вербальной культуре Китай представлен чрезвычайно разнообразно и повсеместно. Мы можем обнаружить образ этой страны во фразеологии, фольклоре, литературе. Отсылки к Китаю и китайским реалиям образуют в русской языковой картине мира определенные «сквозные мотивы», как определил это явление А.Д. Шмелев (Шмелев 2009: 14–15), отражают представления русских людей о необычности, загадочности, волшебности, экзотичности Поднебесной империи, древности ее традиций, незыблемости ее границ, а также предприимчивости и смекалке ее жителей. Можем отметить, что образ Китая в русской вербальной культуре подвержен изменениям, поэтому перспективами развития данного исследовательского направления является отслеживание этих имагологических трансформаций во времени и в различных дискурсах.

Литература

Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. От китайской грамоты до дядюшки Ляо: развитие представлений о Китае и китайцах в русской языковой картине мира (на материале лексики и фразеологии) // Болгарская русистика. – 2019. – № 1. – С. 57–69.

Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Инокультурные топонимы, этнонимы и их дериваты в русской лексике и фразеологии: символы, эталоны, стереотипы, лингвокультурные коды (Электронный ресурс) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. – № 1(5). – С. 115–124. – Режим доступа: http://tula-vestnik.ru/pdf/2021/vipusk_5_31_03_21.pdf (дата обращения: 26.07.21).

Дубровская Д. Китайский феномен. – Режим доступа: <https://china-sky.ru/news/interview/dubrovskaya> (дата обращения: 23.07.21).

Гаудалупи, Д. Открытие Китая. Тайны Поднебесной империи. – М.: АСТ, 2004. – 336 с.

Забияко А.А., Сенина Е.В. Образы восприятия Китая и китайцев в советской литературе и публицистике 1920–1940 гг. // Rossica Olomucensia. – Vol. LVIII. Olomouc, 2019. – С. 67–86.

Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 672 с.

Литовская М.А., Яо Ч. Образ Китая в русской литературе для детей и подростков // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте. Екатеринбург, 2014. 2015. – С. 46–48.

Лукин А. Образ Китая в российском общественном сознании // ПОЛИС. – 2004. – № 6. – С. 70–86.

Лю Ядин. Образы китайской культуры в русской прозе 1980–2000-х гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 3. – С. 156–158.

Кириллов А. Почему китайскому экономическому чуду нужна перезагрузка. – Режим доступа: <https://tass.ru/opinions/5345470> (дата обращения: 23.07.21).

Козлов С. Все о Ёжике, Медвежонке, Львенке и Черепахе: Сказки, стихотворения. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 512 с.

Кондаков Б.В., Красноярова А.А. Формирование образа Китая в русской культуре // Диалог культур: Россия и Китай на новом шелковом пути. Пермь:

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2017. – С. 90–100.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 01.09.2021).

Пчелинцева К.Ф. Китай и китайцы в русской прозе 20-х-30-х годов как символ всеобщего культурного непонимания // Серия «Symposium». Конференция «Путь Востока»: Универсализм и партикуляризм в культуре. Выпуск 34 / Материалы VIII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. – С.162–173.

Сазонова Ю. Фабричный Китай на Алиэкспресс: качество и невысокие цены. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e0ebeb6aaad43600ae40f9ec/fabrichnyi-kitai-na-aliekspress-kachestvo-i-nevysokie-ceny-5e2af1ace4fff000ae0b2046> (дата обращения: 26.07.21).

Словарь русского языка коронавирусной эпохи. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.

Смешек Ю. Имитация, оригинал или «фабричный Китай». – Режим доступа: https://vladnews.ru/ev/v1/1965/83190/imitaciya_original (дата обращения: 26.07.21).

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.

Харалужный А. Китайское «экономическое чудо»: может ли оно быть «скопировано» Россией. – Режим доступа: <https://topwar.ru/168897-kitajskoe-jekonomicheskoe-chudo-a-nam-slabo.html> (дата обращения: 23.07.21).

Цзя Фань. Новые медиа: позиционирование и специфика китайского феномена // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 38 (2). – С. 286–294.

Ши Сяолун. Образ Китая и китайцев в произведениях русских путешественников XIX – начала XX века // Вестник ТГГПУ. – 2016. – №4 (46). – С. 280–287.

Шмелев А.Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. – 2009. – № 4. – С. 14–21.

THE IMAGE OF CHINA IN RUSSIAN VERBAL CULTURE

V.I. Abramova, Yu.V. Arkhangelskaya

Abstract. The article provides analysis of materials illustrating the image of China in the Russian verbal culture: in the language (phraseology), folklore (children's folklore), literature (literary tale, Russian poetry of the 19th – 20th centuries). The authors classify several dozens of Russian phraseological units, which refer to China, in the following way: (1) units denoting the maximum degree of manifestation of something; (2) units, which are synonymous with notions “something bad”, “of poor quality” / “well-done”, “of good quality”; (3) units forming the image of China as a country that have made a phenomenal economic breakthrough. The Celestial Empire is represented in the folklore and literature as a wonderful, mysterious, strange, unintelligible country. At the same time, like everything, which is not native, it is fraught with some danger. Despite the contradictory image of China in the Russian verbal culture, Russia is always ready for dialogue with this country.

Keywords: China, image, Russian verbal culture, phraseology, children's folklore, literary tale, lyric poetry.

СЛОВО – ОБРАЗ – КОНЦЕПТ В СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКЕ

Н.С. Болотнова

Россия, г. Томск, Томский государственный педагогический
университет
nsb@tspu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения слова, образа и концепта в разных направлениях современной стилистики: стилистике языка и речи, стилистике текста, функциональной и коммуникативной стилистике, стилистике декодирования, медиастилистике, креативной стилистике. Выявлены общие и различные аспекты исследования связи слова, образа и концепта в разных направлениях стилистики, определены наиболее перспективные направления стилистики в рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы. Особое внимание уделяется изучению слова, образа и концепта в коммуникативной стилистике текста.

Ключевые слова: слово, образ, концепт, современные направления стилистики, коммуникативная стилистика текста.

Изучение связи слова, образа и концепта относится к актуальным проблемам современной русистики. Особый интерес к данным понятиям был стимулирован научной лингвистической парадигмой, которую в разные годы называли социальной (Ю.Н. Караулов), функционально-прагматической, коммуникативной (А.В. Кравченко и др.), антропоцентрической (В.А. Маслова), когнитивной, когнитивно-дискурсивной (Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова и др.).

Современная наука о языке является полипарадигмальной, вместе с тем очевидны новые акценты в лингвистических исследованиях конца 20-го – начала 21-го вв., связанные с акцентом на проблемах взаимосвязи языка, сознания, культуры (Н.Ф. Алефиренко, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.). В этом контексте особое место занимает стилистика как область знания, давно и плодотворно исследующая функционирование языка в разных сферах общения, изучающая язык «по всему разрезу его структуры сразу» (Г.О. Винокур), но в особом аспекте – с точки зрения употребления.

Акцентируя внимание на лингвистических и экстралингвистических факторах общения (целях и задачах, сферах общения и ситуациях, типах мышления, факторе адресата), стилистика изначально была связана со смежными областями знания, отражая экспансионизм (Е.С. Кубрякова) современной научной парадигмы. Теория дискурса, разрабатываемая за рубежом (М. Фуко, Дейк ван, Chafe W. и др.) и популярная в современной русистике, коррелирует с актуальными идеями стилистики и развивает их с учетом современных достижений в смежных областях знания.

Целью статьи является анализ того, как изучаются слово, образ и концепт в разных направлениях современной стилистики. Теоретическая и практическая значимость разработки данной проблемы определяется её связью с проблемой соотношения языка, сознания, культуры и глобальной проблемой понимания – ключевой для гуманитарного знания в целом. Проблема понимания связана с разработкой разных аспектов текстовой деятельности, на основе которой происходит коммуникация. Это определяет особую роль стилистики текста, включая ее различные направления, имеющие антропоцентрическую и коммуникативно-когнитивную направленность.

В отечественной лингвистике значительный вклад в разработку вопросов взаимосвязи слова, образа и концепта внесла Белгородская лингвокультурологическая научная школа проф. Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко 2002; 2009 и др.; Чумак-Жунь 2014; Алефиренко, Голованева, Озерова, Чумак-Жунь 2019 и др.). Учеными внесён значительный вклад в решение актуальных проблем дискурсивной семиологии, метафорического речевого мышления при изучении знаков непрямого наименования, в исследование поэтической функции образных слов, в разработку коммуникативных, когнитивных и прагматических аспектов лингвокультурологического анализа слова и текста.

Проблема взаимосвязи слова, образа и концепта актуальна и для отечественной стилистики. В выделенных В.В. Виноградовым в 50-х гг. направлениях (*стилистика языка, стилистика речи, науки о стилях художественной литературы*) соотношение слова и образа рассматривалось в разных аспектах. В *стилистике языка* этот вопрос освещался при характеристике стилистических ресурсов лексики с учетом особенностей разных функциональных стилей, прежде всего, художественно-беллетристического стиля при использовании тропов и фигур. В *стилистике речи* взаимосвязь слова и образа рассматривалась с учетом жанрово-стилистического и ситуативного варьирования текстов разных стилей. Переход от изучения языка к изучению речи и речевой деятельности как важная особенность современной лингвистики нашла отражение и в стилистике. При этом образной признается любая речь, включающая изобразительно-выразительные средства, связанные с наглядностью, конкретностью, изобразительностью (Копнина, Сковородников 2012: 92).

Особенно детально слово как форма образа традиционно исследовалось в *стилистике художественной литературы* в связи с эстетической функцией используемых авторами лексических средств (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, Д.Н. Шмелев и др.). В последние годы как «расширенный вариант стилистики художественной речи» учеными рассматривается такое

направление, как *креативная стилистика*, в рамках которой в разных сферах общения реализуется «установка на любое речевое творчество» (Купина, Матвеева 2013: 5).

Особый импульс в разработке проблемы взаимосвязи слова и образа с выходом на системную организацию текстов был связан с развитием *функциональной стилистики*, начиная с 60-х гг. XX в. Это одно из наиболее перспективных направлений стилистических исследований, связанное с анализом стилистического узуса, отражающего закономерности функционирования языка в разных сферах общения. В фундаментальных работах М.Н. Кожиной (Кожина 2016) и ученых ее научной школы (М.П. Котюровой, Е.А. Баженовой, Л.Р. Дускаевой, В.А. Салимовского и др.) это нашло воплощение в системно-деятельностном подходе к текстам разных типов и использованным в них языковым средствам. Идеи функциональной стилистики развивались и в рамках других научных стилистических школ: московской (Г.Я. Солганик, Н.И. Клушина, Е.С. Кара-Мурза и др.), саратовской (О.Б. Сиротинина, М.А. Кормилицина, М.Б. Борисова, И.А. Тарасова и др.).

Для изучения связи слова и образа в текстах художественно-беллетристического стиля особого внимания заслуживает разработанная М.Н. Кожиной *концепция художественно-образной речевой конкретизации*, предполагающая изучение различных языковых элементов, находящихся в радиусе образного взаимодействия с рассматриваемым словом в системе текста в соответствии с творческим замыслом автора. С опорой на идеи предшественников: А.М. Пешковского – автора теории общей образности слова в тексте, обусловленной авторским замыслом; Г.О. Винокура, разработавшего теорию внутренней формы художественного слова, обращенного к теме и идее произведения; Б.А. Ларина, выступающего против «клочковатости» анализа при рассмотрении комбинаторных приращений смысла слова в тексте, – М.Н. Кожиной было сформулировано ключевое свойство художественной речи – *художественно-образная речевая конкретизация*, связанное «с "переводом" слова-понятия в слово-образ всеми возможными контекстуальными и иными средствами» (Кожина 1993: 204). По мнению исследователя, образная конкретизация слов связана с «возбуждением читательского воображения» (Там же).

Отметим, что словесную образность и эмоциональность М.Н. Кожина, как и исследователи в области *функциональной лексикологии* и *креативной стилистики*, рассматривают не только применительно к художественным текстам, но и как «черты, сами по себе не являющиеся специфическими, известные и другим сферам общения» (Кожина 1993: 208). В области мотивологии

концепция образности как лексикологической категории была разработана О.И. Блиновой и учеными ее научной школы (Т.А. Демешкиной, Е.А. Юриной, Н.Г. Нестеровой, В.Г. Наумовым и др.). Исследователями рассматривались языковые метафоры – «вторичные косвенные номинации, внутренняя форма у которых семантическую двуплановость выражает семантическим типом мотивированности», и собственно образные слова – «первичные номинации, внутренняя форма которых семантическую двуплановость выражает морфологическим типом мотивированности» (Блинова 2001: 6).

Анализу когнитивных источников образных слов была посвящена статья известного лексиколога Н.А. Лукьяновой: образ определяется исследователем как психический и языковой феномен, а образность – «как свойство экспрессивных языковых единиц» (Лукьянова 2003: 169).

В стилистических исследованиях литературных произведений речь идет об образности особого типа – *художественной*, которая рассматривается как способность слов формировать в сознании читателя на основе общей системы текста *художественные образы* как отражение поэтической картины мира автора.

Появление *стилистики текста* как особого направления в рамках функциональной стилистики было стимулировано в 80-90-е гг. общим коммуникативно-когнитивным вектором развития лингвистики. Прямо или косвенно проблема взаимосвязи слова, образа и концепта освещалась в рамках таких направлений, как *стилистика декодирования*, изучающая различные коды текста (работы М. Риффатера, И.В. Арнольд и др.), и *структурная стилистика*, ориентированная на исследование композиционной организации текста и использованные автором конструктивно-стилистические приемы (В.В. Одинцов, Л.Г. Кайда). Предметом анализа другого стилистического направления – интенсивно развивающейся в последние годы *медиастилистики*, рассматривающей вариативность медиаречи, медиакачества гипертекстов с учетом новых каналов связи и средств речевого воздействия, «была и остается эффективная речевая деятельность в медиа» (Дускаева 2019: 329).

Среди разных аспектов медиастилистики выделены риторико-стилистический, когнитивно-стилистический, жанрово-стилистический, социостилистический (Дускаева 2019: 329). Каждый из них включает анализ лексических ресурсов и их роли в формировании прагматического эффекта и отражении ценностной картины мира (концептосферы) авторов медиатекстов.

Интерес к проблемам коммуникации стимулировал в 90-е гг. XX в. развитие *коммуникативной стилистики художественного текста* как одного из направлений функциональной стилистики.

Коммуникативная стилистика формировалась на стыке со смежными областями знания: функциональной лексикологией, лингвистической прагматикой, психолингвистикой, филологической герменевтикой. Проблема соотношения слова и образа при изучении художественного произведения в 90-е гг. приобрела новое звучание в связи с коммуникативно-деятельностным подходом к тексту и ориентацией на фактор адресата и его вторичную текстовую деятельность, включающую этапы восприятия, интерпретации и понимания текста.

С учетом особой роли лексических средств и их ассоциативных связей в смысловом развертывании текста и опираясь на достижения функциональной лексикологии, психолингвистики, лингвистической прагматики и герменевтики, в коммуникативной стилистике были разработаны теории регулятивности, текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста (Болотнова 1994; 2003; 2001; 2011; 2017). Материалом исследования стали разные типы текстов: художественные, эпистолярные, публицистические, медиатексты (работы И.А. Бабенко, А.В. Болотнова, Н.С. Болотновой, А.В. Громовой, С.М. Карпенко, А.В. Курьянович, О.В. Орловой, И.А. Пушкаревой и др.).

Для работ по данному направлению в аспекте взаимосвязи слова, образа и концепта важно исследование *коммуникативного потенциала слова*. Он определяется как закрепленная в сознании носителей языка благодаря ассоциативности мышления и имеющейся в обществе традиции употребления потенциальная способность слов прямо или косвенно соотноситься с определенными ситуациями общения, передавая «квант» знания о явлениях реального мира или сознания и определенный прагматический заряд (он может быть и нулевым) (Болотнова 2008: 67-68). Коммуникативный потенциал слова зависит от его лингвистических особенностей и экстралингвистической специфики (тематической и ситуативной ориентации, прагматического заряда, имеющейся в социуме традиции употребления). На уровне узуса эти особенности слова как базисной единицы языка, сознания и культуры, отражает его коллективное ассоциативное поле.

Коммуникативный потенциал образного слова, связанный с его смысловой двуплановостью и коннотацией на уровне узуса, может трансформироваться в системе художественного текста, вступая в новые связи и отношения как элемент общей лексической структуры текста. В процессе речемыслительной деятельности, воспринимающей и интерпретирующей текст личности для стимулирования ассоциативно-смыслового развертывания и формирования концептосферы текста, роль лексической структуры текста особенно велика. Сравнение внетекстовых свободных

ассоциаций, стимулированных словом-номинантом концепта, выявленных на основе данных ассоциативных словарей и экспериментов, с актуализированными в тексте прямо или косвенно ассоциатами позволяет судить об особенностях поэтической картины мира автора и коммуникативно-когнитивных особенностях его идиостиля.

Художественный концепт, отраженный в тексте и являющийся элементом поэтической картины мира автора, имеет ассоциативную природу, которая позволяет актуализировать в сознании читателя на основе регулятивных средств текста различные стороны концепта, его «слои»: предметный, понятийный, образный, символический, эмоциональный, идейно-эстетический (ценностный) (Болотнова 2008: 323).

Разработанная в коммуникативной стилистике методика анализа художественного концепта, вербализованного в тексте, включает этапы: выявление текстовых ассоциатов на ключевое слово-номинант концепта на основе связи по сходству, смежности, контрасту; выделение ассоциативных рядов из текстовых ассоциатов и опорных слов; определение текстовых направлений ассоциирования, отражающих разные грани концепта, репрезентированного в тексте; обобщение данных направлений ассоциирования в рамках текстового ассоциативного поля художественного концепта и конкретизацию содержания художественного концепта (Болотнова 2008: 126-127).

Например, в стихотворении Ф.И. Тютчева «Предопределение» (1851–1852) индивидуально-авторское представление о парадоксальном содержании художественного концепта «Любовь», отражающем его многогранную сущность и предопределение на страдания, формируется в сознании читателя на основе обобщения текстового ассоциативного поля данного концепта. Оно включает два актуализированных в стихотворении направления ассоциирования: 1) *любовь – тесный союз двух родственных душ* (ср. текстовые ассоциаты, образующие смысловую текстовую лексическую парадигму: *союз души с душой родной: съединенье, сочетанье, роковое слиянье*); 2) *любовь – противостояние двух сердец с трагическим концом* (на это прямо указывают текстовые ассоциаты: *поединок роковой, в борьбе неравной двух сердец, страдая, грустно млея, изноет, наконец*).

Средствами лексической репрезентации художественного концепта могут быть не только слова, но и текстовые лексические парадигмы, лексические структуры высказываний и блоки высказываний, а также лексическая структура целого текста. Представленная выше методика анализа концепта в его текстовом воплощении актуальна для текстов разных типов, хотя средства и способы репрезентации концепта в разных сферах коммуникации

различны. С использованием образных средств для формирования художественных концептов и концептуальной структуры целого текста связана вариативность его интерпретации. Она зависит не только от регулятивного потенциала текста, включая его лексическую структуру, но и от информационного тезауруса и общей культуры читателя. Этот комплекс вопросов особенно актуален для современной коммуникативной стилистики с учетом нового когнитивно-дискурсивного вектора ее развития и внимания к текстовой деятельности в разных сферах общения.

Подведем итоги. Актуальная для современных направлений русистики проблема взаимосвязи слова, образа и концепта получила особое освещение в разных направлениях стилистики, развивающейся в русле новой лингвистической парадигмы. Если в начале 20 в. в стилистике в центре внимания была взаимосвязь слова и образа, то в конце 20 в. – начале 21 вв. акцентируется внимание на изучении роли слова и образа в формировании концепта и исследовании концептосферы текста и языковой личности, проявляющей себя в текстовой деятельности. В стилистике это связано с формированием *стилистики текста* и ее разных направлений (*стилистики декодирования, структурной стилистики, медиастилистики, коммуникативной стилистики*).

Литература

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры: монография. – М.: Academia, 2002. – 394 с.

Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-дискурсивная парадигма языкового знака // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах / Ставропол. гос. пед. ин-т; под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь, 2009. – Вып. 7. – С. 7–17.

Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс: учебное пособие для магистрантов / Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованева, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жунь. 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 232 с.

Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1997. 2-е изд., испр. и доп. – Томск, 2001. – 312 с.

Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте: монография. – Томск: Изд-во ТГПУ, 1994. – 212 с.

Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3–4. – С. 198–207.

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 384 с.

Дускаева Л.Р. Стилистический анализ в медиастилистике: монография. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 340 с.

Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль: кол. монография / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева и др.; под ред. Н.С. Болотновой. – Томск: ТГПУ, 2001. – 331 с.

Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: кол. монография / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, Е.А. Бакланова и др.; под ред. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. – 492 с.

Копнина Г.А., Сквородников А.П. Выразительные средства языка // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник; под ред. А.П. Сквородникова. – Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. – С. 92–93.

Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. – М.: Изд-во Юрайт, 2013. – 415 с.

Лукиянова, Н.А. Лукиянова Н. А. Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3–4. – С. 169–186.

Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков: монография / И.И. Чумак-Жунь. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 302 с.

Языковая личность и медиасреда: коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия: кол. монография / Н.С. Болотнова, А.В. Болотнов, Н.В. Камнева, А.А. Каширин, А.В. Курьянович. И.А. Пушкарева; под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2017. – 248 с.

WORD – IMAGE – CONCEPT IN MODERN STYLISTICS

N.S. Bolotnova

Abstract. The article points to the problem of word, figure and concept study in different trends of modern stylistics: stylistics of language and speech, stylistics of text, functional and communicative stylistics, stylistics of decoding, media linguistics, creative stylistics. Common and different aspects of study of word, image and concept connection in various trends of stylistics are detected, the most perspective trends of stylistics in the context of modern cognitive and discursive paradigm are defined. High emphasis is placed on study of word, figure and concept in communicative stylistics of text.

Key words: word, figure, concept, modern trends of stylistics, communicative stylistics of text.

КОГНИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗОВОЙ НОМИНАЦИИ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ Б.А. АХМАДУЛИНОЙ)

А.А. Буров

Россия, г. Пятигорск, Пятигорский государственный университет
professorburov@rambler.ru

Г.П. Бурова

Россия, г. Ессентуки, Ставропольский государственный
педагогический институт (филиал)
burova_nauka@mail.ru

Я.А. Фрикке

Россия, г. Ессентуки, Ставропольский государственный
педагогический институт (филиал)
j-frikke@rambler.ru

Аннотация. Материалы содержат наблюдения над когниолингвистической спецификой образования и употребления в

поэтическом тексте фразовых наименований как уникальных речевых аналитических обозначений художественных денотатов. Отмечено, что номинации-дескрипции образуются в тексте средствами сложноподчиненных предложений нерасчлененного типа на основе сочетания коррелята главной части и придаточного. Утверждается, что возникающие предикативные перифразы включаются в описательное обозначение денотатов, денотативных состояний и ситуаций, которое основано на предцировании атрибутивных признаков, с возможным их уточнением в условиях синтаксического контекста фразового наименования. Показано, что подобное раскрытие внутренней формы именования концептов, которые представляют «возможные миры», имеющие ментальную природу, свидетельствует об индивидуально-авторском характере формирования образных представлений как результата интерпретации «экспрессивно-образного и эмотивно-оценочного содержания» изображаемого. Выявлено, что в тексте выдающегося русского художника слова Б.А. Ахмадулиной активно и эффективно употребляются фразовые обозначения, решая целый ряд функционально-прагматических задач и участвуя в создании поэтической образности и в раскрытии тайны имманентной индивидуально ощущаемой в поэтическом наименовании авторской синергии.

Ключевые слова: Б.А. Ахмадулина, поэтическая картина мира, фразовая номинация, дескрипция, денотат, ментальность, синергия.

Поэтическая картина мира как его эстетический образ, по тонкому замечанию Н.Ф. Алефиренко, диалектически отражает взаимодействие трех моментов: 1) индивидуально-авторского моделирования знания о «возможных мирах», которые обладают ментальной природой, и концептах, их представляющих; 2) интерпретационного характера «экспрессивно-образного и эмотивно-оценочного содержания» изображаемого; 3) вербализации языковых образов «знаками вторичной и косвенно-производной номинации» (Алефиренко 2009: 294-295). Эти образы и представляют собой «элементы художественного (поэтического)» сознания, отфильтрованные в идиоэтническом десигнате соответствующего поэтического знака» (там же). Такой подход закладывает основания определения когниолингвистических особенностей употребления языковых средств создания поэтического образа в идиостиле конкретного автора.

Целью настоящей работы является определение специфики участия фразовой номинации (далее – ФН) русского языка в формировании индивидуально ощущаемого языкового образа в лирическом тексте Б.А. Ахмадулиной (Ахмадулина 1998). Фразово-номинационный способ именования как объект нашего исследования связан с употреблением в тексте дескрипционного обозначения денотата, которое выражено придаточным местоименно-соотносительного типа нерасчлененных сложноподчиненных предложений (Максимов 1971), вместе с коррелятом главной части образующим особые формы перифраз

(Буров 1979). Например: *«И вижу день и даже вижу взор, / которым я недвижно и в упор / гляжу на все, на что гляжу сейчас, / что ныне – явь, а будет – память глаз, / на все, что я хвалил и проклинал, / пока любил и слезы проливал»* (Первый день осени).

Поэтическая языковая личность как особый «носитель образного поэтического мышления (миропонимания), специфика которого обусловлена эстетической функцией поэтической речи» (Чумак-Жунь 2014: 31), преломляется в речевой индивидуальности Б.А. Ахмадулиной, одного из самых ярких современных русских поэтов, весьма своеобразно. Эстетическое Еgo проявляется здесь в постоянном поиске и развитии своего субъективного мироощущения: автор не просто диалогичен (Я – Другой), а полифоничен – от гендерной мистификации (двойной идентификации) лирического героя, когда авторская языковая личность представлена мужчиной) до творческой метаморфозы внутреннего диалога (Я – Другой) в полифонических вариациях: Я – перед Другим, Я – мир, Я – время, Я – пространство и др. (Михайлова 2008). Таким образом, по мнению исследователей, реализуется контрапунктное гармоническое мироощущение языковой личности поэта Б.А. Ахмадулиной как самопознание, свидетельствуя о творческом потенциале поэтической синергии автора, который постоянно ищет новые ракурсы художественного общения с миром, и это неизбежно отражается на формировании языковой образности в поэтическом тексте.

Соответственно, научно-исследовательскими задачами, чье решение способствует достижению цели работы, мы считаем определение изобразительно-эстетического потенциала ФН как особого авторского средства именованья и выявления когнитивно-лингвистической специфики языкового образа как эстетической «амальгамы» (Н.Ф. Алефиренко) денотата (денотативного состояния или денотативной ситуации) в поэтическом мировосприятии.

В предлагаемом исследовании используются методы когнитивно-дискурсивного и семиотико-стилистического анализа материала с учетом уже широко апробированного подхода к художественному миру человека как к динамической образно-мотивационной системе формирования и функционирования языковых средств в тексте (Гаспаров 1997: 125), каждое из которых решает определенные конструктивно-эстетические задачи (Тынянов 1977: 272). Вместе с тем мы считаем, что принципиально важным при этом является учет принципа имманентности личностного мировосприятия и авторского права на выбор художественно-изобразительных средств выражения независимой субъективной оценки изображаемого. Только в таком случае мир

предстанет перед реципиентом как художественная правда в ее естественной данности, объяснение которой подвластно лишь Творцу мироздания. Только в этом случае действует великий пушкинский принцип творчества, сформулированный еще в 1836 году:

*Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права... (Пушкин 1980: 381)*

В предлагаемой работе делается попытка осмыслить на когнитивно-лингвистическом уровне предикативные синтаксические наименования, которые уже достаточно изучены в структурно-семантическом и функционально-прагматическом плане (Буров 1979; 2012 и др.). Основной упор сделан на анализе когниолингвистического ракурса ФН как средства создания языкового образа в поэтическом тексте Б.А. Ахмадулиной.

Сравним ряд употреблений ФН: 1. **Жаждешь в душе твоей, в бедном ковчеге, / соединить без утрат и помех / все, что творится при солнце и снеге: / речи, поступки, и солнце, и снег** (Жаждешь узреть – это необходимо...). 2. **Всему дана двойная честь / быть тем и тем: / предмет бывает / тем, что он в самом деле есть, / и тем, что он напоминает** (Гремская колокольня). 3. **Лик. А Художник ищет блика / Бывало ль с Вами то, что с ним? / Порой прекрасное так близко, / а мы зачем-то вдаль глядим** (Город). Во всех приведенных контекстах ФН является расчлененным именованим – дескрипцией кванта авторского знания в виде образного представления о называемом денотате, однако в каждом случае эстетическая роль употребления местоименно-соотносительных перифраз различна. Если в первом примере автор с помощью пространства атрибуции и входящих в него элементов делает образное обобщение ряда объектов (однородные члены), попадающих в поле зрения художника слова и представляющих комплексный объект художественно-эстетического отражения действительности, то во втором – наблюдается динамическое сопоставление двух вариантов дескрипции обобщенного денотата (*предмет*) посредством соотнесения предидицируемых атрибутов его реального и виртуального бытия

(*в самом деле есть – напоминает*). Третий же случай употребления ФН – это дейктический «мостик», отсылающий нас к контексту текстообразующий авторский жест, связывающий воедино полемически антитезные понятия Божественного близкого (*Лик*) и заманчивого и сложного далекого (*блик*); первое – естественное, его нужно просто увидеть, но мы его не замечаем в своем стремлении к далекому, но лишь кажущемуся истинным.

ФН рассматривается нами в диалектическом единстве и взаимодействии трех ипостасей: структурно-семиотической, собственно когнитивной и лингвостилистической (функционально-прагматической).

А. Структурно-семиотическая составляющая характеризует ФН как сложное антропогенное производное номинационно-синтаксического семиозиса сложного именованного – факта номинационного аналитизма, характерного для придаточных местоименно-соотносительного типа нерасчлененных сложноподчиненных предложения. Непременным условием формирования ФН является коррелятно-релятивный блок (*тот, кто; то, что* и их варианты), дейктически скрывающий прямую, первичную номинацию денотата, как важнейшее условие формирования дескрипции денотата. Основной упор при употреблении ФН сделан на предцировании атрибутивного признака (ряда признаков), чей выбор представляется автору наиболее актуальным для выражения индивидуально ощущаемого образного «импульса». Таким образом, семиозис ФН обнажает то, что принято считать внутренней формой наименования, и в данном случае перед нами не единица «лексико-фразеологического сообщества» (Шанский 1997: 79), а речевая синтаксическая номинация как особый номинативный знак, активно включаемый автором в общее полипредикативное поле авторской модальности текста.

ФН представляет собой уникальное речевое средство обозначения, чья внутренняя форма основана на предцировании атрибутики, субъективно выбираемой автором в качестве наиболее актуальной и важной для создания представления о денотате, его языкового образа. Употребление ФН в поэтическом тексте определяется динамическим равновесием а/ общепринятого объективного знания о называемом и б/ субъективного выбора представляющихся значимыми конкретному художнику его денотативных свойств, чему способствует грамматическая форма номинации: на сам денотат набрасывается местоименная «дейктическая вуаль» возникающей перифразы: ***Знает тот, кто в семь дней сотворил / семицветие белого света, / как голодным тщеславьем твоим / клянчишь ты подаяний поэта?*** (Прощание с Крымом). *Я стала жить и долго проживу. – / Но с*

той поры я мукою земною / зову лишь **то, что не воспето мною**, / все прочее — блаженством я зову (Однажды, покачнувшись на краю...). Подобное «вуалирование» за счет местоименных «исходов» дает возможность автору передать представление об обозначаемом описательно денотате, соответствующее его субъективной, индивидуально ощущаемой и имманентной интерпретации внутренней формы называемого. Многое здесь определяется тем, как действует «принцип самой формы... самотождественное различие... <>... оно применимо к отдельно возникшему целому, в котором все подчиненные моменты не тонут и не исчезают, но остаются самими собой» (Лосев 1999б: 634). Формирование и употребления ФН в поэтическом тексте позволяет автору задействовать лексическую номинационную энергию в коммуникативном пространстве дискурса, когда в процессе поиска внутренней формы именованного как «отдельно возникшего целого» вскрываются ресурсы поэтического синтаксиса и рождающихся в нем производных номинационно-синтаксического семиозиса.

Б. Собственно когнитивная составляющая употребления ФН характеризует когнитивный механизм возникновения языкового образа благодаря речевой вербализации определенного ментального знания о денотате поэтической картины мира с помощью предикативной перифразы-описания сложного концепта, осознаваемого на уровне авторского индивидуального ощущения, а потому и представленного субъективно.

Динамическое взаимодействие стихового ряда и синтаксической структуры ФН способствует раскрытию комплексной номинационной семантики денотата в поэтическом тексте, а следовательно, и формированию его языкового образа, вербализуемого описанием и включающего дополнительные семантические оттенки, не только несущие скрытые смыслы, но и являющиеся собственно авторскими «вкраплениями» метатекстового характера.

Поэтический эйдос воплощается как образно-эстетическое знание в тексте в первую очередь благодаря именованию — наделению денотатов именами. Сама гармоническая организация «стихового ряда», с его определенным ритмомелодическим интонационным рисунком, способствует раскрытию природы номинации как именованного. Во ФН как именовании энергия сущности «достигает своего полного определения. <> ...имя и есть расцветшее и созревшее сущее <> Имя — как максимальное напряжение осмысленного бытия вообще — есть также и основание, сила, цель, творчество и подвиг...всей жизни...» (Лосев 1999а: 152 — 153). Поэтический текст Б.А. Ахмадулиной подтверждает, что имя предмета, представляя тематический концепт, выражено

дескрипцией – ФН, в которой обнажена внутренняя форма, вскрывающая атрибутику синергически познаваемого денотата. В самом деле, сравним: *Пластинки глупенькое чудо, / проигрыватель – вздор какой, / и слышно, как невесть откуда, / из недр стесненных, из-под спуда / корней, сопревших трав и хвой, / где закипает перегной, / вздымая пар до небосвода, / нет, глубже мыслимых глубин, / из пекла, где пекут рубин / и начинается природа, – / исторгнут, близится, и вот / донесся бас земли и вод, / которым молвлено протяжно, / как будто вовсе без труда, / так легкомысленно, так важно: «...Дорога, не скажу куда...» / Меж нами так не говорят, / нет у людей такого знанья, / ни вымыслом, ни наугад / **тому** не подыскать названья, / **что мы, в невежестве своем, / строкой бессмертной назовем.** (Строка). Финальная ФН (**тому** не подыскать названья, **что мы...**) в данном лирическом тексте является репрезентантом тематического концепта «Стихотворная строка», утверждающим парадокс Поэзии, которая одновременно синтезирует утверждение торжества жизни как бессмертия и отрицание самой возможности ее познания на уровне доступной человеческой сенсорике наивной картины мира (она представлена некоторыми своими деталями в левом по отношению к ФН тексте). К такому заключению подводит нас автор самой атрибуцией перифразы за счет включения авторского метамодалного маркера «в невежестве своем» и полемической интерференции авторского (дескрипция) и общепринятого (инверсионная риторическая синтагма «**строкой бессмертия**»).*

В. Для лингвостилистической составляющей, которая определяет решение авторских задач употребления ФН в поэтическом тексте Б.А. Ахмадулиной, показательно косвенно-дескрипционное обозначение, позволяющее не только описательно назвать денотат, представив его атрибутику и выразив авторское отношение к нему, но и решить при этом функциональные задачи эвфемистического, полемического, аппроксимационного, текстообразующего, фатического характера (Буров 1979; 2012). В ряде случаев ФН позволяет выразить сугубо авторское, а потому и имманентное видение «экспрессивно-образного и эмотивно-оценочного содержания» (Н.Ф. Алефиренко) поэтического денотата. Здесь, на наш взгляд, важно отметить антропогенный характер ФН как называющего знака, потенциально являющегося единицей, употребление которой выходит за рамки традиционной сосюровской трехмерности (семантика, синтактика и прагматика) на уровень особого – эвристического измерения языка. Так, в частности, В.П. Григорьев говорит «об уверенно назревавшем концептуальном сдвиге к новой парадигме не только в словесном искусстве, но и в лингвистике и филологии – о полном правом

признании необходимого всей культуре (ее практикам и теориям) четвертого, так сказать, всеохватывающего и всепроникающего, *эстетико-эвристического измерения языка*» (Григорьев 2006: 676).

В самом деле, рассмотрим употребление ФН: *Какая связь между теми, кто сейчас / лежит во тьме, насыщенной веками, / и теми, кто заплаканностью глаз / вникает в надпись на могильном камне?* (Стихотворение с пропущенной строкой). Обе употребленные здесь ФН решают функциональные задачи выражения «экспрессивно-образного и эмотивно-оценочного содержания» изображаемых денотатов, репрезентирующих концепты «Смерть» и «Жизнь». Авторская репрезентация глубинных, скрытых смыслов при употреблении ФН напоминает распрямляющуюся когниолингвистическую «пружину», вскрывающую образно-экспрессивный потенциал индивидуально ощущаемой картины мира, что говорит о функционально-прагматической гибкости и динамизме данного способа именованья как средства поэтического самопознания на пути познания действительности. Более того, в авторской поэтической картине мира образный акцент перемещается с самораскрывающегося познающего Его на процесс рождения Творчества как движения на пути к катарсису, когда и автор, и любой реципиент испытывают очищение души, соприкоснувшись с тем, что уже изначально познано и не подвластно никаким интеллектуальным методам познания.

Таким образом, употребление ФН в целях создания языкового образа в поэтическом идиостиле Б.А. Ахмадулиной позволяет автору решить весьма важную художественно-эстетическую задачу: представив, с одной стороны, «национально-культурное видение действительности, смысловое конструирование мира в соответствии с художественной «логикой» построения поэтического текста» (Чумак-Жунь 2014: 33), с другой – утвердить право автора-поэта на самостоятельное субъективное видение мира в его естественной данности и закрепления его «неслыханной простоты» (Б.Л. Пастернак) в «живых» языковых образах. В их поэтической вербализации самое активное участие принимает фразовая номинация – уникальный знак речевого именованья, характеризующийся когниолингвистической спецификой.

Литература

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 344 с.

Ахмадулина Б.А. Избранное. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 448 с.

Буров А.А. Функции субстантивных местоименно-соотносительных придаточных в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 29 с.

- Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке / Под ред. проф. К.Э. Штайн. – Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СГУ, 2012. – 400 с.
- Гаспаров М.Л. Избранные труды в 3 т. Т. II. О стихах. – М.: Языки русской культуры, 1977. – 504 с.
- Григорьев В.П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избр. работы 1958–2000-е годы. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 813 с.
- Лосев А.Ф. (а) Философия имени // Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 29–204.
- Лосев А.Ф. (б) Самое само // Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 423–634.
- Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): автореф. дис. ... д.-ра филол. наук. – М., 1971. – 29 с.
- Михайлова М.С. Поэзия Беллы Ахмадулиной: динамика лирической книги: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Красноярск, 2008. – 21 с.
- Пушкин А.С. (Из Пиндемонти) // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. – М.: ХЛ, 1974. – С. 381.
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 674 с.
- Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка // Вавилон: Вестник молодой литературы. – 1993. – 2 (18). – М.: АРГО-РИСК, 1993. – С. 86–90.
- Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 302 с.
- Шанский Н. М. О национально маркированной номинации в русском языке/ Н.М. Шанский. Т.А. Боброва // Русский язык в школе. – 1997. – № 6. – С. 79–83.

**COGNIO-LINGUISTIC FEATURES
OF PHASE NOMINATION AS A MEANS OF CREATING A LANGUAGE
IMAGE IN THE POETIC WORLD (A CASE STUDY OF THE LYRICS
BY B.A. AKHMADULINA)**

A.A. Burov, G.P. Burova, Y.A. Frikke

Abstract. The materials contain observations on the cognio-linguistic specifics of forming and functioning of phrasal names in a poetic text as unique analytical speech designations of artistic denotations. It is noted that nominations-descriptions are formed in the text by means of complex sentences of an undivided type on the basis of a combination of the correlates of the main and the subordinate clauses. It is approved that the emerging predicative paraphrases are included in the descriptive designation of denotations, denotative states and situations, which is based on the predication of attributive features, with their possible clarification in the syntactic context of the phrasal name. It is shown that such a disclosure of the internal form of naming concepts that represent “possible worlds” having a mental nature, testifies to the individual author’s nature of the formation of figurative representations as a result of the interpretation of the “expressive-figurative and emotive-evaluative content” of the depicted. It was revealed that the outstanding Russian artis of words, B.A. Akhmadulina, in her texts actively and effectively uses phrasal designations, solving a number of functional and pragmatic tasks and participating in the creation of poetic imagery and in revealing the secret of the author’s synergy, which is immanent, individually felt in the poetic name.

Key words: B.A. Akhmadulina, poetic world view, phrasal nomination, description, denotation, mentality, synergy.

ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЛИГИОНИМА *КРЕСТ* В ПОЭЗИИ Т. ОЛЕЙНИКОВОЙ

Н.М. Голева, Э.М. Левина, Е.М. Якимова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

goleva@bsu.edu.ru

elevina@bsu.edu.ru

chernikova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается способность религионима концептуализировать действительность и выступать в качестве языкового образа. Авторами проанализировано использование религионима *крест* как структурного и культурологически значимого элемента поэтического пространства. В процессе лингвокреативной деятельности автора и читателя религионим *крест* испытывает семантические преобразования, приобретает новые образные смыслы, способствует смысловому обогащению и образности поэтического текста. На основе изучения религионимов установлено, что семантические и выразительные возможности религионима *крест* позволяют автору вербализовать идейно сопряжённые концепты «Духовность» и «Любовь».

Ключевые слова: религионим; языковая картина мира; дискурс; поэтический текст; языковой образ; концепт.

Интерес к изучению религионимов в последние три десятилетия связан с отменой конфессиональных запретов, с появлением в активном словарном запасе большого количества православных лексем, с рассмотрением ментальных особенностей образов религиозной тематики.

Проблематика настоящего исследования обусловлена, во-первых, полисемантической и многоаспектностью термина *образ*, во-вторых, исследованием лексем-образов религиозного характера в творчестве белгородских авторов, в-третьих, выявлением специфики образных средств в интерпретации образа-религионима.

Доминантой в образном представлении окружающей действительности является лексема-полисемант *образ*. На промежуточное положение образа между «языковым сообщением, создаваемым из различных частиц языковой формы, с одной стороны, и мыслью, воплощаемой в этом сообщении, – с другой» указывает Б.М. Гаспаров (Гаспаров 1996: 288). Интересный, яркий образ создается не отдельным словом, а комбинацией слов, их связью. Посредством пучков образов создается определённое впечатление, которое погружает в другую действительность, описанную, например, художником слова.

Проблемой современной когнитивной лингвистики И.А. Стернин считает проблему «соотношения образно-чувственного и рационального в сознании» (Стернин 2015: 5); отмечая, что «постепенно чувственный образ обогащается и обобщается – по мере

расширения опыта восприятия и познания действительности человеком, к нему присоединяются рефлексивные признаки, знания, отражающие рациональное, рефлексивное познание предмета концептуализации...» (Стернин 2015: 229).

Сентенции исследователей на анализируемое понятие, его особенности разнообразны: Аллан Пайвио считает, что и вербальные, и невербальные явления обрабатываются как системой образов, так и языковой системой (Paivio 1986), Н.Д. Аругюнова причисляет образ, как целостный семиотический концепт, к категориям сознания; это, по мнению исследователя, результат наглядного обобщения; образ формируется под влиянием «субъективных склонностей, интересов и идеалов индивида» (Аругюнова 1999: 314-320). «Образ как форма отражения воспринимаемых вещей и явлений представляет действительность в виде целостной картины, хотя не все её детали обязательно явно выражены. Чаще всего угадываемый смысл целого заставляет воображение «дорисовывать» недостающие черты так, что человек и не подозревает об этих дополнительных усилиях психики» (Алефиренко 2020: 235).

Считаем правомерным указать не только на различные точки зрения в определении понятия *образ*, а также в дифференциации понятий *художественный образ*, *языковой образ*, *социокультурный образ*, *религиозный образ*, *образность*.

Художественный образ представляет собой искусствоведческую категорию, является составляющей художественной формы; он позволяет выражать и интерпретировать действительность посредством образных средств. Литературоведческие и лингвистические научные изыскания о понятии *художественный образ* отражены, например, в работах А.А. Потебни, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Е.Б. Борисовой и др. учёных и не имеют однозначной трактовки.

Феномен языкового образа исследован и описан в трудах учёных Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко 2020), А. Вежбицкой (Wierzbicka 1992), Б.М. Гаспарова (Гаспаров 1996), В.А. Масловой (Маслова 2016), Е.А. Юриной (Юрина 2005) и др., в которых он интерпретируется как результат наглядного обобщения и отбора культурно значимых событий и ситуаций.

Литературоведы при определении понятия *образ* прежде всего обращаются к содержательной стороне этого феномена, рассматривают его в качестве обобщённых картин окружающего мира. Лингвисты опираются на языковую сущность образа.

Социокультурный образ – это инструмент познания социальных явлений, предназначен для описания и анализа социокультурных аспектов жизни, связан с личностью и её ценностными ориентирами.

Религиозный образ вызывает у человека различные чувства, поскольку является объектом эмоционально значимым; определяет индивидуальность мировоззрения, способствует формированию ценностных ориентиров, помогает выбрать моральные каноны.

Резюмируя представленные точки зрения на природу понятия *образ*, приходим к выводу, что искомая категория имеет длительную историю развития, представляет собой междисциплинарный феномен, который пристально изучают не только филологи, но и философы, психологи, физиологи, представители риторических школ.

Цель исследования – описать функционирование религионима *крест* как средства создания и выражения языкового образа в поэтическом творчестве Татьяны Олейниковой. Достижение названной цели предполагает решение следующих **задач**: а) выявить контексты, включающие религионим *крест*; б) проанализировать особенности авторского употребления религионима *крест* в поэтическом тексте; в) определить систему вторичного словоупотребления образа-религионима от слова к устойчивому словосочетанию; г) определить роль образа-религионима *крест* в вербализации концепта ДУХОВНОСТЬ.

Для номинации того или иного объекта религиозного мира используются лексемы, имеющие несколько значений и изначально обладающие семантическим потенциалом. Рассмотрим функционирование неоднократно зафиксированного в поэтическом пространстве религионима *крест*.

Прямое значение лексемы *крест* представлено в словаре следующим образом: «крест – предмет христианского культа, представляющий собою длинный вертикальный стержень, пересечённый у верхнего конца перекладиной (по евангельскому преданию на кресте из двух брёвен был распят Иисус Христос)» (Словарь Ушакова). В стихотворении Т. Олейниковой «Анна» религионим *крест* используется в нарративном контексте не только для описания конкретного действия, но и для выражения эмоционального состояния лирической героини, её отношения к возлюбленному: «Анна Григорьевна, Анна // **Крест золотой, крестильный, Снимет** безмолвно. И тихо // Глянет в его глаза (2007: 308). В христианской религии нательный крест является обязательным предметом культа, который носит крещёный человек; крест не принято снимать, поскольку он является одним из главных символов христианства. Словосочетание *снять крест* в приведённом контексте актуализирует потенциальное, дискурсивно обусловленное значение 'отказаться от чего-либо особенно значимого, дорогого ради любимого человека'. В поэтическом пространстве семантический потенциал лексемы *крест* (а также словосочетания *снять крест*) способствует идейному и смысловому

обогащению контекста. Благодаря появлению нового контекстуально обусловленного смысла на основе существующего денотативного значения в контексте метафорически вербализуются близкие в культурологическом отношении концепты ДУХОВНОСТЬ и ЛЮБОВЬ.

Устойчивое словосочетание *снять (снимать) крест* может служить образному описанию духовного мира лирического героя: *Здесь, в этом омуте, – он знал – // Ему хмельному быть. // А крест он всё-таки снимал, // Чтоб душу не губить* (2007: 233). В контексте представлен образ человека без креста, сделавшего осознанный нравственный выбор и отказавшегося от религиозных ценностей. Религиозным крест приобретает в контексте дополнительную сему 'предмет христианского культа, ношение которого предполагает обязательное соблюдение религиозных правил, христианских заповедей', ср. выражение: креста нет на ком – восклицание о бессовестном, жестоком человеке (Словарь Ушакова). Таким образом, в поэтическом пространстве религиозным крест может генерировать новые образные смыслы, которые актуализируются в сознании читателя благодаря пресуппозиции и фоновым культурологическим знаниям.

В христианстве крест является основой символического молитвенного жеста правой рукой, что представлено в языке выражениями *осенить крестом, перекреститься широким крестом*. В указанном значении лексема также употребляется в стихотворениях Татьяны Олейниковой: *Встречая день, // Дрожащая рука // Положит крест. И будет много света* (2007: 214). В контексте представлено авторское образное восприятие действительности: крестное знамение, будучи символом христианской веры, репрезентируется как несущее свет: *и будет много света; добро, радость: И серебро седин // У старика, // Играючи, взъерошит // Свежий ветер* (2007: 214). Метонимический перенос (*рука положит крест*) позволяет автору акцентировать внимание читателя не на субъекте действия, а на жесте, который символизирует христианскую веру. Посредством созданного в стихотворении образа (крестного знамения) в совокупности с другими образами (например, колокольный звон) вербализуется концепт ДУХОВНОСТЬ, который отражает фрагмент авторской религиозной картины мира.

В стихотворении «Молитва» Татьяна Олейникова дважды обращается к лексеме *крест*, которая употреблена в составе устойчивых выражений в переносном значении – «тяжёлая судьба, страдание, испытания» (Словарь Ушакова). В начале стихотворения *крест* находится в ряду однородных понятий, обозначающих тяжёлые испытания, и в целом отражает авторское восприятие действительности: *Есть кровь и боль последнего урока, // Есть*

тяжесть слёз, доноса и **креста** (2007: 10). Далее автор использует императивную форму устойчивого выражения *нести крест*, которая выполняет функцию призыва: *Душе своей отчаяться не дай, – // Пусть будет больно. Ты **беспрекословно** // Неси свой крест. Пусть тёмная вода // Покроет всё окрест, поднимет волны – // И – круг за кругом...* (2007: 10). Авторское мировоззрение в целом опирается на христианское учение, согласно которому нести крест нужно без роптания, со смирением.

В стихотворении «Татьянин день» представлено не только христианское принятие своей тяжёлой судьбы, но и индивидуально-авторское позитивное восприятие испытаний: *Душа моя, ты оглянись окрест. // Поёт ли мне вдогонку жгучий ветер? // **Несу свой тяжкий, свой бесценный крест** // Я – самая богатая на свете!* (2007: 115). Лексема *крест* сохраняет словарное значение, однако в контексте дополняется новыми индивидуально-авторскими смыслами, что выражается лексемами с положительной семантикой: *бесценный, богатая*. Таким образом, словоформа *крест*, приобретая новые смыслы, преобразуется в языковой образ. Неоднократное использование религионима *крест* в качестве средства создания и выражения языкового образа говорит о его значимости в религиозной картине мира автора, о богатом потенциале для вербализации концептов.

Для концептуализации действительности автор продуктивно использует семантический потенциал религионима *крест*: в тексте представлено как общеязыковое употребление религионима, так и индивидуально-авторское, которое создаёт условия для возникновения дополнительных образных смыслов и функционирования словоформы в качестве языкового образа. Благодаря семантическим возможностям (прямому и переносному значению, актуализации сем в структуре словоформы), потенциально многомерному смысловому содержанию религионим *крест* может выступать как языковой образ и репрезентатор концепта ДУХОВНОСТЬ. Религиозно отмеченной в рамках поэтической картины мира оказывается не только вербализация концепта ДУХОВНОСТЬ, но и вербализация идейно сопряженного в поэтическом творчестве Т. Олейниковой концепта ЛЮБОВЬ. Такое сопряжение, во-первых, отражает особенности индивидуально-авторской религиозной картины мира; во-вторых, обогащает поэтический текст новыми смыслами и ассоциациями, в-третьих, способствует выразительности.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – Москва: Флинта, 2020. – 288 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 01.09.2021).

Маслова В.А. Поэтический текст: новые подходы и решения: учебное пособие / В.А. Маслова. – Москва: Флинта: Наука, 2016. – 320 с.

Олейникова Т.И. Провинциальный город: избранная лирика / Т.И. Олейникова. – Белгород: КОНСТАНТА, 2007. – 432 с.

Стернин И.А., Розенфельд, М.Я. Слово и образ: монография / И.А. Стернин, М.Я. Розенфельд – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 398 с.

Юрина Е.А. Образный строй языка: монография // Е.А. Юрина. – Томск, 2005. – 156 с.

Paivio A. Mental representations. A dual coding approach. – New York: Oxford University Press; Oxford [Oxfordshire] : Clarendon Press, 1986. – Режим доступа: <https://www.worldcat.org/title/mental-representations-a-dual-coding-approach/oclc/12369822#borrow> (дата обращения: 01.09.2021).

Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Cultural-specific Configuration. -N.Y.; Oxford University Press., 1992. – 487 p.

IMAGE POTENTIAL OF RELIGION NAMING CROSS IN THE POETRY OF T. OLEYNIKOVA

N.M. Goleva, E.M. Levina, E.M. Yakimova

Abstract. The article examines the ability of a religious namings to conceptualize reality and act as a language image. The authors analyze the use of the religious name “cross” as a structural and culturally significant element of poetic space. In the process of the author’s and reader’s linguocreative activity, the religious name “cross” undergoes semantic transformations, acquires new figurative meanings, contributes to the enrichment and imagery of the poetic text. On the basis of the study of religious names, it has been established that the semantic and expressive capabilities of the religious name “cross” allow to verbalize the ideologically conjugated concepts “Spirituality” and “Love”.

Key words: religious naming; linguistic world view; discourse; poetic text; linguistic image; concept.

РЕАЛЬНОСТЬ И АБСУРДНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗОВ ДАНИИЛА ХАРМСА

Л.Г. Золотых

Китай, г. Чэнду, Сычуаньский университет
zolotyhlhg@yandex.ru

Ху Цзэнли

Китай, г. Чэнду, Сычуаньский университет
allaxy@icloud.com

О.Ю. Космачева

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
olga_ast@list.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема реальности и абсурдности языковых образов (ЯО) цикла «Случаи» Даниила Хармса как

семиологической интерпретации действительности. Особое внимание уделено перспективности литературоведческих интерпретаций образов в центре абсурдных событий, представленных Хармсом, для лингвистических исследований в аспекте когнитивно-семиологического анализа ЯО. В статье на примере сравнительно-сопоставительного анализа ЯО представлен как результат субъективной интерпретации на языке оригинала (текста на русском языке) и перевода на китайском языке (переводчик Чжан Мэн). Основное внимание в работе авторы акцентируют на уникальности ЯО Хармса, весьма сложных для переводчика необычностью персонажей и речевой бессвязностью. Отмечено, что семиологическая интерпретация действительности способствует выявлению национально-культурной специфики языкового образа в сравнительно-сопоставительных исследованиях и имеет практическую значимость для выделения лингвокультурных особенностей в практике перевода.

Ключевые слова: цикл «Случай»; абсурд; языковой образ; семиологический анализ; оригинальный текст; перевод.

Научно-методологическое обоснование в трудах Н.Ф. Алефиренко когнитивно-семиологического подхода, где «в центре внимания находятся человек как интерпретатор результатов мыслительного отражения действительности и центр лингвосемиозиса» (Алефиренко 2006: 108), определило векторы интегрированного исследования дискурса как сложного коммуникативно-когнитивного события. Концепция дискурсивного события определена значимостью бесконечного и нерасчлененного потока дискурсивного сознания.

Вектор настоящего исследования трансформаций событий в создании реальных и абсурдных языковых образов (далее ЯО) Даниилом Хармсом определен дискурсивной деятельностью, структурированной из представлений, воспоминаний, переживаний автора. Оригинальное видение творчества Даниила Хармса объясняется сравнительно недавней возможностью полномасштабного знакомства с его произведениями. Определяется направление в исследовании абсурдной эстетики ОБЭРИУ и Хармса (А.А. Кобринский, Д.В. Токарев, В.Н. Сажин, В.С. Воронин, Я. Шенкман, И.Ю. Малыгина). В этом аспекте следует также отметить труды китайских исследователей: Ван Цзунху аргументирует основу абсурдной поэтики ОБЭРИУ «отсутствием логической последовательности повествования и сюжета» (Ван Цзунху 2011: 64). Жун Цзе, представляя основную творческую концепцию ОБЭРИУ, отмечает «использование абсурдных концепций и методов для построения новой реальности» (Жун Цзе 2017: 52).

Необычность типа сознания Хармса так не свойственна «для традиционной литературы, которая преобладала и преобладает, что его сочинения при первом знакомстве способны вызвать легкий шок, ощущение неуютности» (Шенкман 1998), что, с одной стороны, объясняет выход первого полного сборника произведений Даниила

Хармса на китайском языке только в 2016 г., а с другой – утверждает расширение интереса к субъективной интерпретации действительности Д. Хармсом.

Языковые образы, которые во многом определяются способностью «когниций подвергаться в языковом сознании “переплавке”, переосмыслению и обобщению» (Алефиренко 2016: 119), в частности ЯО цикла «Случай» Даниила Хармса, возможно представить как семиологическую интерпретацию действительности, так как ЯО, в отличие от реалий не может быть зеркальным отражением мира, – он всегда результат субъективной интерпретации на языке оригинала (текста на русском языке) и перевода (текста на иностранном языке).

Интерес литературоведов в конце XX века к абсурду как художественному приему Хармса, результатом которого стало кардинальное изменение привычных, ассоциативных связей, репрезентирующих многообразные национальные речемыслительные практики и этнокультурные ценностные отношения в их традиционном понимании, соответствует не только выяснению логической проблемы беспредметности литературного вымысла. Одним из векторов перспективного исследования в изучении ЯО является параллельный интерес российских и китайских литературоведов к символике иероглифа в творчестве Д. Хармса (Рымарь 2005; Шэнь 2019; Гао 2021). Расширяются границы понятия «абсурд» посредством использования автором примитивистского гротеска, иронии и пародирования и представления абсурдного образа в реалистическом контексте (И.Ю. Малыгина, А.В. Бутова). Интеграция в малой прозе Хармса авторских стратегий изображения и восприятия мира направлена в диссертации Е.В. Захарова на исследование сенсорной картины, образы которой являются по сути знаками, выделяющими границу и формы противоречия познаваемого мира и иного мира. (Захаров 2008: 22).

Неизученность идиостиля Д. Хармса в лингвистическом аспекте отмечена в диссертации Л.М. Ахметзяновой, где представлено исследование антропонимов как функционально-семантических знаков, символов, репрезентирующих индивидуально-авторские особенности употребления онимов (Ахметзянова 2009).

Практическую значимость современных исследований определил в своей диссертации Шэнь Ян, выделяя одну из актуальных задач перевода оригинальных текстов Хармса на китайский язык. Исследователь обосновал возможность использования терминов, образов, лексики, сопряженных «в китайской словесности с классическими философскими текстами» (Шэнь 2019: 3-4).

Современные разработки продолжают преодоление магического влияния Хармса на исследователей «парадоксальности устройства его художественного мира» для проникновения «в его внутренние и драматичные законы» (Сажин 1992: 234). Восприятие творчества Хармса как одного из «чудаков», «мистификаторов» ОБЭРИУ претерпело значительные трансформации. Это можно проследить в утверждении современными исследованиями Хармса сочетаемости несочетаемого как «его философско-эстетического метода, принципа творения художественной реальности» (Малыгина 2008: 3).

Уникальность ЯО выявляется в сопоставительных исследованиях, которые, например, предшествуют китайским переводам текстов Хармса, весьма сложных для переводчика необычностью образов и речевой бессвязностью, «радикальным экспериментом с языком – заумью» (Гао 2021: 302-303). Ошибочное восприятие китайским читателем ЯО Хармса с позиции зауми объясняется «сложной трансформацией существующих в русском языке фразеологизмов, диалектизмов, устаревших слов, не всегда верно опознаваемых переводчиком» (Шень 2017: 245).

Результаты исследований образа как литературоведческой категории в центре абсурдных событий, представленных Хармсом, перспективны для лингвистических исследований в аспекте когнитивно-семиологического анализа речевых построений, для которого важны любые событийные обстоятельства, а также внимание к жанровым чертам и стилистическому климату эпохи в целом (Алефиренко 2007: 149).

Цель данной статьи – обоснование возможности когнитивно-семиологического анализа реальных и абсурдных ЯО Хармса на материале цикла «Случаи», что обусловило следующие задачи:

- сопоставительный анализ текстов цикла «Случаи» Даниила Хармса на русском и китайском языках (переводчик Чжан Мэн);
- определение векторов возможных исследований субъективной интерпретации ЯО в оригинальных и переводных текстах.

Нельзя отрицать интегративность лингвокреативного мышления Даниила Хармса, обусловленного, с одной стороны, совокупностью места, времени, события и его жизненного опыта, а с другой – литературно-художественной идеей, различающей реальность жизни и реальность искусства, обыденную логику и художественную логику, которая, не разрушая предмет, способствует его познанию. Абсурдность такой логики с позиций традиционного искусства и традиционного мышления репрезентирована ЯО цикла Д. Хармса «Случаи», включающего «квазирассказы, квазипьесы, квазистихотворения – особый жанр, разработанный Даниилом Хармсом. <...> Сама неправдоподобность

случаев – для Хармса лучшее доказательство их подлинности» (Шенкман 1998).

Вторая история «Случаи» рассказывает о случайных событиях, перечисляя сюжеты странных смертей. Апофеоз случаев – «Хорошие люди и не умеют поставить себя на твёрдую ногу» – в китайском переводе «好人们不会把身体固定在那条坚硬的腿上» имеет буквальный смысл ‘хорошие люди не фиксируют свое тело на той твердой ноге’. Такая смысловая интерпретация не поддерживается китайским языковым сознанием, отсутствие ЯО затрудняет восприятие смысла предложения. Однако такое решение, по мнению переводчика, имеет преимущество. Последовательные ЯО необъяснимых смертей, которые не являются страшными, но являются странными, и отсутствие заключительного предложения в китайской языковой картине усиливает странное чувство у китайских читателей. Странные смерти и, казалось бы, неуместный финал актуализируют абсурдность текста.

Невозможность философского категориального определения понятия «абсурд» объясняется отсутствием связи со здравым смыслом, понятиями рассудка, идеями разума. В центре культурологической концепции рационалистическая логика о неявном характере абсурда и его смысловой бесконечности. Единовременная возможность абсурда, имеющего и не имеющего места в нашем мире, способствует различному восприятию абсурдного в «возможном» мире, в отличие от реального, в качестве «умопостигаемого смысла». Обращение к синонимической парадигме «абсурд – нонсенс – бессмыслица» связывается с теорией бессмыслицы, разработанной группой «Чинари», которая, разрушая ассоциативные и логические связи «создавали свой язык, в котором даже отдельное слово могло быть переполненной смыслами герметической метафорой» (Кононенко 2003). В сопоставлении литературного нонсенса и смежных с ним категорий: абсурда, бессмыслицы, гротеска, когда «все манипуляции с языком так или иначе приводят к созданию *иносмыслов* – нетривиальных, странных, безумных, но смыслов (часто избыточных) или их видимость» (Ширяева 2016: 61), была также замечена значимость переводческой деятельности.

«Случаи» Хармса на разных языках представляют работу переводчиков над фонетическо-ритмической эксцентричностью и абсурдистским блеском автора. В сравнительно-сопоставительном аспекте обращается к английскому, сербскому и ирландскому языкам П.С. Дронов и обосновывает национально-культурную специфику фразеологизмов в переводах сборника «Случаи». Несмотря на редкое использование фразеологизмов Хармсом, исследователем отмечена полная эквивалентность сказочного зачина (Дронов 2020: 903), что характерно и для перевода на

китайский язык. В рассказах «Голубая тетрадь №10», «Случай», «Столяр Кушаков», «Случай с Петраковым», «Встречи» есть конструкции «[вот] однажды», «жил» или «жил-был». В китайских сказках существуют аналогичные выражения: «从前住着一个...» («раньше жил...»), или «很久以前...» («давным-давно...»), поэтому ЯО китайского и русского народов в данном случае совпадают, что позволяет воспринимать тексты как возможные, вымышленные или правдивые истории.

При обращении к алогизму и игре Хармс, осознавая себя «творцом мира» и устанавливая свои правила, направил их как на расширение и углубление предметного и словесного смысла, так и на создание новой реальности «как противопоставление привычному миру вещей» (Бутова 2009: 272-273), на создание «возможного мира», представляющего ситуации, где альтернативно воплотились его идеи, на первый взгляд противоречащие здравому смыслу. Этот «мир» есть «представление писателя о мироустройстве» (Саблина 2009: 11), репрезентирующее семасиологическую интерпретацию действительности.

«Мир» Хармса создан языковыми образами через оригинальную знаковую и символическую систему, с «алогичными ситуациями, странными поступками, заумью», сохраняя семантику «благодаря наличию сквозных образов-символов» (Саблина 2009: 19). Например, китайский читатель игнорирует символический смысл ЯО Летнего сада в миниатюре «Сонет», так как в китайском переводе это дается как «夏园 (букв. 'ся юань')», и воспринимает как обычное место. В русской лингвокультуре «ассоциативные связи языкового образа с другими элементами сознания позволяют ему высвечивать не один "кадр", а их синкретическую совокупность» (Алефиренко 2016: 119). Для героев Летний сад – последний шанс для преодоления разрушения привычной последовательности чисел, а следовательно, времени и событий: «Что нам было делать? Мы пошли в Летний сад и стали там считать деревья».

Обращение к языковому идиостилю, языкотворчеству Даниила Хармса привлекает внимание исследователей именно интеграцией абсурдности и реальности в репрезентации уникальных ЯО. Сравнение китайского перевода с русским оригиналом рассказа «Молодой человек, удививший сторожа» обнаруживает интересную специфику ЯО. Так, в оригинале слова сторожа о мухе – «то ей, пожалуй, и конец придет. Вот ведь история» – коннотация выражения *конец придет* актуализирует деликатное и неявное отношение к смерти. В переводе, соответственно, «它大概就死翘翘了。一辈子也就到头» – используется как эквивалент выражение «死翘翘» («сыграть в ящик»), который в китайском языке имеет вульгарный и комичный смысл, этнокультурную специфику. Есть разные способы выражения

смерти в языковой картине китайцев. Например, смерть императора называется «Бэн» (кит. ‘崩’), смерть князей – «Хун» (кит. ‘薨’), смерть служилого сословия – «Цзу» (кит. ‘卒’), а смерть простых людей – «Сы» (кит. ‘死’), также есть и другие выражения. «翹辮子» (‘сыграть в ящик’) – это народный диалект, который нельзя использовать на похоронах или официальных мероприятиях, и образованный горожанин очень редко использует его. Данный ЯО связан дискурсивным сознанием с китайской традицией, когда в цинскую эпоху мужчины носили косы, и палачу нужно было поднять косу перед тем, как отрубить голову. Переводчик мог бы выбрать более изящный вариант, чтобы выразить смерть, но выбранное выражение предопределяет абсурдный смысл дальнейшего повествования.

В дисгармоничном мире, репрезентированном Хармсом, абсурд буквально врос в социальную реальность, где образы, определенные языковым сознанием, вступают в новые ассоциативные отношения. Так, цикл «Случаи» характеризуется сквозными образами окна, шара, круга, неба, времени, шкафа и другими как бы реальными, на первый взгляд, образами. Однако эти образы зашифрованы, а ключом является новация Хармса в виде клишированного письма, главным героем которого является «человек-клише, собственно, не человек, а идея человека, не наполненная сколько-нибудь конкретным содержанием» (Шенкман 1998). Полное понимание клишированного стиля Хармса невозможно без изучения ЯО.

Итак, литературоведческие интерпретации образов в центре абсурдных событий, представленных Хармсом, перспективны для лингвистических исследований в аспекте когнитивно-семиологического анализа языковых образов. Сопоставительный анализ оригинальных текстов цикла «Случаи» Даниила Хармса и текстов на китайском языке (переводчик Чжан Мэн) выявил, что семиологическая интерпретация действительности способствует выявлению национально-культурной специфики языкового образа в сравнительно-сопоставительных исследованиях и имеет практическую значимость для выделения лингвокультурных особенностей. Несомненно, исследование ЯО в когнитивных контекстах Даниила Хармса как субъективной интерпретации на языке оригинала (текста на русском языке) и перевода (текста на иностранном языке) – одно из перспективных направлений для совместных работ лингвистов, литературоведов, психологов, культурологов, логиков, что станет значимым фактором для перевода оригинальных текстов этого автора на другие языки.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – №5/1 (45). – С. 102-110.
- Алефиренко Н.Ф. Когнитивная семиология: истоки, становление и перспективы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2007. – № 1-2. – С. 143-152.
- Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2016. – 288 с.
- Ахметзянова Л.М. Антропонимы в художественных текстах Д. Хармса: структурно-семантический аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н.: 10.02.01 / Ахметзянова Лиана Михайловна. – Казань, 2009. – 23 с.
- Бутова А.В. Н. Заболоцкий и поэты-обэриуты: искусство «фантастическое» или «реальное» // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 3 (25). – С. 268-274.
- Гао Ю. Даниил Хармс в Китае // Studia Litterarum. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 300-319. Режим доступа: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-300-319> (дата обращения: 01.09.2021).
- Герасимова А. ОБЭРИУ (проблема смешного) // Вопросы литературы. – 1988. – № 4. – С. 48-79. Режим доступа: <https://voplit.ru/article/oberiu-problema-smeshnogo/> (дата обращения: 01.09.2021).
- Дронов П.С. Фразеология Даниила Хармса в переводе на английский, сербский и ирландский языки: семантика и национально-культурная специфика // Quaestio Rossica, Vol. 8. – 2020. – № 3. – Рр. 906-915.
- Захаров Е.В. Малая проза Даниила Хармса: авторские стратегии и параметры изображенного мира: автореф. дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Захаров Евгений Валерьевич. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.
- Кононенко Б.И. Абсурд // Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече: АСТ, 2003. – 509 с. Режим доступа: <https://rus-culture-enc.slovaronline.com/49-АБСУРД> (дата обращения: 01.09.2021).
- Малыгина И.Ю. Художественная репрезентация абсурда в поэзии Д. Хармса (антропологический аспект): автореф. дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Малыгина Инна Юрьевна. – Ставрополь, 2008. – 23 с.
- Рымар А.Н. Иероглифическая символизация в поэтике Д. Хармса и А. Введенского // Столетие Даниила Хармса: Материалы международной научн. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Даниила Хармса. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2005. – С. 190-206.
- Саблина Е.Е. Поэтика Хармса: автореф. дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Саблина Елена Евгеньевна. – Астрахань, 2009. – 20 с.
- Сажин В.Н. Наказание Хармса // Новый мир. – 1992. – № 7. – С. 233-235.
- Ширяева И.Н. Литературный нонсенс и смежные понятия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 10(64): в 3-х ч. – Ч. 3. – С. 59-62.
- Шенкман Я. Логика абсурда (Хармс: отечественный текст и мировой контекст) // Вопросы литературы. – 1998. – № 4. – С. 64-80. – Режим доступа: <https://voplit.ru/article/logika-absurda-harms-otechestvennyj-tekst-i-mirovoj-kontekst/> (дата обращения: 01.09.2021).
- Шэнь Я. Хармс и Заболоцкий в китайских переводах // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 4. – С. 243-252.
- Шэнь Я. Даниил Хармс и китайская культура: автореф. дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01 / Шэнь Ян. – Москва, 2019. – 23 с.
- 王宗琥. 叛逆的激情: 20世纪前30年代俄罗斯小说中的表现主义倾向[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2011. Ван Цзунху. Бунтарские страсти: тенденция

экспрессионизма в русских романах первых 1930-х годов. – Пекин: Преподавание иностранных языков и исследовательская пресса, 2011. – 239 с.

荣洁.走近俄罗斯先锋诗歌[J].中国比较文学, 2017 (04). Жун Цзе. Приближение к поэзии русского авангарда // Китайская сравнительная литература. – 2017. – № 4. – С. 51-58.

哈尔姆斯. 蓝色笔记本[M].张猛译.成都:四川人民出版社, 2016. Хармс Д. Голубая тетрадь. Перевод Чжан Мэн. – Чэнду: Сычуаньское народное издательство, 2016. – 304 с.

THE REALITY AND ABSURDITY OF THE LANGUAGE IMAGES IN DANIEL KHARMS'S TEXTS

L.G. Zolotikh, Hu Zengli, O.Y. Kosmacheva

Abstract. The article examines the problem of reality and absurdity of linguistic images (LI) of the cycle «Incidences» by Daniil Kharms as a semiological interpretation of reality. Particular attention is paid to the prospects of the images literary interpretations in the center of absurd events presented by Kharms for linguistic research in the aspect of cognitive and semiotic analysis of LI. Using the example of comparative-comparative analysis LI is presented as a result of subjective interpretation in the original language (i.e. Russian) and translation in Chinese by Zhang Meng. The authors focus on the uniqueness of Kharms' LI which are very difficult for the translator by the strangeness of the characters and speech incoherence. The authors conclude that the semiological interpretation of reality contributes to the identification of national and cultural specificity of the linguistic image in comparative studies, and has practical significance in highlighting the linguistic and cultural characteristics in the practice of translation.

Key words: cycle «Incidences»; absurd; linguistic image; semiological analysis; original text; translation.

ОБРАЗ СИРЕНИ В БЕЛГОРОДСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Г.Ю. Мальцева, Д.А. Черемохина

maltseva_g@bsu.edu.ru, cheremohina@bsu.edu.ru

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национально-исследовательский университет

Аннотация. В статье анализируется языковой образ сирени, представленный в поэтических текстах поэтов-белгородцев. Особое внимание уделено вопросам о статусе языкового образа в художественном дискурсе и о соотношении понятий «образ» и «концепт». В соответствии с представлением о целостности образа в статье предпринята попытка целостного описания анализируемого образа, а также порождаемых им текстообразующих метафор Сирень-Любовь, Сирень-Весна, Сирень-Юность и др.

Ключевые слова: образ, концепт, образ сирени, белгородский поэтический дискурс.

В современной науке определение статуса образа обосновано позицией ученого. Как объект исследования образ рассматривается в работах по философии (Аристотель, Гегель, Ф. Бэкон и др.),

литературоведению (М.М. Бахтин, В.В. Кожин, Г.Д. Гачев и др.), лингвистике (Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, Н.А. Илюхина, В.И. Карасик и др.). Н.Ф. Алефиренко отмечает, что языковой образ, являясь категорией языкового сознания, «представляет собой совокупность образных средств языка, обозначающих один сигнификат» (Алефиренко 2010: 118). В таком понимании образ может рассматриваться как составная часть концепта, формирующая особое ассоциативно-образное наложение на понятийное содержание ключевой леммы-репрезентанта (З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.).

Особенно дискуссионными видятся вопросы соотношения понятий образ и концепт в рамках художественного дискурса, при анализе которого ученые часто синонимизируют указанные термины. Подобный процесс обусловлен общей ментальной природой образа и концепта. Тем не менее, важно отметить, что если концепт представляет собой полностью ментальное образование, то образ в качестве языкового феномена может выступать элементом произведения.

И.А. Тарасова, сопоставляя категориальное наполнение понятий образ и концепт, отмечает, что «образ и концепт передают один и тот же глубинный смысл, а способ представления этого смысла будет различным: континуальным, нерасчлененным – у образа, дискретным, аналитическим – у концепта» (Тарасова 2019: 50). Целостность образа, по мнению исследователя, выступает его важнейшей феноменологической чертой. Функционирование образа в пространстве художественного текста обогащает его, наполняет форму эстетическим содержанием. Подобную позицию занимает и Н.К. Гей, который отмечает, что «разделительную черту в образе нельзя провести нигде, ни один элемент, ни один уровень художественного целого не отделен от целого, а переходит во все другие, взаимодействует, резонирует вместе <...> Образ – целостен, в этом условии целостности произведения, а целостность произведения в свою очередь гарантирует внутреннее единство образа» (Гей 1975: 42).

Таким образом, задачу разграничения образа и концепта как метальных образований можно решить, опираясь на представления об их структуре. Изучение художественного текста через концептуальный анализ позволяет условно восстановить фрагмент индивидуально-авторской картины мира в ее расчлененности на слои, компоненты, ядро и периферию, а изучение языкового образа в ткани художественного произведения представляет целостное отображение, осмысление и оценку факта действительности.

Рассматривая образ как целостный феномен, лингвисты выделяют несколько этапов его формирования: предметно-

чувственное отражение, понятийное осмысление и эмоциональная оценка.

Чувственный образ, формирующийся на первом этапе, является отражением предмета при взаимодействии с сознанием индивидуума. Здесь главную роль играют психологические концепции, такие понятия, как «ощущение», «восприятие». Второй этап представляет собой сенсорно-перцептивное отражение визуальных параметров предмета, вкусовых, звуковых и других ощущений. Как отмечает Ю.Л. Дмитриева, «чувственный образ – это образ конкретного предмета, который объективируется языковыми средствами и может быть зафиксирован в словарной дефиниции соответствующего языкового знака» (Дмитриева 2017: 16). На третьем этапе образ, погружаемый в художественный текст, приобретает индивидуально-авторское наполнение: эмоционально-экспрессивные оценки и коннотации.

Предметом нашего исследовательского внимания становится образ сирени, особенно значимый для белгородского социально-культурного пространства. Сирень в Белгородской области стала своеобразным символом расцвета науки, творчества и культуры. Причин такой популярности сирени несколько: с одной стороны, ученые НИУ «БелГУ» успешно работают в рамках проекта «Белгородская сирень»: наша область стала крупнейшим центром селекции сирени, коллекции сортов сирени распространены на всей территории нашего края; с другой стороны, сирень уже не один год вдохновляет жителей области в разных творческих направлениях: каждую весну на базе НИУ «БелГУ» проводится конкурс фотографий, авторских стихотворений и историй, посвященных сирени. Знаменательным событием стало появление в 2021 году на лингвистической карте города нового годонима. Улица вдоль Ботанического сада НИУ «БелГУ» стала цветущей и сиреневой, поскольку получила название улицы Белгородской сирени. В связи с этим изучение образа сирени в поэзии белгородских авторов представляется особенно интересным.

Цель нашего исследования заключается в описании целостного образа сирени, который сложился в белгородском поэтическом дискурсе. Начнем с анализа понятийного содержания. В словарях даются следующие определения слову: «Крупный садовый кустарник сем. маслиновых с лиловыми, белыми или розовыми душистыми соцветиями» (Ожегов 1988: 586); «крупный кустарник с большими метелками лиловых (изредка белых), очень душистых цветов» (Ушаков 2005: 932).

В приведенных дефинициях отражены такие признаки, как размер (крупное), цвет (лиловый, белый, розовый), запах (душистые).

В художественной литературе эти представления преломляются ввиду субъективного авторского мировидения. «Куст

сирени» у Ланы Ясновой «будет заново цвести», «цветет» сирень и у А. Филатова, у И. Чернухина «в дымке сирень».

Отсутствие предмета заставляет формировать образ на уровне представлений. «Мыслимый» предмет представляется без участия органов чувств. Получившийся образ-представление моделируется при помощи вербальных средств, лингвисты называют его целостной картинкой. Такой образ репрезентирован посредством существительных («куст сирени», «в дымке сирень», «соцветия»); прилагательных («молодая», «бушующие гроздья»), глаголов («цвести», «распустится»). Таким образом, в белгородском поэтическом дискурсе в образе сирени на первый план выходит именно ее цветение, которое становится символом юности, счастья, гармонии. Этот признак становится доминантным, позволяет соотнести предмет с миром абстрактного, непереводаемого. Так рождается концептуальная метафора сирень – юность, сирень – любовь. У М. Козлова эта метафора лежит на поверхности текста: «Сирень – ты символ юности людской» (М. Козлов).

Характеристики хронотопа дают следующие показатели: сирень находится «здесь», в саду (И. Чернухин), «куст сирени» встает «на пути» (Л. Яснова), «в центре села» (В. Молчанов), «кругом» (В. Черкесов). Эти лексемы, определяющие локацию объекта, ставят его в центр визуального ряда, формируя поток ассоциаций для вербализации концептуальной метафоры. Причем эти ассоциации произрастают из представлений национальной культуры и сопоставимы с образами сирени в произведениях классиков русской литературы, где она имеет «устойчивую связь с молодостью, любовью и счастьем в человеческой жизни», «ее цветочные массы с их сильным сладким запахом самым натуральным образом представляют собой обилие и силу естества, возродившейся природной жизни» (Белоусов 1992: 319). Так, в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина сирень является «индивидуализированной флористической приметой сада героини, становясь единственной соотнесенной с ней непосредственно цветочной эмблемой» (Шарафадина 2003: 98). В романе Гончарова «Обломов» ветка сирени становится своеобразной флороэмблемой Ольги Ильинской, символом любви. Ольга и сирень для Ильи Обломова становятся нераздельны: «Любовь появилась в виде легкого улыбающегося видения, она звучала в *Casta diva*, носилась в запахе сиреневой ветки» (Гончаров 1987: 197).

По мнению Б.М. Гаспарова, языковые образы представляют собой ответную реакцию на определенный языковой материал. Это «перцептивная реакция не на предметы как таковые, но на их языковое воплощение – на те выражения, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта» (Гаспаров 1996: 255). В связи с тем, что отклик на образ связан с его лексическим представлением

в тексте, а также с языковым опытом читателя, ученым выделены такие свойства языкового образа, как целостность, одномоментность, непосредственность (Там же). Отмеченное Б.М. Гаспаровым преобладание визуального восприятия языкового образа находит свое отражение и в белгородской поэзии. В совокупности с визуализацией происходит метафоризация объекта. Так, у Ланы Ясновой сирень «раскинет руки», у В. Молчанова она «мощью полна», воскресает после того, как «букеты несли на погосты, на свадьбы спешили нести» (Молчанов, Электронный ресурс).

Воспроизводимость как одно из свойств образа, отмеченное Б.М. Гаспаровым, проявляется в том, что языковой образ порождает ряд тождественных образов, постоянных, закрепленных за ним ассоциаций. В белгородской поэзии сирень – это молодая девушка, имеющая силы возродиться после какой-либо беды: «чем больше ломают, тем в мае сильнее расцветает она!» (Молчанов, Электронный ресурс), «и сколько веток не обламывай, но будет заново цвести» (Яснова 2017: 126).

Образ сирени как составляющая концептов «Юность», «Молодость», «Жизнь» вступает в антонимические отношения с ассоциатами концептов «Старость» и «Смерть». Так в стихотворении В. Черкесова в проломе улицы, между родильным домом ('жизнь') и кладбищем ('смерть') цветет черемуха:

*К ограде старого кладбища
тулится родильный дом.
Пройдешься по улочке сонной,
заглянешь из интереса
в пролом – там сирень и черемуха
буйно цветут кругом
среди побитого мрамора,
ржавеющего железа.*

Родильный дом, как и сирень, являются ассоциатами концепта «Жизнь», не случайно и роддом такого же цвета:

*А если вернешься обратно,
то, к зданию подойдя
розово-голубоватому –
цвета любви и надежды...*

Розовато-голубые цвета жизни контрастируют с «побитым мрамором» и «ржавеющим железом» кладбища.

В то же время сирень маркирует ассоциативные направления *жизнь-смерть*, в чем проявляется амбивалентность образа. Цветы сирени дарят на свадьбах ('рождение новой семьи') и несут на могилы ('смерть'). Например, у В. Молчанова эта амбивалентность показана в одном предложении:

Букеты несли на погосты,

На свадьбы спешили нести.

Пластичность языкового образа связана с его возможностями формировать композицию, создавать образный ландшафт произведения. Единичный образ всегда связан с другими, включается как элемент, некий пазл, в более емкие образы (Гаспаров 1996). Данное положение подтверждается примерами из текстов белгородских поэтов. Сирень – образ, входящий в другие, более сложные образы: весны, девушки. Например, у юных поэтов из альманаха «Белгородская сирень» (выпуск 2021 года) «без сирени не бывает мая» (Е. Ташманова), сирень олицетворяет «надежд весенних сбывшееся лето» (И. Шведова), «наполнит твой весенний день» (М. Козлов). У В.К. Харченко ароматерапия «цветоносного мая» – это «ландыши, сирень, акация» (В.К. Харченко).

Таким образом, сирень для жителей Белгородской области становится знаковым растением, что находит отражение и в белгородском поэтическом дискурсе. В текстах поэтов предметно-чувственный образ сирени моделируется, обретая языковую форму и формируя целостную картину. Характерной особенностью анализируемого дискурса становятся хронотопические характеристики сирени, которые представляют ее в центре визуально ряда других предметов, порождая при этом текстообразующие метафоры Сирень-Весна, Сирень-Девушка, Сирень-Юность, Сирень-Любовь.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – Москва: Флинта, Наука, 2010. – 224 с.
- Белоусов А.Ф. Акклиматизация сирени в русской поэзии // Сб. статей к 70-летию профессора Ю.М.Лотмана. – Тарту, 1992. – С. 311–322.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
- Гей Н.К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль. – Москва: Наука, 1975. – 470 с.
- Гончаров И.А. Обломов: роман в четырех частях / издание подг. Л.С Гейро. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 697 с.
- Дмитриева Ю.Л. Языковой образ VS художественный образ // Восточнославянская филология. Языкознание. – 2017. – №5 (31). – С. 16–25.
- Молчанов В.Е. Стихотворения // Российский писатель (Электронный ресурс). – Режим доступа: <https://www.rospisatel.ru/molchanov-stihi.htm> (дата обращения: 06.09.2021)
- Созвездие БелГУ: альманах университетского творчества. Выпуск 6 / под ред. В. А. Смирновой. – Белгород: ИД «БелГУ», 2021. – 92 с.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд. – Москва: Русский язык, 1988. – 750 с.
- Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 166 с.
- Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. – Москва: Альта-Принт, 2005. – 1239 с.

Шарафадина К.И. Сад, цветок, книга в ассоциативном ореоле пушкинской Татьяны // Книга как художественное целое: различные аспекты анализа и интерпретации. Филологические штудии – 3. Омск, 2003. – С. 97–105.

Яснова Л. Адреса. Избранное. Стихи. – Белгород: Эпицентр, 2017. – 156 с.

IMAGE OF LILACS IN BELGOROD POETIC DISCOURSE

G.Yu. Maltseva, D.A. Cheremokhina

Abstract. The authors analyze the language image of lilacs presented in the poetic texts of the Belgorod poets. Particular attention is paid to the issues of the status of the language image in artistic discourse and the relationship between the terms of «image» and «concept». In accordance with the idea of the image integrity, the authors attempt to describe the characteristics of the analyzed image, as well as the text-forming metaphors it generates Lilac-Love, Lilac-Spring, Lilac-Youth, etc.

Key words: image, concept, image of lilac, Belgorod poetic discourse.

КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОСНОВНОЙ КАНАЛ ПЕРЕДАЧИ САСПЕНСА В РАССКАЗЕ Г.Ф. ЛАВКРАФТА «ЦВЕТ ИЗ ИНОГО МИРА»

В.С. Морщинский

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
vmorsinskij@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена лингвокультурологическому анализу колоративов, представленных в рассказе Г.Ф. Лавкрафта «Цвет из иного мира». В результате исследования установлено, что индивидуально-авторские цветоименования в данном художественном произведении выступают в качестве ключевых элементов, имеющих эмотивную составляющую и служащих для передачи состояния ужаса и саспенса.

Ключевые слова: саспенс, хоррор, колоратив, эмотивность, цветосимволизм.

Термин «саспенс» начинает всё чаще встречаться в отечественном литературоведении и лингвистике, однако, чёткого определения этому понятию пока что не существует. Словарь Уэбстера даёт следующее определение: «состояние ментальной тревоги и (или) неопределённости, состояние нерешительности и сомнения» (Webster's Seventh New Collegiate Dictionary 1969). Известно, что сам термин произошёл от латинского *suspendere*, т.е. «подвешивать», что вполне соотносится с современным восприятием термина в контексте кино и литературы жанра ужасов («состояние подвешенности») (Scott 1980).

Мастерами саспенса мирового уровня по праву признаются писатель С. Кинг и режиссёр А. Хичкок. Обнаруживается саспенс в литературе «королей» хоррора 19 века – Э. По и Г. Лавкрафта. Их предшественниками можно назвать писателей, творивших в русле

готической литературы 18 века, а сами истоки жанра уходят корнями в фольклор и религиозные традиции народов мира.

Хоррор (от англ. *horror* – ужас, отвращение) – жанр литературы и кино, имеющий целью напугать слушателя, читателя, зрителя, вселить чувство тревоги и страха, создать напряжённую атмосферу ужаса или мучительного ожидания ужасного, передавая так называемый эффект «саспенса». Историк литературы Д.Э. Каддон определяет хоррор как «художественное произведение в прозе, которое шокирует, или даже пугает читателя, или, возможно, вызывает чувство отвращения» (Cuddon 1984: 11).

Произведения Г. Лавкрафта в жанровом аспекте представляют собой поразительный синтез готической литературы и ранней научной фантастики. По причине сложности и неоднозначности произведений автора, творческое наследие Лавкрафта часто объединяют в своеобразный поджанр, который принято называть «Лавкрафтовский ужас (*Lovecraftian horror*)» или «Космический ужас (*Cosmic horror*)».

Помимо классических жанровых способов создания саспенса на всех языковых уровнях (акцентирования сем «смерть», «опасность», «страх» и др., задействования семантических повторов и соматизмов), в произведениях Г.Ф. Лавкрафта мы можем обнаружить и такие малоизученные, как использование колоративной лексики, способной выражать эмотивность. В списке активно изучаемых категорий, имеющих решающее значение в их роли для человеческой личности, в настоящее время можно выделить категорию эмотивности, которая занимает центральное место в работах отечественных и зарубежных учёных-лингвистов (Болотов 1981; Гридин 1983; Журавская 1975; Покровская 1998; Шаховский 1987 и др.).

Эмотивность как лингвистическая категория является имманентным свойством языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи – эмотивы (Шаховский 2008: 5). Эмотивы могут быть представлены на каждом уровне языка. Более того, по мнению В.И. Шаховского, «в определенных ситуациях практически любое слово может приобрести эмотивную коннотацию» (Шаховский 2008: 77).

В центре нашего исследования находится колоративная лексика. Мы убеждены, что колоративы являются лексическим пластом, значимым для художественной картины мира писателя, поскольку они вбирают в себя эстетический и – зачастую – эмотивный потенциал, обуславливающий возможность образования экспрессивных значений, что детерминирует разноаспектный интерес исследователей к изучению функционирования колоративной лексики в художественных

произведениях (Алимпиева 1986, Бахилина 1975, Берлин и Кей 1969, Брагина 1972, Борисова 2008, Василевич 1987, 1988, 2003, 2005, Вежбицкая 1997, Грановская 1966, Жаркынбекова 2003, Кульпина 2001, Морщинский 2019, Фрумкина 1984, Харченко 1992, 2009 и др.; Цыганова 2000, Чумак-Жунь 1996, 2003, 2009, Шемякин 1960 и др.).

П.А. Флоренский объясняет цвет как индивидуальное свойство самого предмета, что показывает отношение предмета не только к окружающему пространству, но и к его внутреннему функциональному свойству (Флорентский 1993: 278).

Несмотря на достаточно хорошую изученность творчества Г.Ф. Лавкрафта с позиции литературоведения, необходимо отметить крайне малое количество лингвистических исследований, посвящённых особенностям индивидуально-авторской языковой картины мира писателя. В частности, особое внимание, по нашему мнению, должно быть уделено специфике колоративной лексики в текстах американского классика. В современных условиях сосуществования мирового сообщества, которое сопровождается природными катаклизмами, техногенными катастрофами, терактами, деформациями нравственных и моральных ценностей и т.п. наиболее экспрессивными и прагматичными являются отрицательные категориальные эмоциональные ситуации (Шаховский 2008: 131). Именно по этой причине произведения Г.Ф. Лавкрафта, который по праву считается одним из «отцов-основателей» современного хоррора в литературе, представляют огромный интерес для изучения.

В качестве источника фактического материала нами был выбран рассказ Г.Ф. Лавкрафта «*Цвет из иного мира*» – «*The Colour out of Space*» (1927), который относится к тематическому циклу рассказов об ужасах Новой Англии (Спрэг де Камп 2008: 555). Несмотря на небольшой объём произведения (26 страниц), нами там было обнаружено более 40 употреблений колоративной лексики. Цветонаименования в рассказе «*Цвет из иного мира*» мы отнесли к трём тематическим группам:

1. Лексика, обозначающая цвет – 25 употреблений.
2. Лексика, обозначающая свет (или его отсутствие) – 10 употреблений.
3. Индивидуально-авторские новообразования, представляющие неопределённость, чужеродность цвета (или света) – 7 употреблений.

Колоративы, выражающие цвет в рассказе представлены адъективами ***black*** – **чёрный**, ***red*** – **красный**, ***white*** – **белый**, ***brown*** – **коричневый**, ***grey*** – **серый**, а также некоторыми другими частеречными образованиями: ***brownish*** – **коричневатый**, ***greyish*** – **сероватый**, и ***greying*** – **сереть** (становиться серым).

Колоративы, выражающие свет, представлены в рассказе группой из 10 словоупотреблений и представлены адъективом **dark – тёмный**.

Наконец, к группе индивидуально-авторских образований мы отнесли 7 употреблений, представленных адъективами **strange – странный, queer – странный** (синонимичен **strange**), **unnatural – неестественный, unplaceable – нездешный**.

Полагаем, что цветосимволизм возникает именно в пределах сочетаемостных связей – на уровне «эпифразы» (в терминологии В.Г. Глушковой) как объединенного в смысловом и интонационном отношении синтаксического единства, организованного по модели «эпитет + определяемое имя существительное» (Глушкова 2000).

Колоративы первой тематической группы достаточно стандартно для литературы жанра хоррор передают атмосферу страха и гнетущей атмосферы с помощью употребления адъектива **black** в сочетании с существительными, обозначающими ландшафт и его элементы: «...and from a nocturnal exhalation seen as a phosphorescent mist against the black and blasted landscape». – Н.Р. Lovecraft 2018 300 Действительно, проза Лавкрафта стилистически крайне близка к прозе его литературных предшественников. Более объективно было бы сказать, что это стиль, ныне вышедший из моды. Он был популярен в эпоху романтизма, приблизительно между 1790 и 1840 годами, и широко употреблялся Э. По и его готическими предшественниками (Спрэг де Камп, 2008: 556).

Адъективы **red, white** и **brown** служат для характеристики предметного мира и почти лишены способности передачи образных ассоциаций в контексте произведения: «*The third key proved the right one, and after some fumbling Ammi threw open the low white door*» (Lovecraft 2018: 295).

Однако, большой интерес представляет колоратив **grey** и его производные. Внеземное свечение, занимающее центральное положение в рассказе, высасывает жизнь из окружающего пространства: растения засыхают, животные заболевают и погибают, а люди медленно сходят с ума. Всё вокруг становится серым, безжизненным под воздействием цвета из других миров: «*And all the while the vegetation was turning grey and brittle. Even the flowers whose hues had been so strange were greying now, and the fruit was coming out grey and dwarfed and tasteless. The asters and golden-rod bloomed grey and distorted...*» (Lovecraft 2018: 292).

Инопланетное зло буквально обесцвечивает картину, которую рисует Г.Ф. Лавкрафт и финальная строчка рассказа передаёт воспоминания главного героя по поводу пережитого кошмара: «*I would hate to think of him as the grey, twisted, brittle monstrosity*

which persists more and more in troubling my sleep». (Lovecraft 2018: 306).

Колоратив **dark**, помещённый нами во вторую группу, сближается с адъективом **black** в передаче своего эмотивного потенциала: «*Then the dark woods will be cut down and the blasted heath will slumber far below blue waters whose surface will mirror the sky and ripple in the sun»* (Lovecraft 2018: 282).

Колоративы из третьей тематической группы представлены авторскими образованиями, которые играют большую сюжетообразующую роль и важны для анализа индивидуально-авторского стиля писателя. Адъективы **strange** – **странный**, **queer** – **странный**, **unnatural** – **неестественный**, **unplaceable** – **нездешный** призваны показать абсолютно внеземную природу зловещего цвета из других миров. Цвет, чаще всего, называется **странным**: «*Never were things of such size seen before, and they held strange colours that could not be put into any words»* (Lovecraft 2018: 289). Автор избегает конкретных физических описаний свечения, не называет конкретного цветового спектра или даже его оттенка. Этот подход вполне соответствует необычной творческой манере Г.Ф. Лавкрафта – создания атмосферы сверхъестественного ужаса столкновения человека с чем-то, недоступным его восприятию или знаниям (см. название рассказа Г.Ф. Лавкрафта «Неименуемое» – «*The Unnamable*» (1923)).

Писатель идёт дальше и изображает цвет не просто **странным**, недоступным восприятию, но и наделяет его характеристиками субстанции: «*– Nothin . . . nothin . . . the colour . . . it burns . . . cold an'wet, but it burns . . . it lived in the well . . . I seen it . . . a kind of smoke . . . jest like the flowers last spring . . . the well shone at night»* (Lovecraft 2018: 297). Цвет **холодный** и **влажный**, но, при этом, **жжёт**.

Далее цвет наделяется свойствами разумного существа: «*It was just a colour out of space – a frightful messenger from unformed realms of infinity beyond all Nature as we know it...»* (Lovecraft 2018: 306). Русское издание даёт следующий перевод этой строчки: «*Это просто был некий цвет из пространства – пугающий вестник бесформенных сфер за пределами земного мира»* (Лавкрафт 2005: 396).

Как справедливо отмечает В.К. Харченко, у психологов-специалистов по теории цвета глубинность наших образных ассоциаций сомнений не вызывает: небесно-голубой цвет, очевидно, напоминает спокойствие безоблачного неба и ясной погоды, темно-красный – грозовые тучи, чёрный – непроглядную, полную опасности ночь, зелёный – символ тепла и плодородия (Харченко 1992). Лавкрафт изображает действительность, пользуясь

образными ассоциациями, доступными читателю, однако, рисуя зловещие образы взвездных сил, он заряжает их особой энергетикой таинственности и недоговорённости.

Передача саспенса при этом происходит путём внушения, суггестивного воздействия, о котором В.М. Бехтерев сказал: «под внушением <...> следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувству, эмоции и других психофизических состояний, помимо его «я», то есть в обход его самосознающей и критикующей личности» (Бехтерев, 2001: 4).

Литература

Cuddon J.A. (1984). «Introduction». The Penguin Book of Horror Stories. Harmondsworth: Penguin. – P. 11. ISBN 0-14-006799-X.

Lovecraft H.P.: The Complete Fiction Omnibus Collection – The Prime Years: 1926-1936 – SECOND EDITION – REVISED AND UPDATED THROUGHOUT – Edited and annotated by FINN J.D. JOHN Pulp-Lit Productions Corvallis, Oregon, 2018. – 790 p. – ISBN 978-1-63591-328-6.

Scott A.F. Current Literary Terms. – London, 1980.

Webster's Seventh New Collegiate Dictionary, Springfield: G. & C. Merriam Company, 1969.

Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н. Есенина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2000. – 170 с.

Лавкрафт Г. Зов Ктулху: (сб.: пер. с англ.) / Г. Лавкрафт. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – 730 с.

Спрэг де Камп Л. Лавкрафт: биография / Л. Спрэг де Камп; (пер. с англ. Д. Попова). – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. – 656 с.

Туралина Н.А., Ольхова О.Н. Образно-цветовое моделирование мира в современной женской прозе: монография. – Саарбрюккен: LAP, 2013. – 93 с.

Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. – СПб.: Мифрил; Русская книга, 1993. – 316 с.

Харченко В.К. Функции метафоры: Учебное пособие. – Текст: непосредственный. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 88 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

COLORATION VOCABULARY AS THE MAIN TRANSMISSION CHANNEL OF CONVEYING SUSPENSE IN G.F. LOVECRAFT'S «THE COLOUR OUT OF SPACE»

V.S. Morschinskiy

Abstract. This article is devoted to the linguistic and cultural analysis of the coloratives presented in the story of H.P. Lovecraft «Colour out of space». As a result of the study, it was found that individual author's color names in this work of art act as key elements that have an emotive component and serve to convey a state of horror and suspense.

Key words: suspense, horror, colorative, emotiveness, color symbolism.

ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ МЕТАМОРФОЗЫ ЛИЧНОСТИ, В РОМАНЕ ДЭНИЕЛА КИЗА «ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА»

Н.П. Невзорова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

nevzorova@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу разноуровневых художественных инструментов, репрезентирующих образ эволюции и деградации интеллекта слабоумного героя Чарли Гордона, который в процессе роста его образованности познает и анализирует себя и окружающий мир, задумывается о связи интеллекта и эмоционально-социальной стороны своей личности.

Ключевые слова: языковой образ, умственная отсталость, искусственный рост интеллекта, самоосознание, эмоциональный и социальный интеллект.

Центральным языковым образом романа Дэниела Киза «Цветы для Элджернона» (Daniel Keyes. *Flowers for Algernon*) стал образ стремительно развивающегося, а потом так же катастрофически деградирующего интеллекта главного героя, 33-летнего Чарли Гордона с начальным IQ 68, который добровольно подвергается некоей экспериментальной нейрохирургической операции, в результате которой на протяжении 8 месяцев его интеллект сначала почти втрое возрастает, а потом возвращается снова в прежнее состояние умственной отсталости. Как очень точно определил в своем исследовании американский исследователь Robert Scholes, «главный герой вырастает до уровня гениальности бессознательно, а потом осознанно, но беспомощно скользит назад до уровня полуграмотности» (*перевод наш* – Н.Н.) (Scholes R., 1975: 47) Задачей нашего исследования было проследить, как и с помощью каких художественных инструментов различных уровней автор, психолог и учитель-филолог по образованию, репрезентирует этот образ эволюции и деградации, какие фазы проходит этот процесс в романе, с какими сторонами личности Д. Киз связывает возросшую способность своего героя получать и применять новые знания, осваивать новые навыки, осознавать себя, свое настоящее и прошлое и свои взаимоотношения с окружающим миром, как связаны интеллект и эмоционально-социальная сторона характера героя.

Роман был написан в 1966 году как переработка одноименного рассказа 1959 года. В центре романа – история умственно отсталого Чарли Гордона, написанная от первого лица, то есть им самим, в виде 17 отчетов (Progress Reports, *PR* – далее по тексту статьи в ссылках), своеобразных дневниковых записей, о собственном

состоянии, мыслях, чувствах, взаимоотношениях с окружающими миром. Чарли Гордон получает фантастический шанс искусственным образом увеличить свой интеллект, проследить и осознать, что такое он сам, как меняется его характер и отношения с окружающими людьми с развитием интеллекта, осмыслить проблему возможностей и ограниченности высоких технологий в отношении человеческого мозга. Специфический образ лирического героя-рассказчика создает в романе двойную оптику, зачастую дающую иронический эффект, а иногда доходящий до высот настоящего трагизма.

Условно можно разделить метаморфозы личности главного героя на несколько этапов, прослеживаемых в так называемых Отчетах, которые пишет Чарли по заданию ученых. Эти этапы очень разноплановые, как по объему страниц текста, так и по хронометрии, а также и по содержанию.

Первый этап. Очень недолгий. Это чуть больше 2 страниц текста книги и 5 дней (с третьего по седьмое марта) развития сюжета (Отчеты с 1 по 5). Чарли работает в пекарне Доннера уборщиком и курьером. Он доволен жизнью, ответственно и с любовью относится к работе. Он добродушен, доброжелателен, доверчив, наивен, скромн и позитивен (стоит отметить, что о некоторых качествах героя на этом этапе мы узнаем из более поздних отчетов). Он любит своих сослуживцев, ему очень весело с ними и почти всех считает своими друзьями: *Their all my good friends and we have lots of jokes and laffs here* (PR 8, March 21). В силу своего диагноза он очень мало понимает из тех разговоров, которые ведутся вокруг него в пекарне, что он сам признает в своих записях, и все воспринимает только в прямом смысле, не понимает подтекста, не чувствует реальной сути отношения к нему окружающих. У него проблемы с логикой. Он в какой-то степени осознает свою «инаковость» как болезнь и понимает, что она связана с его умственной отсталостью: *I dont rimember how I was sick. I think it was about me not being smart* (PR 8, March 16). Это ощущение отгороженности от нормального мира заставляет его остро чувствовать свое одиночество. Поэтому он жаждет стать таким, как все (*be like other pepul* – PR 6, March 8). *If your smart you can have lots of friends to talk to and you never get lonley by yourself all the time.* (PR 7, March 11). Разрушение этого ощущаемого барьера он связывает, в первую очередь, с повышением уровня своей грамотности и получением новых знаний. Он хочет «быть умным» (*I want to be smart* – PR 1, March 3) и научиться писать и читать (*to lern to reed and spell* – PR 3, March 5). Автор романа специально заставляет своего героя писать с огромным количеством орфографических и синтаксических ошибок. Чарли пишет так, как слышит. Кроме этого, у него проблемы с памятью, он почти не

помнит своего детства, своей семьи, как он попал на работу к Доннеру, где работает уже 17 лет (PR 8, March 21). Языковой образ этого этапа, как и все другие, представлен языковой личностью героя, репрезентирующей себя в письменной речи его Отчетов, которые он тоже называет с ошибками – *PROGRIS RIPORT* (вместо *Progress report*), добавляя значимости этим заметкам через прописные буквы.

Для того, чтобы акцентировать необычайно высокую мотивацию повышения образования главного героя, его целеустремленность, силу воли и упорство, Дэниел Киз заставляет Чарли Гордона самостоятельно обратиться в специальный центр для отсталых взрослых при местном колледже, где он становится одним из лучших учеников в классе мисс Кинниан. Языковой образ его интеллекта этого этапа репрезентируют крайне ограниченные знания о мире, ошибочное написание знакомых ему слов и неверное понимание незнакомых, нарушение грамматических правил (например, согласования времен – *She said that dont make a difrence because this test is something else*) (PR 4, March 6)), использование двойного отрицания. Один из самых ироничных примеров его ошибок следующий: *laboratory meens a place where they make **spearamints*** (вместо *experiments*) (PR 4, March 6). Его заметки отличаются простотой повествования, отсутствием фигур речи, использующих переносный смысл. Он не способен осмыслить свое состояние, его причины и нюансы. Когда ему все нравится, то он говорит, что он *feel good*, когда ему плохо – соответственно *feel bad*. Прямую речь он оформляет как косвенную, но цитирует дословно (*He sed sit down Charlie and make yourself cunfortible and rilax* – PR 2, March 4). Детскую непосредственность и наивность 33-летнего «ребенка» автор удачно подчеркивает введением образа кроличьей лапки, которую Чарли хранит еще со школы как талисман успеха (PR 2, March 4). Мышление ребенка подчеркивается и использованием многократного повторения слова для усиления его значения: *I dint see my mother or father or my littel sister Norma for a **long long long time*** (PR 3, March 5).

Тесты, которые проходит Чарли в лаборатории при подготовке к операции, вскрывают его повышенное чувство ответственности за то, что он выполняет, и его покладистость, честность, простодушие и добродушие, детскую непосредственность и открытость миру, хотя он совершенно не понимает смысла тестов. Здесь же автор иллюстрирует и отсутствие у героя воображения и фантазии. При этом он абсолютно лишен зависти и по-доброму воспринимает то, что лабораторная мышка Эджернон, которая успешно прошла подобную же операцию, выигрывает у него все тесты в лабиринте, относясь к этому как к получению нового опыта, он восхищен сметливостью маленького грызуна. *I **dint feel bad** because I*

watched Algernon and I lernd how to finish the amaze (maze = лабиринт) *even if it takes me along time. I dint know mice were so smart.* (PR 4, March 6). Обделенный любовью в детстве, своим желанием услужить он всячески добивается хорошего отношения к нему окружающих, зачастую принимая жалость за любовь.

Второй этап начинается с 8 марта (PR 6) и продолжается до начала апреля (PR 9) – это, собственно, сама операция и пробуждение интеллекта Чарли, но и начало его первых разочарований. Уже к 13 марта (PR 7) Чарли проявляет нетерпение, что абсолютно для него не характерно до операции, теряет покладистость и добродушие, становится раздражительным. При этом начинает мыслить логически и критически, хотя все еще довольно инфантильно. *If I got to werk hard anyway what did I have to have the operashun (= operation) for.<...> that made me kind of feel bad because I thot I was going to be smart rite away* (PR 7, March 13). Автор вкладывает в уста Чарли повторы с параллельными конструкциями: *Those amazes are stoopid. And those picturs are stoopid to.* (PR 8, March 15). Можно сказать, что в нем пробуждаются не самые лучшие человеческие качества, которых он был начисто лишен раньше. Например, можно уловить некую долю снобизма, когда он, оказавшись в университетской среде с одним из ученых, чувствует, что на него смотрят, как на чужого (*some of them look at me funny like I dont belong in a collidge*). И он готов начать хвастаться, что он скоро догонит и перегонит студентов в интеллекте (*started to tell them I was going to be very smart soon like them*) (PR 8, March 16). Бывший добряк Чарли становится почти агрессивным, постепенно реально оценивая степень своей умственной ущербности. *I hate the tests and I hate the amazeds and I hate Algernon. I never new before that I was dumber than a mouse.* (PR 8, March 17).

При этом автор очень убедительно устами самого непонимающего суть отношений к нему героя иллюстрирует открытое презрение и унижающие достоинство Чарли шутки его так называемых друзей из пекарни, издевающихся над его умственной отсталостью (PR 8, March 21). Общество, как правило, воспринимает таких людей, которые выпадают из жестких социальных норм поведения, скорее как сумасшедших, что справедливо отмечает в своем исследовании турецкий ученый Мехмет Али Селикель (Çelikel, M. A., 2020: 82).

В своих записях Чарли постепенно начинает делать гораздо меньше ошибок, начинает использовать разнообразные средства пунктуации, кроме точки. Его речь становится более выразительной, меняется его мышление, он становится более смышленным, самостоятельным и логичным в суждениях. *If you can get smart when your going to sleep why do pepul go to school.* (PR 8,

March 23). Чарли начинает подвергать сомнению прежние авторитеты, требует объяснений у ученых – например, у проф. Немюра о работе магнитофона и о программе, обучающей человека во сне, и пишет об этом эпизоде, используя научные термины: *But Dr Strauss said he should explain it to me because I was beginning to question authority* (PR 8, March 24). К нему постепенно возвращаются воспоминания. Акцентируя сильнейшую мотивацию главного героя получить образование, автор неслучайно одним из первых прорывов в беспамятстве заставляет Чарли вспомнить, как он сам пришел в школу для умственно отсталых взрослых с осознанным желанием учиться и познакомился с мисс Кинниан (PR 8, March 26).

1 апреля (PR 9) **наступает своеобразный кризис ситуации** сдвигов в интеллекте. В ответ на подначивание окружающих Чарли доказывает своим «друзьям» по работе, что он может управлять сложной машиной, и делает это лучше и быстрее, чем заболевший сотрудник. Именно теперь вскрывается реальное отношение окружающих к объекту их злобных розыгрышей – *Nobody laughed* (PR 9, April 1). Он не понимает суть изменений отношения сотрудников к нему в худшую сторону (*I don't know why Frank and Joe are mad at me*). Но, несколько сомневаясь, он делает совершенно верный вывод в отношении самого себя в последней фразе отчета за этот день: *Does that mean I'm getting smarter* (PR 9, April 1). В отношении окружающих герой все еще остается во власти иллюзий: *I said that all my friends are smart people and their good. They like me and they never did anything that wasn't nice* (PR 9, April 4).

К 8 апреля в записях почти нет орфографических и пунктуационных ошибок. Рост интеллекта Чарли стремительно набирает скорость, о чем свидетельствуют расширение словарного запаса, развернутые описания, использование сравнений и других средств образности.

Третий этап. 10 апреля можно отметить как новый этап в метаморфозах героя, происходит эмоциональный сдвиг. После очередной злой шутки своих сотоварищей у Чарли вдруг просыпается трагическое осознание сути происходящего – **его друзья издеваются НАД НИМ**. Языковой образ потери детской наивности и открытости миру Дэниель Киз создает при помощи целого ряда изобразительных средств. Автор романа заставляет своего героя попутно вспомнить еще несколько похожих ситуаций из детства и повторить почти подряд 4 раза одну и ту же фразу: *Laughing at me* (PR 9, April 10). Физическую боль от этого открытия герой описывает при помощи метафоры и сравнения: *inside my chest it feels empty, like getting punched and a heartburn at the same time*. И далее – *all of a sudden I felt naked* (Там же). Описание

этой сцены в романе вызывает прямые аллюзии к библейской истории о грехопадении: герой познал зло, осознал себя голым и устыдился: *I'm ashamed*. Как становится понятно из дальнейшего, устыдился не за себя, а за других, тех самых «нормальных» людей, на которых он стремился стать похожим (PR 9, April 13). Очень яркой сравнительной метафорой автор устами рассказчика описывает процесс пробуждения памяти Чарли: *It was like a big hole opened up in the walls of my mind and I can just walk through* (Там же). С этого момента в своих видениях-воспоминаниях он начинает видеть себя со стороны: *I think that fellow with the scared look on his face is me* (PR 9, April 13).

Он продолжает осознавать развитие своего знания о грамотности и о мире в целом как то, что он «*getting a little smarter every day*» (Там же), но свои психологические инсайты автор не позволяет герою комментировать. Чарли еще не понимает, что с процессом роста образованности он начинает меняться и сам, а его воспоминания вскрывают его детские травмы. Д-р Штраус на психоаналитических сеансах говорит Чарли, что воспоминания и самоосознание помогут ему решить его проблемы. Но герой все еще наивно считает, что *I didn't have any problems* (PR 9, April 14).

На этом уровне повествования автор вводит в уста Чарли новое понятие и новую характеристику происходящих внутри него процессов. Вместо определения “smart” (уровень разговорной лексики) он начинает использовать определение «intelligent» (литературный термин), тем самым расширяя прежний концепт, связанный только с получением новых знаний и пониманием сложных текстов, с более широким смыслом взросления психического, эмоционального и социального. Именно в этом смысле героя предупреждает Д-р Штраус о возможном отставании его психического развития: *Your intellectual growth is going to outstrip your emotional growth* (PR 9, April 14). И действительно, несмотря на значительный рост показателя IQ Чарли все еще полон иллюзий и надежд на свое «воссоединение» со всем остальным миром: *When I become intelligent the way Prof. Nemur says, with much more than twice my I.Q. of 70, then maybe people will like me and be my friends* (PR 9, April 16).

Языковой образ растущего интеллекта Чарли пополняется использованием многочисленных психологических терминов, пониманием некоторых психологических процессов: *my subconscious is trying to block my conscious from remembering* (PR 9, April 17), он успешно учится применять свои новые знания на практике и активно занимается использованием метода свободных ассоциаций, пытаясь объяснить себе свои ночные кошмары и видения-воспоминания из прошлого: *then I started to free associate* (Там же). Это приводит его еще к одному трагическому открытию –

реальности человеческого обмана (воспоминание о школьном эпизоде с подписью на подарке девочке к дню Святого Валентина (Там же)), что вызывает у Чарли гнев и недоверие к окружающим. Вспышки гнева становятся со временем все сильнее и чаще. Он постепенно становится подозрительным и скрытным: *I guess I was pretty dumb because I believed what people told me* (Там же). Параллельно у него обостряется чувство собственного достоинства, он начинает претендовать на некоторую сокровенность своих внутренних переживаний и просит у ученых разрешения не все заносить в свои Отчеты.

Постепенно в воспоминаниях появляется новая особенность. Чарли не просто вспоминает себя в прошлом, но осознает в себе наличие *another Charlie* (PR 10, April 21), отчужденного от себя нового, интеллектуально развитого, наблюдающего за ним новым и даже мешающего его развитию, его поведению с другими, он пишет о нем в третьем числе. И одновременно начинает понимать, что его интеллектуальный рост делает его еще более одиноким. Работа в пекарне перестает доставлять удовольствие: *all of the pleasure is gone because the others resent me* (PR 10, April 21). *It makes the job kind of lonely* (PR 10, April 21), – хотя он получает повышение в зарплате. С ним больше не общаются по-прежнему, изменения в нем никому не понятны, а непонятное отпугивает. *Everyone seems frightened of me*. И далее – *I can feel the hostility* (PR 10, April 22). Процесс самопознания оформляется в Отчетах огромным количеством вопросительных предложений, среди которых и риторические вопросы *Was that really me? Why should it suddenly start to bother me?* (April 18)

Наступает пора разочарования даже в самых идеальных для Чарли людях – в ученых, которые, собственно, и способствовали стремительному развитию интеллекта героя. В первый раз он увидел их как обычных людей – *not gods or even heroes, but just two men worried about getting something out of their work* (PR 10, April 24). Более того, людей, которые подходят к своему делу достаточно корыстно. Начинает рушиться идеал чистой науки как служения процветанию человечества. Новые знания, растущий интеллект крушит прежние ценности (например, идея бога), делает все в мире ненадежным, зыбким. *One of the important reasons for going to college and getting an education is to learn that the things you've believed in all your life aren't true, and that nothing is what it appears to be* (PR 10, April 27).

Четвертый этап трансформаций героя – его болезненные воспоминания об отношениях в семье, об истеричке-матери, которая сначала бьет его, чтобы он стал, как все, не признавая его изначальную ущербность и неспособность учиться, а потом бьет его от собственного бессилия что-то изменить, и из

страха, что растущая сексуальность Чарли может навредить родившейся нормальной младшей сестре Норме.

Влюбленность в Алису Кинниан меняет его эмоциональный настрой. Его чувственный мир становится все более богатым, глубоким, но и противоречивым, часто агрессивным. *I hated her as I had never hated anyone before – with her easy answers and maternal fussing. I wanted to slap her face, to make her crawl, and then to hold her in my arms and kiss her* (PR 11, May 1). Чарли осознает себя личностью и понимает, что умственная отсталость – не повод отказывать такому человеку в уважении к его индивидуальности: *I'm a person. I was somebody before I went under the surgeon's knife. And I have to love someone* (PR 11, May 3).

Однако вместе с осознанностью и самопознанием появляются элементы его ответственности за окружающее. Он оказывается перед сложной проблемой этического выбора, не зная, как поступить, когда обнаруживает, что старший пекарь Гимру, который работает у Доннера больше 15 лет, ворует деньги из кассы. Отсутствие «взрослого» опыта взаимоотношений с людьми, неуверенность в верности своих поступков, бегство от личной ответственности проявляются не только в социальной сфере, но и в личностных отношениях, что замечает ему мисс Кинниан: На этой же позиции (об эмоциональной незрелости Чарли) стоит и доктор Штраус. *But I've got to accept the fact that the fears and blocks triggered in these sexual situations reveal that emotionally I'm still an adolescent – sexually retarded* (PR 11, May 9).

11 мая можно отметить как новую фазу развития событий и характера героя – он сам делает выбор в сложной ситуации и начинает больше доверять своей интуиции, активно занимается самообразованием, но и переживает болезненный разрыв со своим прежним домом – пекарней. Одновременно начинается и трагическое осознание непреодолимой пропасти между ним и «нормальными» людьми. Разговоры студентов теперь ему кажутся детским лепетом, даже университетская профессура для него больше не авторитеты, но жалкие трусы: *And how foolish I was ever to have thought that professors were intellectual giants. They're people – and afraid the rest of the world will find that out* (PR 11, May 15).

Это осознание «разрыва с миром» усугубляется и увольнением из пекарни по ультимативной петиции тех, кого Чарли все еще считает своими друзьями, даже несмотря на свои болезненные открытия о сущности отношения сотрудников к нему. *Before, they had laughed at me, despising me for my ignorance and dullness; now, they hated me for my knowledge and understanding. Why? What in God's name did they want of me?* (PR 11, May 25).

В отношениях к людям Чарли тем не менее продолжает оставаться наивным романтиком, хранить детскую веру в человеческую доброту и справедливость, он по-прежнему чист душой и не может понять предательство тех, кого он любит. Парадоксально он связывает предательское поведение не с подлостью человеческой натуры, а с ростом своей образованности. *This intelligence has driven a wedge between me and all the people I knew and loved, driven me out of the bakery. Now, I'm more alone than ever before* (PR 11, May 20). Стоит отметить, что в записях Чарли появляется богатое разнообразие слов для умственной отсталости (*handicapped, moron, dull-witted, stupid, feeble-minded, dumb*).

Эмоциональные метания героя автор очень удачно передает через чисто физические действия Чарли – он мечется по городу, бродит по улицам, заглядывает в окна домов и задает себе бесконечные вопросы (*not the relaxing stroll of a summer night, but the tense hurry to get – where? <...> wanting someone to talk to and yet afraid to meet anyone <...> hurling myself against the neon cage of the city. Searching... for what?*- PR 12, June 8). Он сам не понимает себя, несмотря на то, что уровень интеллекта на этот момент у него почти втрое выше начального (IQ 185 – June 6).

Начиная с PR 13, June 10 можно считать **следующей фазой** развития сюжета и интеллекта Чарли. Во время полета в Чикаго на научный форум Чарли осознает в результате воспоминаний о детстве, что его страстное желание учиться и стать как все было результатом болезненного нежелания матери смириться с его умственной ущербностью (PR 13, June 10).

Рост его самоосознания и самоуважения заставляет его выдвигать большие претензии к его ученым «крестным отцам», особенно к проф. Немюру, который рассматривает его лишь как объект лабораторного эксперимента, уравнивая его с мышкой Algernon. На протяжении нескольких записей подряд Чарли записывает свое возмущение самодовольством Немюра, упрекая его в эгоизме и неуважении к его, Чарли, индивидуальности. *How can I make him understand that he did not create me? (June 10)? If only Nemur would look at me as a human being. (June 13)*. Человеческое достоинство героя оказывается еще более уязвленным, когда ученой публике на форуме демонстрируют видеозаписи с поведением и реакцией умственно отсталого Чарли до операции, что вызывает взрывы хохота. Автор заставляет своего героя почувствовать всю глубину трагедии загнанного изгоя, используя очередную точную метафору: *Like Algernon, I found myself behind the mesh of **the cage they had built around me*** (PR 13, June 13). В своем отчаянии, гневе и осознании беспомощности он совершает акт мести – выпускает Algernon из его клетки и со злорадством наблюдает, как

напыщенные ученые мужи суетятся в зале, пытаюсь поймать маленькую белую мышку.

С ростом интеллекта и чередой разочарований в окружающем мире Чарли теряет одно из своих главных достоинств – терпеливое смирение и добродушие. Об этом ему несколько раньше говорит один из младших сотрудников лаборатории, Burt: *But you're lopsided. You know things. You see things. But you **haven't developed understanding**, or – I have to use the word – **tolerance*** (June 11). Он перестает прощать людям их грехи и неправду, с Немюром он ведет себя порой жестоко, разоблачая перед другими ограниченность его знаний (June 11). Однако стоит отметить, что у Чарли есть все основания так действовать и чувствовать себя обделенным людским уважением. Попутно во время симпозиума к Чарли приходит еще одно трагическое осознание: он понимает ошибку в выводах Немюра и то, что его выросший интеллект может оказаться величиной непостоянной: *I may not have all the time I thought I had...* (PR 13, June 13).

Новый этап развития общепризнанного гения (PR 14) характеризуется тем, что он становится зрелой личностью и начинает брать ответственность в критической жизненной ситуации на себя. И первое, что он решает сделать, – познакомиться со своими родителями и сестрой. Он детализирует свои воспоминания о семье. Двойственность отношения к нему матери (Розы) и соответственно непонимание ее отношения рождало уже в детстве сложные душевные движения у Чарли, он ее любил и панически боялся: *I want her to take me into her arms and tell me I am a good boy, and at the same time I want to turn away to avoid a slap ...* (PR 14, June 15). Сестра рождала жгучее чувство ревности и ненависти, что она отняла у него любовь матери. Автор вкладывает в уста Чарли горькую иронию, выраженную изысканной метафорой: *when **Norma flowered** in our garden **I became a weed**, allowed to exist only where I would not be seen, in **corners and dark places*** (PR 14, June 15). Отца (Мэтта) он вспоминает с гораздо более теплым чувством, отец всегда его защищал и готов был принять его таким, каким он был (PR 14, June 20), т.е. не похожим на всех остальных детей.

Именно к нему он идет первым. Но отец не узнает его, когда Чарли находит того в его собственной парикмахерской. И Чарли переживает очень сложную гамму чувств, одновременно чувствуя себя маленьким мальчиком, ждущим от отца ласки и понимания, и взрослым мужчиной, добившимся в жизни небывалых высот знаний и умений (PR 14, June 20). Весь предыдущий опыт недоверия и разочарований заставляет его думать, что не стоит открываться отцу, который вряд ли сможет порадоваться его прогрессу, как и все остальные «нормальные» люди, которые его

отвергли раньше, потому что *my growth diminished him* (PR 14, June 20). Итак, на созревание самостоятельной личности и гениальной индивидуальности в этом странном эпистолярном романе уходит 4 месяца.

Кроме вопросов к прошлому по поводу отношений в семье автор продолжает исследовать корни проблем Чарли, связанные с взаимоотношениями полов. Сложные сексуальные отношения протагониста и необычной, свободной в своем поведении и мыслях художницы Фэй Лиллман (PR 14, June 30) заставляют его понять, что провал первых сексуальных попыток связан с его детскими травмами, с тем самым *another Charlie*, которого герой все время видит наблюдающим за ним со стороны. Многие страницы его последних отчетов практически представляют собой психоаналитические сессии выуживания из глубин бессознательного героя факты агрессивно-жесткого подавления его детской сексуальности истеричкой-матерью. Герой приходит к пониманию, что несчастный маленький имбецил остался в его психике наряду с образованнейшим гением, новым Чарли, и что это его детские страхи мешают его сексуальным отношениям с женщинами. Осознав и преодолев этот страх усилием воли с Fay, а позже – и с Алисой, он решает эту болезненную проблему (конец записи от June 25).

Следующий этап развития характера и сюжета начинается, на наш взгляд, с записи от 29 июня (PR 14), когда Чарли решает вернуться в лабораторию к ученым вместе с Эджерноном и начать собственное исследование ошибки Немюра, продолжить эксперимент над его собственным интеллектом. Именно в этот период герой начинает особенно остро осознавать обратный отсчет времени в своей дальнейшей судьбе.

В последних отчетах автор рисует нам Чарли как человека высокой чувствительности и ответственности. Об этом уже свидетельствует несколько более ранняя запись (от 24 июня) о ситуации в кафе, когда над умственно отсталым официантом, уронившим поднос, смеется публика. И Чарли ловит себя на том, что он тоже присоединяется к этому проявлению высокомерия и жестокости. Автор устами изрядно умудренного своим новым опытом героя ставит серьезную социальную проблему: почему общество с терпимостью и пониманием относится к физическим уродствам, но позволяет себе унижать человека с ментальными отклонениями. *How strange it is that people of honest feelings and sensibility, who would not take advantage of a man born without arms or legs or eyes – how such people think nothing of abusing a man born with low intelligence* (PR 14, June 24). Свою ответственность Чарли чувствует и перед на его глазах угасающим Эджерноном и делает

специальное распоряжение взять на себя лично заботу о мышке после ее смерти, т.к. он воспринимает Эджернона как своего настоящего друга.

Было бы неверным утверждать, что сам автор, Дэниель Киз, не верит в возможности науки помочь умственно отсталым людям преодолеть их разрыв с обществом, стимулируя развитие их интеллекта. Однако можно с достаточной долей уверенности сказать, что вывод, к которому приходит герой романа в результате самого интенсивного изучения всего, что достигнуто психологией, нейробиологией и другими науками о человеческом интеллекте, – это вывод самого автора и он достаточно трагичен. Основы взглядов современной науки о человеке, записывает Чарли в отчет, – только лишь гипотезы, ученые принимают желаемое за действительное (PR 15, July 12).

Принимая трагическую перспективу своего возвращения на уровень умственной отсталости как равнозначную своей психической смерти, герой посещает хоспис в Уоррене, где для него с самого начала было зарезервировано место на случай провала эксперимента (Warren Home and Training School), что он характеризует с долей черного юмора: *As if I were ordering my coffin, to sit in before I died.* (PR 15, July 12). Позволим себе несколько патетически отметить, что Чарли поднимается на высоты самоотречения, всего себя целиком посвящая исследованию, осознавая свой вклад как добровольную осознанную жертву ради того, чтобы помочь таким, каким он был, несчастным людям. Такая самоотдача приносит в его жизнь ощущение высшего счастья: *I'm living at a peak of clarity and beauty I never knew existed* (PR 16, July 31).

Вся его деятельность последние месяцы до его регрессии – это попытки поставить все точки над «i» со всем своим окружением. Он в глаза высказывает все, что он думает о самом Немюре и о ситуации с экспериментом в ответ на упрек о неблагодарности. Кульминация этой своеобразной проповеди (Чарли сам так иронически определяет свою пламенную речь – *a sermon*) – это утверждение о том, что знания, образование в чистом виде могут привести к насилию и боли, интеллект не значит ничего без теплоты человеческого чувства: *intelligence and education that hasn't been tempered by human affection isn't worth a damn* (PR 16, Aug 11). Продолжает эту же мысль турецкий исследователь М.А. Селикель, отмечая, что образование и интеллект дают возможность общественного признания, но не счастья. А излишек интеллекта так же не особенно приветствуется в обществе (Çelikel, M. A., 2020, p.87)

Второе важное заключение героя, что весь его страстный поиск знания оказался, по сути, поиском Любви, человеческого участия:

All too often a search for knowledge drives out the search for love (PR 16, Aug 11). Финальная сцена этого вечера – разговор с «другим Чарли», отразившемся в зеркале уборной, почти зеркально повторяет трагическое озарение того дня, когда Чарли вдруг понял реальную суть отношений к нему других людей. Автор заставляет героя честно посмотреть на себя и принять, что часть упреков Немюра (об эмоциональной бесчувственности, об эгоизме, эгоцентричности) не лишена основания: *I was incapable of making friends or thinking about other people and their problems. I was interested in myself, and myself only<...>. And I was ashamed* (PR 16, Aug 11). Если раньше он устыдился за окружающих, то теперь ему стыдно за себя. Это свидетельствует о высоте эмоциональной и духовной зрелости героя.

Следующая фаза начинается с середины сентября, когда Чарли фиксирует в своих отчетах начинающиеся симптомы его собственной регрессии: проблемы с памятью, необоснованные приступы агрессии, потерю ориентации в пространстве. Предвосхищая трагизм финала, автор устами протагониста отмечает в дневнике смерть Эджернона, которого герой в слезах хоронит на заднем дворе. В своей попытке окончательно примириться со своим прошлым Чарли встречается с матерью и сестрой. Он наконец счастлив почувствовать себя в новой для него роли – заботливого, успешного и сильного старшего брата (*the big brother – Sept 27*) и оставляет им деньги и свой научный отчет, чтобы они могли гордиться вновь обретенным сыном.

5 октября он в последний раз приходит в лабораторию и понимает, что он с трудом выполняет прежние тесты. Он все еще ясно и образно мыслит, но отказывается приходить на очередную встречу с Бертом. Автор использует горькую метафору движущегося лифта, вкладывая в уста Чарли ощущение от осознаваемой им самим регрессии: *I passed your floor on the way up, and now I'm passing it on the way down, and I don't think I'll be taking this elevator again.* (PR 17, Oct 5).

В течение октября у Чарли ухудшается память, нарушается координация движений, он забывает все 20 иностранных языков, не помнит прочитанных книг, не понимает свой собственный научный отчет, нарастает агрессия.

1 ноября в Отчетах появляются проблемы с орфографией, он, как и в начале эксперимента, перестает употреблять апостроф в сокращенных формах глагола (*cant, Im, Ive, wasnt*), перестаёт ставить запятые и иные знаки препинания, кроме точки (*At first I thought it was a silly book because if he wasnt crazy he could see that windmills werent dragons and there is no such thing as sorcerers and enchanted castles but then I re-memberd that there was something else*

it was all supposed to mean—something the story didnt say but only hinted at), косвенную речь оформляет через прямую цитату и пр. (PR 17, Nov 1). К 11 ноября грамотность падает до предоперационного уровня. Однако у него по-прежнему высокий уровень чувства собственного достоинства. Он не хочет принимать сочувствие от мира и отказывается видеться даже с Алисой. Его уязвленная гордость заставляет его отказываться и от денег, которые приносит Алиса и д-р Штраус: *I wont take charety from anybody*. (PR 17, Nov 11) Однако его угасающий разум все же заставляет его понять, что он должен найти работу, чтобы не быть обузой и платить за снимаемую комнату.

Своеобразной композиционной рамкой служат в романе эмоциональные, почти дословные повторы в конце романа фраз из первых Отчетов протагониста. Снова всплывает образ кроличьей лапки, связанной с удачей: *I think I know why I been haveing bad luck. Because I lost my rabits foot and my horshoe*. (PR 17, Nov 10). Снова появляется мечта об умении читать и писать: *Please... please...don't let me forget how to reed and rite* (PR 17, Nov 16). Свое внутреннее состояние герой снова определяет только двумя фразами: *feel good, feel bad* (PR 17, Nov 18)

18 ноября Чарли записывает, что он снова работает в пекарне, где к нему относятся с гораздо большим сочувствием, чем раньше. Тем не менее, в конце концов протагонист решает полностью порвать с миром и удалиться в хоспис в Уоррене, где никто не знаком с его трагической историей. Он уже не знает, почему он снова стал ущербным. От его прежних знаний не остается ничего, кроме смутного воспоминания, что он сделал большой вклад в науку. *Anyway I bet Im the frist dumb persen in the world who found out some thing inportent for sience. I did somthing but I dont remembir what. So I gess its like I did it for all the dumb pepul like me in Warren and all over the world*. (PR 17, Nov 18).

Герой постепенно теряет озлобленность и агрессивную гордыню, но сохраняет определенную дозу мудрого подхода к жизни. Он благодарен миру за то, что получил хотя бы на короткое время способность получить обширные знания: *second chanse in life <...> to be smart*. (Там же) Он особенно выделяет в эксперименте возможность вспомнить о своей семье и примириться с родственниками: *Now I know I had a family and I was a person just like everyone*. (Там же) Его больше не раздражает, когда над ним смеются: ***if they make fun of you dont get sore because you remember their not so smart like you once thot they were***. (Там же). Он снова открыт миру, по-детски наивен и добросердечен, хотя он помнит о своем единственном настоящем друге, мышке Элджернон. Поэтому в своем последнем Отчете Чарли просит Алису положить

цветы на его могилку на заднем дворе (PR 17, Nov 18). Таким образом, потеряв грамотность и глубину знаний о мире, социальные связи и амбиции, протагонист не теряет своей эмоциональной чуткости, добросердечия, отзывчивости и глубинной мудрости в отношении к людям и миру.

Итак, языковой образ роста, а затем деградации интеллекта главного героя романа оказывается неразрывно связанным с эмоциональной и социальной сферой деятельности Чарли Гордона как языковой личности. Он реализуется широким спектром лингвистических и стилистических художественных средств, а также на уровне композиции и сюжетостроения романа.

Литература

Keyes Daniel. *Flowers For Algernon*. – Режим доступа: <https://booksvooks.com/nonscrollablepdf/flowers-for-algernon-pdf-daniel-keyes.html?page=11> (дата обращения: 01.09.2021).

Çelikel M.A. Mental health and being smart in Daniel Keyes' *Flowers for Algernon*. – *Literacy Treck* 2020 6 (2). *Literary Articles and Essays*. – Pamukkale University, Turkey. – P. 81-90. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/347661414_Mental_Health_and_Being_Smart_in_Daniel_Keyes'_Flowers_for_Algernonhttps (дата обращения: 01.09.2021).

Scholes Robert. *Structural Fabulation: An Essay on Fiction of the Future*. – University of Notre Dame Press, 1975. – P. 45–76.

LANGUAGE IMAGES REPRESENTING METAMORPHOSIS OF THE PERSONALITY IN THE NOVEL “FLOWERS FOR ALGERNON” BY DANIEL KEYES

N.P. Neuzorova

Abstract. The article is devoted to the analysis of different-level artistic tools representing the image of the evolution and degradation of the intellect of the feeble-minded hero Charlie Gordon, who, in the process of his education growth, learns and analyzes himself and the world around him, thinks about the connection between intellect and the emotional and social side of his personality.

Key words: linguistic image, mental retardation, artificial intelligence growth, self-awareness, emotional and social intelligence.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ДИНЫ РУБИНОЙ

С.В. Петрова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
petrova@bsu.edu.ru

В.А. Черкасов

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
cherkasov@bsu.edu.ru

Д. Шимоник

Польша, г. Седльце, Институт региональной культуры
и литературоведческих исследований им. Франциска Карпинского
d.szymb@op.pl

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности метафорических образов в художественных текстах Дины Рубиной. Определены тематические группы лексики, которые используются писателем для создания образной картины мира, охарактеризованы структурно-семантические особенности метафоры как одного из основных средств языковой выразительности в произведениях писателя, выявлена функциональная направленность тропа в прозе исследуемого автора.

Ключевые слова: троп, метафора, языковой образ, семантика, художественный текст.

Художественный образ является одной из важных категорий прозаического текста, сложным образованием, соединяющим в себе частное и общее в интерпретации явлений окружающего мира. В творчестве любого писателя обнаруживается индивидуальное, неповторимое в художественном осмыслении действительности, а также типическое, традиционное. При изучении языковых особенностей художественного текста в центре внимания оказывается специфика использования автором номинаций в ткани произведения. В текстах писатель вербализует свое представление о мире в индивидуальной языковой системе. Семантика лексем в художественном тексте не ограничивается их прямым номинативно-предметным значением. Значение слова в контексте всего произведения наполняется новыми разнообразными смысловыми оттенками.

Материалом для изучения стала проза талантливой писательницы Дины Рубиной, а именно роман «Белая голубка Кордовы». Для произведений автора характерно использование широкого спектра средств языковой выразительности, которые в настоящее время не являются достаточно изученными с точки зрения их функционирования в идиостиле прозаика.

В лингвистике образ трактуется «как результат отражения

реалии в языке и сознании и как единица лексико-семантической системы» (Илюхина 1999: 372). По справедливому замечанию Н.А. Илюхиной, образ «в лексико-семантическом аспекте представляет собой единицу, аккумулирующую разнообразные признаки реалии... и во всем разнообразии этих признаков эксплицирующуюся соответствующими лексическими средствами» (там же: 372).

Художественные образы достаточно часто становятся объектом лингвистического семасиологического исследования (Будагов, 1967; Виноградов, 1958, 1971, 1980; Ларин, 1974; Бахтин, 1979; Винокур, 1991; Илюхина, 1999; Туралина, 2001; Шинкаренко, 2005; Шувалов, 2006; Чумаков, 2008; Иваненко, 2016 и др.).

В романе «Белая голубка Кордовы» Дина Рубина использует различные тропы для образного изображения окружающего мира, всех сфер жизни человека. Под тропом традиционно понимается употребление слова в переносном значении для описания предметов и явлений с помощью дополнительных смыслов, свойственных данной лексеме, иногда утрачивающих свою связь с ее основным значением. Особый интерес для нас представляет обращение Дины Рубиной к метафоре как одному из важнейших элементов художественной речи, одному из главных средств создания образной языковой картины мира.

Классическим является определение термина, предложенное в «Словаре лингвистических терминов»: «Метафора – это троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.» (Ахманова 1969: 231).

Метафорические образы в языке прозы писательницы появляются на основе сильных ассоциаций. Автор, используя разные группы лексики, создает тонкие, эмоционально наполненные, яркие образы, фиксирующие и преображающие порой даже самые незаметные детали объективного мира.

В процессе анализа лексического массива текста выявлено, что в романе «Белая голубка Кордовы» в метафорический процесс вовлекаются 62 языковые единицы, входящие в тематические группы: «Соматическая лексика» (*каре, колени, ребра, шкура, суставы, морщины, ладони, рана, физиономия, хребет*), «Названия предметов быта» (*гармоника, скрепы, крышка, кольцо, щель, коржик, игла, лапти, телега, пластина, макаронина, гирлянда, экспресс, брендспойт*), «Драгоценные камни и металлы» (*россыпь, серебро, слиток, бирюза, малахит, янтарь*), «Наименования земного ландшафта» (*гора, ущелье, островок*), «Названия водных объектов» (*море, ручеек, струя*), «Названия физических состояний» (*хватка, объятие, конвульсия, безмолвие, кипяток, соитие, сгусток*), «Наименования растений и их частей»

(*поросль, кожура*). Как правило, все указанные номинации являются единичными употреблениями в структуре метафоры, лексемы *слиток, ребра, сгустки, янтарь, серебро* встречаются в романе дважды в составе образных употреблений.

Репрезентанты данных тематических группы обладают неисчерпаемым семантическим потенциалом для реализации в языке прозы Дины Рубинной широкого спектра смыслов, связанных с материальной и духовной жизнью человека. Как справедливо отмечает Г.Н. Складаревская, «ассоциации могут соединять разные факты действительности: одну картину (ситуацию, совокупность действий и т.п.) с другой, одну картину с несколькими, один предмет с несколькими, один предмет с другим. В результате сопоставления двух картин получится образ» (Складаревская 1983: 55).

Функциональная направленность метафор в романе исследуемого автора разнообразна. Данное образное средство используются для описания природных явлений и объектов окружающего мира, например: *Эксперт навел лупу на холст: под увеличительным стеклом выгнулся **румяным коржиком** конек крыши; В **ущельях** улиц они отбрасывали красноватый отсвет на неровные стены кирпичной кладки; Сквозь **ребра** зеленых ставен на красный каменный пол легли полосы жаркого солнца...*(Рубина 2009: 6, 29, 58); с целью лингвистического портретирования человека, например: *Тот встрепенулся, зыркнул белками глаз и недоверчиво растянул в темноте белую **гармонику** улыбки; Меир-Зигмунд поднял на нее свои, **запертые в темницу** ресниц, слезящиеся глаза* (Рубина 2009: 1, 51); для описания абстрактных понятий, например: *С одобрением он отметил, что она тоже принадлежит к породе хранителей, кто не дает упасть ни колоску с **телеги** воспоминаний – и не только своих* (Рубина 2009: 40). Преобладающими в романе «Белая голубка Кордовы» являются метафорические контексты, в которых создается образ объектов материального мира, пейзажа.

Анализ лексической сочетаемости репрезентантов указанных тематических групп лексики с другими языковыми единицами в прозаических текстах Д. Рубинной позволил определить их основные потенциальные семы: 'форма', 'цвет', 'твердость', 'качество', 'изысканность', 'величина', 'гибкость', реализующиеся в метафорических контекстах.

В качестве метафорического компонента образа частотными являются номинации-соматизмы, например: *Вот и сейчас: какого черта ты дернулся, ведь это только виноградные листья в окне, ласковые **ладони** бурых виноградных листьев шарят по стеклу; Уже были открыты все сувенирные магазины, и замкнутая утром **физиономия** города сейчас **подмигивала** со стен и*

*полок распахнутых лавок **сине-лазоревыми, голубыми, зеленоватыми** тонами местной керамики, сияла **золотыми фиксами** клинков и черненых блюд в стиле «дамаскене» (Рубина 2009: 41, 32).*

Необычайные по своей силе воздействия на эмоции и чувства человека картины окружающего мира в прозе Д. Рубиной рождают многочисленную и разнообразную по своей семантике метафорику. Названия предметов быта, соматическая лексика, наименования растений, наименования драгоценных камней и металлов, названия водных объектов, выступающие в роли метафорического компонента образа в художественных текстах писателя, реализуя свои потенциальные возможности, репрезентируют различные значения и используются, в первую очередь, при метафорическом моделировании пейзажей. В анализируемых контекстах словесная визуализация предметов окружающего мира имеет, как правило, положительную коннотацию. Лексика данных тематических групп в силу своей семантики выступает как одно из главных языковых средств в тезаурусе исследуемого писателя, использующихся для эстетизации описываемых реалий.

Проведенный анализ метафорических конструкций с точки зрения частеречной принадлежности метафоризируемого компонента показал, что в художественном дискурсе Д. Рубиной функционируют именные и глагольные метафоры, преобладающими среди них являются именные модели. Например: *Не любил съезжать по этим петлям в темноте, но недавно дорогу расширили, частью осветили, и верблюжьи **горбы** холмов, что прежде сдавливали тебя с обеих сторон, проталкивая в **воронку** пустыни, словно бы нехотя расступились...; Так и солнце **ощупывало** мир из-за облачного покрова, находя все новые лазейки для того, чтобы выплеснуть жгучие **языки** желтого ослепительного света на колокольню собора, на его стрельчатые окна и драконий **хребет** остроконечной крыши (Рубина 2009: 1, 43).*

Для реализации образного значения Дина Рубина в романе «Белая голубка Кордовы» использует различные типы метафорического контекста. В современных лингвистических исследованиях приводятся различные точки зрения на понимание метафорического контекста. Н.А. Туранина под метафорическим контекстом понимает «бинарное (минимальное) или многочленное (максимальное) словосочетание или предложение, являющееся достаточным для реализации метафорического значения слова» (Туранина 2001: 22). Опираясь на определение, предложенное Н.А. Тураниной, под метафорическим контекстом мы понимаем отрезок текста различной продолжительности, который будет достаточным для выявления переносного значения слова и

понимания его полисемантической природы и полифункциональной направленности.

Для определения параметров метафорического контекста учитывается грамматическая характеристика компонентов метафорического контекста, соотнесенность с определенной синтаксической структурой; семантико-грамматические отношения между компонентами метафорического контекста.

Образные компоненты значения реализуются в составе предикативных и непредикативных единиц, выступающих в качестве необходимых условий для однозначной семантизации тропа.

Частотным для индивидуально-авторской метафоры в романе Дины Рубиной является непредикативный контекст, в рамках которого происходит метафорическое преобразование значений указанных групп лексики. Например: **кокон** одеяла; **задворки** небес; **ребра** скал; **шкура** воды; **лапти** кактусов; **макаронины** крыши; **рана** заката; **окрестности** небосвода (Рубина 2009: 1, 3, 8, 9, 27, 28, 36).

Метафорическая образность лексики в текстовом пространстве исследуемого автора раскрывается также в рамках предикативного метафорического контекста, приравненного к простому или сложному предложению, а также сверхфразовому единству. Данные структуры используются для объективного осмысления созданных писательницей образов.

Метафорический контекст, приравненный к простому предложению, например: *На дальнем холме краснела темным **янтарем** мощная цитадель Семинарии; Огромная луна царила над этой скалой, изливая призрачный блеск на дружные острия церквей и тесные **островки** кипарисов* (Рубина 2009: 27, 30).

Метафорический контекст, приравненный к сложному предложению, например: *Внизу, в окружении пальм, **полированной крышкой рояля** лежал бассейн, в котором **скакала желтая ломкая луна**; Город под ним остывал; внизу, в его глубоких извилистых **морщинах, тлеющими углями забытого костра** зажигались фонари* (Рубина 2009: 1, 29). Данный вид контекста является преобладающим по частотности в анализируемом романе.

Метафорический контекст, приравненный к сверхфразовому единству, например:

*Потом она вернулась, восстановилась в пединституте и вроде все утряслось. Вот как раз это слово: утряслось – очень ситуации подходило. Так вулкан, **сотрясаясь в конвульсиях**, извергнув из жерла тонны раскаленной лавы и базальтовых глыб, успокаивается на время, до следующего извержения. И никогда в окрестных деревушках и городках не знают рокового часа*

следующего катаклизма. Так и семья каждый раз бывала оглушена очередным **извержением вулканической Риткиной воли**, ее абсолютной неспособностью соразмерить хотения с обстоятельствами времени и места. И жизни, черт побери. Нормальной человеческой жизни. (Рубина 2009: 50).

Метафора для писателя является универсальным средством для воплощения собственной интерпретации окружающей действительности. Наименования предметов быта, соматизмы, наименования камней и металлов, названия земного ландшафта в прозе Д. Рубиной активно вовлекаются в метафорический процесс, что позволяет автору создавать интенсивные и оригинальные метафорические образы, повышающие экспрессивность художественного текста. Семантическая оригинальность языка прозы проявляется в актуализации, интенсификации потенциальной семантики указанных номинаций, функционирующих для описания реалий окружающей действительности. Анализируемые лексемы используются Д. Рубиной как универсальное средство для эстетизации действительности. В ряде случаев метафоризация в романе автора обнаруживает примеры классического образупотребления ряда номинаций, что позволяет говорить о продолжении традиций русских писателей в создании художественной картины мира. Однако некоторые образные употребления языковых единиц отражают индивидуально-авторское осмысление реалий окружающего мира.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1969. – 608 с.

Илюхина Н.А. Образ как объект и модель семасиологического анализа: Дисс. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 1999. – 372 с.

Рубина Д.И. Белая голубка Кордовы. – М.: Эксмо, 2009. – 544 с.

Скляревская Г.Н. К вопросу о метафоре как объекте лексикографии // Современная русская лексикография. – Л., 1983. – С. 55.

Туранина Н.А. Индивидуально-авторская метафора в контексте и словаре. – Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 2001. – 75 с.

METAPHORICAL IMAGES IN THE LITERARY TEXTS BY DINA RUBINA

S.V. Petrova, V.A. Cherkasov, D. Szymonik

Abstract. This paper examines the features of metaphorical images in the literary texts by Dina Rubina. The thematic groups of vocabulary used by the writer to create a figurative worldview are determined, the structural and semantic features of metaphor as one of the main means of linguistic expressiveness in the writer's works are characterized, and the functional orientation of the trope in the prose of the author under study is revealed.

Key words: trope, metaphor, language image, semantics, literary text.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ТИПЫ ЭКВИВАЛЕНТОВ И КУЛЬТУРЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ)

О.В. Тищенко, А. Спишьякова

Словакия, г. Трнава, Университет св. Кирилла и Мефодия

oleh.tyshchenko@ucm.sk

andrea.spisiakova@ucm.sk

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема специфики перевода фразеологизмов в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на украинский, польский и словацкий языки. Материалом для настоящего исследования послужили переводные версии романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на другие славянские языки с фрагментарным анализом переводных образных (или безобразных) соответствий в английском языке. Особое внимание уделено типам эквивалентов и культуре, средствам их языковой концептуализации в оригинале и целевом тексте. Цель данной статьи – проанализировать национально-культурную специфику перевода отдельных групп фразеологизмов, выяснить типы межъязыковых фразеологических соответствий (полные, частичные, неполные соответствия, аналоги), определить специфику функционирования лингвокультурем (безэквивалентной лексики), культурных и образных когнитивов, интернациональной и интертекстуальной фраземики в художественном тексте. Рассмотрены механизмы мотивации образности, лексико-грамматические трансформации номинативных единиц, специфика передачи отдельных культурно маркированных реалий, функции предметных символов, синонимические варианты фразеологических оборотов в художественном и семиотическом пространстве М.А. Булгакова. Предложенный подход позволяет реконструировать национальную и концептуальную картины мира, стоящие за знаками вторичной (косвенно-производной и образно-характеризующей) номинации, их прагматические, ценностные и функционально-стилистические особенности в сопоставляемых лингвокультурах.

Ключевые слова: фразеологизм, эквивалент, аналог, культура, художественный перевод.

Обращение к писательскому фразеолоксикону способствует решению и такой проблемы фразеографии, как достижение «полноты охвата фразеологического материала». Принцип или категория «полноты» рассматривается, как правило, в двух аспектах. Во-первых, ставится задача максимальной детализации толкований и экспрессивных потенций фразеологизмов, что предполагает многоплановое системное описание языковых единиц по ряду параметров, в свое время предложенным Б.А. Лариным (Ларин 1974: 6; ср. также Мокиенко В.М. 1999: 58) (Цит. по: Милютин 2014: 121). В свете сказанного понятен интерес к разработке индивидуально-авторского использования фразеологизмов, наблюдаемый в последние десятилетия с когнитивной и лингвокультурологической точки зрения. По

меткому замечанию Н.Ф. Алефиренко, «связь перевода фраземосодержащего текста с когнитивистикой обусловлена его природой: перевод – это когнитивная деятельность, которая осуществляется на основе универсальных стратегий понимания» (Алефиренко 2014b: 25). В другом месте этой работы ученый справедливо подчеркивает: «Переводчик порождает дважды: (а) воспринимая переводимый текст, он порождает смыслы; (б) создавая текст перевода, он эти смыслы вербализует. Переводчик, по сути, создает новый текст со всей присущей ему идиоматикой на языке перевода. При этом ему необходимо представить инокультурные (в той или иной мере национально специфические) фразеобразующие концепты средствами языка перевода, т.е. создать новые познавательные структуры с помощью языка перевода, и вербализовать их на языке перевода» (Алефиренко 2014b: 26).

Подчеркнем, что разработка проблемы перевода ФЕ на сопоставительном материале может представить хорошую возможность для более глубокого проникновения в специфику перевода с родственных языков, определяемую степенью исходного и переводящего языков и близостью воспринимающей и воспринимаемой культур (Рагойша 1980: 12; Селивестрова 2014: 102).

Обращение к параллельным текстам, друктам, в терминологии польского языковеда Яна Вавжиньчика (Wawrzyńczyk 1991), подсказано также своеобразной идеей „поиска от обратного”, ср. метод конфронтации переводных пар a tergo, предложенный в свое время П. Вежхонем в работе «Odtwarzalność w granicach parę przekładowej» (Wierzchoń 2008: 111–139; Милютинa 2014: 124).

В нашем случае мы обращаемся не к друктам, а к поликультурным многоязычным переводам (в нескольких межславянских переводных интерпретациях с фрагментарным привлечением англоязычной версии перевода романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Кроме этого, во внимание принимаются несколько версий перевода романа М.А. Булгакова Например, в украинском языке, более старый перевод (в орфографии 1928 г.) Юрия Некрутенко (2006) и более современный М. Белоруса (2017).

Если посмотреть на творчество М.А. Булгакова сквозь призму рецепции и перевода, то Э. Малити отмечает «...чрезвычайную рецепционную чуткость культурного пространства бывшей Чехословакии и в частности Словакии, к шедеврам, которые он создал» (Малити 2017: 52). Роман в Словакии издается по сей день и часто ставится на театральных подмостках.

Из лингвистических разработок, посвященных исследованию языка, стиля и поэтики М.А. Булгакова следует упомянуть

Т.Г. Винокур (1979), Н.О. Кожевникову (1974, 1990, 1991), Л.Е. Красовицкую (1996), Л.В. Белую (1997); в ряде украинских работ исследуются особенности сатирического дискурса М.А. Булгакова (Никифорова 2008), структура и стилистика метафоры в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (Лисюченко 1998). Л. Щетинина рассматривает роман М.А. Булгакова сквозь призму психоанализа, что дает возможность в определенной степени проникнуть в структуру подтекста на уровне подсознательного и архетипического (Щетинина 2011).

В сопоставительном плане, в частности и в плане поиска переводных соответствий следует упомянуть работы Н. Дзиды, в которой была предпринята попытка на основе переводов романа на английский язык выяснить асимметрические элементы образа мира автора и переводчика (Дзида 2009: 38). Метафорическое пространство в семиотическом дискурсе М.А. Булгакова в переводе на китайский язык рассматривает Чанг Джуй Ченг (2016). В свою очередь М. Есакова, Э. Харацидис (2014) обращаются к переводу булгаковских реалий на французский и греческий языки.

Задача нашего исследования – выявление и анализ способов перевода фразеологизмов в романе М.А. Булгакова на украинский, польский и словацкий языки, в частности, способов передачи национально-культурных специфик фразеологизмов, так как национальная специфичность является причиной возникновения трудностей при переводе фразеологизмов в связи с необходимостью адаптации фразеологизмов к целевому языку и культуре и каждый переводчик должен найти свой подход к решению этой задачи и принять иногда и оригинальные переводческие решения. Н. Муранска отметила, что «в текстах М.А. Булгакова проходит непрерывный диалог стилей, концепций, культур, эпох, из-за чего они становятся очень крепким орешком для переводчика» (Муранска 2003: 100).

Покажем, как отдельные типы эквивалентов фразеологизмов и прагматических контекстов и единиц (прагмем) применялись в анализируемых переводах на славянские языки и проанализируем последние с точки зрения мотивации образности и переводческих трансформаций на разных уровнях.

В романе встречаются полные эквиваленты – т.е. равноценные единицы на языке перевода, обладающие теми же денотативным и коннотативным значениями и образностью прагматические единицы, напр.: «*За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!*» (с. 248); укр. «*Хай відріжуть брехунові його мерзенний язык!*» (пер. Білорус: 222); польск. *A niechże wyrwą temu kłamcy jego plugawy język!* (с. 120) и словацкий перевод: «*Nasleduj ma, čitateľ! Kto ti povedal, že na svete nie je naozajstná,*

verná, večná láska? Nech tomu ľuhárovi vyrežú jeho odporný jazyk!» (с. 78).

Как известно, при частичной эквивалентности прослеживаются другие, отличные от ИЯ компоненты, часто синонимические замены, другая структура номинативных единиц. Так, например, оборот **сбить с толку** также в основном трансформируется при помощи лексико-грамматических замен в составе модифицированных синтаксических структур и оборотов, например, в украинском и других языках введены причастные обороты с обстоятельственным значением: «**Сбитый с толку Иван замолчал** – Лишь только вы начали его описывать, – продолжал гость, – я уже стал догадываться, с кем вы вчера имели удовольствие беседовать (с. 135), укр. *спантеличений Іван примовк*» (пер. Білорус: 145), *Збитий з пантелику, Іван замовк* (с. 108), польск. *Iwan, zбитy z pantałyku, zamilkł* (с. 22), словац. *Ivan vyvedený z miery stíchol*.

Неполный (частичный) эквивалент с вариантностью компонентов фразеологизма наблюдаем и в следующем фрагменте: «*Сидящий за столом Римский с самого утра находился в дурном расположении духа, а Варенуха, в противоположность ему, был очень оживлен и как-то особенно беспокойно деятелен*» (с. 104); «*Siedzący za biurkiem Rimski od samego rana był w fatalnym nastroju*» (с. 128). Сравним словацкий перевод: «*Rimskij mal od samého rána zlú náladu, naopak Varenucha bol veľmi čulý a akosi obzvlášť činorodý*» (с. 102). Переводные эквиваленты в польском и словацком не семантизируются с помощью компонента «дух», поэтому являются более компактными.

К синонимическим заменам и вариативности образного состава фразеологических соответствий в нескольких языках можно отнести и национально-маркированный оборот **идти к черту на кулички** 'очень далеко; неизвестно где, в глуши': «*О нет! – воскликнула Маргарита, поражая проходящих, – согласна на все, согласна проделать эту комедию с натиранием мазью, согласна идти к черту на кулички. Не отдам!*» (с. 262). В составе сращения этот оборот отсылает к нечистому отдаленному локусу в мифологической картине мира. Так, согласно одной из этимологических версий слово *кулички* (или *кулижки, кулиги*) означает 'прогалины, поляны, болотистые места в лесу'. По народным поверьям, эти глухие места – излюбленное обиталище нечистой силы (в таких местах находились языческие молельни и совершались моления и жертвоприношения богам). Образная мотивация соответствий в других языках трансформируется в этнокультурных переводных параллелях целевого текста по-разному. Так, в украинской интерпретации произведена

лексическая замена этимологически непрозрачного компонента синонимическим вариантом: **згодна йти навіть до чорта в зуби** (пер. Білорус); ср. также иные варианты: **до біса на роги, хоч у пекло, хоч до біса у пекло** (ФСМ I: 32); последняя лексикографическая фиксация практически полностью совпадает с переводом в словацком языке. Польский переводчик использовал фразеологический аналог с другой образностью и структурно-грамматической модификацией компонентов: **gdzie diabeł mówi dobranoc!** (с. 133). В словацкой лингвокультуре представлен отсыл к иному пространственно-мифологическому локусу – *ад*, о чем свидетельствует соответствующая синонимическая конструкция: **pôjdem hoc aj do horúceho pekla**, сходная с украинской, фиксированной словарями. Исследователи отмечают, что исходный фразеологизм *идти к черту на кулички* «несет в себе идею нелокализованного, неопределенного пространства; идею труднодоступной местности, труднопроходимого пути, сопровождающегося препятствиями» (Денисенко 2008: 164). Компонент *черт* и его ментально-синонимические корреляты убеждают нас в том, что пространство может быть населено враждебными для человека существами. Русско-словацкий фразеологический словарь предлагает следующие аналоги фразеологизма *у черта на куличках*: *ránubohu za chrbtom; kde líšky dávajú dobrú nos* (RSFS 1998: 597), которые означают концепт «далеко, неизвестно где». По внутренней форме словацкий аналог очень близок к польскому (с заменой *дьявола* на *лисиц*). Однако, как видим, в словацком переводе романа находим более оригинальное решение перевода фразеологизма с национально-культурной спецификой и его образа: «„Nie, nie!“ vykrikla Margaréta na veľký údiv okoloidúcich. „Súhlasím so všetkým, pristávam na tú komédiu s krémom, pôjdem hoc aj do horúceho pekla. Nedám vám ho!“» (с. 89). Переводчик придерживался имплицитных характеристик оригинального фразеологизма. «Горячий ад», так же как пространство «у черта на куличках», вызывает отрицательное представление о труднодоступной местности, населенной враждебными существами – чертями. Кроме номинативного значения «далеко» в словацком переводе поэтому передается и смысл «туда, где жарко и опасно». Таким образом, общая культурная когнитивная тема – отсылка к нечистому месту – в представленных переводных аналогах представлена через разную семиотическую категоризацию образов при общей сохранности коммуникативно-прагматической и стилистической направленности, а также типологически сходной структурно-семантической модели рассматриваемых образных знаков.

Передаче аналогами поддаются очень многие ФЕ оригинала независимо от степени яркости их образа – от нулевой у

фразеологических сращений, более высокой у единств и редко достигающей интенсивности у фразеологических сочетаний (Влахов 1980: 187). При этом соответствие в переводе может и не совпадать по степени образности. По В. Нелюбину, речь идет о «переводе с помощью идиоматического аналога, т.е. идиома, передающего ту же мысль, но связанного с другой образностью» (Нелюбин 2016: 141).

Так, в VIII главе «Поединок между профессором и поэтом» М.А. Булгаков при описании ситуации, когда И. Бездомного, попавшего в психиатрическую больницу, слишком подробно расспрашивали о подробностях его болезни и болезни его давно умерших родственников, употребляет структурно видоизменённый, преобразованный фразеологизм **тянуть/разводить канитель** 'о нудном, затяжном деле или разговоре', указывая тем самым на продолжительность, интенсивность, подробности расспросов: «**Началась какая-то канитель: кто умер, когда да отчего, не пил ли, не болел ли венерическими болезнями, и все в таком же роде**» (с. 101).

В переводе на польский язык ему соответствует приблизительный аналог с другой мотивационной доминантой **dostać kręćka**; а в словацком и украинском употреблены безообразные единицы, в частности в украинском разговорно-просторечная форма, в словацком этот фрагмент образа вообще опущен и введена конструкция *do мельчайших подробностей*. Ср. укр.: «**Почалась якась нісенітниця, : хто помер, коли та від чого, чи не пив, чи не хворів на венеричні хвороби, і все таке та подібне**» (с. 15), словац.: «...a žena v bielom sa začala **do najmenších podrobností** vrtať v jeho príbuzných: kto z nich zomrel, kedy a na čo, či pil, či trpel pohlavnými chorobami a podobne» (с. 87). Что касается фразеологизма **dostać kręćka** в польском языке, то он обозначает 'сойти с ума' и имеет несколько лексических вариантов (Kłosinska 2010: 69). Следовательно, при передаче образа в польской языковой картине мира обращено внимание не на длительность процесса, а способ выражения эмоции напряжения, раздражения, связанные с психическим, умственным состоянием героя И. Бездомного. По всей видимости, такой перевод можно признать слишком приблизительным, неточным и даже свободным. Итак, в исходном языке (далее ИЯ) представлена иная когнитема, чем в разноязычных переводных дискурсах.

К такого рода переводным аналогам можно отнести разные по своей структурно-семантической природе, степени спаянности компонентов и сочетаемости фраземы, как например, идиомы и сращения в оригинале, менее экспрессивные фразеологические сочетания в украинском и словацком (последний с национально-культурным компонентом образности): «**Кровь отлила от лица Никанора Ивановича, он, дрожа, крестил воздух, метался к двери**

и обратно, запел какую-то молитву и, наконец, **понес полную околесицу**» (с. 159), укр. *затягував якусь молитву і, нарешті, почав верзти щось цілком несосвітенне* (пер. Білорус: 171), **плести суцільну нісенітницю** (пер. Некрутенко: 132), польск. *zaczął mówić zupełnie od rzeczy*, словац. *začal trepať piate cez deviate* (с. 28).

Словацкий переводчик решил использовать нелитературный по происхождению чешский вариант фразеологизма *trepať piate cez deviate*, несмотря на то, что в словацком языке существует литературный аналог *trepať dve na tri (do sveta)* (RSFS: 307).

Сходный по значению синонимический фразеологизм в сопоставляемых лингвокультурах также не отличается полным единообразием. В особенности это касается структурно-семантических замен компонентов ФО и некоторых вкраплений сходных по грамматической структуре единиц: **«Ты будешь в дальнейшем молоть всякую чушь? – грозно спросил Фагот у плачущей головы»** (с. 125), укр.: **«Ти будеш надалі варнякати казна-що? – грізно спитав Фагот у голови, що плакала»** (пер. Білорус: 136), **«Будеш далі молоти усяку верзу? – грізно запитав Фагот в плачній голови»** (пер. Некрутенко: 98), польск.: **«Będziesz jeszcze plóttł duby smalone? – groźnie zapytał płaczącą głowę Fagot»** (с. 160).

Как видим, в грамматическом оформлении представленных параллелей обнаруживаются некоторые отличия, дополнительные конструкции, в особенности распространители-актанты, выступающие в роли объекта, усиливающие экспрессивность и эмоциональный накал высказываемого (*полную околесицу, всякую чушь, казна що, усяку верзу* вместе со стилистически маркированной пейоративной лексикой *варнякати, курзу* и проч.). Что касается словацкого, то в этом случае в переводе употреблен интерсленгизм: **«„Budeš ešte trepať kadejaké kraviny?“ vŷhražne sa spŷtal Fagot plačúcej hlavy»** (с. 129). В этом примере передается исходная стилистика и грубоватый, просторечный оттенок русского слова *чушь*. Стоит обратить внимание и на англоязычный перевод: *Will you go on **talking so much rubbish?** – дословно ‘говорить мусор’.*

При переводе интертекстемы **шут гороховый**: **«Нет, я видеть не могу этого шута горохового. Посмотрите, во что он себя превратил под кроватью»** (с. 248). Переводчик выбирает в словацком переводе калькирование: *Nie, nevidím tohto šaša v hrachu. Pozri, na čo sa sám premenil, pod posteľou*. Данный способ перевода мы считаем не совсем удачным, потому что в словацком языке существует полноценный аналог данного фразеологизма: *strašiak/strašidlo do taku* (досл. маковое чучело) (RSFS: 610), который своей образностью более близок носителям словацкого

языка. В польском переводе представлено словосочетание нефразеологического типа *Nie, nie widzę **tysego klauna**. Zobacz, co sobie zrobił tam, pod łóżkiem!*. Трудно однозначно объяснить, почему в качестве соответствия избран именно такой гештальт – *лысый клоун*, возможно, прототип реального клоуна связан с завитушками, кудряшками и шапочкой на голове, противоположный образ представляет нам иной внешний облик объекта (его антипод) и возникает по принципу языковой игры и аллюзий, связанных с оборотом о *лысой кобыле* в польской языковой картине мира. Украинские переводчики адаптировали этот образ путем введения разговорного варианта ФО с оценочным прилагательным в составе: **блазень заплішений** (пер. Білорус: 117). В украинской версии использован принцип адаптации, и во фразеологическом обороте **дурень заплішений** (ФСУМ I: 315) слово заменено близким по значению – *блазень*. В словарях фразеологизмов этот оборот подан как ‘грубое, просторечное’. Исходный фразеологизм в украинском языке представлен несколькими вариантами: *набитий/битий/безнадійний* (ФСУМ I: 273). Показательно, что в качестве переводного эквивалента не использованы более экспрессивные и меткие по значению и стилистической тональности обороты: *Балда горохова, балда городня*, в которых, по мнению В. и Д. Ужченко, значение ‘глупый, придурковатый, умственно отсталый’ в сочетании со словом *балда* и дополнительным компонентом – *городня* – конкретизирует метафорическое значение ‘чучело-человек’ (ФССГД: 31). Ср. также *Кука горохова* ‘забавный’ (Ibid.: 177), *чудо горохове* – ‘о нелепом, безвкусно одетом человеке; о человеке, служащем посмешищем’ (Ibid.: 327). Подобные обороты восходят к обычаю ставить в горох, чтобы отпугивать птиц, пугало или чучело. Именно поэтому в выражении употреблено в качестве определения слово *гороховое* (РФИЭС: 761). *Шут гороховый* (чучело огородное) – пугало для птиц на огороде, засеянном горохом. Слово *шут* первоначально обозначало некое божество, домового или лешего. Возможно, что у славян, так же, как и у греков, был обычай ставить на огородах статуи или фигуры богов – покровителей и защитников огородных овощей. С горохом некогда были связаны верования и обряды, смысл и значение которых давно забыты. Во время святочных забав в числе действующих лиц был и ряженный, окутанный гороховой соломой. В конце Масленицы возили соломенное чучело шута горохового, напоминавшего женщину с распущенными волосами; так «проводжали Масленицу». Гороховой соломой украшали себя на Руси и скоморохи – шуты, известные с незапамятных времен (РФИЭС: 773).

Отдельного внимания в этой связи заслуживают и такие интертексты, функционирующие главным образом в составе

метафор, как **Кот в сапогах** (*Кот в сапогах* бывает только в сказках, мессир) (с. 248), **Конек-горбунок** (*Повернув голову вверх и налево, летящая любовалась тем, что луна несется под нею, как сумасшедшая, обратно в Москву и в то же время странным образом стоит на месте, так что отчетливо виден на ней какой-то загадочный, темный – не то дракон, не то конек-горбунок, острой мордой обращенный к покинутому городу*) (с. 276). Например, эмоциональное восклицание со значением удивления, сопровождаемое историческими реалиями: «**Здравствуйте, я ваша тетья!** – воскликнул Римский и добавил: – *Еще сюрприз!* – **Лжедмитрий,** – сказал Варенуха и заговорил в трубку телефона» (с. 106) в словацком передается посредством других образов, относящихся к той же тематической группе (наименований родства, но в целевом тексте – бабушка) с добавлением темпорального компонента: «**Dobré ráno, stará mama!** – *zvolal Rimskij. Ďalšie prekvapenie!* „Lžidmitrij,“ – *povedal Varenucha a vytočil číslo*» (с. 103).

В рамках произведения М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» очень часто наблюдаются фраземы, связанные с фразеосемантической группой ‘говорить глупости, что-то непонятное, несуразное’. Проследим передачу синонимических вариантов и переводческие решения в словацком языке. Перевод этих семантем требовал грамматической трансформации: «**Произнеся всю эту ахинею,** Бенгальский сцепил обе руки ладонь к ладони и приветственно замахал ими в прорез занавеса, от чего тот, тихо шумя, и разошелся в стороны» (с. 121). В словацком переводе деепричастие совершенного вида пропускается и заменяется предлогом, так как деепричастия используются в словацком языке крайне редко: «**Po tejto tiráde** Bengal'skij zopäl ruku, zakýval nimi na privítanie do štrbiny opony a tá sa s tichým šumom roztvorila» (с. 123). Переводчик очень удачно подобрал к слову *ахинея* словацкий аналог «*tiráda*», благодаря которому сохраняется не только основное значение «вздор, бессмыслица», но и соответствующие коннотативные оттенки. *Ахинея* – компонент, «хранящий мифологический смысл, связанный с событиями, происходившими в Древней Греции у храма богини Афины (Athenaeum – Атенеи). Здесь обычно собирались ученые и поэты, чтобы прочесть свои новые произведения. Поскольку их речи были слишком мудры, заумны и не всем понятны, их называли “афинеийскими мудростями”. Позднее слово Athenaeum стало произноситься как *ахинея* и употребляться в просторечии в разговорно-обыденном значении – ‘чепуха, вздор, бессмыслица’» (Алефиренко 2014а: 8). Слово *tiráda* в словацком языке также имплицитно означает не только вздор, бессмыслицу, но и набор слов, пустую болтовню, хвастливую речь.

Разный подход к решению перевода фразеологизмов рассматриваемой фразеосемантической группы наглядно демонстрирует следующий контекст: «Хотел предупредить всех об опасности, грозящей от неизвестного консультанта, собирался его изловить, а добился только того, что попал в какой-то таинственный кабинет затем, чтобы **рассказывать всякую чушь** про дядю Федора, пившего в Вологде запоем. **Нестерпимо глупо!**» (с. 102). В словацком языке первый фразеологизм переведен дословно нейтральным словосочетанием, которое смягчает грубый и пренебрежительный оттенок оригинала: «*Chcel všetkých varovať pred nebezpečenstvom, hroziacim od neznámeho konzultanta, chcel ho dolapiť, no dosiahol len to, že sa dostal do akejsi tajomnej ordinácie, aby tu **rozprával všelijaké nezmysly** o strýkovi Fiodorovi z Vologdy, čo chľastal ako dúha*» (с. 87). Второе словосочетание можно было перевести на словацкий язык дословно, однако переводчик решил использовать свободный перевод синонимическим по значению, но субстандартным словом **Kravina!** (с. 87), которое относят к интерсленгизмам (Оргоньова, Богуницка 2011: 148). Последний намного экспрессивнее оригинала и в нем наблюдаются существенные стилистические сдвиги.

При концептуализации идеи обмана в исходном и целевом тексте также решается проблема подбора образных аналогов, при этом наблюдаются разные комбинации синонимических замен и когнитивом, лежащих в основе структуры и мотивации соответствующих эквивалентов. Так, например, идиома в ИЯ **втирать очки** совпадает по своему компонентному составу в двух переводных традициях, в частности, в обеих украинских и в польской интерпретациях, с незначительной семантической заменой глагольного компонента *замілював* (укр. *замулював*). Польский перевод совпадает с украинским, а также с оригиналом, но единица отличается порядком следования компонентов; словацкий переводчик прибег к синонимичному аналогу, компенсации. При этом мотивированность исходной когнитивы сохраняется, хотя и сам гештальт концептуализируется в словацкой лингвокультуре при помощи иного соматического кода: **Nadriadených vodil za nos!** – *ziapala dievčina* (с. 187) – ‘водит за нос’. Как известно из авторитетных источников, фразеологизм *втирать очки* этимологически сопрягается с жаргоном шулеров-картежников начала XIX в., имевших фальшивые порошковые карты — так называемую «липу». При помощи особого клейкого состава они наносили на карты дополнительные очки из порошка красного и черного цвета. При необходимости эти очки незаметно стирались, и шулер-игрок мог незаметно для партнера превратить цифру 5 в 6 или 4 и т.п., изменяя тем самым количество очков. Втирая очки, он добивался выигрыша. Согласно другой

реконструкции «на зеленом сукне карточного стола мелом записывались выигранные очки, и нечестный человек мог приписать себе очки дополнительные, чтобы потом незаметно стереть маленькую цифру» (РФИЭС: 508). Последнее связано с устойчивой фразеологической ассоциацией обмана с закрытыми, запорошенными, замазанными грязью и т.д. глазами – ср. *пускать пыль в глаза, замазывать глаза, отводить глаза* и т.п., а также *протереть глаза (глазки) денежкам* ‘растратить деньги’, *протереть глаза (глазки) кому* ‘показать свое преимущество, превосходство кому-л.’, укр. *замилувати очі*. Очки, этимологически связанные с оком “глаз” (букв. «маленькие глаза») в этом случае выступают как синоним слова глаза (РФИЭС: 508). Возможно поэтому в украинских переводных интерпретациях читаем: «**Очі замилував начальству!** – горлопанила дівиця; **Очі замулював начальству!** – верещала дівиця». Украинский оборот в словарях также фиксируется в нескольких синонимических вариантах, например, *замазувати/замазати очі* ‘отвлекать чье-либо внимание, обманывать’ (ФСУМ I: 311). По всей вероятности, он соотносится, кроме прочего, с когнитивной мутной воды; ср. *замулити/замулювати очі* ‘вводит в заблуждение, обманывать кого-нибудь’ (ФСУМ I: 249). Отметим, что в другом фрагменте булгаковского текста этот же оборот в словацком передан более нейтральным ***Vrchnosti klamú do očí!*** (с. 83). Интересно, что в англоязычном переводе, помимо прочего, также представлен идиоматический аналог с иной внутренней формой: «*Pulling the wool over the boss's eyes, that's what they've been doing!*» (с. 45); дословно – натягивать шерсть на глаза. Образный гештальт в этом случае представлен при помощи метафоры сценарного типа – ‘натягивание кому-либо шерсти на глаза’, ‘очковтирательство’, см. подробнее (Kaznowski 2013: 324).

Интернациональная фразеология требует меньших переводческих трансформаций со стороны переводчика, так как является заимствованной, и других языках мира образована по одной и той же структурно-семантической модели. Приведем пример фразеологизма библейского происхождения: «**Рюхин тяжело дышал, был красен и думал только об одном, что он отогрел у себя на груди змею, что он принял участие в том, кто оказался на поверку злым врагом**» (с. 79). В словацкой версии встречается полное совпадение компонентного состава фразеологизма и образа: «*Krochkin ťažko dýchal, bol celý červený a premýšľal len o tom, že si hrial hada na prsiach, že pomáhal človeku, z ktorého sa vyklúľ zarytý nepriateľ*» (с. 66). Проведена только незначительная синтаксическая перестановка порядка компонентов (*на груди змею – hada na prsiach*); польск.: «*Riuchin sapał ciężko, czerwony był jak burak i myślał tylko o jednym – że oto*

wyhodował żmiję na własnym łonie, zajął się serdecznie człowiekiem, który zdemaskował się jako podstępny wróg» (с. 83).

В переводе следующего фразеологизма библейского происхождения сочетается несколько типов переводческих трансформаций: «*Nastala pora действовать, приходилось **пить горькую чашу ответственности***» (с. 151). В словацком переводе фразеологизм расширен компонентами «do dna» (до дна): «*Prišiel čas konať, **vypiť trpký kalich zodpovednosti do dna***» (с. 20). Кроме того, несовершенный глагол в оригинале заменен глаголом совершенного вида. В узуальном фразеологизме «*piť kalich horkosti do dna*» используется имя существительное «*horkosť*» (горечь), которое переводчик преобразует на имя прилагательное с синонимическим значением «*trpký*» (горький).

Проанализируем безэквивалентный фразеологизм: «***Не валяйте дурака, Иван Савельевич, а слушайте. Телеграммы эти никуда не носите и никому не показывайте***» (с. 112). Фразеологизм *валять дурака* является многозначным фразеологизмом, сохранившим частичную мотивированность значений и яркий национально-культурный элемент. Происхождение фразеологизма объясняется игрушкой-неваляшкой, которую невозможно повалить. Игрушка представляет собой Иванушку-дурачка – популярного героя русских сказок. Переводчик в соответствии с контекстом фрагмента перевел фразеологизм следующим образом: «***Nerobte sa sprostým*** (досл.: ‘не притворяйтесь глупым’), *Ivan Savelievič, a počúvajte. Tie telegramy nikam nenoste a nikomu ich neukazujte*» (с. 111). Перевод является адекватным, однако естественно в словацком языке утрачивается национально-специфический образ героя Ивана, лежащий в основе оригинального фразеологизма. Сравним также образы в других языках: укр.: «***Не клейте дурня, Иване Савелійовичу, а слухайте. Телеграми ці нікуди не несіть і нікому не показуйте***» (пер. Білорус, с. 122); польск.: «*Niech pan lepiej słucha, **zamiast strugać wariata. Niech pan tych depesz nigdzie nie nosi i nikomu nie pokazuje***» (с. 144). Как видим, прослеживается синонимическая замена глагольного компонента данных фразеологических единиц, при этом структурно-семантическая модель фразообразования оказывается общей.

Как известно, роман М.А. Булгакова насыщен разнообразными аллюзиями, связанными сатирическим изображением советской действительности и позицию автора нередко рассматривают как *языковое сопротивление*, связанное со своеобразными композиционными приемами, игрой ситуацией (реальным и ирреальным миром образов), их эмоционально-экспрессивной насыщенностью (Никифорова 2008: 8). В качестве подтверждения этого тезиса обратим внимание на перевод некоторых социально

маркированных эвфемизмов. При передаче подобных реалий идеологического толка эпохи тоталитаризма также предложены разные переводческие решения. Так, оборот **куда следует**: «Ничего нет проще, как переслать ваше заявление **куда следует**, и если, как вы полагаете, мы имеем дело с преступником, все это выяснится очень скоро» (с. 107) выступает эвфемистической заменой органов безопасности – КГБ в Советском Союзе. Единица практически дословно калькируется в польском и украинском переводах, совпадая с ИЯ по лексико-грамматическому признаку: «*Nic prostszego niż przesłać pana notatkę, **gdzie należy**, a jeżeli, tak jak pan przypuszcza, mamy do czynienia z przestępcą, to sprawa zostanie bardzo szybko wyjaśniona*» (с. 113); «*Немає нічого простішого, як переслати вашу заяву **куди слід**, і коли, як ви гадаєте, ми маємо справу зі злочинцем, усе дуже швидко з'ясується*» (с. 16). В словацком целевом тексте в качестве перевода предложена грамматическая конструкция с компенсационной заменой обоих компонентов оригинала: «*Nie je nič jednoduchšie, ako poslať vaše oznámenie **na patričné miesta** a ak, ako predpokladáte, máte do činenia so zločincom, všetko sa to veľmi rýchlo vyjasní*» (с. 92).

Таким образом, мы продемонстрировали разные способы передачи фразеологических эквивалентов в межславянских переводных трансформациях. Наиболее часто встречаются неполные эквиваленты и фразеологические аналоги, где хотя бы в одном из языков образность и мотивация отличается. В дальнейших исследованиях заявленной проблематики можно остановиться на стратегиях и тактиках перевода прагмем и коммуникативных формул (отказ, предупреждение, угроза, посылы, проклятия и проч.), дискурсивных слов, эмоциональных междометий, междометной фразеологии. В недалекой перспективе стоит обратить внимание на разные средства концептуализации морально-этических и аксиологических понятий, а также на перевод интертекстом, сюжетов из художественной литературы, т. е. разнообразных аллюзивно-реминисцентных оборотов в разных художественных картинах мира булгаковского наследия.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Фразеологические логозэпистемы: архетипы и символы // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2014а. – № 13 (184). С. 7–13.

Алефиренко Н.Ф. Идиоматика и перевод в свете когнитивной лингвопоэтики / *Frazeologia a preklad*. Red.W.Chlebda. Opole. – 2014b. – С. 25–41.

Влахов С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.М. Флорин. – М., 1980. – 342 с.

Денисенко М.В. Семантическая структура свободных и паремичных сочетаний, выражающих позицию объекта в пространстве относительно

параметра далеко // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2008. – № 2. С. 160–164.

Дзида Н.Н. Концептуальное пространство романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык // Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиолингвистический аспекты. – Тюмень: Вектор Бук. – 2009. – С. 36–41.

Есакова М.Н., Харацидиц, Э.К. Культурно-антропологическая парадигма науки о переводе (на примере романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на французский и греческий языки) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – № 3. – 2014. – С. 114–126.

Лисюченко О.В. Структура і стилістика метафори в романі М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: дисертація (на правах рукопису) на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук зі спеціальності 10.02.02 – російська мова / О.В. Лисюченко. – Київ: Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України, – 1998. – 165 с.

Малити Э. Литературное творчество Михаила Булгакова и словацкая культура // Русский язык в центре Европы 17. Братислава: Ассоциация русистов Словакии. – 2017. – С. 52-58.

Милютина Т.А. Фразеологизмы в прозе Валентина Распутина и в опольском Идиоматиконе // *Frazeologia a překlad*. Red. W.Chlebda. – Opole, 2014. – С. 121-132.

Нікіфорова С.М. Сатиричний дискурс у романі М.О. Булгакова «Майстер і Маргарита». – Рукопис. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук за спеціальністю / С.М. Нікіфорова. – Харків: Харківський національний педагогічний університет ім. Г.С. Сковороди. – 2008. – 211 с.

Рагойша В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков / В.П. Рагойша. – Минск: Издательство БГУ им. В.И. Ленина. – 1980. – 184 с.

Селивестрова Е.Н. Фразеология Н.С. Лескова в чешских переводах // *Frazeologia a překlad*. Red. W.Chlebda. Opole. – 2014. – С. 101–110.

Чанг Д.Ч. Метафоризация в художественном тексте (на материале произведений М. Булгакова и их переводов на китайский язык): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2016. – 332 с.

Щегинина Л.Н. Завещание мастера: роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: учебное пособие. – Николаев: Изд-во ЧТУ им. Петра Могилы, 2011. – 160 с.

Muránska N. *Fantastická trilógia Michaila Bulgakova*. / N. Muránska. – Nitra: UKF, 2003. – 118 p.

Orgoňová O., Buhunická A. *Lexikológia slovenčiny. Učebné texty a cvičenia*. – Bratislava: Stimul. 2011. – 251 p.

Словари

ФССГД: Ужченко, В. Фразеологічний словник східнословобожанських і степових говірок Донбасу / В. Ужченко, Д. Ужченко. – Луганськ: Альма-матер, – 2004. – 336 с.

ФСУМ: Фразеологічний словник української мови в 2-ох томах / уклад. В.М. Білоноженко, В.О. Винник, І.С. Гнатюк та ін. Київ: Наукова думка, – 1993.

Нелюбин, Л.Л. Толковый переводческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта-Наука. – 2016. – 320 с.

РФИЭС: Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический справочник, ок. 6000 фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПбГУ; ред. В.М. Мокиенко, 3-е изд., испр. и доп. – М.: «Астрель: АСТ: Люкс», 2005. – 928 с.

- RSFS: Rusko-slovenský frazeologický slovník / V. Dorotjaková (et al.) – Bratislava: SPN, 1998. – 664 p.
Kaznowski, A. 5000 English idioms. / A Kaznowski. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 2013. – 567 p.
Kłosinska, A. Słownik frazeologiczny. / A. Kłosinska. – Warszawa: PWN, 2010.

SPECIFICS OF PHRASEOLOGICAL TRANSLATION: TYPES OF EQUIVALENTS AND CULTUREMES (BASED ON THE TRANSLATION OF M. BULGAKOV'S NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA" INTO SLAVIC LANGUAGES)

O.V. Tischenko, A. Spisiakova

Abstract. This paper examines the problem of the specifics of translation of phraseological units in the novel "The Master and Margarita" by M. Bulgakov into Ukrainian, Polish and Slovak languages. The material for this study is the translated versions of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" into other Slavic languages with a fragmentary analysis of the translated figurative (or non-figurative) correspondences in English. Particular attention is paid to the types of equivalents and culturemes, the means of their linguistic conceptualization in the original and target texts. The aim of this article is to analyze the national and cultural specifics of the translation of separate groups of phraseological units, to find out the types of inter-lingual phraseological correspondences (full, partial, incomplete equivalents, analogues) and to define the specifics of the functioning of linguoculturemes (equivalent-free vocabulary), cultural and image cognitemes, international and intertextual phraseology in a belles-lettres text. The authors study the mechanisms of figurative motivation, lexical and grammatical transformations of nominative units, specifics of certain culturally marked realia, and functions of subject symbols, synonymic variants of phraseological units in M. Bulgakov's literary and semiotic space. The proposed approach makes it possible to reconstruct the national and conceptual picture of the world behind the signs of secondary (indirectly derivative and figurative-characteristic) nomination, their pragmatic, value, functional and stylistic features in the compared linguocultures.

Keywords: phraseological unit, equivalent, analogue, cultureme, literary translation.

**ЦВЕТООБРАЗ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ
КАРТИНЕ МИРА ПОЭТА: ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЗНАКА
И ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

И. И. Чумак-Жунь, О.О. Акифьева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
chumak@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается смысловое поле поэтического дискурса как результат деятельности открытой и креативной языковой личности. Анализируется объективация внутренней формы лексической единицы-цветообозначения, которая определяет энергетику поэтического текста. Выясняется, что одна лексическая единица, гармонизируясь с соответствующими обозначениями в тексте, может стать смыслообразующей, определяющей концептуальное пространство стихотворений. При этом роль цветообозначения в поэтическом идиостиле может со временем меняться.

Ключевые слова: поэтический идиостиль, дискурс, цветообозначения, внутренняя форма, эмотивность.

Когнитивно-дискурсивный подход к изучению поэзии предполагает обращение к поэтическому идиостилю, потому что и когниция, и дискурс обусловлены личностью адресата-поэта. Так как поэтическое повествование всегда выстраивается по оси Эго, то любой из дискурсивных факторов играет роль как при кодировании, так и при раскодировании поэтической информации.

Дискурс — это речемыслительное пространство, конституентами которого наряду с другими объектами выступают речевые акты и высказывания. Однако этим сущность дискурса не исчерпывается, поскольку дискурс еще и сложная когнитивная структура — совокупность взаимодействующих концептов и их различных конфигураций (фреймов) (Алефиренко 2009). Каждому типу дискурса соответствует определенный тип концепта. Смыслообразующую роль в порождении поэтического дискурса выполняет поэтический концепт — «зародыш и смысловое зерно» (Алефиренко) художественного дискурса. Полевая конфигурация компонентов в структуре поэтического концепта такова, что его ядро образует отражаемый языковой личностью предметно-чувственный образ, продуцирующий в его содержании конкретно-ассоциативные смыслы. Заядерные компоненты смысловой структуры художественного концепта порождаются разного рода отношениями языковой личности к соответствующей денотативной ситуации в виде эмоций, оценок, обыденных (житейских) понятий, индивидуальных смыслов. Поэтому концепты в художественном дискурсе, как ни в каком ином, если воспользоваться словам Ю.С. Степанова, не только мыслятся, но и переживаются всеми участниками дискурсивной деятельности — автором и читателями. Концепт в структуре художественного дискурса — основной источник когнитивно-семиологического развития словесной образности (Алефиренко 2009). С другой стороны, образное слово — источник разнообразных субъективно-ассоциативных представлений языковой личности. Собственно, этим предопределяется культурологическая значимость образного слова, его конструктивная роль в художественном моделировании этноязыковой картины мира, в отражении менталитета говорящего на данном языке народа. Образное слово, востребованное коммуникативными намерениями языковой личности и смысловыми параметрами соответствующего художественного дискурса, способно выражать самые неожиданные оттенки репрезентируемого концепта, индуцируемые его образными, оценочно-смысловыми, мифическими и эмотивными составляющими.

Обратимся к смыслопорождающим элементам поэтического дискурса, доказывая при этом идею, которая не раз высказывалась Н.Ф. Алефиренко и его учениками: несмотря на то, что дискурс стремится к бессубъектному статусу, его связь с языковой личностью отрицать нельзя. Исключение личностного начала равнозначно утрате специфичности дискурса как синергетического феномена. Дискурс является точкой пересечения языковых личностей (субъектов речи). Смысловое поле дискурса формируется личностными знаниями субъектов дискурсивной деятельности. Художественная ценность дискурса определяется диалоговым типом языковой личности, открытой и креативной, от которой зависит достижение устойчивой интерсубъективной гармонии в структуре дискурса вообще и текста как его продукта в частности.

Мы абсолютно солидарны с мнением А.А. Букова об «абсолютной индивидуальности, субъективности, имманентности самого феномена поэзии. Поэтический дискурс включает в себя особый текстовый слой, надтекст, связанный со внутренней формой текста. Ее динамика синергетически отражает поиск отдельным авторским сознанием универсальной общей гармонии как результата преодоления условностей формы внешней и ее статики (родо-видовые, жанровые, стилевые, формально-языковые моменты), выраженной языковой структурой на пути к ее синтезу с выражаемыми авторскими мыслями и чувствами» (Буков 2020).

Создается этот надтекст, эта универсальная общая гармония всеми поэтическими средствами, наиболее очевидно – лексическими, которые связываются в виде «поэтической паутины», ассоциативно-вербальной сети, формирующей энергетику поэтического текста. Несомненно, здесь следует говорить о лексических единицах, которые задают эмотивность поэтического текста благодаря заложенной в них внутренней форме (см. об эмотивности в поэтических текстах Чумак-Жунь 2015). В первую очередь, в поэтическом тексте эмотивность объективируется единицами, обозначающими ощущения и восприятия.

Рассмотрим, как формируется эта внутритекстовая энергетика на примере творчества Н.С. Гумилева, для которого характерно сгущение эмотивности в тексте, «бесстрашная дерзость» (Чуковский 2000), создание образа силы и мужества. Этому текстовому образу вполне соответствуют образы языковые, преданные, в частности, цветописью. Остановимся на самом частотном цветообозначении в его поэзии – *красный*.

В раннем творчестве Н.С. Гумилева лексема *красный* преимущественно используется как одиночный текстовый элемент, знак концептов «Любовь» и «Смерть», это, как правило, четкое цветное пятно, которое организует композицию:

«Спокойный взгляд, сомкнутые уста И на кудрях повязка **цвета крови**. <...> Он позабыл, что красота влечёт, Что опьяняет **красная повязка**» (Гумилев. Любовники, 1907); «Белый воин был так строен, **Губы красны**, взор спокоен, Он был истинным вождём; И открылась в сердце дверца, А когда нам шепчет сердце, Мы не боремся, не ждём» (Гумилев. Озеро Чад, 1908); «Но орел, чьи перья – **красный пламень**, Что носил богатого Синдбада, Поднял и швырнул меня на камень, Где морская веяла прохлада» (Гумилев. Орел Синдбада, 1908).

Оставаясь знаком тех же концептов, во всех текстах позднего периода творчества Н.С. Гумилева цветообозначение **красный**, выступая как традиционный символически-прототипический цвет (прототипический подход в категории цвета (Берлин, Кей 1969) в антропологистике обусловлен определением «характерных» или «типичных» для цветообозначения свойств-признаков), связанный с денотатом **огонь**, **кровь**, объективируется в своей внутренней форме, проявляя все характерные для него смыслы, «притягивая» сходные смыслы других слов, что приводит к эффекту «сгущения эмоций».

Внутренняя форма лексема **красный** (внутренняя форма здесь понимается расширительно – как внутренняя образность слова, которая возникает в его контекстуальном употреблении) объективируется в поэтических текстах позднего периода творчества Н.С. Гумилёва в следующих аспектах:

1) денотативная отнесенность: практически во всех текстах 20-21-х гг. цветовой образ стихотворения обусловлен качествами денотатов **огонь** и **кровь** (**огонь** – ‘жаркий’, ‘яркий’, **кровь** – ‘зловещий’), традиционно определяемых адъективом **красный**:

«Солнце вспыхнуло **красным жаром** И надтреснуло. **Метеор** Оторвался и легким паром От него **рванулся** в простор» (Гумилев. Поэма начала, 1921); «**Капли крови из свежей раны** Потекли, **красны и теплы**, Как ключи на заре багряной Из глубин мировой скалы» (Гумилев. Поэма начала, 1921).

2) перцептивная соотнесенность: интенсивность зрительного ощущения (лексема **красный** несет у поэта представление о предельно ярком цвете, что не раз подчеркивается им как контекстом в целом, так и при помощи композита **ярко-красный**: «Как собака на цепи тяжелой, Тявкает за лесом пулемет, И жужжат шрапнели, словно пчелы, Собирая **ярко-красный мед**» Гумилев. Война, 1914) соответствует интенсивности других представленных перцепций – **красный** цвет сопровождается громким звуком, быстрым движением: «**Закричал громогласно** В сине-черную сонь На дворе моем **красный И пернатый огонь**» (Гумилев. Канцона первая, 1919); «**Пламя костра, пламя костра, колонны Красных стволов и**

оглушительный гик, Ржавые листья топчет гость влюбленный, Кружащийся в толпе бенгальский тигр» (Гумилев. У цыган, 1920).

3) символические цветопересечения, которые в контексте создают живописную картину – цветовой узор, цветовой рисунок. Для прилагательного *красный* часты внутритекстовые пересечения с символически маркированными обозначениями *черный* и *золотой*, вполне соответствующие по настроению смыслам концептов «Любовь» и «Смерть». **«Толстый, качался он, как в дурмане, Зубы блестели из-под хищных усов, На ярко-красном его долмане Сплетались узлы золотых шнуров»** (Гумилев. У цыган)

4) в сильных текстовых позициях встречаются эмотемы (по определению Н.С. Болотновой – лексемы, которые прямо указывают на эмоции – Болотнова 2002), чаще всего, отрицательные (название «Звездный ужас»): **«И когда перед утром склонилась луна, Уж не та, а страшна и красна»** (Гумилев, Сомали, 1918).

Очень показателен фрагмент из «Поэмы начала» («Из-за свежих волн океана...») (1918-1921), где цветообозначение *красный* эксплицирует все элементы внутренней формы,

«Скалась красными пропастями, Раскаленны, страшны, пестры, За kloкочущими мирами Проносились с гулом миры. Налетали, шибились, выли И стремительно мчались вниз, И столбы золотистой пыли Над ловцом и жертвой вились».

Таким образом, анализ употребления лексемы *красный* в контексте творчества Н.С. Гумилева позволил сделать некоторые выводы относительно энергетики гумилевского текста, которая во многом определяется экспликацией элементов внутренней формы языкового образа. Надтекст как особый текстовый слой оказывается связанным со внутренней формой текста и слова: динамика внутренней формы преодолевает статику формы внешней и обуславливает гармоничное движение образа, которое передается адресату.

Литература

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

Алефиренко Н.Ф. Дискурсивное сознание: синергетика языка, познания и культуры. Языковое бытие человека и этноса. Когнитивный и психолингвистический аспекты: Материалы Междунар. школы-семинара (V Березинские чтения). Вып. 15. ИНИОН РАН. Москва. МГЛУ, 2009. – С. 3-11.

Буров А.А., Бурова Г.П. Синтаксическая номинация в поэтической картине мира: лингвориторический аспект / А.А. Буров // Гуманитарные и юридические исследования, 2020. – № 4. – С. 193-199.

Чуковский К. И. Воспоминания о Н. С. Гумилеве // Н.С. Гумилев: pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. – 2-е изд. – СПб., 2000. – С. 286–303.

Берлин Б., Кей П. Основные цветовые термины, их универсальность и эволюция. – Беркли; Лос-Анджелес: Калифорнийский университет Press, 1969.

Чумак-Жунь И.И. Операторы выражения эмотивных смыслов в поэтическом тексте / И. И. Чумак-Жунь, А. В. Бондарь // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – №6(203), вып. 25. – С. 52-59.

Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте: поиск ключей к эстетическому коду // Слово. Семантика. Текст: сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. В. В. Степановой / отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб., 2002. – С. 137–143.

THE COLOR IMAGE IN THE POETIC INDIVIDUAL AUTHOR'S WORLDVIEW: THE INNER FORM OF THE SIGN AND THE POETIC CONTEXT

I.I. Chumak-Zhun, O.O. Akifieva

Abstract. The article examines the semantic field of poetic discourse as a result of the activity of an open and creative linguistic personality. The objectification of the internal form of the lexical unit-color designation, which determines the energy of the poetic text, is analyzed. It turns out that one lexical unit, harmonizing with the corresponding designations in the text, becomes meaningful, defining the conceptual space of poems. Moreover, color designations evolve, eventually becoming markers of the poet's idiosyncrasy.

Key words: poetic idiosyncrasy, discourse, color designations, internal form, emotiveness.

Секция 5. ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЫ И ИХ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

ЯЗЫК РИТОРИЧЕСКОГО ПОРТФОЛИО ДАГЕСТАНСКОГО СТУДЕНТА

М.Д. Ваджибов

г. Махачкала, Россия, Дагестанский государственный университет
malikvad@yandex.ru

Аннотация. В настоящей работе представлена новая, до сих пор подробно не исследованная, актуальная, на наш взгляд, тема в филологии и педагогике – язык риторического портфолио (РП) студента в условиях дагестанского многоязычия. Освещены те лингвистические средства, которые активизируют учебный процесс в полилингвальной аудитории. Рассмотрен вопрос о соблюдении литературной нормы того языка, на котором заполняется РП. Подробно описаны те языковые вербальные и невербальные элементы, к которым прибегает дагестанский бакалавр или магистрант при оформлении документа, порою имеющего юридическую силу. При этом подчеркнута специфика использования основного государственного языка в РП, который выступает в роли официального и межнационального. Такую функцию в Дагестане выполняет современный русский язык. Отмечено, что применение того или иного языка и его средств непосредственно зависит от изучаемого курса и получаемой профессии. В качестве языка РП в республике могут быть использованы минимум 14 государственных языков, функционирующих на территории субъекта. Помимо этого, РП может быть оформлено на английском, арабском, персидском, турецком, китайском, немецком, французском, итальянском и на других языках, на которых ведется преподавание. Естественно, преобладающее положение среди указанных иностранных языков занимает английский язык, что объясняется значимостью, популярностью и распространенностью реализации данного международного языка в мировом масштабе. Независимо от того, какой язык мы используем в РП, в рассматриваемом документе должна преобладать интернациональная риторическая терминология, поскольку само ораторское искусство является универсальной научной дисциплиной, которой могут пользоваться как гуманитарии, так и специалисты по естественным наукам.

Ключевые слова: язык; риторическое портфолио; документ; дагестанский студент; полиязычие.

Настоящая работа представляет собой описание языка риторического портфолио (РП) дагестанского студента, что является первой попыткой систематизировать содержание рассматриваемого, до сих пор подробно не исследованного, актуального как в филологии, так и в педагогике вопроса.

Наш поиск материалов по данной теме привел к следующему: имеется огромное количество опубликованных работ по языковому или речевому портфолио (Болотина 2020: 34-36; Новикова 2017: 31-33; Поддубская, Суворова 2019: 20-25 и др.), причем большинство таких учебных портфолио посвящено преподаванию иностранных языков. Прежде всего представлены языковые портфолио обучения

английскому языку и его изучению. При этом статей, тезисов, других публикаций по языку портфолио мы не обнаружили, хотя сама тема должна быть востребованной. Повторяем: языковых портфолио издано предостаточно, но при этом нет работ, в которых отражаются язык портфолио (в том числе риторического) и тот лингвистический инвентарь, необходимый для заполнения указанного портфеля. Сам же язык портфолио независимо от направления не стал объектом специального научного или научно-методического исследования. Ведь следует разрабатывать необходимые механизмы оформления языка исследуемого документа, учитывая специфику получаемой профессии.

Язык РП мы частично начали освещать в своей новой публикации (Ваджибов 2021а: 34, 36). Ранее не без оснований мы заявили: *«Языком риторического портфолио в таком поликультурном социуме, как Республика Дагестан, должен стать русский литературный»* (Ваджибов 2015: 21), который выступает в роли официального языка и средства межнационального общения в многоязычном и поликультурном субъекте, на территории которого проживают представители более 30 автохтонных письменных и бесписьменных языков. Исторически сложилось так, что в настоящее время русским языком владеет большинство дагестанцев. Поэтому данным языком пользуются повсеместно как при оформлении юридических документов и в СМИ, так и в дискурсе. Такова специфика использования русского языка (основного государственного языка) в республике с этническим разнообразием, в которой распространены билингвизм и полилингвизм.

Свои мысли, предложения, разработки, наблюдения, результаты опроса мы прежде всего апробировали на занятиях по лингвистическим дисциплинам в Дагестанском государственном университете. И опыт нас привел к определенному результату – выводу о востребованности разработки новых эффективных технологий исследования языка РП. После этого, по нашему мнению, следует выработать конкретные способы обучения языку РП в вузе поликультурного региона. Помимо этого, возможно, назрела необходимость описания образа языка РП и разработки специального исследовательского инструментария с целью определения прямых и переносных значений употребления той или иной языковой или речевой риторической единицы – тропа или фигуры.

Анализ РП мы осуществляли на основе тех данных, которые получали в результате прямого и опосредованного (косвенного) опроса, устного и письменного анкетирования бакалавров и магистрантов, наблюдений за их вербальной и невербальной

коммуникацией на речеведческих занятиях и индивидуальных беседах.

В языке РП важно применение синонимов к понятию портфолио. Это пакет, досье, кейс, ранец, чемодан, чемоданчик, портфель, сумка, сумочка, дипломат, документ, альбом, папка и пр., что можно использовать для разнообразия и во избежание тавтологии. Мы в своей работе чаще прибегаем к использованию термина «документ» как синоним РП.

Методы описания языка РП должны быть использованы в зависимости от целей и задач, которые непосредственно ставятся перед студентом. Это прежде всего анализ, синтез, сравнение, сопоставление, наблюдение, различные виды опросов и др. Все это должно быть нацелено на выработку необходимых учебных компетенций.

Отметим, что язык любого портфолио в образовательных учреждениях Дагестана (Республики Дагестан) должен быть оформлен на литературном языке. При этом приоритетным является, на наш взгляд, деловой язык, в котором важное место должно занимать официально-деловое письмо. В то же время в вузе акцент должен быть сделан на применении научной и учебной терминологии. В качестве языка высшего образования обычно должен выступать тот литературный язык, на котором в регионе осуществляется живая коммуникация.

Русскоязычные аутентичные тексты как элементы практики являются в настоящее время востребованными вариантами риторического дискурса, в котором представлены все ресурсы русского языка, а также все средства, используемые в дагестанском поликультурном социуме. Важен при этом вопрос о соблюдении норм литературного языка. Актуально использование самого портфолио в мужском или среднем роде. Часто понятие «портфолио» некоторыми учеными дается как существительное м.р., хотя по правилам русского литературного языка несклоняемые иноязычные неодушевленные имена существительные принято относить к среднему роду. При этом тематика оформления языка и стилистических особенностей текста РП должна отражать современное состояние языкового или речевого дискурса.

Частью РП должны стать подробное описание лекционного или семинарского (практического) занятия, востребованные источники по изучаемой дисциплине, а также динамика усвоения курса с указанием результативных успехов, неудачных выступлений и отрицательных оценок. РП – это в первую очередь оценочная папка. Все материалы на языке образования или на языке предмета должны быть оценены по 100-бальной шкале.

Неважно, каким образом осуществляется работа над портфолио – в электронном или в бумажном варианте. В обоих

случаях используется конкретный язык, через графику передающий все результаты деятельности студента. При этом мы не видим, каково содержание невербального языка молодого человека, если он не пользуется специальными знаками типа смайликов, фотографиями или другими иллюстрациями. Обращение к рисункам не всегда подчеркивает, что такой метод подачи языка РП продуктивен. Многое зависит от уместности и новизны прилагаемых к тексту материалов в документе, который может иметь порой юридическую силу, что связано с коллегиальными решениями высшего образовательного учреждения в отношении содержания таблицы рейтинговых показателей: оформление портфолио может быть включено в данную таблицу с определенным количеством зарабатываемых баллов с учетом объема и содержания документа.

Заслуживают внимания и те предлагаемые нами минимумы, которые должны быть отражены в РП. Возможно, следует давать в нем двуязычный словарный минимум (к примеру, англицизмы и их перевод, дагестанские регионализмы и их толкование и пр.). Особняком стоит терминологический минимум по риторике. Независимо от того, какой язык мы используем в РП, в рассматриваемом документе должна преобладать интернациональная риторическая терминология, поскольку само ораторское искусство является универсальной, интегративной, педагогической, методико-филологической научной дисциплиной, которой могут пользоваться как студенты-гуманитарии, так и будущие специалисты по естественным наукам.

В языке современного портфолио обязательно использование тех интернациональных слов, которые применяются повсеместно в связи с распространением пандемии *kovid-19* и среди которых имеются и лексемы русского происхождения. Эти слова стали универсальными в различных этнокультурах. Поэтому применение такой терминологии допустимо в языке РП по любому предмету в поликультурном вузе, ср.: *прививка, вакцина, вакцинация, ревакцинация, дистанционка, удаленка, локдаун, пандемия, коронавирус, маска, перчатки, KR-код, штамм, карантин, самоизоляция, вирус, дневник самонаблюдений, сертификат, спутник* и др. Важно приобрести необходимые знания о ковиде и о его вариантах и уметь их использовать в языке РП в качестве образительных и выразительных средств.

Если же в вербальном общении дагестанской многонациональной аудитории важно русское ударение (особенно при омонимии), которое отличается от местной акцентологии прежде всего тем, что ударение в дагестанских языках обычно падает на последний слог основы, а в русском языке ударным может быть любой слог, то и в РП должен быть включен

акцентологический минимум по русскому языку. В письменных текстах в начале заполнения РП рекомендуем расставлять ударения над словами, в которых допускаются ошибки, ср.: *звонят, углубит, повторяют, квартал, алфавит, каталог, визави, жалюзи, факсимиле, валовой, грушевый, названный (брат), завидно, вчистую, задолго* и др. Со временем такая наглядность приведет к усвоению и закреплению указанного минимума. Если же языком РП является французский язык, то применение ударения на письме, на наш взгляд, не уместно, ибо во французском языке ударение всегда падает на последний слог в слове.

Описываемое РП в Дагестане можно осуществлять минимум на 14 государственных языках, функционирующих в республике: на агульском, аварском, азербайджанском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском, ногайском, русском, рутульском, табасаранском, татском, цахурском, чеченском. Помимо этого, такой документ в регионе может быть оформлен на английском, арабском, персидском, турецком, китайском, немецком, французском, испанском, итальянском и на других языках, на которых ведется преподавание. Применение того или иного языка и его средств непосредственно зависит от изучаемого курса и получаемой профессии.

Подчеркиваем, что не везде и не во всех вузах можно прибегать к оформлению рассматриваемого документа на одном из дагестанских литературных языков. Так, например, даже на лингвистических факультетах невозможно подготовить папку на татском языке, учитывая то обстоятельство, что специально в высшей школе Дагестана не изучается указанный язык и количество говорящих на этом языке в последние годы в связи с миграцией сокращается. И портфолио на татском языке выглядит как экзотика, что, естественно, приводит к тому, что и в средней школе желающих изучать данный язык становится все меньше и меньше.

Татский язык не является единственным, на котором в республике мало говорящих. Такова же картина и в отношении агульского, рутульского и цахурского языков, изучаемых прежде всего в сельской местности Южного Дагестана, где компактно проживают малочисленные носители указанных трех языков.

Не лучше ситуация и с носителями других дагестанских государственных языков, которые изучают родные языки как в сельской местности, так и в республиканских городах. Поскольку пока нет специальных исследований о национальных риториках на дагестанских языках, естественно, оформление на занятиях по ораторскому искусству РП происходит прежде всего на русском языке, ибо данный мировой язык имеет богатейшую историю

изучения и исследования отечественного и зарубежного красноречия.

Конечно, можно было перевести весь материал на родной язык (на один из дагестанских языков), но такая работа не даст необходимого эффекта, ибо фактически отсутствуют устные образцы речей для подражания. Что касается письменных примеров, то таких предостаточно хотя бы среди художественной литературы.

Естественно, превалирующее положение среди указанных иностранных языков занимает английский язык, что объясняется значимостью, популярностью и распространенностью реализации данного международного языка в мировом масштабе. Как отмечено выше, не случайно опубликовано большое количество работ об учебном портфолио по английскому языку. В Дагестане востребован и арабский язык, на котором, очевидно, могут оформлять РП востоковеды и те политические личности и общественные деятели, религиозные лидеры и будущие теологи, которые посвящают себя изучению и служению исламской религии.

По содержанию учебного документа можно нарисовать языковой или речевой портрет самого хозяина портфолио – образ современного дагестанского студента. При этом в языковом портфолио, естественно, рассматривается лингвистический аспект портфеля. Это документ, в котором прежде всего отражаются материалы по языковедческой дисциплине.

Мы считаем, что языковой портфель филолога должен быть богаче риторическими средствами изобразительности и выразительности по сравнению с документом студента по естественному направлению, а интегрированное языковое портфолио должно быть востребованным в свете постоянных изменений в образовательной системе. При этом существенным является качество РП, а не количественное изобилие материалов в нем.

В языке РП должны быть в наличии все основные качества культуры речи (богатство, чистота, выразительность, понятность, правильность и др.), т.е. все риторические свойства, ибо культура речи в советской филологии фактически заменила ораторское искусство или риторiku (Аннушкин 2014: 14). На наш взгляд, системно должны быть освещены те лингвистические средства РП, которые активизируют учебный процесс в полилингвальной аудитории. К этим средствам мы относим все аспекты, связанные с культурой русской речи, различные пословицы и поговорки не только на местных языках, фразеологизмы, стихотворные произведения и пр.

Важно применение англицизмов и афоризмов из других языков в РП на русском языке. Так, например, если документ

оформлен для лингвистики, то можно использовать специальный лингвистический язык с символами. Если в РП же используется видео или аудио в качестве приложения, то применяемый язык сопровождают и невербальные средства, которые передаются как через жестикуляцию, так и эмоциями и интонационно.

В РП интерес представляют афоризмы на латинском языке типа *Errare humanum est* «Ошибаться свойственно человечеству», *Per aspera ad astra* «Сквозь тернии к звездам», *Nota bene* «Заметь хорошо», мн.ч.: *Notate bene* «Заметьте хорошо»; произносится как «но́ та бэ́ нэ́», сокращенно N.B., NB и др. При этом обязательной является рубрика, в которой представлены переведенные на современные языки высказывания великих ораторов античности: софистов, Сократа, Платона, Аристотеля, Демосфена и др. Немаловажное значение для дагестанцев имеют притчи о пророках и афоризмы религиозных деятелей, а также суждения известных личностей республики, в речах которых подчеркивается ментальность местной многоязычной культуры. Поучительны наглядные образцы текстов на языке оформления РП. Так, в дагестанском вузе рекомендуем применение художественных русскоязычных текстов и переводов на русский язык произведений известных дагестанских и восточных мастеров слова.

Достаточно много лингвистических средств и таких выражений используется на занятиях по литературе. Поэтому отражение такого аспекта при описании языка РП востребовано в современных условиях полиязычия. Целесообразна при этом методика уместной подачи примеров на языке оригинала, что следует приветствовать в поликультурном социуме.

Межкультурный компонент должен быть отражен и на страницах бумажного или электронного портфолио. Естественно, на первое место выносится коммуникативный аспект. При этом язык цифрового контента РП должен легко переводиться на язык образования в вузе.

Мы являемся свидетелями билингвального обучения магистрантов, которые могут разрабатывать специфическое РП. Очевидно, такой портфель с документами можно оформлять минимум на двух языках. К примеру, в магистратуре по психологии, в которой преподавание частично ведется на двух языках, ряд профессиональных дисциплин изучается на английском языке, а большинство курсов читается на русском языке. Разумеется, в такой ситуации возможно использование двуязычного (русско-английского) РП.

Каким же должен быть язык портфолио, если мы в Дагестане изучаем иностранный язык как специальность? По всей вероятности, основной материал должен быть оформлен на языке

образования, а примеры следует давать на изучаемом иностранном языке с комментариями на русском языке.

Использование языка РП мы рассматриваем как новую технологию. Не случайно в одной из последних публикаций обращали внимание на РП как на учебную технологию: *«Такая технология актуальна в кросс-культурном взаимодействии. В ней результативны и эффективны те контрольно-измерительные материалы, в которых дана информация о дружбе народов, происхождении и родстве языков, международных контактах, географии, истории и др. Учебные тексты должны вырабатывать не только способы усвоения знаний, умений и навыков, но и должны воспитывать в молодом человеке прежде всего патриотизм и толерантное отношение к иной культуре. В результате такой работы действительно будут сформированы наиважнейшие компетенции»* (Ваджибов 2021б: 65). Вероятно, так же можно выразиться и по отношению к рассматриваемому в настоящей публикации учебному риторическому документу.

Язык РП должен способствовать развитию лингвистической компетенции. К примеру, в специальной литературе читаем: *«Цель применения портфолио в процессе обучения иностранному языку заключается в лингвистическом развитии и самообразовании учащегося, в формировании языковой компетенции»* (Васильева, Потапова, Таратура: 2019: 48). Это важно особенно для будущих педагогов, которые выбрали профессию филолога, специалиста русского, английского, родного (аварского, лакского, даргинского и пр.) и других языков и литератур. Впрочем, лингвистическая компетенция должна быть выработана у любого гуманитария.

При общении на русском языке в поликультурной аудитории иногда опытные педагоги прибегают к родным языкам или же к дагестанизмам в целях обучения и воспитания учащихся, что может быть представлено и в РП. Так, например, носитель табасаранского языка в своем РП может предлагать такие пословицы, как *Аьхниз лигну ликар гьачIакк* – буквально «Вытяни ноги, смотря, какая постель»; *Нирихъна рукъайиз шаламар мишдиган* «Не добравшись до реки, не снимай обувь», *Саб дугъри гаф агъзур кучIалтIан ужуб шул* «Одно честное слово лучше тысячи лживых» и др. Носитель лезгинского языка сможет прибегать к таким пословицам, как *Бахт кIанзаватIа, инсанар кIан хъухъ* «Если хочешь счастья, то люби людей», *Вичин тIеквенда къифни аслан я* «В своей норке и мышь является львом», *Жегъилвилин къадир къуъзуь хъайила чир жеда* «Цену молодости узнаешь тогда, когда состаришься» и др. К родным языкам в РП можно обращаться и тогда, когда необходимо толкование значения слова, если оно проникло в русский язык из какого-нибудь восточного языка,

например, из тюркских или арабского. Эффективно применение арабизмов в дагестанской поликультурной аудитории, учитывая то обстоятельство, что мусульманская терминология используется и в местной русской речевой культуре, ср.: *иншалла* «если Аллах даст», *салам алейкум* «мир твоему дому», *садакья* «милостыня» и др.

В литературе для обучающихся на уровне среднего общего образования читаем: «*В языковое портфолио могут быть включены результаты интеллектуальной и научно-исследовательской деятельности обучающихся в работе со словарями, в том числе этимологическими и сравнительно-историческими, демонстрирующими способы появления в русском языке большого пласта лексики. Форма фиксации подобных результатов в языковом портфолио может быть различной: как отражение результатов участия в конференциях, олимпиадах и неделях русского языка, так и сами результаты исследовательской или частично-поисковой деятельности: проекты, презентации, доклады, статьи, стенгазеты и др.*» (Кулакова 2020: 73-74). Аналогично следует поступать и при описании языка РП для студентов дагестанского вуза в условиях полиязычия.

Таким образом, новая технология «Язык риторического портфолио дагестанского студента» должна появиться как следствие многолетней работы в поликультурном вузе, как системный поиск новых приемов и методов улучшения качества преподавания риторики и речеведческих дисциплин, как результативный опыт обучения филологическим курсам как студентов-гуманитариев, так и будущих специалистов по естественным направлениям. Современные образовательные тенденции таковы, что скоро будут разработаны специальные цифровые риторические инновационные технологии: в них большое значение может иметь язык РП, методика подачи которого, на наш взгляд, ждет своего часа.

Литература

Аннушкин В.И. Культура речи и риторика в составе речеведческих дисциплин и современной речевой практике // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 1. – С. 14-24.

Болотина Н.И. Профессиональный языковой портфолио как инновационная технология обучения профессиональной иноязычной коммуникации (на примере французского языка) // Глобальный научный потенциал. – 2020. – № 3 (108). – С. 34-36.

Ваджибов М.Д. О риторическом портфолио дагестанского студента // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. – Т. 5. – № 11. – С. 20-24.

Ваджибов М.Д. Риторическое портфолио для дагестанского бакалавра, будущего преподавателя права // Филология: научные исследования. – 2021а. – № 9. – С. 32-43.

Ваджибов М.Д. Риторическое портфолио как дидактический маршрут дагестанского студента // Язык как зеркало культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: ФГОУ ВО «Кубанский аграрный университет имени И.Т. Трубилина», 2021б. – С. 59-66.

Васильева А.А., Потапова, И.Н., Таратура, И.В. Языковое портфолио в процессе обучения иностранному языку // АПК: инновационные технологии. – 2019. – № 4. – С. 48-53.

Кулакова А.Н. Языковой и речевой портфолио как показатель сформированности ключевых компетенций обучающихся на уровне среднего общего образования // Гуманитарный научный журнал. – 2020. – № 2. – С. 72-75.

Новикова И.Ю. Активизация самостоятельной познавательной деятельности: языковой портфолио // Сборник статей XV Международной научно-практической конференции: в 4 частях. – 2017 – С. 31-33.

Поддубская О.Н., Суворова, А.А. Методика применения технологии «Языковое портфолио» как средства формирования межкультурной компетенции при обучении профессионально ориентированному английскому языку // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2019. – № 3. – С. 20-25.

THE LANGUAGE OF THE RHETORICAL PORTFOLIO OF A DAGESTAN STUDENT

M.D. Vadjibov

Abstract. This work presents a new, still not studied in detail, topical, in our opinion, topic in philology and pedagogy – the language of a student's rhetorical portfolio (RP) in the context of Dagestan multilingualism. The linguistic means that activate the educational process in a multilingual classroom are highlighted. The issue of observance of the literary norm of the language in which the RP is filled in is considered. You are described in detail the linguistic verbal and non-verbal elements that a Dagestan bachelor or master's degree student resorts to when drawing up a document, sometimes having legal force. At the same time, the specificity of the use of the main state language in the Republic of Poland, which acts as an official and international language, is emphasized. This function in Dagestan is performed by the modern Russian language. It is noted that the use of a particular language and its means directly depends on the course being studied and the profession received. At least 14 state languages functioning on the territory of the subject can be used as the language of the Republic of Poland in the republic. In addition, the RP can be issued in English, Arabic, Persian, Turkish, Chinese, German, French, Italian and in other languages in which the teaching is conducted. Naturally, the prevailing position among these foreign languages is occupied by English, which is explained by the importance, popularity and prevalence of the implementation of this international language on a global scale. Regardless of what language we use in RP, the document under consideration should be dominated by international rhetorical terminology, since oratory itself is a universal scientific discipline that can be used by both humanities and natural scientists.

Keywords: language; rhetorical portfolio; document; Dagestan student; multilingualism.

ОБРАЩЕНИЕ К СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ДИАПАЗОНУ ОБРАЗНОГО РУССКОГО СЛОВА В СЛОВАРНОЙ РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ-ИНОСТРАНЦАМИ

Н.О. Евсюкова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Evsyukova.natalya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения и понимания словообразовательных процессов иностранными студентами. Проблема состоит в том, что словарный запас у иностранной аудитории недостаточно богат и требует расширения. В статье даны определения понятиям «образ», «образность», «образный компонент», «словообразование», «морфема», рассмотрено дифференциация образного словообразования по классификации И. А. Стернина, названы имена других отечественных учёных, занимающихся изучением данной проблемы. В качестве примера образности слова в статье названы наиболее яркие наглядные образы, которые легче всего запоминаются иностранными студентами. В работе сделан акцент на морфологическом способе словообразования, поскольку именно этот способ при образовании новых слов способствует обогащению русского языка не только лексикой, обозначающей новые понятия, но и развитию оценочности слов и понятий. Автором предложены задания, позволяющие иностранным студентам осмыслить особенности образование отдельных слов и способствующие введению в активный лексикон.

Ключевые слова: морфема, словообразование, образ, образность, образное слово, образный компонент, приставочный способ, суффиксальный способ, приставочно-суффиксальный способ словообразования.

Преподавание русского языка иностранным студентам связано с расширением и обогащением словарного запаса иностранных студентов. Несмотря на значение словообразования в плане обогащения лексикона учащихся, методика преподавания морфемике и словообразования недостаточно разработана в аспекте РКИ. Данное утверждение обуславливает актуальность темы нашей статьи.

Проблема изучения и понимания учащимися и студентами словообразовательных процессов существует давно, поскольку словообразование является одним из наиболее сложных разделов при изучении русского языка, тем более – при изучении его иностранными учащимися. Ознакомление студентов-иностранцев со словообразовательными процессами, с продуктивными словообразовательными моделями русского языка является задачей сложной, требующей особых решений.

Под словообразованием понимается «раздел языкознания, в котором изучается формально-смысловая производность слов языка, средства и способы словообразования» (Литневская 2006: 51). Главной целью изучения словообразования в методике РКИ является развитие у студентов понимания, как образуется то или

иное новое слово. Мы убедились: если вести обучение поэтапно, словарный запас иностранных студентов будет постоянно расширяться, пополняться новыми словами; когда появятся знания о том, как образуются слова и умение их образовывать, появится уверенность в речевой коммуникации.

В лингвистике понятие «образ» связано с образностью переносных значений, имеющих вторичную, деривационную природу. Многие учёные, методисты и педагоги внесли свой вклад в решение данной лингвометодической проблемы. Среди работ выделяются оригинальные пособия В.Г. Костомарова и Е. М. Верещагина, имеющие теоретико-практическое значение (Костомаров, Верещагин 1990). Также отметим, что в отечественном языкознании А.А. Потебня первым заговорил о лексической образности, утверждая, что образ может выражаться и в отдельных лексических единицах, а не только содержаться в целом высказывании: слово способно передать целостное образное представление даже вне контекста (Потебня 1976: 35). Позже в работах по исследованию семантики В.В. Виноградов представляет образность как более высокий способ отражения реальности, рассматривает образность как самостоятельную лексикологическую категорию (Виноградов 1999: 15). В новых толковых словарях даётся следующее определение термина: «Образ – наглядное изображение какого-либо явления через другое, более конкретное; сравнение, уподобление» (Ефремова, 2000: 515), т.е. под образным компонентом лексического значения слова понимают закреплённый за словом чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета. И.А.Стернин отмечает, что чувственно-наглядный компонент является неотъемлемой частью значения слова. Образный компонент значения слова подвергается влиянию не только индивидуальных представлений человека, но и понятий, входящих в денотативный компонент соответствующих знаков. Данный компонент с одной стороны является общим, с другой – он индивидуален в представлениях разных людей (Стернин 1979: 31).

Дифференцируем образное словообразование на группы в соответствии с классификацией И.А. Стернина:

а) по типу образа – зрительные (образы-картинки, образы-схемы), слуховые, осязательные, вкусовые, осязательные, обонятельные, образы объекта, образы ситуации, статические образы, динамические образы;

б) по типу объективации образа – эмоционально-оценочные образы, образы без эмоционально-оценочной составляющей, обобщённые образы, детализированные образы (Стернин 1979: 31).

Вышеуказанное деление показывает, насколько неоднозначным может быть представление того или иного слова каждым человеком, особенно если он не носитель языка. В качестве

примера назовем наиболее яркие наглядные образы, поскольку наглядное легче запоминается иностранными студентами. К таким образам относятся следующие категории слов: связанные с названиями предметов быта, времени суток, астрономических тел, времён года, месяцев, транспортных средств, наименований частей тела человека и животных, названий лиц по родственным отношениям, наименований растений, приборов и аппаратов, печатных изданий, частей ландшафта. Максимально яркие образы были выявлены для таких единиц как *луна, солнце, автобус, стол, уголь, зуб, бабушка, парта, мать, трава, телефон, кровь, ключ, книга, лес, ночь, магазин, дождь, голубь, яблоко, журнал, собака, чай, улица, очки, газета*.

Русский язык богат образами, русское слово вариативно, оно имеет широчайший диапазон. Но выше речь шла о первообразных словах. Производные слова сложнее в этом отношении: *дождь* легко представить, но увидеть разницу между паронимами *дождливый* и *дождевой* гораздо сложнее.

Словообразование даёт возможность передать нюансы и тонкости смыслов каждого слова. Поэтому студентов-иностранцев необходимо учить видеть и понимать **строение слова**, объяснять способ словообразования, чтобы самим научиться образовывать новые слова.

В своей работе мы уделяем особое внимание морфологическому способу словообразования. Указанный способ при образовании новых слов даёт возможность обогатить русский язык не только лексикой, которая обозначает новые понятия (*рука – ручной*), но и оценкой понятий, для чего служат слова с суффиксами оценки (*утка – уточка, утушка*, в данном случае применение уменьшительно-ласкательных суффиксов).

Морфемы в русском языке являются признаком его богатства и источником особой выразительности. Русский язык обладает огромным потенциалом прироста лексики благодаря возможностям образования слов с помощью префиксов и суффиксов – важнейших словообразовательных морфем. Под морфемой понимают «минимальную значимую единицу языка, которая служит средством формообразования и словообразовательной деривации» (Николина 2013: 114).

Важно начинать изучение словообразования с иностранными слушателями с тех моделей, которые содержат формальное единообразие при чёткости словообразовательного значения, поскольку на начальных этапах (уровень элементарного владения языком) формирование базовых знаний не должно опираться на исключения. Студентов необходимо ознакомить с основными, наиболее часто встречаемыми способами словообразования:

- *Приставочный способ (префиксальный)* является способом образования слова путём присоединения приставки к целому слову.

- *Суффиксальный способ* является способом образования слова путём присоединения суффикса к основе слова.

- *Приставочно-суффиксальный способ (префиксально-суффиксальный)* является способом образования слова путём присоединения приставки и суффикса к основе слова.

Приставочный (префиксальный) способ словообразования активно используют при образовании глаголов и знаменательных частей речи. При этом внутри части речи сама категория не изменяется. Однако с помощью приставки изменяется значение слова, в каких-то случаях кардинально – на противоположное: приставка *в-* (*писать* – ***вписать***), приставка *при-* (*вкус* – ***привкус***), приставка *со-* (*владелец* – ***совладелец***), приставка *от-* (*резать* – ***отрезать***) и т.д.

Суффиксальный способ словообразования включает в себя несколько видов суффиксов, которые подразделяются на формообразующие (словоизменяющие), словообразовательные, суффиксы разных частей речи, включающие в себя множество «семантических» суффиксов. Уменьшительно-ласкательные суффиксы являются со-значимой частью слова, придают особый оттенок исходному значению, служат как средством иронии, так и средством насмешки. Такие суффиксы помогают создать характер литературного персонажа и др. Например, суффикс *-еньк* (*синий* – ***синенький***), суффикс *-ичк* (*сестра* – ***сестричка***). Словообразовательные суффиксы используются для образования существительных от однокоренных слов разных частей речи, например, суффикс *-отн* (*стучать* – ***стукотня***), суффикс *-ев* (*варить* – ***варево***) и др. Увеличительно-неодобрительные суффиксы, например, суффикс *-онк* (*старушка* – ***старушонка***), суффикс *-ищ* (*дом* – ***домище***), суффикс *-енн* (*толстый* – ***толстенный***). Суффиксы субъективной оценки участвуют в образовании имён существительных, качественных прилагательных, а также наречий с особой эмоционально-экспрессивной окраской. Такие суффиксы выражают отношение говорящего к предмету, качеству, признаку. Они могут придавать словам различные оттенки: унижения, презрения, пренебрежения: суффикс *-яга* (***работяга, трудяга***), суффикс *-уха* (***воструха***), суффикс *-ушка* (***простушка***). Пренебрежительные суффиксы встречаются реже, но всё равно имеют своё значение в речи. При помощи таких суффиксов образуются новые существительные, обозначающие эти же предметы, но с другим оттенком, например, суффикс *-ишко* (*город* – ***городишко***); суффикс *-ишка* (*человек* – ***человечишка***).

Приставочно-суффиксальный способ участвует в образовании существительных, прилагательных, некоторых глаголов, наречий. Например, образование существительных: *колени* – **наколенник**, *одеяло* – **пододеяльник**; образование прилагательных: *окно* – **законный**, *бровь* – **надбровный** *листва* – **безлиственный**; образование глаголов: *водный* – **наводнить**, *милый* – **умилить**, *земля* – **заземлить**; образование наречий: *низ* – **внизу**, *век* – **навеки**.

На занятиях с иностранными студентами при изучении данного раздела словообразования необходимо использовать не только учебники и словари, но нужно уметь целенаправленно отбирать оригинальный дидактический материал, включающий связные тексты, задания, для творческой продуктивной деятельности. Для изучения образных средств словообразования мы предлагаем следующие упражнения:

Упражнение 1. При помощи суффикса *-чик* образуйте имена существительные от данных глаголов: *грузить*, *переводить*, *рассказать*, *разносить*, *советовать*.

Ответьте на вопрос: какое значение имеет суффикс *-чик*?

Подобные упражнения направлены на расширение словарного запаса иностранных студентов и оттачивают навыки образования новых слов.

Упражнение 2. Составьте цепочку слов при помощи приставок.

Бежать – ... (*побежать*, *забежать*, *набежать*, *перебежать*, *пдбежать*); *думать* – ... (*задумать*, *подумать*, *додумать*, *передумать*, *надумать*, *продумать*); *лететь* – ... (*полететь*, *налететь*, *залететь*, *перелететь*, *подлететь*).

Представление цепочки слов с разными приставками поможет создать систему в обогащении словарного запаса студентов.

Упражнение 3. Сгруппируйте слова по следующим признакам: слова с приставкой, слова с суффиксом, слова с приставкой и с суффиксом, непроизводные (без аффиксов).

Забежать, *улететь*, *переехать*, *прилуниться*, *подлететь*, *девочка*, *белка*, *астроном*, *пришкольный*, *бабушка*, *берет*, *безграничный*, *наверху*, *ватрушка*, *кегля*, *теремок*, *завязка*, *космос*, *телефон*, *подъезд*, *матрёшка*, *поехать*, *закрыть*.

Думается, данное упражнение имеет повышенный уровень сложности для иностранцев, поэтому такое можно предложить студентам продвинутого уровня.

В целом, у нас есть основания сделать вывод, что предложенные задания, в которых последовательно представлены разные способы образования слов, являются весьма результативными. Обобщая изложенное, отметим, что раздел «Словообразование» студентам-иностранцам даётся тяжело, однако

изучение именно этого раздела способствует существенному расширению лексического запаса обучающихся, так как у них выработается навык понимания значения слов через семантику составляющих его морфем.

Литература

Виноградов В. В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. – М., 1999. – 1138 с.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 862 с.

Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1990. – 246 с.

Литневская Е.И. Русский язык. Краткий теоретический курс для школьников. – М.: МГУ, 2006. – 240 с.

Николина Н.А. Рацибурская Л.В. Современный русский язык. Морфемика: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2013. – 144 с.

Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 220 с.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 122 с.

APPEAL TO THE DERIVATIONAL RANGE OF THE IMAGINATIVE RUSSIAN WORD DURING LEXICAL WORK WITH FOREIGN STUDENTS

N.O. Evsyukova

Abstract. The article is devoted to the problem of studying and understanding word-formation processes by foreign students. The problem is that the vocabulary of the foreign audience is not rich enough and requires expansion. The article defines the concepts of “image”, “imagery”, “figurative component”, “word formation”, “morpheme”. It considers the differentiation of figurative word formation according to the classification of I. A. Sternin. Names of other domestic scientists are involved in the study of this problem. As an example of the imagery of the word, the most vivid visual images that are most easily remembered by foreign students are named. The paper focuses on the morphological method of word formation, since it is the method that contributes to the enrichment of the Russian language not only with vocabulary denoting new concepts, but also to the development of evaluative words and concepts. The author offers tasks that allow foreign students to comprehend the features of the formation of individual words and contribute to the introduction into the active lexicon.

Key words: morpheme, word formation, image, figurativeness, figurative word, figurative component, prefix method, suffix method, prefix-suffix method of word formation.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ И СИМВОЛЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ШКОЛЕ

Т.Ф. Новикова

Россия, г. Белгород, Белгородский национальный
исследовательский университет

tnovikova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье подняты лингводидактические проблемы, связанные с анализом и интерпретацией этнокультурных реалий, слов-символов русской культуры и прецедентных языковых образов в школьной практике – на уроке и во внеурочной проектной и исследовательской деятельности, названы исследования методистов по заявленной тематике. Автор статьи ставит целью обозначить методические проблемы и показать практику лингвокультурологического анализа этнокультурной лексики и слов с национально-культурным компонентом (на примере слов *Дом*, *Родник*) на уроках словесности и в процессе анализа художественного текста, приводит пример ученической проектной работы по установлению функций языкового образа Дома в творчестве современного поэта.

Ключевые слова: лингводидактика, этнокультурные реалии, слово-символ, лингвокультурологический анализ, урок словесности, проект.

Языковая картина мира складывается в сознании ребенка в процессе развития его речи, обогащения лексикона, осознания иерархичности и полифункциональности языка и, как итог, формирования мировоззренческих и ценностных ориентиров личности. Культурологический подход, реализуемый в настоящее время в образовании, актуализирует внимание к вопросам формирования личности средствами родного языка, нацеливает на развитие способностей и умений учащихся синтезировать знания по разным предметам, производить анализ текста, отдельной языковой единицы с учетом культурно-исторического фона, умение интерпретировать языковые знаки и образы. Становлению языковой картины мира ученика в особой степени способствует практика анализа и объяснения этнокультурных реалий и символов, представленных в виде отдельных языковых, текстовых и культурных знаков, лингвокультурем, фольклорных и литературных образов.

Видение художественного потенциала языкового знака, преодоление трудностей и противоречий, связанных с интерпретацией образа, является одной из важнейших задач не только лингвистики, но и современной лингводидактики. Однако следует отметить крайне редкое обращение специалистов к методическим вопросам анализа языковых знаков и образов. Одной из причин здесь выступает то, что основы подобных исследований лежат в смежных с лингвистикой областях: концептологии, аксеологии, социолингвистике, психолингвистике и др.

Целью статьи становится обращение к лингводидактическим проблемам интерпретации языкового образа в процессе освоения языка на разных этапах обучения, анализу современных методик, актуализирующих этнокультурную специфику языковых знаков и образов в процессе подготовки исследовательских и проектных работ в школе.

Опыт преподавания русского языка в лингвокультурологическом ключе позволяет нам предложить как традиционные, так и инновационные культуросообразные методы формирования у учащихся умений анализировать и интерпретировать языковые знаки и образы на уроке и в самостоятельной исследовательской работе.

В числе традиционных можно назвать методы, к которым относят работу со словарями и лексикографическими электронными ресурсами, систематизация и комментирование тематической лексики, агнонимов и периферийной лексики в процессе чтения художественных и учебных текстов, сочинения и оригинальные творческие работы, проектную деятельность, исследовательские проекты по слову/группе слов и другие виды работы, позволяющие перевести известные школьникам наглядные образы в знаковые, в словесные, увидеть их этнокультурную специфику.

Речевые образы, репрезентированные в национальном лексиконе, в художественных текстах, – наглядный материал для понимания специфики национальной культуры. Этнокультуроведческая лексика относится к словам с национально-культурным компонентом, включенным в программы предмета «Русский язык». «Слово-звезда» – дал определение таким словам М.М. Пришвин: «В каждой душе слово живет, светится как звезда на небе...». Для русской этнокультуры это такие слова-символы, как *береза, липа, рябина, река, собор (храм), свеча, изба, ворота, красный угол* и мн. др. Их систематизация и представление в виде тематических групп – актуальная задача современной лингводидактики.

Белгородскими методистами Т.В. Яковлевой и В.В. Дёмичевой в свое время была предпринята попытка представить перечень этнокультуроведческой лексики для начальной школы в виде нескольких тематических групп, а именно:

1. Названия архитектурных сооружений и их частей (*кремль, терем, хоромы, палата, светлица, изба*).
2. Наименования крестьянской утвари (*печь, сундук, икона*).
3. Названия транспортных средств и средств передвижения (*тройка, сани, упряжка*).
4. Наименования продуктов питания и традиционных русских блюд (*сбитень, расстегай, щи, водка, чай, блины*).

5. Названия сословий и чинов (*боярин, стрелец, казак, князь, стольник*).
6. Названия музыкальных инструментов (*гусли, балалайка*).
7. Названия музыкальных форм, исполнителей и танцев (*частушка, запевала, хоровод, песенник*).
8. Жанры устного народного творчества (*загадка, сказка, пословица, поговорка*).
9. Слова из фольклора (*витязь, травушка-муравушка, красна девица, младешенька*).
10. Формы речевого этикета (*батя, матушка, Бог в помощь*).
11. Праздники и связанные с ними обычаи и обряды (*Рождество, Крещение, Масленица, Прощеное воскресенье*).
12. Параметрическая лексика (*вершок, пядь, сажень, аршин, верста, фунт, пуд, золотник*).
13. Названия символов (*береза, Красная площадь*) (Яковлева, Демичева, 2004: 2–3).

Разумеется, здесь представлен далеко не полный перечень слов этнокультурной тематики, и словарный перечень дает только ориентир в исследовании этнокультурных реалий и языковых этнокультурных образов.

Есть в русской литературе и культуре мотивы и образы, за которыми стоят не просто конкретные понятия и реалии, но предельно расширенные, обрастающие множеством смыслов. Примером такого слова-образа, слова-символа, слова с мощным этнокультурным содержанием является *Дом*.

Дом в русской культуре – это не только жилище, место обитания, но и быт и стиль жизни, устоявшийся уклад и порядок, традиции, семейные ценности, вкусы, культура семьи. Дом – родовое гнездо, символ и история рода. Слово-символ и универсальный концепт «Дом» является ключом к пониманию любой культуры, поскольку передает специфику образа жизни мышления народа. За словом «дом» стоит множественность образов и представлений, система ценностей и метафор.

Начальный этап «расшифровки» образа – обращение к словарям. Обратимся к словарной трактовке концепта «Дом»: в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля *дом* рассматривается в двух базисных смыслах, репрезентирующих материальное и духовное его содержание: 1) это построение для житья, ведения хозяйства и 2) семья, хозяева с домочадцами (Даль, эл. ресурс). Для русского сознания *дом* является не только строением, сколько олицетворением обстановки, духа, памяти, *дом* символизирует людей, которые в нем обитают, взаимоотношения между ними, *дом* – это домашний храм, талисман, щит для проживающих в нем: «Мой дом – моя крепость» (См. Иванова 1998).

Другой распространенный традиционный прием – подбор синонимов и составление синонимических рядов к слову-образу. Синонимы, бесспорно, разнообразят речь, делают ее богатой и точной: в разных ситуациях общения можно выбрать наиболее уместное, подходящее слово. Лексема *дом* в плане синонимической работы отличается особым богатством. Дом – это и *жилище, квартира, угол, гнездо, крыша, палаты, постройка* (на сайте «АВСSynonim.ru» также еще предлагаются: *династия, фамилия, семейство, семья, очаг, пенаты, обитель* и др.).

Но формирование языковой картины мира и образа слова рождается не столько в результате работы по созданию максимально полного синонимического ряда, сколько в результате обнаружения и вербализации «значенческих» (термин Л.С. Выготского), смысловых и культурно-фонových различий между словами-синонимами. Конкретизация слова *дом* во фразеологизмах, в свободных и связанных сочетаниях способствует метафоризации и созданию образа, причем в сочетаниях терминологического характера (*Дом культуры*) эта образность проявляется слабо, а в оригинальных сочетаниях, какими, например, являются названия известных произведений («Дом у дороги» А. Твардовского, «Дом на набережной» Ю. Трифонова) образ Дома приобретает черты символа времени, становится российской культуремой.

Исследовательские работы, связанные с анализом текстовой метаморфозы слов-образов, востребованы в филологическом образовании. Например: безусловно, не случайно «Тихий Дон» М.А. Шолохов начинает с фразы: «*Мелеховский двор – на самом краю хутора*»; и финальная сцена посвящена возвращению главного героя в родной дом, в котором он видит единственное спасение. «*Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было всё, что осталось у него в жизни, что пока еще родило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром...*». Дом «на краю хутора» в начале произведения, дом – «*то, что роднит с миром*» в финале – эта оппозиция создает уникальный образ Дома в шолоховской эпопее и предполагает углубленную работу с текстом.

В художественном тексте слово становится изобразительно-выразительным средством, отражает оценочные потенциал слова. Писатель Ф.Абрамов свой объемный роман, завершающий тетралогия, так и назвал – «Дом», и рассказал в нем об упадке русской деревни. Дом здесь – и русская деревня с ее взаимопомощью и духом коллективизма, и старый русский мир, и Россия... В художественной картине мира многих русских писателей: В. Распутина, Ф. Абрамова, Ю. Трифонова, А. Солженицына, Л. Улицкой и др. – Дом получает расширительное

значение за счет дополнительных когнитивных признаков и образной составляющей, вследствие чего расширяется периферийная интерпретационная зона образного слова. Анализ лексикографических источников и художественных текстов даст исследователю свидетельства о формировании нового значения слова с образным потенциалом, примером которого мы взяли слово *Дом*.

Продуктивны для исследования пространства подобных слов проектные технологии, востребованные на современном этапе развития образования. Чтобы продолжить открытую выше линию Дома, приведем пример проекта, подготовленного ученицей Майской гимназии Белгородской области Елизаветой Дугановой (под руководством учителя В.В. Ульянцевой) «Образ *Дома* в лирике белгородского поэта Владимира Молчанова». Целью проекта было доказательство полифункциональности образа *Дома* в стихотворениях поэта. *Рассмотрев* «лики Дома» в творчестве В. Молчанова, начинающий исследователь установил множественность и полифункциональность образа Дома, обнаружив в творчестве поэта:

- Образ *дома* как олицетворение любви, семьи и семейного уюта.
- *Дом* как воспоминание о детстве и юности.
- Образ *дома* как отражение прошлого в настоящем, как память.
- *Дом* как отражение Родины, образ России.
- *Дом* как образ малой родины.
- *Дом* как приют для друзей и знакомых.
- *Дом* – пристанище для скитальца, спасение от душевной боли.
- *Дом* – атмосфера, формируемая родными и дорогими людьми.
- *Дом* как живое существо.
- *Дом* как отражение души человека и самых сокровенных переживаний.
- Образ *дома* как напоминание о любимой и о любви.
- *Дом* как символ жизни.

Одно из стихотворений В. Молчанова позволило автору проекта сделать вывод: дома так же индивидуальны и разнолики, как люди, и стихотворения современного поэта убеждают в этой мысли.

*Есть дома, в которых тесно,
Несмотря на их простор.
Есть дома, в которых свято
Чтут безбожников своих.*

*Есть дома, где так богато,
Несмотря на бедность их.
Есть, где просто всё и честно,
Есть – пытаются где ума.
Но – по-своему! – известно,
Интересны все дома. (В. Молчанов)*

Проектная работа по исследованию образа слова, слова в лингвокультурологическом аспекте может быть организована в логике разработанной нами методики «Урока одного слова», когда собирание и презентация сведений по слову-образу осуществляется поэтапно («постранично»): историко-этимологическая страничка, сведения из словарей и энциклопедий, фольклорная, литературная, искусствоведческая странички, творческая работа (сочинение, эссе, заметка) и др. этапы. «В процессе работы над лингвокультурным проектом «Одно слово» учащиеся и студенты неизбежно приходят к выводу: слово, особенно русское слово, неисчерпаемо, и чем короче, привычнее, «освоеннее» слово, тем оно безграничнее и бездоннее, например, труднее всего было старшеклассникам составить «портрет» таких «простых» и знакомых слов, как Дом, Земля, Любовь, Хлеб... (Новикова 2012:1 3-15). Разработаны и реализованы сценарии проектов по словам-образам русской культуры «Поле», «Родник», «Война», «Радуга» и др.

Близки по целям «Урокам одного слова» уроки словесности по отдельным художественным произведениям малой формы, позволяющие сосредоточиться на ключевом слове микротекста и «вскрыть» глубинные его смыслы. Ранее мы уже представляли в статье «Пространство слова. Формирование этнокультурной компетенции учащихся на уроках словесности» лингвокультурологический анализ небольшого, но емкого стихотворения И.А. Бунина «В лесу, в горе, родник, живой и звонкий...», показывали специфику работы с тематической этнокультурной лексикой стихотворения: *корец, голубец, лубок* ("лубочная иконка"), предлагали концептуальный анализ ключевого слова *родник* (Новикова 2005: 22-26). Анализ стихотворения и языкового образа ключевого слова завершался составлением кластера (интеллект-схемы) «Пространство слова РОДНИК».

Система работы с образами-символами в практике лингвокультурологического анализа на школьных уроках русского языка и литературы дана в коллективной монографии О.Н. Левушкиной и др. авторов «Образы-символы художественного текста. Практика лингвокультурологического анализа» (Левушкина 2009).

В настоящее время дидактический опыт преподавания словесности в культурологическом аспекте обогащается инновационными технологиями и дидактическими ресурсами новых направлений – методической лингвоконцептологии и медиалингвистики. Коллективная монография под научной редакцией Н.Л. Мишатиной «Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития» (2017) этот факт подтверждает массивом практических и прикладных наблюдений и методических разработок. В учебный дискурс вводится понятие «виртуальный Концептуарий Культуры». Учебный концептуарий, организованный по модульному принципу (модули формируются по отдельным концептам и образам-символам), становится «методическим инструментарием моделирования речевой среды в пространстве культуры» (Мишатиная 2017). Структура модуля, по представлениям и опыту педагога-исследователя Н.Л. Мишатиной, выглядит следующим образом:

- 1) разработка материального объекта, своего рода «визитной карточки» концепта (либо лингвокультураны, либо слова-символа);
- 2) выделение основной идеи, основного направления исследования – в виде афоризма, проблемного вопроса, исследовательской задачи;
- 3) моделирование лингвокультурологического портрета слова – имени концепта (символа);
- 4) интерпретации слова-концепта, слова-образа в философском, культурологическом, литературоведческом, искусствоведческом контекстах;
- 5) выполнение групповых и индивидуальных заданий на развитие идей модуля, на перспективу («продолжить», «систематизировать иллюстративный материал» и т.п.);
- 6) методические «подсказки», методическое сопровождение (Мишатиная 2017: 63-64).

В данном издании в работах практиков-методистов представлена конкретика работы с отдельными образами: *Огонь, Очаг, Звезда, Луна и Солнце, Гнездо* – и концептами «*Родина*», «*Народ*», «*Честь*», «*Дух*» и др.

Исследовательская и проектная работа в лингво- и этнокультурном ключе мотивирует учеников на творческое освоение языка, «создание целостного контекста собственных знаний и опыта ведет к примирению понятийного (формирующего линейность и системность с доминированием языка) и клипового (с его внетекстовым уровнем восприятия) мышления детей «цифровой эры» (Мишатиная 2017: 62). И более того: освоение новых дидактических ресурсов, таких как электронные словари и

информационные платформы, презентации в формате Power Point, видеофайлы и трейлеры, креолизованные тексты рекламного типа (соединение вербальной и невербальной информации), форумы и сетевые формы общения, несомненно, даст новый импульс исследованиям этноязыковой картины мира.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка//Словарь Даля-онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.slovardalja.net (дата обращения: 01.09.2021).

Иванова А.А. Мой дом – моя крепость // Русская словесность. – 1998. – № 1. – С. 2-6.

Левушкина О.Н. Образы-символы художественного текста. Практика лингвокультурологического анализа: моногр. / О.Н. Левушкина, С.В. Переверзева, И.А. Григорченко и др. – Ульяновск: УИПКпро, 2009. – 280 с.

Мишатина Н.Л. Методическая лингвоконцептология в пространстве современной русистики // Методическая лингвоконцептология : итоги и перспективы развития : моногр. /Науч. ред. Н.Л. Мишатина. – СПб: ООО «Книжный дом», 2017. – С. 49-67.

Новикова Т.Ф. Урок одного слова: путь от значения к смыслам//Русский язык в школе. – 2012. – №1 – С. 10-15

Новикова Т.Ф. Пространство слова. Формирование этнокультурной компетенции учащихся на уроках словесности//Русский язык в школе. – 2004. – №5. – С. 22-26

Яковлева Т. В., Дёмичева В.В. Программа этнокультуроведческого образования и воспитания учащихся начальной школы средствами русского языка: пособие. Белгород: Политекста, 2004. – 20 с.

ETHNO-CULTURAL REALITIES AND SYMBOLS AS AN OBJECT OF RESEARCH AND PROJECT ACTIVITY AT SCHOOL

T.F. Novikova

Abstract. The article raises linguodidactic problems related to the analysis and interpretation of ethnocultural realities, words-symbols of Russian culture and precedent language images in school practice – in the classroom and in extracurricular project and research activities. The studies of methodologists on the stated subject are named. The author aims to identify methodological problems and show the practice of linguoculturological analysis of ethnocultural vocabulary and words with a national-cultural component (for example, the words House, Wellspring) in literature lessons and in the process of analyzing a literary text, gives an example of student project work to establish the functions of the linguistic image of the House in the work of a modern poet.

Key words: linguodidactics, ethnocultural realities, word-symbol, linguoculturological analysis, literature lesson, project.

ВОЗМОЖНОСТИ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛОВ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ И ВАРИАНТОВ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «ДОМ»)

А.Э. Шаповалова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
shapowalowaaleona@yandex.ru

Аннотация. В данной статье говорится о способах изучения слов с национально-культурным компонентом значения с использованием инновационных технологий. Особое внимание уделяется QR-коду и Learning Apps, приложению, в котором можно создавать интерактивные задания.

Ключевые слова: слова с национально-культурным компонентом значения, инновации, QR-код

В настоящее время инновационные технологии занимают особое место в нашей жизни. Мы уже не можем существовать без телефонов, планшетов, компьютеров, которые являются нашими помощниками во всем. Чтобы разнообразить обучение детей и студентов, мы решили привнести эти новшества в образование. Сейчас лингвистика активно развивает курс, в котором язык анализируется с точки зрения культурного кода нации, а не просто средства коммуникации. Основы данного направления были заложены исследованиями В. Гумбольдта, А. Потебни, В.Н.Телии, В.В.Воробьева, В.А.Масловой, Н.Д.Арутюновой, В.И.Карасика и др. Мысль В. Гумбольдта: «границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения» – не только не утратила актуальности, но получила новое развитие в XXI веке.

В нашей работе язык будет рассматриваться не столько с точки зрения коммуникации, а в большей степени – с точки зрения культурной составляющей. Мы будем опираться на лингвокультурологию – раздел науки о языке, изучающий слово с точки зрения культурного фона. По словам В. В. Воробьева, лингвокультурология – «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания...» (Воробьев 1993: 59). Наше исследование осуществляется в рамках лингвокультурологии, но с дидактических позиций.

Современные образовательные стандарты говорят нам о необходимости культуроориентированного подхода в обучении русскому языку. Но, к сожалению, в методике преподавания русского языка такой подход изучен главным образом в теоретическом плане, а вот практическая составляющая нуждается в

поддержке и развитии новых методик. В связи с необходимостью решения этой задачи лингвисты и методисты должны работать над созданием и апробацией новых методических систем, поиском эффективных методов и средств, на основе которых возможно достижение культурологических целей. Одной из таких целей является расширение лексикона учащихся, и не в последнюю очередь – за счет слов с национально-культурным компонентом значения (далее – НКК).

Таким образом, актуальность нашей работы видится в востребованности подхода к анализу и исследованию русского языка как культурного кода, как хранилища национальных ценностей. Рассмотрение на занятиях лексики с НКК помогает принять и глубинно осознать культуру своего народа, формировать мировоззренческие и ценностные установки современной молодежи, а в образовательном плане работа с такими словами позволяет достигать не только предметных, но и метапредметных результатов, поставленных перед школой во ФГОС, и – шире – решать воспитательные задачи, реализовать духовно-нравственным и ценностным потенциал учебного лексико-фразеологического фонда. Инновационные технологии приходят на помощь в деле формирования культурной памяти молодежи за счет слов с богатым культурным фоном.

Остается острой проблемой классификация слов с НКК. Позиции лингвистов и методистов в этих вопросах не всегда совпадают. В связи с необходимостью решения задач обучения, обратимся к выводам методистов. Т.Ф. Новикова в монографии «Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования» (Новикова 2007) лексические единицы языка, именуемые «словами с национально-культурным компонентом значения», представляем в виде таких тематических групп:

- безэквивалентные слова и устойчивые выражения – лексика, у которой нет точных наименований в других субкодах этого же языка, которые не могут быть переведены на другой язык;
- диалектные слова – язык, который характерен для определенной территории проживания, входящий в литературный язык;
- этнографизмы – понятия, которые свойственны быту и культуре народа;
- наименование явлений и фактов национальной культуры, быта;
- реалии, отображающие территориальную расположенность, локализмы, топонимы (имя собственное, обозначающее название (идентификатор) географического объекта), микропонимы;

- историзмы исторические события – слова или устойчивые выражения, называющие предметы, которые существовали ранее;
- антропонимы – имена людей и их отдельные составляющие;
- мифонизмы, названия и обозначения явлений религиозной культуры, мифологических существ;
- термины родства;
- слова, репрезентирующие концепты русской и мировой культуры;
- фразеологизмы, образные выражения, поговорки и пословицы;
- элементы и формулы русского речевого этикета и др. (Новикова 2007: 68).

По нашему мнению, слово Дом и его русские синонимы и иноязычные аналоги могут быть отнесены к словам, «репрезентирующим концепты русской и мировой культуры» и, значит, к словам с НКК. На основе этого слова покажем некоторые пути культуросообразного изучения лексики с НКК на основе новых технологий.

С раннего детства ребенка знает и употребляет слово *Дом*, начиная со сказок, пословиц и поговорок, загадок; частотно это в его естественной речевой практике: *мой дом, идти домой, работать по дому* и даже – *домашняя работа*.

Обратимся к словарю В.И. Даля и дадим определение данному слову на основе словаря: «Дом – строение для житья; в городе, жилое строенье; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажаями и хозяйством» (Даль 2006: 27).

Короткое слово дом «вытаскивает» в речевой обиход много других слов. Это слово имеет обширный синонимический ряд. Например, в сказках часто можно услышать другие варианты *дома*: *изба, избушка, терем, хата*, поэтому вновь обратимся к словарю и установим значение этих слов. «**Изба** ж. (истопка, истобка, истба, изба), избенка, избеночка, избушка, -щечка, -шенка, -шоночка, избобка, избочка (умалит.), избишка (презрительно), избина, избища (увелич.), крестьянский дом, хата; жилой деревянный дом; жилая горница, комната, чистая (не стряпная) половина; людская или кухня, жильё для прислуги в барском дворе; (стар.) внутренний покой в деревянном дворце царском; (стар.) палата, приказ, присутственное место...» (Даль 2006: 208). Сравнение словарных статей слов *дом* и *изба* даёт представление об общем и различном в синонимичной паре. Подобную сравнительно-сопоставительную работу следует проделать и с другими словами – синонимами, чтобы обнаружить культурный фон каждой из лексем.

«**Хата** – южн. зап. хатка, хаточка; хатина, -нка, хатишка; хатища; изба, домишко, халупа; хата бывает: турлучная или

плетневая, камышовая, мазанка, битая, земляная и лимпачная, бревенчатая, из дикого камня (Даль 2006, 208).

«**Терем** – поднятое, высокое жилое здание или часть его; отдельный терем, теремок: замок боярский, одинокий домик, в виде башни или на подрубе; в сем знач. терем, дворец, барский дом, отель, жилище владельца внутри кремля» (Даль 2006: 200). Конечно, слово *терем* отличается от слов *дом*, *изба*, *хата* не только в смысловыми оттенками, но и усилением семы оценочности: не всякий *дом* назовут *теремом*, поскольку этот вид постройки предполагает роскошь, богатство внутренней и внешней отделки, обычно это дом для богатой семьи. В настоящее время слово *терем* уходит в пассив, употребляется как поэтизм преимущественно в художественном тексте.

С развитием общества появляются новые варианты обозначения слов с общим значением «дом», например, *коттедж*, *вилла*, *особняк*, *усадьба* и др. Обратимся для установления их лексического значения к «Современному толковому словарю русского языка» под ред. Т.Ф. Ефремовой (Ефремова 2006). «**Коттедж** – небольшой частный жилой дом повышенной комфортности, предназначенный для городских жителей, расположенный в пригороде или в сельской местности» (Ефремова 2006, 205). Существует также слово *вилла* – «комфортабельный загородный дом с парком или садом» (Ефремова 2006, 24). Частотно использование в русском языке близкого по значению к *коттеджу* и *вилле* русского по этимологии слова *особняк*. **Особняк** – «благоустроенный просторный дом, занимаемый одной семьей богатого собственника или каким-либо учреждением, организацией» (Ефремова 2006, 302); *усадьба* – «жилой дом на селе, хозяйственные постройки и прилегающие к ним угодья как единое целое» (Ефремова 2006, 307). Эти определения указывают на то, чем отличаются данные постройки от «просто» *дома*: наличием прилегающего участка или особым статусом тех, проживает в нем. Русские слова *особняк* и *усадьба* имеют богатую культурную историю, могут быть проиллюстрированы примерами из русской классики, чего не скажешь о заимствованных *коттедж* и *вилла*: у них более определенное значение и куда более бедный культурный фон. Сравнение культурно-языковой информации слов-синонимов к слову *дом* способствует формированию культурологической компетенции носителей языка.

Углубить знания и степень культурологической компетенции обучающихся может обращение к другим языкам. В украинском чаще используется слово *хата*, в белорусском языке – и *дом*, и *хата*. В английском это слова *home* и *house*, в немецком *Haus*, в польском и словацком языка знакомое *dom* на латинице. На основополагающем латинском это слово звучит как *domum*.

Подобные наблюдения могут стать основой исследовательской или проектной работы. Информацию можно сосредоточить в электронных ресурсах.

Для сравнения слов русского языка с аналогами из других языков и культур можно использовать инновационную технологию QR-кода для быстрого, экономного нахождения слов, их значений и аналогов. Для этого необходимо просто сгенерировать QR-код со словарем. Например, в первый код программируем «Современный толковый словарь русского языка», а во второй словарь с функцией перевода на другой язык. Под первым кодом запрограммирован «Толковый онлайн-словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой, перед вами будет появляться поисковая строка, в которую можно ввести любое слово и найти его в данном словаре. Под вторым кодом можно найти русско-английский словарь.

Рис.1. «Толковый онлайн-словарь русского языка»

Рис.2. «Русско-английский словарь»

Другая программа – Learning through open data – поможет разнообразить урок лексики, провести его в игровой форме: в программе есть база заданий по каждой теме, учитель может создать, включить свое задание, которое будет оптимально подходить к его уроку. Например, чтобы в яркой, занимательной форме познакомить учащихся с заданием по теме «Синонимы», представим его в виде сканворда.

Рис.3. QR-код с заданием по теме «Синонимы»

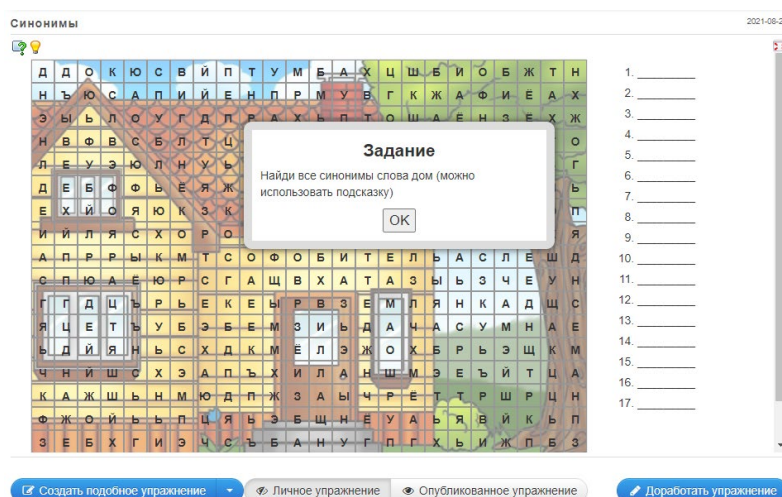

Рис.4. Задание из приложения «Learning apps»

Следующее упражнение поможет проверить знание детьми пословиц. Задача учителя – выбрать пословицы, которые соответствуют теме урока, а ученики должны будут соотнести начало и конец высказывания.

Рис. 5. QR-код с заданием по теме «УНТ»

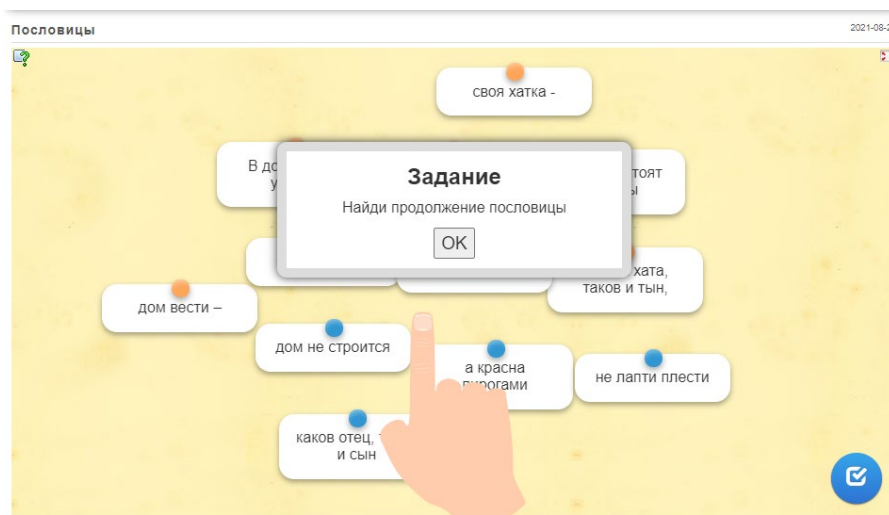

Рис.6. Задание из приложения «Learning apps»

Таким образом, у нас есть все основания сделать вывод, что в настоящий момент существуют инновационные технологии и методики, которые окажут помощь обучающемуся в овладении словами с национально-культурным компонентом значения, в овладении новыми знаниями. Названные и лаконично представленные нами инновационные технологии способствуют не только овладению знаниями, но и повышению интереса к процессу изучения языка, формированию устойчивой мотивации. Помня, что цель образования – формирование личности, быстро ориентирующейся и подстраивающейся под изменения окружающего мира, следует активно использовать новые технологии. Между кажущимся «старым»: устаревшей лексикой, словами с НКК, требующими обращения к словарям и справочникам, – и «новым»: информационными технологиями, электронными ресурсами – нет противоречия, важно «навести» между ними «мосты», найти пути и способы сопряжения.

Литература

Воробьев В. В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах / В.В. Воробьев // Язык и культура: Сб. докл. 2-я междунар. конф. – Киев, 1993. – С. 42-48.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 862с.

Колесникова Т. А., Колокольникова З. У., Лобанова О. Б. Применение инновационных технологий в образовательном процессе современной школы // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2017. – № 6-2. – С. 261-269.

Новикова Т. Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования : моногр. / Т. Ф. Новикова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 296 с.

Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / В. И. Даль – М.: РИПОЛ классик, 2006. / Том 4. Р-Я. – 672 с.

Электронный ресурс: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-r/> (дата обращения: 20.08.2021)

POSSIBILITIES OF SOFTWARE-BASED INTERPRETATION OF WORDS WITH NATIONAL AND CULTURAL COMPONENTS (ON THE EXAMPLE OF IMAGES AND MEANING VARIANTS OF THE WORD “HOUSE”)

A.E. Shapovalova

Abstract. This article talks about ways to study words with a national-cultural component of meaning using innovative technologies. Particular attention is paid to the QR code and Learning Apps, an application in which one can create interactive tasks.

Key words: words with a national-cultural component of meaning, innovations, QR code

Научное издание

**ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЫ:
ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ СИМВОЛЫ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДУХОВНОСТИ**

Сборник научных трудов по итогам
5-й Международной научной конференции,
посвященной 75-летию Заслуженного деятеля науки
Российской Федерации,
доктора филологических наук, профессора
НИКОЛАЯ ФЁДОРОВИЧА АЛЕФИРЕНКО

(г. Белгород, 17-19 сентября 2021 года)

Подписано в печать 22.12.2021. Гарнитура Times New Roman, Georgia.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 18,13. Тираж 100 экз. Заказ № 199.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «Эпицентр»
308010, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис 40